

ОСНОВЫ
ПЛАНОВОЙ
ЭКОНОМИКИ
1926-1929

Том 3 (1)

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

12

ОСНОВЫ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ

1926—1929

Том 3

Часть I

E. CARR
A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

12

FOUNDATIONS OF A PLANNED ECONOMY
1926—1929

Volume Three

Part I

The Macmillan Press Ltd.,
London and Basingstoke
1976

*На правах рукописи
Для служебного пользования*

№ 1

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

12

ОСНОВЫ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ 1926 — 1929

Том 3

Часть I

Перевод с английского

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1989

«ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ» Э. КАРРА

включает в себя 14 книг

(4 работы):

Книга первая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 1

Книга вторая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 2

Книга третья: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 3

Книга четвертая: «Междуцарствие. 1923—1924».

Книга пятая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 1

Книга шестая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 2

Книга седьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3,
часть 1

Книга восьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3,
часть 2

Книга девятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1,
часть 1

Книга десятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1,
часть 2

Книга одиннадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929».
Том 2

Книга двенадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929».
Том 3, часть 1

Книга тринадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929».
Том 3, часть 2

Книга четырнадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929».
Том 3, часть 3

Художник *Ю. Н. Егоров*

Технический редактор *Л. Н. Шупейко*

Корректор *И. Ю. Данилина*

Сдано в набор 25.01.89 г.

Подписано в печать 12.04.89 г.

Формат 60×90/16. Бумага типографская № 1.

Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 18,56. Уч.-изд. л. 23,22. Кр. оттиски 18,56.

Изд. № 24/44514

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»

Государственного комитета СССР по делам издательств,

полиграфии и книжной торговли

119847, Зубовский бульвар, 17

Редактор *Н. С. СЕРЕГИН*

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	7

Часть IV

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

А: Советский Союз и капиталистический мир

<i>Глава 57.</i> Дипломатия, война и мир	13
<i>Глава 58.</i> Отношения с Великобританией	24
<i>Глава 59.</i> Отношения с Германией	37
<i>Глава 60.</i> Отношения с Францией	55
<i>Глава 61.</i> Отношения с Италией	64
<i>Глава 62.</i> Отношения с Восточной Европой	67
<i>Глава 63.</i> СССР и США	75
<i>Глава 64.</i> Отношения с Японией	81
<i>Глава 65.</i> Международная арена	88

Б: Коминтерн и капиталистический мир

<i>Глава 66.</i> Коминтерн и советская внешняя политика . . .	99
<i>Глава 67.</i> Нестабильная стабилизация	108

	<i>Стр.</i>
<i>Глава 68. Нажим слева</i>	121
<i>Глава 69. Профинтерн и профсоюзы</i>	134
<i>Глава 70. VI конгресс Коминтерна</i>	155
<i>Глава 71. Программа Коминтерна</i>	178
<i>Глава 72. Ужесточение новой линии</i>	188
<i>Глава 73. Вспомогательные организации</i>	207
а) Коммунистический Интернационал Молодежи (КИМ)	208
б) Международная рабочая помощь	215
в) Международная красная помощь (МОПР)	219
г) Крестьянский интернационал (Крестинтерн)	223
д) Международный женский секретариат	229
<i>Глава 74. Организация единого фронта</i>	235
а) Лига по борьбе с империализмом	235
б) Друзья Советского Союза	243
в) Антифашистский конгресс	245
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	248

ПРЕДИСЛОВИЕ

Две части первого тома книги «Основы плановой экономики, 1926—1929 годы», написанные профессором Р. У. Дэвисом и мною, были опубликованы в 1969 году, второй том вышел в 1971 году. С тех пор я занимаюсь третьим томом, который посвящен международным отношениям Советского Союза в этот же период времени и которым завершится моя «История Советской России». Я не стану повторять, почему я решил поставить точку именно здесь, об этом говорилось в первом томе «Основ плановой экономики». В любом случае, закончив книгу, я внесу свою лепту и предоставлю другим ученым возможность продолжения этого труда, который, несомненно, примет иные формы.

Третий том, однако, получился значительно объемнее, чем я предполагал, и в настоящее время я могу представить лишь две его части; третья часть выйдет позднее. В связи с этой задержкой я должен дать некоторые объяснения. В конце 20-х годов дипломатические отношения между Советским Союзом и главными капиталистическими державами, за исключением Соединенных Штатов Америки, входили в обычное традиционное русло; лишь в отношениях с Великобританией был двухлетний перерыв. Анализ этих отношений не представлял серьезных проблем ни с точки зрения источников, ни с точки зрения их интерпретации, и его можно было сделать в довольно сжатой форме. Вместе с тем советские отношения с коммунистическими партиями в капиталистических странах — отношения, осуществлявшиеся через посредство Коминтерна, — были сложными и имели важное значение. Глубокий анализ этих отношений не представлялся возможным без тщательного изучения развития самих этих партий, и я оказался в большей степени вовлеченным в рассмотрение истории западноевропейских партий, чем рассчитывал, хотя и помнил, что занимаюсь политикой Коминтерна в отношении этих партий, а не их внутренними делами. Должен заметить, что в данный обзор я не включил несколько партий, фигурировавших в третьем томе книги «Социализм в одной стране, 1924—1926 годы», в том числе чехословацкую партию (судьба которой в чем-то сходна с судьбой немецкой партии), югославскую и болгарскую партии (которые в тот период были настолько разгромлены полицейскими

репрессиями, что не могли осуществлять сколько-нибудь заметную деятельность) и шведскую партию (не имевшую большого значения). Эти опущения дали мне некоторую экономию места.

В предисловии к третьему тому «Социализм в одной стране» я выражал сожаление в связи с отсутствием серьезного труда по истории хотя бы одной из основных коммунистических партий. Этот недостаток теперь восполнен в отношении немецкой и итальянской партий: в отношении первой — Германом Вебером в его книге «История германского коммунизма» (Hermann Weber. Die Wandlung des deutschen Kommunismus. 2 vols., 1969), в отношении второй — П. Сприано в его «Истории Итальянской коммунистической партии» (P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. 3 vols., 1967—1970); обоим этим авторам я в значительной степени обязан. Первая написана некоммунистом, вторая — коммунистом; обе написаны на высоком уровне научности и объективности и базируются на огромном документальном материале. Итальянская коммунистическая партия первой открыла свои архивы для полного и открытого использования историками, не скрывая прошлых ошибок и трудностей. Коммунистическим партиям Франции и Великобритании это еще предстоит.

Необходимо сделать несколько замечаний технического порядка. В предыдущих томах ссылки на собрание сочинений Ленина указывались по второму изданию, то есть по последнему, имевшемуся в то время, когда я в 1950 году начал публикацию моей «Истории Советской России». В настоящем томе я пользуюсь пятым изданием «Полного собрания сочинений» (1958—1965 гг.); в нем есть статьи, которых не было в более ранних изданиях, и его легче достать. Выбор русского или немецкого издания протоколов Коминтерна обычно определялся соображениями практического удобства. Рассматривая первые пять конгрессов Коминтерна, я пользовался немецким изданием; по шестому конгрессу полным является только русское издание, поэтому я пользовался им. На пленумах ИККИ: до седьмого пленума включительно (ноябрь — декабрь 1926 г.) я использовал русские издания; по восьмому пленуму есть только неполные протоколы и только на немецком языке; по девятому пленуму ничего не опубликовано; наконец, я пользовался немецким изданием десятого пленума ИККИ, так как не мог достать русского. Как и прежде, я использовал немецкое издание международного каталога прессы, которое намного полнее английского и французского изданий, за исключением нескольких статей, имеющих только в английском издании. Ссылки в построчных сносках на первый и второй тома относятся к соответствующим томам «Основ плановой экономики, 1926—1929 годы».

Прошло почти пять лет с тех пор, как я написал предисловие к предыдущему тому настоящей серии, и с выходом каждого последующего тома я все больше проникаюсь сознанием того, сколь

многим я обязан друзьям, коллегам и учреждениям, которые оказывали мне помощь. Я надеюсь, мне простят то, что я не повторяю имен моих благодетелей, названных в предисловиях к предыдущим томам, многие из которых оказали мне новые услуги. Я не делаю этого отнюдь не потому, что мне недостает чувства благодарности, но лишь потому, что мне не хватает места. Однако я должен еще раз выразить особую признательность моему родному колледжу за великодушную и щедрую поддержку моего труда, а также работникам библиотеки, приложившим столько усилий, чтобы отыскивать редкие книги и доставать их в других библиотеках. Изучая неопубликованные архивы Британского конгресса тред-юнионов, профессор Дэниел Кэлхаун из Вустерского колледжа в штате Огайо создал весьма информативный труд о совместном Англо-русском комитете профсоюзного единства и предоставил в мое распоряжение один из черновых вариантов своей книги, которая скоро выйдет в издательстве «Кембридж Университи Пресс» под названием «Единый фронт: Конгресс тред-юнионов и русские, 1923—1928 годы» (Daniel Calhoun. United Front: The TUC and the Russians. 1923—1928); тем, что я написал об этом Комитете, я очень обязан его трудам. Мне также хотелось бы выразить благодарность доктору Артуру Лейнингу из Института социальной истории в Амстердаме, который дал мне возможность ознакомиться с неопубликованными материалами о деятельности Лиги по борьбе с империализмом, а также профессору Дж. Д. Джексону из Университета Хофстра (Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк), приславшему мне микрофильм редкого издания — бюллетеня Крестьянского Интернационала. Мемориальная библиотека Маркса любезно позволила мне воспользоваться немногочисленными памфлетами Коммунистической партии Великобритании. Кроме того, я очень обязан за аналогичную великодушную помощь великолепной библиотеке Института Фелтринелли в Милане и ее директору профессору Дель Бо. Редактор газеты «Гардиан» любезно поднял для меня материалы, касающиеся истории о советско-германских сделках в области вооружений, опубликованные в «Манчестер гардиан» 3 декабря 1926 г. (см. примечание 15 к главе 59), однако не смог ни выяснить имя «корреспондента», который их написал, ни обнаружить источник информации.

Самую большую помощь при подготовке этого тома мне оказала Тамара Дойчер, на протяжении трех лет неустанно занимавшаяся поиском, подборкой и классификацией источников. Это потребовало огромных дополнительных изысканий в Британском музее, где условия работы становятся все тяжелее, и в других библиотеках; сам я уже не мог бы этого сделать. Как в содержании, так и в построении каждой главы этого тома есть доля ее труда. В особенности главы, посвященные коммунистическим партиям Великобритании, Франции и Италии, написаны почти целиком на основе ее исследований.

Еще одно крупнейшее событие этого периода, которое по причине как его масштабов, так и влияния, безусловно, требует подробного рассмотрения, — это китайская революция 20-х годов и роль в ней Советского правительства и Коминтерна. Успехи революции в 1925—1927 гг. и ее отступление в 1927—1929 гг. полны драматизма, и до сих пор не существует однозначного решения ее проблем. Глава о Китае займет почти половину пока еще незавершенной третьей части этого тома. В этой части пойдет речь о других «полуколониальных» странах Азии, включая Индию, а также о Латинской Америке, которая в тот период впервые начала привлекать к себе серьезное внимание Москвы, и об отношении Коминтерна к негритянскому вопросу в Соединенных Штатах Америки и Южной Африке. Часть эта в значительной мере уже написана и должна скоро выйти из печати. Она также будет содержать индекс всех трех частей настоящего тома.

Э. Х. Карр

15 мая 1976 г.

Часть IV

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

А: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР

ГЛАВА 57

ДИПЛОМАТИЯ, ВОЙНА И МИР

Период стабилизации и нормализации дипломатических отношений Советского Союза с капиталистическим миром, наступивший после окончания гражданской войны¹, длился пять или шесть лет. Во внутренней политике ему соответствовал период постепенного возрождения советской экономики и расцвета НЭПа. Лозунгом этого периода во внешней политике было «мирное сожительство». Понятие это родилось вместе с новым режимом. В Заявлении Наркоминдела от 9 (22) ноября 1917 г. выражалась надежда на «скорейший мир на основах честного сожительства и сотрудничества народов». Само это выражение впервые, по-видимому, употребил Чичерин в ноте от 18 сентября 1918 г., когда призвал к «соблюдению добрососедских отношений и мирному сожительству с Германией»². Однако до прекращения иностранного вмешательства в гражданскую войну выражение это не могло иметь большого значения. В опубликованном в одной из американских газет в декабре 1919 г. интервью Ленин говорил о предоставлении концессий в обмен на техническую помощь «в течение того периода, когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства»³. В одном из интервью представителям печати Чичерин приветствовал заключение 2 февраля 1920 г. мирного договора с Эстонией, как «опыт мирного сосуществования Советской республики с буржуазными государствами»⁴. В интервью американскому журналисту 18 февраля 1920 г. Ленин (и это, по-видимому, был единственный случай, когда мы достоверно знаем, что он употребил эту фразу полностью) возвращается к более старой традиции и говорит о «мирном сожительстве» не с государствами, но с «народами, с рабочими и крестьянами всех наций, просыпающимися к новой жизни, к жизни без эксплуатации, без помещиков, без капиталистов, без купцов»⁵. Тем не менее для того периода не характерно какое-либо ограничение, которое, возможно, содержится в этой формуле. Принцип мирного сосуществования с капиталистическими странами был уже прочно утвержден в официальных заявлениях. В это же время в переданной по радио ноте японскому правительству Чичерин предложил провести переговоры «с целью гарантировать обоим народам мирное сожительство», а 17 июня

1920 г., обращаясь к ЦИК РСФСР, он повторил: «Наш лозунг был и остается один и тот же: мирное сосуществование с другими правительствами, каковы бы они ни были»⁶. Наконец, в ноябре 1920 г., выступая на Московской губернской конференции РКП (б), Ленин сказал: «...мы отвоевали себе условия, при которых можем существовать рядом с капиталистическими державами, вынужденными теперь вступить в торговые отношения с нами»⁷.

Стремление к миру подкреплялось и оправдывалось необходимостью мирных экономических отношений для продолжения работы по восстановлению и развитию хозяйства страны. Накануне введения НЭПа Ленин говорил, что «нам всего дороже сохранение мира и полная возможность посвятить все силы восстановлению хозяйства»⁸, а в марте 1921 г. в резолюции, озаглавленной «Советская республика в капиталистическом окружении», X съезд партии одобрил «установление нормальных торговых отношений между Советской республикой и другими странами»⁹. Спустя три месяца, на III конгрессе Коминтерна, Бухарин вынужден был защищать эту политику от тех, кто возражал, что такие экономические отношения будут способствовать усилению капиталистического мира, а не способствовать делу революции¹⁰. Тем не менее в первые месяцы 1922 г., когда шла подготовка к Генуэзской конференции, идея мирного сосуществования (хотя выражение это не употребляется) все чаще появляется в речах и статьях Ленина¹¹, а в марте 1922 г. на XI съезде РКП (б) Троцкий предсказывал «продолжительный период мирного сожительства и делового сотрудничества с буржуазными странами»¹². Затем выражение «мирное сожительство», по-видимому, вышло из моды и в течение нескольких лет слышалось редко. Однако в декабре 1925 г. на XIV партийном съезде Сталин упомянул «текущую полосу «мирного сожительства» между Страной Советов и странами капитализма» и «некоторый период «мирного сожительства» между миром буржуазии и миром пролетариата»¹³.

Вторая половина 1926 г. — период бурного оптимизма в том, что касается внутренних дел Советского Союза¹⁴, — была отмечена ростом беспокойства и тревоги в связи с его международными отношениями. По мнению советских обозревателей, главной целью политики, выработанной в Локарно, было создание антисоветского блока западных держав во главе с Великобританией, в который хотели также втянуть и Германию. В апреле 1926 г. Чичерин считал, что Великобритания ведет «сложную игру с целью изоляции СССР и объединения в той или другой форме против СССР и всех руководящих правительств»¹⁵. Эти страхи подкреплялись тем возмущением, которое вызвала в Великобритании советская поддержка всеобщей забастовки в Англии и национальной революции в Китае, а также тем, что антисоветская кампания, развязанная крайне правым крылом консервативной партии, становилась все более злобной и была явно популярной¹⁶. В каче-

стве главного источника, вызывающего опасения, в один ряд с Великобританией ставили Польшу. Особо отмечалось совпадение во времени между поражением всеобщей забастовки в Англии и «фашистским переворотом Пилсудского»¹⁷; осенью 1926 г. не казалась столь уж невероятной польская интервенция в Литве, которая привела бы к новой войне в Восточной Европе¹⁸. В конце 1926 г. в пространной статье об опасности войны Радек признавал, что «Англия не может просто командовать силами Франции и Германии против СССР», но приходил к заключению, что она может мобилизовать в поддержку своих замыслов непосредственных западных соседей Советского Союза¹⁹.

Эти страхи не носили еще характера навязчивой идеи. В октябре 1926 г. на XV Всесоюзной конференции ВКП (б) Бухарин говорил, что «опасность войны с той поправкой, что это есть в первую очередь опасность войны против Советского Союза, необходимо всемерно подчеркивать»²⁰. Однако в принятой на конференции резолюции отмечалось всего лишь «усложнение борьбы между капиталистическими государствами и нашей страной»²¹. В декабре 1926 г. на VII расширенном пленуме ИККИ Бухарин выступил с нападками на социал-демократию, которая под влиянием пацифистских иллюзий отказалась от «общепризнанных марксистских положений, например знаменитого всеобъемлющего, всем нам известного положения о неизбежности войн в эпоху капитализма». Капиталистические противоречия обострялись, основы капитализма рушились, и он стремился спасти себя «при помощи чрезвычайных, резко заостренных методов эксплуатации»²². Шмерваль предложил более углубленный анализ:

«Первая мировая война, несмотря на вмешательство Америки, в существенных своих чертах была европейской войной. Ближайшая мировая война, если она не станет невозможной благодаря победе социальной революции, будет мировой войной в настоящем смысле этого слова... Такой же процесс, какой совершался в Европе перед первой мировой войной, когда медленно подготовлялось окончательное разложение Австро-Венгрии, начинается теперь на гораздо более высокой ступени и в гораздо большем масштабе: идет разложение английской империи»²³.

В этой связи оптимистическая нота в отношении ближайшего будущего осторожно прозвучала в выступлении Сталина, который стремился защитить «социализм в одной стране». Он привел слова Ленина о конечной неизбежности вооруженного столкновения между Советской республикой и буржуазными государствами. Однако «другой вопрос, могут ли сейчас капиталисты предпринять против Республики Советов серьезную интервенцию». Противодействие такому предпрятию со стороны рабочих в капиталистических странах делает невозможным развязывание такой войны в настоящее время «без опасности подвергнуть капитализм смертельному риску»²⁴. Тем не менее несколько недель

спустя на заседании китайской комиссии VII расширенного пленума ИККИ Сталин высказал мысль, что «ввод войск вовсе не составляет основной особенности интервенции» и что в современный период «интервенция имеет более гибкий характер и более замаскированную форму»²⁵.

Причин и признаков беспокойства становилось все больше и больше. 6 декабря 1926 г. в расширенном интервью представителям печати в Берлине Чичерин привлек внимание журналистов к статье, опубликованной в «Фортнайтли ревью» и подписанной «Авгур» — псевдоним русского эмигранта-журналиста Полякова, о котором было известно, что он связан с Чемберленом. Автор статьи ратовал за единый европейский фронт против Советского Союза под главенством Великобритании²⁶. Выступая в январе 1927 г. на конференции, созванной для создания военного оборонного общества ОСОАВИАХИМ, Ворошилов заявил, что угроза войны уже «охватила массы», и охарактеризовал переворот Пилсудского в Польше и недавний переворот в Литве как дело рук «английских империалистов»²⁷. По-видимому, не одобряя «этот глупый панический страх перед войной», Литвинов в разговоре с британским поверенным в делах тем не менее утверждал, что «Польша в корне враждебна и всячески готовится к агрессии»²⁸. После того как на сессии ЦИК СССР, состоявшейся в феврале 1927 г., 29 депутатов сделали запрос об антисоветской кампании, проводимой в Великобритании «членами английского правительства и консервативными кругами английского общества»²⁹, Литвинов в выступлении 21 февраля 1927 г. осудил враждебность Великобритании по отношению к Советскому Союзу, «которая началась, однако, не со вчерашнего дня»³⁰. Нападение на советскую дипломатическую миссию в Пекине 6 апреля 1927 г., по общему мнению, было инспирировано Великобританией, а несколькими днями позднее Эмбер-Дро, член Секретариата Коминтерна от Коммунистической партии Швейцарии, писал в письме, что «Англия делает все возможное, чтобы спровоцировать войну»³¹.

Весной 1927 г. советские руководители были охвачены чуть ли не паническим страхом, распространившимся на широкие слои населения³². В условиях разгрома английского стачечного движения и все более открытого проявления Великобританией враждебности по отношению к Советскому Союзу, в условиях, когда Германия все больше склонялась к вступлению в Лигу наций и сотрудничеству с западными державами, когда Польша стояла в боевой готовности на советской границе, как аванпост империализма, а китайская революция была раздавлена, — в этих условиях на горизонте не было ни проблеска света. Когда разрыв с Великобританией стал неизбежным, и после нападения на советскую миссию в Пекине Рыков, выступая на IV Всесоюзном съезде Советов, назвал Китай и Советский Союз вместе «центром агрессивного воздействия империалистических сил», а агитацию, которую вела Англия против СССР, расценивал как «подготовку

окружения, психологическую подготовку к интервенции»³³. Резолюция съезда призывала правительство «отразить всякие новые попытки провоцировать Советский Союз на войну с кем бы то ни было и сделать все возможное для предотвращения войны»³⁴.

Тот факт, что Великобритания в мае 1927 г. разорвала отношения с Советским Союзом, дал реальное основание этим смутным страхам перед вооруженным нападением. 1 июня 1927 г. Центральный Комитет партии выпустил воззвание, в котором говорилось, что «английский империализм» готовится «развязать общеевропейскую войну». Русская и китайская революции усилили «углубляющийся кризис капитализма вообще, и в первую очередь английского КАПИТАЛИЗМА». Угрожающие выпады со стороны Великобритании истолковывались следующим образом:

«Мы не знаем и не можем знать, когда враг открыто пойдет на СССР со штыком. Но не подлежит никакому сомнению, что английский империализм все усерднее готовит приближение этих сроков»³⁵.

Убийство Войкова в Варшаве 7 июня 1927 г.³⁶, казалось, было новым шагом на пути к войне, и два дня спустя Ворошилов выступил с предостерегающей речью, вероятно, отражавшей оценку ситуации его военными советниками. Недавние действия, спровоцированные английской буржуазией и завершившиеся убийством Войкова, показали, что «мы вступаем сейчас в такую полосу истории, когда наши классовые враги неизбежно навяжут нам войну», и «относительно спокойная полоса нашего существования, несомненно, позади». Если за разрывом отношений с Великобританией не последовало военного нападения, то это доказало, что, «очевидно, английская буржуазия просчиталась». Интересы отдельных капиталистических стран «слишком противоречивы» для создания единого фронта, а Великобритания недостаточно сильна, чтобы действовать в одиночку. Однако предаваться излишнему оптимизму опасно:

«Лично я считаю, что в этом году война маловероятна, но события развиваются быстро, так что мы не можем предсказывать, что ожидает нас в ближайшем будущем... Военное нападение на нас может быть через два года или через год, но может быть, что, правда, маловероятно, и через несколько месяцев».

Лозунги призывали к бдительности и готовности к самообороне³⁷. Мало кто из серьезных наблюдателей в Москве ожидал объявления войны со стороны Великобритании. Однако опасения поощряемого и поддерживаемого из Лондона вооруженного нападения со стороны Польши, расположенной на западной границе Советского Союза, или организации торговой и финансовой блокады были менее беспочвенны³⁸.

В беседе со Штреземаном, в день убийства Войкова, Чичерин сказал, что он не верит в открытую военную интервенцию со стороны Великобритании, однако опасается, что Пилсудский для удовлетворения своих территориальных притязаний спровоцирует

пограничный инцидент, объявив СССР агрессором, и что Франция придет ему на помощь³⁹. В начале июля 1927 г. Рыков, выступая в Московском Совете, разъяснял, что Великобритания, верная своей традиции, «будет воевать чужими руками»⁴⁰. В конце июля 1927 г. «Правда» опубликовала большую статью Сталина под названием «Заметки на современные темы», первая часть которой была посвящена «угрозе войны», которую он ниже охарактеризовал как «реальную и действительную **угрозу** новой войны вообще, войны против СССР — в особенности». Убийство Войкова было организовано агентами консервативной партии Великобритании и должно было «сыграть... роль убийства в Сараево, втянув СССР в военный конфликт с Польшей». Множатся противоречия между капиталистическими державами, но «растет и число противоречий между империалистическими державами и жертвами империализма»⁴¹.

К моменту появления этой статьи в Центральном Комитете партии только что начался длительный и полный разногласий и споров пленум. ЦК принял пространную резолюцию «О международном положении», в которой искреннее опасение войны сочеталось с политически рассчитанным стремлением подействовать на пацифистские настроения за рубежом и дискредитировать оппозицию внутри страны. Положение характеризовалось «крайне напряженным отношением между империалистической Англией и пролетарским СССР», что вело к «подготовке войны против СССР». В резолюции содержалось полное описание «системы дипломатических и военных союзов против СССР, идущей по линии так называемого «окружения» СССР». Под этим подразумевались союзы и пакты между восточноевропейскими странами, деятельность Великобритании в Прибалтике, Польше, на Дальнем Востоке и в Персии, давление на Германию с целью вовлечения ее в антисоветский блок, нападение на «Аркус» в Лондоне и оказание Англией давления на Францию с тем, чтобы заставить ее разорвать отношения с Советским Союзом. «Грядущая война против СССР» будет со стороны Советского Союза войной в «защиту социалистического отечества»; правильным лозунгом для рабочих в капиталистических странах будет не просто «пораженчество», но «*активная помощь* государству пролетариата»⁴². Оппозиция на этом пленуме очень остро воспринимала любое обвинение в пренебрежении национальными интересами. «За социалистическое отечество? — Да!» — воскликнул Троцкий в заключение своей речи. и в своей декларации от 8 августа 1927 г. оппозиция провозгласила «безусловную верность» делу защиты Советского Союза⁴³. В сентябрьской (1927 г.) платформе оппозиции выражалась точка зрения, что «война империалистов против Советского Союза не только вероятна, но и неизбежна»⁴⁴. Искра эта была раздута Фошем в воинственном интервью, опубликованном на страницах дешевой британской прессы⁴⁵, и Литвинов, который до тех пор придерживался довольно сдержанной линии, отозвался о фран-

цузской кампании, проводимой против Раковского в сентябре 1927 г., как о деле рук «поджигателей войны»⁴⁶. В октябре 1927 г., подводя итоги опыта отношений Советского Союза с капиталистическим миром за прошедшие 10 лет, Калинин приходит к выводу о том, что «консервативные буржуазные элементы принципиально не могут еще до сих пор примириться с самим фактом существования Советского государства»⁴⁷.

Картина западного мира, ошестившегося штыками и готового напасть на Советский Союз, смазывалась время от времени двойственной ролью Соединенных Штатов Америки. В декабре 1925 г. на XIV партийном съезде Сталин признал, что «центр финансового могущества в капиталистическом мире, центр финансовой эксплуатации всего мира из Европы переместился в Америку»⁴⁸. 1 ноября 1926 г. на XV Всесоюзной конференции ВКП(б) он выразился еще определеннее: «Теперь, после империалистической войны, Америка забежала далеко вперед, оставив позади как Англию, так и другие европейские державы. Едва ли можно сомневаться, что это обстоятельство чревато новыми большими конфликтами и войнами»⁴⁹. Месяц спустя VII расширенный пленум ИККИ пришел к такому же заключению: «Характернейшим фактом современной обстановки является перенесение хозяйственных центров, а следовательно, и центров политического и военного могущества во внеевропейские страны, в первую очередь в Соединенные Штаты Америки, по отношению к которым европейские государства стали должниками и к которым перешла гегемония на мировом рынке вообще. Если нельзя говорить о превращении хозяйства Европы в составную часть хозяйства Северо-Американских Соединенных Штатов, если излишним увлечением является утверждение о переходе всей Европы на американский паек, то исключительная роль Соединенных Штатов не подлежит никакому сомнению».

Однако далее в резолюции говорится:

«Англо-американское соперничество в сильной степени определяет перегруппировку империалистических держав. Попытка Англии с помощью пакта в Локарно вновь отвоевать свои позиции на континенте сведена на нет Америкой»⁵⁰.

Дни, когда шел спор вокруг опрометчивого предсказания Троцкого о неминуемом в ближайшем будущем столкновении между Соединенными Штатами и Великобританией⁵¹, остались в прошлом. Однако драматические эпизоды, подобные срыву в начале августа 1927 г. морской конференции в Женеве между Великобританией, Соединенными Штатами и Японией, поддерживали представление об англо-американском соперничестве как главном и наиболее опасном противоречии внутри капиталистического мира. Сам Троцкий в письме от 28 февраля 1928 г. писал, что в то время как предсказание англо-американской войны было «сверхупрощенчеством», соперничество между этими странами приведет

к «множеству острых конфликтов»⁵². В программе Коминтерна, принятой на его VI конгрессе летом 1928 г., также заявлялось, что конфликт между Великобританией и Соединенными Штатами «становится осью мировых конфликтов между государствами финансового капитала»⁵³. Насколько упорной была вера коммунистов в укоренившуюся взаимную враждебность между Великобританией и Соединенными Штатами, видно из доклада Центрального Комитета КПВ в январе 1929 г., где осуждалась «ура-пропаганда» «капиталистической и капиталистически-лейбористской прессы», которая «неизменно использует американскую национальную политику в Никарагуа, расстрелы американских рабочих во время забастовок и т. п. для того, чтобы подогрывать антиамериканские настроения». Эта пропаганда сравнивалась с антигерманской пропагандой в период, предшествовавший 1914 г.⁵⁴. Спустя несколько месяцев Белл все еще считал, что «самый активный очаг военной опасности — это соперничество между Англией и Америкой», а склонный к более глубокому анализу Ротштейн, хотя и признавал, что «британский империализм не готовится к войне с США так грубо и явно, как к войне против Советского Союза», утверждал тем не менее, что британская пресса занимается разжиганием «морального возмущения» Соединенными Штатами, подобно тому, как она это делала в отношении Германии перед 1914 г.⁵⁵.

С точки зрения Москвы, это было, однако, не единственное противоречие внутри капиталистического мира. Тех, кто делал политику в Советском Союзе, продолжали занимать противоречия между державами-победительницами и побежденными странами в Европе, противоречия между Францией и Италией, между Соединенными Штатами и Японией. Перечисляя эти и другие противоречия, VII пленум ИККИ, состоявшийся в ноябре 1926 г., отмечал *, что «повсюду на земном шаре происходит накопление горючего материала, готового вспыхнуть при первой брошенной искре»⁵⁶. На VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. Бухарин обнаружил «пеструю смену взаимоотношений между государствами» и «постоянную перегруппировку сил». Однако через весь этот процесс «красной нитью проходит основная тенденция — группировка сил против СССР»⁵⁷. В одной из резолюций конгресса допускалось, что, хотя «главный фронт политики всех империалистических держав» был направлен против Советского Союза и китайской революции, не исключается возможность «столкновения между двумя империалистическими группами государств в борьбе за мировую гегемонию», как это произошло в первую мировую войну 1914—1918 гг.⁵⁸. Однако такое стечение обстоятельств, которое не вписывалось в привычную картину капиталистического мира, объединившегося против Советского Сою-

* Это было отмечено на VIII пленуме ИККИ в мае 1927 г. — *Прим. ред.*

за, и частично нарушало эту картину, давало возможность маневрирования между враждебными друг другу государствами или группами государств и ставило такую задачу, что было непременной и веками освященной составной частью внешней политики любой страны в мире государств более сильных, чем оно само. Начиная с Брест-Литовска, Ленин всегда ясно сознавал, что «режим» обязан своим выживанием злейшей вражде, существовавшей между двумя группами империалистических держав. В одной из своих последних работ он писал, что хотелось бы знать, есть ли надежда на то, что «конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз»⁵⁹. Но такое представление о дипломатическом маневре трудно вписывалось как в рамки марксистской теории, так и в политику и практику Коминтерна⁶⁰.

Десятая годовщина СССР праздновалась в ноябре 1927 г. с большой помпой и торжественностью, в опьяняющей атмосфере международного признания и поздравлений себя с успехами, достигнутыми внутри страны. Начиная с конца 1927 г. советских руководителей стали беспокоить внутренние проблемы, временно отеснившие на второй план вопросы внешней политики. Время несколько притупило страх перед нависшей угрозой войны, к нему привыкли, хотя не случалось ничего, что поколебало бы веру в воинствующую природу империализма. Первую часть своего отчетного доклада на XV съезде партии Сталин посвятил неустойчивости и непрочности международной обстановки: «Усиление интервенционистских тенденций в лагере империалистов и угроза войны (в отношении СССР) есть один из основных факторов нынешнего положения».

И в заключение Сталин сказал фразу, которая, судя по протоколам, не употреблялась со времени состоявшегося двумя годами ранее XIV партийного съезда, а именно: **«Период «мирного сожительства» отходит в прошлое»**⁶¹. Даже если и нельзя было предсказать время и обстоятельства, при которых вспыхнет война, опасность войны существовала постоянно. Попытки Коминтерна и Профинтерна мобилизовать рабочих капиталистических стран против политики правительств их стран и пробудить национальную борьбу народов колониальных и полуколониальных государств против империалистических хозяев сопровождалась все более крикливыми предсказаниями о неизбежности войны, заложенной в воинствующей природе капитализма. Начиная с 1928 г. кампания против угрозы войны, отвечающая новой линии Коминтерна, при которой социал-демократы бескомпромиссно осуждались как «социал-фашисты», до такой степени превратилась в стереотипную составную часть пропаганды Коминтерна, что зарубежные коммунисты, на кого она в первую очередь была направлена, потеряли к ней всякое доверие, и она не возбуждала в них ничего, кроме скептицизма⁶².

Однако наряду с постоянным повторением высказываний об угрозе империалистической войны советская дипломатия настаивала на мирных целях советской политики. Это также соответствовало марксистской доктрине, провозглашенной в «Первом воззвании Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне»: «...в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд*»⁶³.

Первым публичным заявлением нового советского режима был Декрет о мире. После того как наиболее опасный период гражданской войны остался позади и 2 февраля 1920 г. был заключен мир с Эстонией, Ленин заявил, что «мы представляем мирные интересы по отношению к большинству населения земли против военно-империалистических хищников», а через несколько недель он сказал американскому журналисту, что, когда власть «эксплуаторов и виновников войны» будет свергнута, «войны будут тогда очень скоро абсолютно невозможны»⁶⁴.

Выступая в июне 1920 г. по вопросам внешней политики перед ЦИК РСФСР, Чичерин заявил: «Наше орудие есть наша политика мира»⁶⁵. Мир как неизменная цель советской политики был постоянной темой официальных заявлений. Давая инструкции советским делегатам, отправлявшимся на Генуэзскую конференцию в 1922 г., Ленин предупреждал их о том, что необходимо проводить миролюбивую линию и избегать таких «страшных слов», как «неизбежность новых мировых войн»⁶⁶.

Тема эта была особенно уместной в моменты международной напряженности и была в 1927 г. возрождена в расчете на то, что она отвечает миролюбивым наклонностям западных либералов и радикалов и будет им импонировать.

На IV Всесоюзном съезде Советов, состоявшемся в апреле 1927 г., было провозглашено, что Советский Союз является «единственным в мире государством, ведущим прямую и открытую политику последовательного миролюбия, отвечающего интересам всего человечества»⁶⁷. Предложение полного и всеобщего разоружения, внесенное Литвиновым на Женевской конференции в ноябре 1927 г., казалось, было мощным подтверждением этого заявления⁶⁸. На XV партийном съезде в декабре 1927 г. Сталин насмешливо заявил, что инициатива Литвинова «повергла в паралич Лигу наций», и снова провозгласил **«политику мира и сохранения мирных отношений с капиталистическими странами»**. В резолюции съезда говорилось о «дальнейшем проведении неуклонной политики мира, которая есть не что иное, как политика борьбы с опасностью империалистических войн»⁶⁹. В то же время Чичерин хвалил «нашу систему пактов о ненападении, устанавливающих в общей форме нейтралитет», и противопоставлял ее союзам между капиталистическими государствами, «которые под видом обороны

скрывают агрессивные замыслы». А. Штейн, высокопоставленный работник Наркоминдела, называл политику двусторонних пактов о ненападении **«мирным наступлением»**⁷⁰. В течение некоторого времени Советское правительство продолжало отдавать предпочтение двусторонним пактам и резко осуждало многосторонние пакты, заключаемые группами стран⁷¹. Это, однако, было вопросом тактики, а не принципа. По мере того как в Москве начали понимать потенциальные возможности Женевы как международного форума, растаяло предубеждение против многосторонних договоров, и тогда Советское правительство не только решило присоединиться к Парижскому пакту, но и предприняло шаги к тому, чтобы распространить его на свои отношения со странами Восточной Европы⁷². Это произвело своего рода сенсацию.

Поскольку мирные заявления Советского правительства происходили из твердой решимости избегать военных столкновений и осложнений, к которым Красная Армия была не готова, они были совершенно искренними. В тот период советские вооруженные силы в единственном случае проявили какое-то намерение приступить к боевым действиям. Имеются в виду события в Маньчжурии осенью 1929 г., но и здесь боевые действия были предприняты лишь против недисциплинированных китайских новобранцев в условиях, при которых нельзя было ожидать противодействия со стороны основных сил⁷³. В течение всего этого периода советская внешняя политика оставалась мирной и носила оборонительный характер. Советский Союз был не единственной страной, где заверения в мирных намерениях — да и реальная политика — сочетались с решительными заявлениями о необходимости национальной обороны. Чем Советский Союз отличался от других стран (хотя, возможно, различие было скорее количественным, нежели качественным), так это тем, что в нем существовал отработанный и широко разрекламированный институт, настойчиво проводивший подрывную пропаганду против потенциальных противников в капиталистическом мире. Страх и гнев, вызванные этой пропагандой в капиталистических странах, вначале искренние, однако впоследствии — подобно советскому страху перед империалистической агрессией — грубо раздутые в политических целях, оказались более тревожным фактором в процессе советских отношений с внешним миром, чем сама эта пропаганда. С течением времени различия эти стерлись, и цели и политика Советского Союза несколько более сблизились с политикой и целями капиталистического мира.

ОТНОШЕНИЯ С ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ

Последствия британской всеобщей забастовки в мае 1926 г. и продолжавшейся забастовки шахтеров сказались на англо-советских отношениях не сразу. Через три дня после начала забастовки британский поверенный в делах в Москве Ходжсон, который не знал о надвигающейся буре, обратился в свое министерство иностранных дел с очередной просьбой «так или иначе урегулировать отношения с Россией» и предлагал как можно скорее начать переговоры¹. Вначале обмен мнениями на дипломатическом уровне по поводу советской помощи бастующим носил размеренный и формальный характер, едва ли отражавший вызванное ею всеобщее возбуждение. Лишь 26 мая 1926 г., спустя две недели после окончания всеобщей забастовки, Ходжсон выразил Наркоминделу протест против задержки с погрузкой двух британских кораблей в батумском порту. Ему ответили, что портовые рабочие объявили забастовку солидарности с британскими рабочими, но что тем не менее корабли смогут покинуть порт 29-го и 30-го мая². Однако к этому времени стало ясно, что суть дела заключается в финансовой помощи, оказанной забастовщикам советскими профсоюзами. 5 июня 1926 г. Ходжсон в «весьма умеренных» тонах говорил с Чичериным и, по всей видимости, не оспаривал права советских профсоюзов оказывать помощь бастующим³. Но вскоре тон изменился. В заявлениях Центрального Совета советских профсоюзов и Коминтерна содержались резкие нападки на Генеральный совет тред-юнионов за прекращение стачки и было во всеуслышание объявлено с поддержке героической борьбы шахтеров⁴. Что же касается британской стороны, то министерство внутренних дел, Джойнсон-Хикс, Черчилль и Биркенхед проводили устную кампанию с требованием принятия ответных мер против Советского правительства. 10 июня 1926 г. Джойнсон-Хикс неосторожно заявил в палате общин, что забастовщиками была получена «денежная сумма от Советского правительства»⁵. Спустя два дня советский поверенный в делах выразил протест по поводу неточности этого заявления и объяснил, что Советское правительство не может вмешиваться в право советских профсоюзов распоряжаться своими фондами⁶. В тот же самый день британский поверенный в делах в Москве, назвав всеобщую забастовку «не-

законным и неконституционным актом», более благоразумно ограничился протестом против того, что Советское правительство дало «разрешение на перевод фондов»⁷. Однако это не способствовало тому, чтобы тон взаимных обвинений стал более умеренным. Газету «Правда» задела намек на советское вмешательство во внутренние дела Великобритании, и она открыла кампанию против британского вмешательства, завершившуюся опубликованием передовой статьи «Руки прочь от советских профсоюзов!». В Москве прошли демонстрации рабочих против дипломатического вмешательства Великобритании во внутренние дела Советского Союза⁸.

Министерство иностранных дел Великобритании, так же как и Наркоминдел, явно стремилось в этот период избежать конфронтации. В секретном меморандуме оно приводило убедительные доводы против предложений денонсировать торговое соглашение с Советским Союзом и выслать из страны советских торговых представителей⁹. Даже король в письме к Джойнсон-Хиксу от 14 июня 1926 г. признавался, что он «немного обеспокоен нашими протестами, выражаемыми Советскому Союзу по поводу денег, поступивших из России в помощь семьям багствующих шахтеров»¹⁰. Однако это Джойнсон-Хикса не смутило, и он, воспользовавшись моментом, опубликовал 22 июня 1926 г. «Белую книгу», содержащую документы, конфискованные во время налета на штаб-квартиру КПВ в октябре 1925 г.¹¹. В своем выступлении в палате общин 25 июня 1926 г. Чемберлен выразил сильнейшее негодование по поводу советского вмешательства, но при этом отказался от разрыва отношений¹²; он уже вел арьергардный бой против твердолобых в своей партии. Советское правительство ответило пространным заявлением, в котором подтверждало свою точку зрения, подчеркивало свои мирные намерения и осуждало в особенности нападки министра финансов Черчилля, «главнейшего инспиратора английской интервенции в 1918—1919 гг.», как «находящиеся в самом резком противоречии с элементарной корректностью в отношениях между государствами»¹³. Председатель ВСНХ Дзержинский дал интервью, в котором заявил, что выступления Черчилля и Биркенхеда были «явно направлены» на то, чтобы разорвать торговые отношения между двумя странами¹⁴.

На данный момент англо-советские отношения пережили удар, и возбуждение улеглось. Советская дипломатия снова начала настойчиво доказывать взаимную выгоду от торговли между Великобританией и СССР¹⁵. Тяжело больной Красин, 28 сентября 1926 г. с опозданием прибывший в Лондон, чтобы занять свой пост, отдал этой теме последние оставшиеся ему несколько недель жизни. В продолжительном интервью представителям прессы он говорил о миролюбивой политике Советской власти, но главным образом остановился на ее экономической и финансовой стабильности, которая открывала возможности для взаимовыгодной торговли¹⁶. В результате долгого и бесплодного разговора с Чемберленом 11 октября 1926 г. он «пришел к заключению, что ключ

к решению ситуации лежит сейчас, по-видимому, не в форин-оффисе, а в Сити»¹⁷. 15 октября 1926 г. он посетил управляющего «Английским банком» Монтегю Нормана, который принял его со своей обычной любезностью, согласился с ним в том, что полное возрождение европейской и мировой экономики невозможно без участия Советского Союза, однако займа не предложил. Не принеся результатов и визит, нанесенный на следующий день бывшему министру финансов, директору «Мидленд бэнк» Маккену¹⁸.

Со смертью Красина 24 ноября 1926 г. исчезли все надежды на улучшение отношений. Осознание того, какой удар престижу и торговле Великобритании был нанесен всеобщей стачкой, раздражение, вызванное длительной забастовкой шахтеров, которую так шумно приветствовали советские профсоюзы и советская пресса, приписывание трудностей, испытываемых Великобританией в Китае, советскому подстрекательству — все это сыграло на руку твердолобым консерваторам, неустанно разжигавшим враждебное отношение к Советскому Союзу в общественном мнении страны и требовавшим полного разрыва отношений. В начале 1926 г. на конференции консервативной партии в Скарборо была принята соответствующая резолюция. 15 октября 1926 г. в Альберт-холле состоялась массовая демонстрация под лозунгом «Красных — вон!». Главным оратором на ней был заместитель министра иностранных дел Локкер-Лэмпсон. Демонстрация прошла в атмосфере истерического энтузиазма, со множеством злобных выступлений¹⁹. Черчилль, Джойнсон-Хикс и Биркенхед продолжали свою кампанию, и Чичерин, давая интервью представителям печати в Берлине, выразил беспокойство по поводу воинственной статьи Авгурса²⁰. Подобно «письму Зиновьева», этот инцидент служил оружием в партийно-политической войне. Однако тред-юнионистских лидеров возмущали непрекращающиеся советские обвинения и смущала потенциально компрометирующая связь с Советским Союзом, поэтому сопротивление лейбористов наступлению консерваторов было слабым и неуверенным.

1 декабря 1926 г., выступая в палате общин, Чемберлен сказал, что, «если бы мы посчитали необходимым пойти на разрыв, то это было бы оправданным шагом, исходя из известных в настоящий момент фактов», а неделю спустя Локкер-Лэмпсон, выступая от имени министерства иностранных дел, поставил новый барьер на пути переговоров, выдвинув наряду с другими предварительными условиями ослабления напряженности требование того, чтобы Советское правительство «в принципе признало финансовые обязательства России»²¹. Двумя днями позднее в меморандуме министерства иностранных дел признавалось, что требованиям разрыва отношений «становится почти невозможно противостоять», и тщательно взвешивались все «за» и «против»²². Временный поверенный в делах СССР в Великобритании Розенгольц, посетив 10 декабря 1926 г. министерство иностранных дел, справедливо констатировал «охлаждение и некоторое ухудшение от-

ношений», что он относил на счет «китайских событий, помощи шахтерам, а также поездки Кука в Москву»²³. У противников разрыва явно уходила из-под ног почва.

Чем это завершится, можно было теперь предсказать. Каким образом это произойдет, пока было неясно. Оптимистично настроенный Литвинов полагал, что разрыва можно избежать, и возлагал надежды на умеренные элементы в консервативной партии и в министерстве иностранных дел, которые все еще сопротивлялись твердолобым. В интервью представителям печати 4 февраля 1927 г. он выразил уверенность в том, что «благоразумные элементы английской общественности и английского правительства возьмут верх над сторонниками политики бронированного кулака, которая никогда ничего другого, кроме несчастья, не приносила народам и вообще делу мира»²⁴. А две недели спустя, выступая на заседании ЦИК, он осудил антисоветскую кампанию, которая «не вчера началась» и в которой участвуют ведущие британские министры, и снова говорил о стремлении Советского Союза к нормализации отношений и к обсуждению конфликтов и недоразумений²⁵. Однако это не помогло. В беседе с Розенгольцем 14 февраля 1927 г. Чемберлен отказался от переговоров между двумя странами по существующим разногласиям, как от бесполезных и обреченных на неуспех²⁶. 23 февраля 1927 г. советскому поверенному в делах была вручена резкая нота, представлявшая, по-видимому, значительную уступку твердолобым из британского кабинета министров. В этой ноте состояние англо-советских отношений характеризовалось как «неудовлетворительное», перечислялись дававшиеся Советским правительством в прошлом заверения в том, что сно будет воздерживаться от враждебной пропаганды, и приводились многочисленные недавние высказывания советских руководителей и органов печати, в которых в оскорбительных выражениях говорилось о правительстве Великобритании и самом Чемберлене. Нота заканчивалась серьезным предупреждением, гласящим, что терпение британского правительства не бесконечно и что дальнейшие провокации неизбежно приведут к денонсированию торгового соглашения и разрыву нормальных дипломатических отношений²⁷. В вызывающей ответной ноте, переданной Литвиновым британскому поверенному в делах в Москве 27 февраля 1927 г., в свою очередь приводились встречные цитаты из выступлений Биркенхеда, Черчилля и других министров и в заключение говорилось, что «если нынешнее правительство Великобритании полагает, что прекращение англо-советских торговых и всяких других отношений вызывается потребностями английского народа и послужит на пользу Британской империи и делу всеобщего мира», то оно должно взять на себя полную ответственность за вытекающие отсюда последствия. Угрозами разрыва никого в Советском Союзе не запугать. Советское правительство, со своей стороны, будет «следовать миролюбивой политике»²⁸. Сталин разделял бес-

печное отношение Литвинова. В статье, опубликованной 1 марта 1927 г., он писал, что «войны не будет в этом году не потому, что наши враги не готовы к войне, а потому, что наши враги боятся результатов войны больше, чем кто-либо другой, потому, что рабочие на Западе не хотят воевать с СССР»^{29*}. Однако Чичерин, который в то время по состоянию здоровья находился за границей и стремительно терял контроль над Наркоминделом, где его все больше и больше заменял Литвинов, отнюдь не был так спокоен. 11 марта 1927 г. в письме Сталину и Рыкову он с горькой иронией отмечал, что британская нога «является предостережением не только нам, но и твердокаменным консерваторам, у которых она отобьет охоту (!?) возобновлять кампанию в ближайшее время», и заключал:

«Я протестую против этого наивного и вредного самообольщения. Москва не должна закрывать глаза на то, что английская кампания против нас продолжается, развивается, идет дальше»³⁰.

Обмен дипломатическими нотами завершился продолжительными дебатами в палате общин 3 марта 1927 г. Некоторые либералы и лейбористы в палате призывали к осторожности, и Ллойд-Джордж выступил с критикой поджигательных речей Черчилля и Биркенхеда и серии статей в консервативной прессе³¹. Но о том, чтобы умерить пыл большинства консерваторов, которые явно стремились довести дело до разрыва, почти не говорилось. Наиболее значительным в ходе этих дебатов было выступление Чемберлена, в котором оправдывалась затяжка в принятии каких бы то ни было решений под предлогом, что «разрыв между нами и Советской Россией будет иметь также последствия и для других стран», и сохранилось «право судить как о целесообразности того или иного шага, который может рассматриваться, так и о том, в какой именно момент этот шаг следует предпринять»³².

Несколькими днями позже в Женеве состоялась сессия совета Лиги наций, и в воображении мнительных советских обозревателей возникали кошмарные картины заключения сделок между западными державами при участии Германии с целью изоляции Советского Союза и установления финансовой и экономической блокады³³. Фактически же Чемберлену пришлось защищаться. Германское правительство было глубоко обеспокоено ухудшением англо-советских отношений и возможными последствиями открытого разрыва³⁴. Чемберлен опубликовал коммюнике, в котором он отрицал наличие каких-либо агрессивных намерений в отношении Советского Союза и описывал Штреземану, как он героически сопротивлялся нажиму со стороны тех, кто желает разрыва — разрыва, который теперь тем не менее неизбежен, если только Советский Союз не изменит своего курса³⁵. Бриан сказал

* Цитата несколько искажена. У Сталина говорится так: «Войны не будет в этом году потому, что наши враги не готовы к войне, потому, что наши враги боятся результатов войны больше, чем кто-либо другой, потому, что рабочие на Западе не хотят воевать с СССР...» — *Прим. ред.*

Штреземану, что он «более спокойно относится» к русскому вопросу, чем Чемберлен, и «не видит оснований для принятия крутых мер»³⁶. Германия не собиралась отказываться от существующего баланса своей политики между Востоком и Западом, а Францию не прельщала перспектива разрастания германской мощи за счет ослабления Советского Союза.

Однако провал попытки Великобритании получить поддержку уже не мог остановить маховик, запущенный в Лондоне. Успехи революционных армий в Китае осенью 1926 г. еще больше обострили англо-советские отношения. 14 января 1927 г. чиновник министерства иностранных дел Великобритании жаловался советскому поверенному в делах на «агрессию, направленную против наших интересов... осуществляемую с помощью Бородина и ряда большевиков»³⁷. 6 апреля 1927 г. китайская полиция и солдаты захватили часть помещения советской миссии в Пекине, арестовали ее работников, захватили массу документов³⁸. Такое дерзкое нападение на дипломатическую миссию не могло быть произведено без молчаливого согласия дипломатического корпуса, самым влиятельным членом которого был представитель Великобритании, и подозревали, что за кулисами этого акта пряталась английская рука. Эти подозрения укрепились, когда 12 мая 1927 г. аналогичный полицейский налет по приказу министра внутренних дел Джойнсон-Хикса был совершен на помещение «Аркос», советского акционерного общества в Лондоне, работавшего под непосредственным контролем советской торговой делегации³⁹. В помещении был произведен обыск, членам делегации и сотрудникам было приказано сдать ключи и выйти, было изъято большое количество документов⁴⁰. Улова оказалось достаточно для тех целей, которые преследовались. 24 мая 1927 г. Болдуин проинформировал палату общин о том, что в результате налета установлена связь членов советской торговой делегации с «группой тайных агентов», которые причастны к добыванию секретных документов, касающихся британских вооруженных сил, и обвинил Торговую делегацию и «Аркос» в том, что они занимаются «антибританским шпионажем и пропагандой». На этом основании он объявил о решении аннулировать торговое соглашение и разорвать дипломатические отношения с Советским Союзом⁴¹. В ходе дебатов оппозиция не слишком уверенно предложила отложить принятия мер до полного выяснения дела специальным комитетом. Чемберлену нетрудно было отвести это требование, что он и сделал в выступлении, в котором еще раз подтвердил подлинность «письма Зиновьева», из которого можно было понять, что причиной разрыва отношений служит скорее неудовлетворительная «биография режима», чем какие бы то ни было материалы, обнаруженные во время налета на «Аркос». Решение было принято подавляющим большинством голосов⁴². Всего лишь несколько членов палаты общин возвысили свои голоса в слабом и безрезультатном протесте. 13 мая 1927 г. Британский конгресс тред-юнионов направил Болдуину

письмо с выражением «глубокого удивления и обеспокоенности» в связи с налетом на «Аркус», а позднее опубликовал заявление, где выразил протест против «серьезного шага, предпринятого британским правительством, который выразился в разрыве дипломатических отношений с СССР», и привлек внимание к вероятным политическим и особенно его экономическим последствиям⁴³.

Первый ответ Советского правительства пришел в форме заявления Литвинова для советской печати, опубликованного в «Известиях» 26 мая 1927 г., в котором говорилось, что правительство консерваторов с того самого момента, когда оно пришло к власти с помощью фальшивого «письма Зиновьева», было полно решимости разорвать отношения с Советским Союзом. В заявлении отмечались предъявленные Болдуином обвинения в шпионаже и «факты» и «документы», предъявленные в их поддержку⁴⁴. Полный текст такого же по характеру заявления Розенгольца был в тот же день опубликован в газете «Манчестер гардиан» и в сокращенном виде — в газете «Таймс»; на другой день заявление Розенгольца было перепечатано в «Известиях». 26 мая 1927 г. в официальной ноте английского министерства иностранных дел подтверждался разрыв отношений и высказывалась просьба принять меры к тому, чтобы персонал дипломатической миссии и Торговой делегации покинул Великобританию и чтобы был облегчен выезд британских дипломатов и штата консульства из Советского Союза⁴⁵. В официальном ответе Литвинова, полученном на следующий день, повторялись прежние протесты и отрицания, и в заключение выражалась надежда на то, что придет время, когда «британский народ найдет возможность беспрепятственного осуществления своих стремлений к миру и к установлению нормальных дружеских отношений с народами Советского Союза»⁴⁶. Восьмой пленум ИККИ, который проходил в это время в Москве, заявил протест, составленный в выражениях необычайно резких даже для таких прокламаций⁴⁷. В заявлении ЦК партии разрыв характеризовался как «завершающий собой грязную и преступную игру английской консервативной дипломатии»⁴⁸. Наконец 7 июня 1927 г. Советское правительство разослало всем правительствам, с которыми оно имело дипломатические отношения, меморандум, где описывался трудный и противоречивый ход англо-советских отношений с момента заключения соглашения в марте 1921 г., и вся ответственность за последствия разрыва возлагалась на находившееся в то время у власти правительство Великобритании⁴⁹.

Планируя разрыв, британское правительство — или, во всяком случае, Чемберлен, — рассчитывало на поддержку со стороны Франции и Германии. Грегори, один из высокопоставленных чиновников министерства иностранных дел, возможно, неосмотрительно сказал германскому поверенному в делах, что целью разрыва было «убрать одно из препятствий к миру, эту азиатскую угрозу Локарно»⁵⁰. Старания Великобритании вызвать энтузиазм и обрести последователей в данном случае явно потерпели крах.

24 мая 1927 г. в Париже Бриан заверил Чичерина, что «Франция ничем не связана, имеет свою собственную русскую политику и не присоединится в этом конфликте к Англии»⁵¹. Когда через месяц после разрыва министры иностранных дел снова встретились в Женеве, Бриан сказал Штреземану, что считает этот разрыв «большим промахом английской политики». Чемберлен виновато объяснил, что британское правительство не пытается «вовлечь в эти дела никакую другую страну». Бриан заметил в разговоре со Штреземаном, что Франция слишком занята, чтобы вдаваться в «теоретические споры, идти ли на разрыв с Россией или нет», и воспринял эту ситуацию «весьма спокойно». Штреземан же считал, что крестовый поход против Советского Союза «усилит Россию и лишь ослабит Европу»⁵². Советская сторона отводила Великобритании роль главного злодея. В резолюции VIII пленума ИККИ, принятой в мае 1927 г., Англия характеризовалась как «фактор, наиболее угрожающий делу мира... в данный момент», и как страна, стоящая «во главе мировой реакции»⁵³.

Обвинения в шпионаже, которым якобы занимались советские агенты, вызвали в ответ не менее правдоподобные контробвинения. В ходе доклада Московскому Совету Рыков предъявил документы, среди которых находилось написанное в 1924 г. неосторожное письмо британского консула в Ленинграде, свидетельствующее о том, что британские представители не безгрешны в отношении организации шпионажа⁵⁴. В советской печати впервые появились компрометирующие показания британского шпиона Рэйли, схваченного и казненного в 1925 г.⁵⁵, и в течение лета и осени 1927 г. продолжали публиковаться сообщения о лицах, осужденных и иногда казненных, как английские шпионы⁵⁶. В июле 1927 г. широкое освещение в печати получил процесс над шпионом Дружеловским, обвиненным в осуществлении совместно с другими «белыми» эмигрантами в Берлине шпионажа в пользу польского генерального штаба и приговоренным к расстрелу. Среди предъявленных ему конкретных обвинений было сфабрикование фальшивого инструктивного письма Коммунистической партии Бельгии и продажа документов газетам «Чикаго трибьюн» и «Нью-Йорк таймс»⁵⁷. Насколько можно судить, «письмо Зиновьева» на процессе не фигурировало. Однако по окончании процесса Крыленко, представлявший государственное обвинение, в интервью представителям печати сделал заявление о том, что Дружеловский раскрыл, при каких обстоятельствах это письмо было сфабриковано известными ему русскими эмигрантами⁵⁸.

Главным практическим следствием разрыва было нарушение англо-советской торговли. Накануне разрыва было достигнуто соглашение с «Мидленд бэнк» о предоставлении кредитов на советские закупки в Великобритании на общую сумму 10 млн. фунтов стерлингов; они не были акцептированы⁵⁹. Народный комиссар торговли Микоян заявил, что дела торговой делегации будут

свернуты и никаких новых операций предприниматься не будет⁶⁰. Было принято постановление, согласно которому торговля ограничивалась теми странами, с которыми у Советского Союза существовали «нормальные дипломатические отношения» и «беспрепятственное и нормальное ведение коммерческих операций»⁶¹. Хинчук сделал предупреждение, что советские заказы будут, насколько возможно, переданы другим странам⁶², а Чичерин сказал в Женеве Штреземану, что «на враждебные действия Англии мы ответили и отвечаем прекращением торговли»⁶³. Обеспокоенность английских промышленников выразилась в том, что некоторые из них пытались, по сообщению секретаря Американо-Русской торговой палаты, убедить своих американских коллег не пользоваться преимуществом, которое давал им разрыв, для расширения собственной торговли с Советским Союзом⁶⁴. В сентябре 1927 г. один швейцарский банкир говорил представителю Наркомфина, что никогда еще за последние три года британские власти не старались оказать такое сильное давление на швейцарские банки, чтобы заставить их избегать сделок с Советским Союзом⁶⁵.

Такие же опасения содержались в выступлении Чемберлена в палате общин 28 июля 1927 г. После обычных слов в защиту разрыва Чемберлен заявил:

«Но торговля может продолжаться. Мы никак в нее не вмешиваемся и не имеем ни желания, ни намерения расширять наши разногласия»⁶⁶.

По-видимому, эти слова породили слухи о том, что британское правительство ищет пути к возобновлению отношений. Полагать, что англо-советская торговля может продолжаться в том же масштабе при отсутствии дипломатических отношений, заявил 5 августа 1927 г. Чичерин, это «глубокое заблуждение». Однако он категорически отрицал, что Советское правительство откуда бы то ни было получало какие-либо официальные или полуофициальные предложения о возобновлении отношений⁶⁷. Мелкая перебранка продолжалась. 9 ноября 1927 г., выступая в Гилд-холле, Болдуин заявил, что если Советское правительство готово «воздерживаться от вмешательства в наши внутренние дела и от проведения враждебной нам политики в остальном мире», то британское правительство готово «встретиться с ним в том духе свободы и доброй воли, на котором зиждется наша внешняя политика». Однако, когда несколько дней спустя Рыков, выступая на X съезде Советов Украины*, заявил о готовности Советского Союза начать переговоры на основе взаимного невмешательства⁶⁸, Болдуин дал отбой и, отвечая на вопрос, заданный в палате общин, сказал, что на его инициативу не поступило никакого ответа⁶⁹. Первый после разрыва прямой контакт между сторонами имел место в Женеве 5 декабря 1927 г. между Чемберленом и Литвиновым по инициа-

* В указанном источнике приводится выступление Рыкова на X съезде Коммунистической партии Украины. — *Прим. ред.*

тиве последнего. Однако Чемберлен вел себя вежливо-уклончиво и говорил в основном о роли Коминтерна и советской деятельности в Китае. В опубликованном на следующий день коммюнике лишь констатировалось, что не было найдено основы для соглашения⁷⁰.

Самым сенсационным эпизодом 1928 г. было возобновление скандальной истории 1924 г. с «письмом Зиновьева». Грегори, высокопоставленный чиновник министерства иностранных дел, занимавшийся тогда этим делом⁷¹, был в марте 1928 г. обвинен в недозволенной спекуляции франками и уволен со службы. 7 марта 1928 г. в передовой статье, озаглавленной «Исторический подлог», «Известия» вновь подняли вопрос о «письме Зиновьева». Почувяв дополнительный запашок обмана вокруг этого дела, оппозиция в парламенте снова потребовала проведения непредвзятого расследования по вопросу о подлинности «письма». 19 марта 1928 г. в явно неискреннем выступлении Болдуин привел новые таинственные подробности о происхождении «письма» и снова отказался провести расследование⁷². Три дня спустя в советской печати появился едкий ответ Чичерина. Чичерин заявлял, что «в этих сообщениях г-на Болдуина нет ни одного слова правды», и говорил о «лживости» его заявлений, противоречащих тем, которые были сделаны в подлинной корреспонденции 1924 г. Британское правительство отказало в проведении расследования по вопросу о подлинности этого документа, так как знало, что в результате расследования будет обнаружено, что это — фальшивка. Дружеловский, привлеченный в июле 1927 г. к суду в Москве, признался, что этот документ был сфабрикован в Берлине тремя русскими эмигрантами по указанию польского агента, связанного с британской разведкой. Аналогичные показания были даны в январе 1928 г. в Лейпциге на суде, состоявшемся над неким Шреком, сообщником польского агента⁷³. На заявление Чичерина не было получено официального ответа, о нем лишь вскользь было упомянуто в газетах. Однако увертки Болдуина, даже в большей степени, чем контрудар Чичерина, подкрепили и без того широко распространенный скептицизм относительно происхождения «письма Зиновьева». Теперь его подлинность с гораздо меньшей уверенностью утверждалась в правительственных выступлениях и более уверенно отрицалась в лейбористских и либеральных кругах.

Легким симптомом, свидетельствующим о смягчении климата англо-советских отношений к концу 1928 г., а возможно, и причиной, способствовавшей этому смягчению, явилось то обстоятельство, что власть в Наркоминделе определенно переходила в руки Литвинова. Чичерин в связи с состоянием здоровья уехал из Москвы в Западную Европу в августе 1928 г., в тот момент, когда готовился шаг, который он, несомненно, не одобрял, а именно, присоединение Советского Союза к пакту Келлога⁷⁴. И хотя номинально он еще два года оставался народным комиссаром по ино-

странным делам, его обязанности с успехом выполнял Литвинов. Чичерин, испытывавший дружественные чувства к Германии и Франции, с антипатией относился к Великобритании, которую не посетил ни разу после унижительной высылки оттуда в 1917 г. Он также всегда с готовностью поддерживал страны Азии в их борьбе против британского империализма. Литвинов же долгие годы жил в Великобритании, был женат на англичанке, говорил на английском языке лучше, чем на каком бы то ни было другом иностранном языке, и в рамках советской политики стремился к хорошим отношениям с Великобританией. Он мало верил в потенциальные возможности Азии и мало ими интересовался. Пожалуй, имело значение и то, что Сталин не любил Чичерина, но был расположен к Литвинову⁷⁵. Эти субъективные факторы, возможно, сыграли какую-то роль в постепенном изменении советской внешней политики.

Однако главное соображение, которое привело к оттепели в англо-советских отношениях, заключалось в сокращении англо-советской торговли и особенно советского импорта из Великобритании⁷⁶. Это сокращение, возникшее в то время, когда британские товары утрачивали свое господствующее положение на мировых рынках и когда на горизонте маячила безработица как серьезнейшая из внутренних проблем, постепенно давало о себе знать. Состоявшаяся в октябре 1928 г. в Бирмингеме конференция лейбористской партии приняла предвыборную программу с требованием срочно предпринять шаги для установления дипломатических и торговых отношений с Советским Союзом в интересах британской торговли⁷⁷. Несколько позднее в том же месяце Джонсон-Хикс сам пригласил директора «Аркос» в министерство внутренних дел и заверил его в том, что советские инженеры, торговые представители и другие деловые люди могут получить британские визы. Эта неожиданная инициатива была воспринята как запоздалое желание возместить ущерб, нанесенный британской торговле налетом на «Аркос» и его последствиями⁷⁸. Создание 23 октября 1928 г. в Лондоне Международного комитета для защиты русских акционеров⁷⁹, несомненно, представляло собой попытку приостановить или направить в другое русло эту новую приливную волну. Однако в тот момент интересы промышленности и торговли оказались важнее несчастий кредиторов. Уже планировалось послать в СССР представительную делегацию бизнесменов, чтобы получить заказы для английской промышленности. Редактор журнала «Инглиш ревью» Ремнант, которому была поручена организация этой поездки, в сентябре 1928 г. обсудил ее с советским послом в Париже и получил заверения в том, что визы будут выданы⁸⁰. Но подготовка оказалась длительной. Выступая на Заседании ЦИК 10 декабря 1928 г., Литвинов указал, что британская акция, выразившаяся в разрыве отношений, не достигла намеченной цели, а лишь способствовала переключению советской торговли в другие страны. Он приветствовал предстоящий визит

английских промышленников⁸¹. Наконец, 17 декабря 1928 г. правительство Великобритании вынуждено было заявить об одобрении этого проекта. Это обеспечивало успех делегации, но вело к увеличению ее численности⁸². Таким образом, день ее отъезда снова откладывался. В начале февраля 1929 г. для организации ее работы был создан немногочисленный по составу комитет из влиятельных промышленников и банкиров⁸³. Антисоветский выпад Черчилля, сделанный несколькими днями позже, приписывался желанию саботировать подготовку⁸⁴, но он не имел успеха. Окончательно планы были одобрены на многоядном собрании 6 марта 1929 г., а 25 марта группа в составе 88 человек, представляющая 230 фирм, покинула Лондон и направилась специальным поездом из Остенде (Бельгия) к советской границе⁸⁵. С этой промышленной делегацией было связано заключение в феврале 1929 г. соглашения между «РОП» (советской организацией по продаже нефти в Англии) и компанией «Англо-американ ойл» о поставках на британский рынок миллиона тонн советских нефтепродуктов в год в течение трех лет⁸⁶. Этот прорыв до тех пор тщательно обороняемого фронта был важным показателем изменения климата.

Председатель Госбанка Пятаков был назначен председателем комиссии по приему делегатов, и 5 апреля 1929 г. он обратился к ним с длинной приветственной речью. Он подчеркнул, что спад в английской торговле и соответствующее увеличение советских заказов в Германии и Соединенных Штатах Америки явились результатом разрыва 1927 г., и сделал следующее естественное заключение:

«Широкое экономическое сотрудничество Англии с развивающимся хозяйством СССР возможно лишь при возобновлении нормальных дипломатических отношений между нашими правительствами»⁸⁷.

На делегацию обрушилась обычная лавина гостеприимства и деловых встреч, и визит был признан успешным. Перед отъездом несколько ведущих членов делегации дали интервью представителям печати, выразив удовлетворение всем, что они сделали и увидели. Говорили, что Пятаков* заверил делегацию в готовности Советского правительства обсудить претензии британских подданных и сказал, что, по-видимому, «не существует никаких непреодолимых препятствий к достижению полного согласия между нашими странами»⁸⁸. В докладе, подготовленном к V Всесоюзному съезду Советов, состоявшемуся в мае 1929 г., звучала торжествующая нота: британская акция 1927 г. провалилась. Ни одна другая страна не разорвала отношений с Советским Союзом, попытки организовать нефтяной и кредитный бойкот не удались, советский экспорт в Великобританию не пострадал, а британский

* Судя по указанному источнику, эти слова произнес Литвинов, а не Пятаков. — *Прим. ред.*

рынок сбыта в Советском Союзе оказался захваченным немцами и американцами⁸⁹.

Советское правительство, вероятно, было разочаровано тем, что делегация не высказалась специально о желании восстановить дипломатические отношения. Однако это упущение было возмещено в интервью Ремнанта, которое он дал по возвращении делегации в Лондон. В нем он говорил о восстановлении дипломатических отношений как о «безусловной предпосылке всякого значительного развития экономических отношений»⁹⁰. Это желанное завершение дела было уже не за горами. В ходе предвыборной кампании в конце мая 1929 г. и лейбористы и либералы выступали за возобновление отношений с Советским правительством. К власти пришли лейбористы, получившие абсолютное большинство голосов. Когда Болдуин ушел в отставку, в передовой статье газеты «Известия» с нескрываемой радостью писали о «конце правительства Болдуина» и приветствовали это событие как поражение твердолобых консерваторов в области внешней политики⁹¹. Тем не менее время, которое потребовалось для завершения процесса возобновления отношений, свидетельствовало об отсутствии большого рвения у британской стороны. Контакты были установлены лишь спустя примерно два месяца, а нормальные дипломатические отношения были восстановлены только в конце года.

ОТНОШЕНИЯ С ГЕРМАНИЕЙ

В течение нескольких месяцев после заключения советско-германского договора 24 апреля 1926 г.¹ отношения между Советским Союзом и Германией отражали удовлетворение обеих сторон этим договором. Когда подошло время его ратификации в рейхстаге 10 июня 1926 г., его более или менее тепло приветствовали представители всех партий; против выступили лишь три инакомыслящих коммуниста². В докладе, адресованном Гинденбургу 3 июля 1926 г., германский посол в Москве — главный зодчий договора со стороны Германии — обосновывает необходимость его подписания и дает исключительно глубокий анализ советско-германского партнерства: «С того момента, как я занял здесь свой пост, я стремился и стремлюсь через налаживание тесных отношений с Советской Россией — создать противовес против Запада, чтобы не оказаться во власти — мне претит само это выражение — держав Антанты. Чистой радости работа с этими господами никогда, конечно, не принесет. Как я писал однажды много лет назад, наши отношения с Советским Союзом остаются браком по расчету; о браке по любви вопроса не стоит...»

«Как я понял за время моего пребывания на посту здесь, наши отношения с Советской Россией всегда будут покоиться в какой-то мере на блефе, то есть они будут полезны для создания у наших так называемых бывших врагов впечатления большей близости с Россией, чем это есть на самом деле».

«Учитывая нестабильность и традиционную беспринципность здешнего правительства, всегда, конечно, будет трудно продолжать прясть нить, соединяющую Берлин и Москву, — это не та стальная нить, которая прежде связывала Берлин и Санкт-Петербург. И тем не менее хорошие отношения с Советской Россией — это, по моему мнению, единственный способ вернуть германскому народу тот авторитет в мире, которого он заслуживает, и постепенно обрести возможность проведения независимой внешней политики»³.

Аналогичный вывод, с меньшим, возможно, акцентом на Запад, но с той же уверенностью в ненадежности и беспринципности партнера, мог бы быть сделан советским наблюдателем.

До конца года ход хороших отношений между двумя странами мало нарушался. На протяжении всего лета 1926 г. тянулись переговоры об обмене Скоблевского и нескольких других советских агентов, арестованных в Германии, на Киндермана, Вольшта и группу других немцев, задержанных в Советском Союзе⁴. Переговоры эти вызвали острые разногласия в германском кабинете, в какой-то момент Брокдорф-Ранцау советовал прийти к соглашению на том основании, что если Советское правительство осуществит свою угрозу предать суду германского служащего фирмы «Юнкерс» по обвинению в подкупе советских должностных лиц, то это может привести к неприятным разоблачениям. Обмен произошел только в октябре 1926 г.⁵ В октябре же 1926 г. группа депутатов рейхстага посетила Советский Союз и по возвращении в Германию дала интервью представителям германской печати, с удовлетворением отметив улучшение советско-германских отношений за последний год⁶.

Время от времени продолжало ощущаться беспокойство по поводу советско-германских военных отношений. Уже в течение некоторого периода политическим кругам в Германии было известно о существовании в Советском Союзе авиационного завода фирмы «Юнкерс» и об официальной причастности к этому Германии. В какой-то мере именно по этой причине немецкая организация прикрытия (GEFU) была свернута и заменена, как полагали, лучше закамуфлированной организацией (WIKO)⁷. О заводе фирмы «Юнкерс» мельком упоминался в «Правде»⁸. Ни одна политическая партия в Германии не стремилась использовать эти разоблачения; не проявляла интереса и германская общественность. Однако, следуя в фарватере курса, выработанного в Локарно и в самый разгар борьбы за принятие Германии в Лигу наций⁹, прозападно настроенный Шуберт и несколько менее обеспокоенный Штреземан испытывали страх перед последствиями, к которым может привести обнаружение тайных договоренностей. В этом случае, писал Шуберт 3 апреля 1926 г. Брокдорф-Ранцау, «мы бы потеряли все политическое доверие, которое испытывают к нам в мире». Германии могли бы простить ее прошлую деятельность, но «развитие нашей деятельности в настоящий момент получило бы гораздо более резкую оценку»¹⁰. Этими страхами объясняется и тот факт, что на предложения, сделанные Уншлихтом в том же месяце, не поступило официального ответа — позиция, которую, по-видимому, не разделяли в рейхсвере¹¹. Можно предположить, что сам министр обороны Гесслер с меньшим, чем рейхсвер, энтузиазмом относился к этому компрометирующему сотрудничеству, ибо в ходе упорных споров по вопросу об освобождении Скоблевского он заявил, что готов скорее отказаться от деятельности немцев в Советском Союзе, чем отступить в отношении данного пункта¹². Даже Брокдорф-Ранцау чувствовал себя неловко. В разговоре с Гесслером 19 ноября 1926 г. он жаловался, что его никогда должным образом не информировали о деятельности рейхсвера и

что предание ее гласности нанесет ущерб его престижу. Они с Гесслером, по-видимому, пришли к заключению, что либо этим договоренностям следует позволить «постепенно исчерпать себя», либо нужно вернуть их на чисто экономическую основу¹³.

Рейхсвер, который там, где, по его мнению, на карту были поставлены жизненно важные интересы, действовал независимо от гражданских властей, продолжал свое дело, высокомерно не обращая внимания на эти страхи. Прибытие нескольких партий оружия и снаряжения из Ленинграда в порт Штеттин (Щецин. — *Ред.*) осенью 1926 г., не прошло незамеченным местной общественностью и вызвало трения между рабочими социал-демократами и коммунистами¹⁴. Бомба разорвалась 3 декабря 1926 г., когда газета «Манчестер гардиан» опубликовала сообщение своего берлинского корреспондента, в котором говорилось, что двумя днями раньше Гесслеру (не было сказано кем) в присутствии Штреземана и канцлера Маркса были представлены доказательства того, что «Россия замешана в незаконной деятельности германских монархистов и контрреволюционеров». Затем последовала статья «одного корреспондента», в которой приводились подробности о субсидиях, выплаченных «Юнкерсу» рейхсвером, перечислялись визиты офицеров рейхсвера в Советский Союз по подложным паспортам и упоминалось соглашение с немецкой химической фирмой о сооружении в Советском Союзе завода по производству отравляющих газов. Автор полагал, или делал вид, что германское правительство «искренне обеспокоено» этими заключенными за его спиной соглашениями и что «с ними будет немедленно покончено»¹⁵.

На следующий день в большинстве немецких газет появились краткие сообщения о необоснованных утверждениях газеты «Манчестер гардиан» и одновременно нерешительное отрицание их подлинности, исходящее от полуофициального агентства «Вольф». Однако 5 декабря 1926 г. социал-демократическая газета «Форвертс» опубликовала подробный материал об этих утверждениях, требовала официальных разъяснений и с горечью спрашивала: неужели ружья рейхсвера, из которых в 1921 и 1923 гг. расстреливали немецких рабочих-коммунистов, были заряжены русскими патронами. В остальной немецкой прессе этот вопрос освещался более осторожно. Газета «Берлинер тагеблат» от 6 декабря 1926 г. признавала, что немецкие инженеры построили в Советском Союзе три завода по производству аэропланов, снарядов и газов. Если Германия получала военные поставки из этого источника, то такое нарушение договора было ничем не хуже, чем нарушения, допускаемые союзными державами. В любом случае, «насколько нам известно», после заключения Локарнских соглашений новые заказы не размещались¹⁶. Чичерин находился в Берлине, когда разразился скандал, но не упомянул о нем в главном своем интервью представителям печати 6 декабря 1927 г.¹⁷. Однако он вместе с Крестинским посетил на другой день канцлера

Маркса, чтобы выразить свою обеспокоенность. Маркс отрицал какую бы то ни было ответственность правительства за эти разоблачения и обещал опубликовать в печати успокоительное коммюнике¹⁸. Чичерин был также принят преемником Секта генералом Геом, который предварительно осторожно посоветовался по этому вопросу в министерстве иностранных дел¹⁹. Вызывает интерес тот факт, что среди других встреч у Чичерина была встреча за завтраком с Сектом. Единственным его публичным высказыванием по поводу скандала было интервью, которое он дал газете «Роте фане» и где он признавался, что «точных сведений» об этих делах у него нет, и пошутил, что, возможно, «советские снаряды» были «сделаны в Англии» или в английском посольстве в Берлине²⁰. Вильгельм Пик в речи, которую он произнес 9 декабря 1926 г. в прусском ландтаге, назвал попытки представить дело так, будто «Россия производит оружие, используемое контрреволюционерами в Германии против рабочих», «мошенничеством» и «бесчестной клеветой». Он смело утверждал, что в то время, когда в Женеве обсуждался вопрос, «в какой мере отравляющие газы можно использовать в следующей войне», Советский Союз имеет полное право «готовиться к обороне аналогичными способами»²¹. 16 декабря 1926 г. «Правда» со скрипом нарушила молчание и опубликовала статью по поводу сообщений о том, что германские фирмы построили в Советском Союзе заводы по производству такой продукции, как аэропланы, отравляющие газы и снаряды «для нужд обороны». Такие сообщения, даже если они соответствовали действительности, не имели значения. Следуя примеру «Правды», «Роте фане» утверждала 25 декабря 1926 г., что вся продукция этих заводов «осталась в Советском Союзе».

Между тем дело это получило новый размах после выступления Шейдемана в рейхстаге 16 декабря 1926 г. Начав с требования «подвергнуть рейхсвер *политическому контролю*», он таинственно намекнул на «некие *действия*, некие *предприятия*, проводимые рейхсвером, на отношения, существующие между «Зондергруппе» и «Юнкерсом», на то, что по тайным соглашениям расходуются огромные суммы на сотрудничество рейхсвера с организациями правых. Его речь прерывалась резкими протестами правых; в какой-то момент депутаты национальной и народной партий покинули палату. Тем не менее он продолжал с еще более явным негодованием говорить об «интересах рейхсвера в России» и о разоблачениях, сделанных газетой «Манчестер гардиан», и, прерываемый выкриками депутатов от КППГ, заметил, что Германии нужны снаряды, чтобы расправляться с «коммунистическими путчами». Он сообщил подробности о грузах, незадолго до этого прибывших из Ленинграда в Штеттин, и возложил ответственность за строительство завода по производству отравляющих газов в Советском Союзе на химические предприятия Штольценберга в Гамбурге²². После того как канцлер кратко выразил сожаление по поводу речи Шейдемана — так как дело, о котором он говорил,

«относится к далекому прошлому» — и после того как несколько правых депутатов осудили ее предательский характер²³, с пространным и хаотичным объяснением от имени КПГ выступил Кёнен. Он пожаловался на то, что Шейдеман только «ронял намеки», не указывая на «конкретные события, факты и другие данные», он отрицал, что немецких рабочих расстреливали из советских винтовок, и заявил, что не видит причины, почему бы Советскому правительству не иметь дел одновременно с офицерами рейхсвера и коммунистами²⁴. На следующий день Шверц, инакомыслящий коммунист и последователь Корша, обрушился с острыми нападками на политику КПГ и советских руководителей, вызвав негодующие возгласы и иронические аплодисменты. Он говорил о «едином фронте от Тельмана до Гиндебурга». Он с возмущением цитировал речь Бухарина на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года, в которой тот оправдывал военный альянс между Советским Союзом и буржуазным государством, и выступление Цеткин в рейхстаге во время дебатов по Локарнским соглашениям, когда она защищала возможность *«сотрудничества между рейхсвером и красноармейцами»*. Он заявил, что Сталин и Бухарин «давно отреклись от Маркса и Энгельса». От имени левой оппозиции в КПГ Шолем зачитал декларацию, отмежевываясь от взглядов Шварца²⁵. 6 января 1927 года газета «Лейпцигер фольксцайтунг» еще сильнее разожгла негодование левых, опубликовав сенсационное сообщение о советско-германских планах и предприятиях для производства отравляющих газов.

Советский Союз живо отреагировал на эти разоблачения, что свидетельствует о его острой обеспокоенности. В «Правде» от 31 декабря 1926 г. высмеивались истории о «советских гранатах» и «таинственных грузах», содержались нападки на социал-демократов как главных злодеев в этой пьесе и давалась следующая установочная линия:

«Мы не скрываем, не скрывали и не намерены впредь скрывать, что готовы использовать средства германской техники, равно как и средства других передовых стран, для подъема нашей промышленности».

В очередной статье, опубликованной в «Правде» 5 января 1927 г., повторялись те же самые признания, и в тонах одновременно уклончивых и грубых осуждалась «мерзопакостная травля», проводимая «берлинскими социал-Иудами» для того, чтобы доставить удовольствие «империалистическому Джону Буллю»²⁶. Половина статьи была посвящена «ультра-левому ренегату» Шварцу, чья речь в рейхстаге представляла собой «чудовишное предательство пролетариата». Бухарин продолжил обсуждение этой истории в своем выступлении 8 января 1927 г. на XV московской губернской партийной конференции: «...У нас был и есть договор с фирмой Юнкерс, которая, как правильно писала на днях «Правда», занимается производством аэропланов, а не вареной колбасы. Мы не скрываем и не скрывали, что договор с фирмой Юнкерс

был, аэропланы строились и строятся, и мы можем заявить совершенно открыто, что не откажемся использовать какое бы то ни было капиталистическое государство, которое послало бы к нам инструкторов и за подходящую плату производило бы на нашей территории аэропланы и другие орудия обороны страны»²⁷.

Ни в одном из этих выступлений не было и намек на военные поставки в Германию. 5 января 1927 г. Крестинский сообщил Штреземану, что Советскому правительству не нравятся упоминания в германских официальных заявлениях о поставках, делавшихся даже в прошлом: это звучало как «великое признание». По мнению Советского правительства, «эти вещи следует вообще категорически отрицать»²⁸.

Пожалуй, самым странным в этой ситуации было восприятие ее западными державами, и особенно Великобританией. Как отмечал британский поверенный в делах в Москве, в дипломатических кругах преобладало мнение, что «недавняя кампания имеет под собой какую-то почву, но не слишком твердую», и что в основном это «журналистский фейерверк»²⁹. Принятие Германией в Лигу наций и широко разрекламированное свидание Бриана и Штреземана в Туари проложили путь к примирению между Германией и западными державами. Всего лишь через несколько дней после откровений газеты «Манчестер гардиан» британское и французское правительства подписали протокол о выводе 31 января 1927 г. Межсоюзнической военной контрольной комиссии из Германии. Не желая прислушиваться к голосам, которые могли помешать проведению этой благотворной политики, они не возражали против того, чтобы быть обманутыми. Все понимали значение советско-германских соглашений для перевооружения Советского Союза, но отбрасывали это соображение как несущественное; их значение в деле перевооружения Германии или начисто отрицалось или игнорировалось.

Правительство Германии едва верило своей удаче, но решило в будущем быть осторожнее. 24 января 1927 г. во время встречи между Шубертом и Дирксоном, представлявшими министерство иностранных дел, и двумя высокопоставленными офицерами рейхсвера, последние объяснили, что предприятие «Юнкерс» свернуто (это означало, что больше не будет таких поставок в Германию, как те, что привели к разоблачениям предыдущей осенью), что липецкая летная школа и казанское танковое училище финансировались рейхсвером, и оба были «жизненно необходимы для германской армии», и, наконец, что опыты с газами проводились на «чисто научной» основе, и к ним не имели отношения ни финансы рейхсвера, ни его персонал. Шуберта, все еще обеспокоенного «политическим риском», связанным с возможностью утечки информации, заверили в том, что Советское правительство не менее германского заинтересовано в сохранении секретности³⁰. Недели спустя, встретившись с Геом, Штреземан примирился с соглашениями при условии, что в Советском Союзе не будут использовать

ся офицеры рейхсвера, находящиеся на действительной службе, — условие, которое легко было выполнено путем перевода офицеров, выделенных для выполнения таких обязанностей, в резерв. 26 февраля 1927 г. был составлен соответствующий протокол³¹. Острый угол был обойден и совесть была чиста.

Одни только левые партии, возможно, менее искушенные в реальной политике и горящие желанием использовать скандал в борьбе против своих соперников, как справа, так и слева, все еще пытались, правда, с меньшим успехом, не дать ему заглухнуть. 6 февраля 1927 г. депутат от СДПГ представил связанный с этим делом запрос Гесслеру, а тот направил его в комиссию рейхстага по иностранным делам. Сообщение об этом инциденте, опубликованное на следующий день в газете «Форвертс», очень встревожило Литвинова³². После закулисных переговоров с СДПГ Гесслер выступил 23 февраля 1927 г. в комиссии по иностранным делам с тщательно подготовленным заявлением. Он отнес сделки с Советским Союзом к периоду острой враждебности Франции по отношению к Германии перед оккупацией Рура. Для сохранения немецкой военной промышленности, и особенно авиационной промышленности от полного уничтожения, Германия вынуждена была искать сделки за рубежом. На это была выделена сумма в 75 млн. золотых марок, и теперь она полностью израсходована. В своей деятельности в Советском Союзе немецкие промышленники столкнулись с трудностями, и в настоящее время эта деятельность прекращена: «Никаких институтов или соглашений, противоречащих Версальскому мирному договору, не существует». В последовавших затем дебатах Гильфердинг выступил с нападениями на тайные соглашения, а Вирт, являвшийся канцлером в то время, когда они были заключены, защищал их. Шуберт в пространным выступлении, явно предназначенном для того, чтобы повернуть дискуссию в другое русло и направить ее на обсуждение общих вопросов советско-германских отношений, заявил, что германская политика твердо базируется на Локарнских соглашениях и советско-германском договоре от 24 апреля 1926 г. Два депутата от КППГ — Штекер и Розенберг — подвергли критике это заявление, как свидетельствующее о том, что после Локарно Германия отвернулась от Советского Союза. Гесслер отказался от повторного выступления, сказав, что ответы на все вопросы можно найти в его первом выступлении. Присутствующих в строгой форме попросили не разглашать содержания дебатов, хотя, казалось бы, ничего компрометирующего сказано не было. В печати появились лишь официальные сообщения о состоявшемся заседании³³.

После заседания кампания, развернутая Социал-демократической партией Германии против германского правительства и его националистических сторонников, постепенно утихла. И Коммунистической партии Германии не так легко удалось вырваться из когтей своих соперников. В феврале 1927 г. Коммунистическая рабочая партия Германии, которая на гейдельбергском партий-

ном съезде откололась от КПГ и все это время существовала в качестве отколовшейся группы, выступавшей против любого вмешательства коммунистов в советскую государственную политику, обратилась с открытым письмом к КПГ, в котором повторялись все подробности помощи рейхсверу со стороны Советского правительства, разоблачались ложь и увертки немецких и русских коммунистов и содержалось требование того, чтобы КПГ опубликовала настоящее письмо в своей печати³⁴. Вскоре после XI съезда КПГ, состоявшегося в марте 1927 г., СДПГ также выпустила памфлет, озаглавленный «Советские гранаты», где приводились доказательства советских поставок вооружения рейхсверу и в заключение заявлялось, что «единственная германская рабочая партия — это Социал-демократическая партия»³⁵. Другие немецкие партии или осуждали эту полемику между СДПГ и КРПГ как предательское разжигание скандала, или не обращали на нее внимания, как на не имеющие значения распри между левыми группами. Все это не изменило решимости германского и советского правительств по-прежнему придерживаться существующих договоренностей.

Рейхсвер, практически свободный от критики внутри страны и освобожденный от не слишком эффективной слежки со стороны контролеров союзных держав, шел своим собственным путем. 23 апреля 1927 г. Шуберта информировали о том, что в Советском Союзе должны быть проведены «какие-то новые эксперименты с газами», что для них отведена территория недалеко от Оренбурга и что рейхсвер решил послать с инспекцией офицера, находящегося на действительной военной службе, но который поедет якобы в отпуск. Шуберта этот план «несколько беспокоил», однако он, по-видимому, ничего не мог сделать³⁶. Спустя месяц, 8 мая 1927 г., Штреземан, Шуберт, Гесслер, Гейе и начальники управления войск Бломберг участвовали в обсуждении различных аспектов советско-германского военного сотрудничества. Единственным вопросом, по которому возникли кое-какие затруднения, было сообщение Гесслера о намерении провести «более широкий эксперимент под Оренбургом по практическому использованию отравляющих газов в военных целях». Советские военные власти требовали полноправного участия в маневрах, неограниченной информации и обмена материалами. По-видимому, даже Гесслер боялся, как бы не оказалось, что Германия даст значительно больше, чем получит, и предложил перенести маневры на какую-нибудь открытую местность в Германии. Штреземан, как обычно, обеспокоенный, решил посоветоваться с Брокдорф-Ранцау, находившимся в Берлине³⁷. Больше никаких возражений против первоначального плана, вероятно, не было. Рейхсвер продолжал свою обычную практику, заключающуюся в том, чтобы стараться получить одобрение правительства в том случае, когда его легко можно было получить, и обходиться без него, когда это было невозможно. По личным, однако не лишенным справедливости, словам многоопытного советника германского посольства в Москве Хильгера, «Бер-

лин никогда не собирався отказываться от своей политики. Ясно было, что военные по-прежнему будут явно и тайно сотрудничать с Россией, даже если политические лидеры придерживались иного курса. Более того, все, кого это касалось, начиная со Штреземана и ниже, были твердо намерены не только продолжать, но и расширять военное сотрудничество, хотя и с величайшей осторожностью»³⁸.

В Великобритании, в палате общин, 29 июня 1927 г. заместитель министра иностранных дел Локкер-Лэмпсон, известный, пожалуй, особенно в этом вопросе как настроенный крайне враждебно по отношению к Советскому Союзу, официально похоронил это дело. Он понимал, что все сделки, относящиеся к ввозу в Германию вооружений и снаряжения в нарушение Версальского договора, теперь прекратились. В любом случае правительство Германии должно быть освобождено от ответственности: «Эти сделки заключались не на правительственном уровне, а между ведомствами. Они не были официальными сделками между правительствами. Германское правительство ясно выразило свое неодобрение этих сделок, и они прекратились»³⁹.

Острая нервность, которая начала сказываться на советском взгляде на мир весной 1927 г.⁴⁰, вскоре обнаружила себя в самом уязвимом аспекте советско-германских отношений — в скрытом смысле Локарнских соглашений. Буря гнева разразилась по поводу сделанного, по словам французской газеты «Эксельсьюр» от 7 марта 1927 г., Шубертом заявления о том, что в Локарно Германия согласилась в случае необходимости пропустить через свою территорию французские войска для оказания помощи Чехословакии и Польше. Это произошло за две недели до того, как резкие протесты советской стороны заставили Штреземана отрицать подлинность этого заявления, и в речи, произнесенной в рейхстаге, подтвердить ограниченный размер германских обязательств по статье 16 устава Лиги наций⁴¹. Разрыв отношений с Великобританией в мае 1927 г. воскресил в Советском Союзе вечный страх перед тем, что Германия будет вовлечена в антисоветский блок. Еще в феврале 1927 г. Чичерин в письме Сталину и Рыкову критиковал выпады Бухарина против Германии, вызвавшие возмущение германского правительства. В письме, написанном 3 июня 1927 г. из немецкого санатория, он возмущается тем, что в тот момент, когда, возможно, само существование СССР зависит от укрепления отношений с Берлином, некоторые товарищи «не находят ничего лучше, как срывать всю нашу работу выпадами против Германии»⁴². Эти страхи частично улеглись после долгого и дружеского разговора, состоявшегося между Чичериным и Штреземаном 7 июня 1927 г., накануне отъезда немецкой делегации в Женеву⁴³. В Женеве Штреземан отказался следовать курсом Великобритании⁴⁴ и, когда по возвращении из Женевы он выступил в рейхстаге, в советской печати было высказано удовлетворение в связи с его заверением, что Германия никогда не станет участвовать в ан-

тисоветской коалиции⁴⁵. Однако Чичерин подозревал, что Берлин захочет воспользоваться англо-советским конфликтом для укрепления своего экономического влияния в Советском Союзе⁴⁶. Враждебность Германии по отношению к Польше, как после убийства Войкова, так и в разгар польско-литовских разногласий, представлялась не такой уж несомненной, как того требовала бы искренняя дружба с Советским Союзом⁴⁷. Польша всегда была ахиллесовой пятой советско-германского альянса. Однако в общем и целом партнерство с Германией приносило хорошие результаты. Этот год — год пятой годовщины Рапалльского договора — был самым бедным на события за весь тревожный и негладкий период отношений, им установленных. По случаю пятой годовщины прибытия Брокдорф-Ранцау в Москву в качестве германского посла, совпавшей с десятой годовщиной революции, был дан пышный банкет, на котором Брокдорф-Ранцау и Чичерин обменялись заявлениями в дружбе и надеждами на будущее⁴⁸.

Экономические отношения между двумя странами продолжали оставаться животрепещущей темой, хотя они носили менее эмоциональную окраску, чем отношения политические и военные. Германия для Советского Союза была не только самым главным торговым партнером, но и таким партнером, в отношениях с которым чрезвычайно успешно поддерживался разумный баланс импорта и экспорта⁴⁹. Продолжались обсуждения экспортных кредитов, полученных от немецких банков, которые германское правительство взялось гарантировать в сумме, не превышающей 300 млн. марок⁵⁰. В июле 1926 г. было объявлено о достижении соглашения с банками относительно предоставления 120—150 млн. марок при 9,4% годовых, которые подлежали выплате частично в 1928 г. и частично в 1930 г.⁵¹. В ходе своего визита в Берлин в начале декабря 1926 г. Чичерин прозондировал Штреземана относительно шансов на получение долгосрочного займа, который бы заменил кредиты, но получил отказ. Отказ этот был мотивирован тем, что, пока не решены все вопросы, вытекающие из плана Дауэса, создавалось бы плохое впечатление, если бы Германия оказалась в состоянии предоставлять крупные займы иностранным правительствам⁵². В апреле 1927 г. Рыков проинформировал IV Всесоюзный съезд Советов о том, что в Германии были получены кредиты на сумму 315 млн. марок и соответственно были сделаны заказы на немецкие товары. Он добавил, что «хозяйственная и культурная связь с Германией из года в год возрастает и при этом возрастает больше, чем с какой-либо другой страной»⁵³. Однако новые просьбы о кредитах и гарантиях, обращенные к германскому правительству, не были услышаны. 9 июня 1927 г. было объявлено, что «гарантии государства по поставкам в Россию не могут превысить лимита, установленного прежними решениями», и что «лишь сама немецкая промышленность должна решить, продолжать ли ей вести дела в России без государственных гарантий». Об этом было сообщено Чичерину, находившемуся в то время в Берлине⁵⁴. Тем

не менее в общем и целом Советское правительство было удовлетворено достигнутыми результатами. В ходе интервью представителям печати в ноябре 1927 г. руководитель советской торговой делегации в Берлине приложил все усилия для того, чтобы подчеркнуть, что торговое соглашение от 12 октября 1925 г. было выгодно обеим сторонам⁵⁵.

Германское правительство и немецкие промышленники не вполне разделяли это удовлетворение. Хотя кредиты советским импортирующим организациям предоставляла одна только Германия⁵⁶, она, по их мнению, так и не добилась того преимущественного положения на советском рынке, на которое рассчитывала. Условия казались непривычными и неблагоприятными. Когда Вальрот как-то заметил, что дальнейшее развитие торговли зависит от «полной перестройки русской экономической политики, конечно, без изменения режима», Брокдорф-Ранцау в пространном ответе объяснил, что советская экономическая система и программа связаны с выживанием режима и что на фундаментальные перемены надеяться не приходится. Он добавил, что вину за испытываемые нами разочарования «не следует возлагать на русскую сторону» и что многие немецкие промышленники недостаточно хорошо были знакомы с советскими условиями и «не могут или не хотят приспособиться к особой экономической структуре этой страны»⁵⁷. 21 января 1928 г. после консультаций с немецкими промышленниками Шуберт вручил Крестинскому перечень статей договора 1925 г., которые они хотели пересмотреть на переговорах, и выразил надежду на то, что из Москвы пришлют «руководящего представителя» на переговоры, которые начнутся в следующем месяце в Берлине. Немецкую делегацию должен был возглавлять заведующий восточным отделом министерства иностранных дел Вальрот⁵⁸. 6 февраля 1928 г. в кабинете Штреземана состоялась предварительная встреча. Прибывшие на эту встречу из Москвы Рудзутак и Шейнман оценили перспективу и предложили сделать заказ на сумму 600 млн. марок, если можно будет получить новые кредиты⁵⁹. Официальные переговоры, начавшиеся 11 февраля 1928 г., открылись пространными полемическими выступлениями Вальрота и руководителя советской делегации Шлейфера. Вальрот выразил сожаление по поводу того, что не достигнуты цели, которые преследовались соглашением от 12 октября 1925 г.: недостаточно применять принцип наибольшего благоприятствования, торговые отношения должны строиться на взаимности, советские заказы в Германии не увеличиваются, а сокращаются⁶⁰. Подробности дальнейших переговоров не публиковались. Однако ни одна сторона, казалось, не хотела идти на уступки, и печать обеих стран отмечала, что переговоры проходят нелегко. 3 марта 1928 г. «Известия» поместили язвительную статью о советско-германских отношениях, приурочив ее к десятой годовщине подписания Брест-Литовского договора. Напомнив, что Рапалльский договор мыслился как «**акт взаимной поддержки**», газета выражала горькое сожаление в

связи с недостаточно доброжелательным отношением немецкой печати к торговым переговорам, ведущимся в Берлине.

10 марта 1928 г. разразилась новая буря в связи с объявлением об аресте по обвинению в саботаже в шахтинском угольном бассейне, на юге Украины, большой группы лиц, в том числе пяти немецких инженеров (двое из которых были вскоре освобождены)⁶¹. В том виде, в каком было сформулировано это обвинение, предъявленное немецким инженерам, оно не имело под собой почвы. Однако в секретном меморандуме германского министерства иностранных дел за тот период немецкие предприятия в Советском Союзе расценивались как «абсолютно необходимые аванпосты и наблюдательные посты Германии в России»⁶², причем многочисленные немецкие специалисты, которые работали на советских учреждениях, часто, должно быть, оказывались ценным источником информации для германского правительства. В глазах недоверчивых советских руководителей это был шпионаж. Аресты вызвали в Германии волну негодующих протестов⁶³. 14 марта 1928 г. Штреземан информировал Крестинского о том, что немецкие промышленники возмущены, Всеобщая компания электричества (АЭГ) угрожает отозвать свой персонал из Советского Союза, а в такой атмосфере неизбежен временный «перерыв» в торговых переговорах⁶⁴. Советское правительство было явно недовольно приостановкой переговоров. В опубликованном ТАСС коммюнике она объяснялась правительственным кризисом в Германии⁶⁵. Литвинов, возвращаясь из Женевы, 5 апреля 1928 г. посетил Штреземана в Берлине и сказал, что он не в состоянии поверить, чтобы «арест инженеров, как совершенно частный случай, возможный в любой стране, мог влиять на отношения между государствами», и что он может объяснить это только «более глубокими причинами: переменной ориентации, давлением извне и т. д.»⁶⁶. Однако в выступлении Бухарина на пленуме ЦК содержалось новое оскорбление. Он говорил о подрывной организации, связанной с иностранными капиталистами через иностранных инженеров, «причем некоторые из них оказались членами фашистских организаций, в частности организации германского «Стального шлема»⁶⁷. К тому моменту, когда 18 мая 1928 г. начался судебный процесс, взаимное раздражение достигло высшей точки.

Несмотря на поднятую неистовую шумиху, никто, по сути дела, не хотел разрыва. Советско-германские отношения давали обоим партнерам слишком большие преимущества, чтобы их с такой легкостью можно было выбросить за борт. В то время когда проходил этот процесс, Калинин в выступлении, опубликованном в газетах, намекнул, что правительство, хотя и действовало оправданно, но «поступило неосторожно» и что никто не имел в виду обвинить немецкую промышленность в целом⁶⁸. В июне 1928 г. в Германии было сформировано коалиционное правительство во главе с социал-демократами. Впервые за четыре с половиной года СДПГ была представлена в германском правительстве. Однако суждение Чи-

черина о том, что теперь может оказаться возможным заключение нового политического и экономического соглашения, было скептически воспринято Крестинским и не получило развития⁶⁹. Объявленный 9 июля 1928 г. приговор, который принес оправдание двум немецким подсудимым, а третьего осудил лишь минимально, свидетельствовал о желании советских властей поправить то зло, которое было сделано. Результаты сказались не сразу. Враждебная кампания в немецкой прессе продолжалась, вызывая протесты с советской стороны⁷⁰. Когда 18 июля 1928 г. Брокдорф-Ранцау уезжал из Москвы в отпуск, Чичерин был уже болен, и было замечено, что никто из представителей Наркоминдела не пришел на вокзал пожелать послу счастливого пути⁷¹. А 22 августа 1928 г. Советское правительство отказало во въездных визах Шефферу и двум другим немецким корреспондентам, которые ездили в Германию в отпуск⁷². Однако вызванная шахтинским процессом взаимная неприязнь скоро прошла, и вновь утвердилась более постоянная по своему характеру заинтересованность германской промышленности в советском рынке. Руководитель экономического отдела германского министерства иностранных дел Шлезингер прозондировал советскую миссию относительно возобновления экономических переговоров и получил положительный ответ и предложение перенести переговоры в Москву⁷³. Это предложение оказалось приемлемым для германского правительства.

Однако прежде чем закончились приготовления, 9 сентября в Берлине умер Брокдорф-Ранцау. С момента его назначения в Москву осенью 1922 г. он неустанно трудился — часто при минимальной поддержке со стороны своего правительства — над укреплением германо-советских отношений. Он имел личные дружественные отношения с Чичериным и был единственным иностранным посланником, который когда бы то ни было пользовался полным доверием Советского правительства. Смерть Брокдорф-Ранцау ознаменовала целый этап в процессе охлаждения отношений между двумя странами. Она совпала с фактическим переходом руководства Наркоминдела из рук постоянно больного теперь Чичерина в руки англофила Литвинова, для которого мало что было связано с Германией⁷⁴. В октябре 1928 г. решение консорциума немецких банкиров присоединиться к вновь созданному международному объединению русских кредиторов в Лондоне вызвало в Москве волну негодования. Волна эта частично улеглась лишь после опубликования в газетах коммюнике германского правительства, отмежевавшегося от акции банкиров⁷⁵. Советское правительство, естественно, опасавшееся, что немецких банкиров могут уговорить не участвовать в предоставлении кредитов Советскому Союзу, потребовало от правительства Германии официального заверения. Штреземану, приведенному в замешательство тем, что произошло, и оказавшемуся между двух огней, очень не хотелось делать какие бы то ни было официальные заявления, и он упорно торговался по поводу предложенных условий⁷⁶. Новая вспышка

негодования с советской стороны была вызвана первым после болезни крупным выступлением Штреземана в рейхстаге, в ходе которого он подчеркнул неизменность локарнской политики Германии и вовсе не упомянул об отношениях Германии с Советским Союзом⁷⁷.

Эти споры не помешали, однако, решению о возобновлении торговых переговоров 26 ноября 1928 г. в Москве⁷⁸. Несколько дней спустя Дирксен, который ранее в том же году сменил Вальроту на посту заведующего восточным отделом министерства иностранных дел, был назначен послом в Москву вместо Брокдорф-Ранцау. Переговоры, касающиеся технических вопросов торгового соглашения, были, по-видимому, довольно краткими и деловыми. Большой вопрос о праве транзита был решен путем внесения поправки в соответствующее положение, разрешающее перевозку товаров через советскую территорию из любой страны, имеющей дипломатические отношения или торговое соглашение с СССР, в любую страну, находящуюся в аналогичном положении⁷⁹. Самым трудным был вопрос о требуемой от германского правительства декларации о его отмежевании от комитета банкиров. К середине декабря 1928 г. делегации, ведущие переговоры в Москве, выработали текст, в котором указывалось, что правительство Германии будет «стараться насколько возможно предотвратить» любые «неблагоприятные последствия, которые могут возникнуть в результате акции банкиров». Однако Штреземан придрался еще к чему-то в тексте и выдвинул контрпредложения⁸⁰. В конце концов, чтобы не откладывать подписание соглашения, Литвинов не стал настаивать на этом, в общем-то ничего не значащем, обещании. 21 декабря 1928 г. был подписан протокол, зарегистрировавший соглашение, содержащее восемь разделов, в которых интерпретировались и расширялись статьи договора от 12 октября 1925 г. В один из разделов была включена германская декларация, гласившая, что вопрос о довоенных долгах может рассматриваться «лишь в соответствии с совершенно ясными постановлениями Рапалльского договора» и что «выступление немецких банков не имеет решительно ничего общего с установкой германского правительства в отношении Рапалльского договора или в отношении общих политических отношений между Германией и СССР»⁸¹. 25 января 1929 г. была подписана конвенция о назначении собирающейся раз в год Согласительной комиссии для решения споров между двумя странами⁸².

После скандальных разоблачений в декабре 1926 г.⁸³ совместные германо-советские военные предприятия в Советском Союзе продолжали процветать к выгоде и удовлетворению обеих сторон. Высшая точка советско-германского военного сотрудничества была отмечена продолжительным визитом в Советский Союз начальника управления войск Бломберга, который находился там с 19 августа по 17 сентября 1928 г. К этой комиссии был пристав-

лен советский военный атташе в Берлине Лунев, который и занимался всей организацией поездки. Бломберг посетил Липецк, район Камы и Томки, полигон под Воронежем, где германские части проводили эксперимент по взаимодействию авиации и наземной артиллерии и по применению газовых снарядов. Он встречался со всеми главными советскими военными руководителями, ему везде оказывали восторженный прием, и он присутствовал на армейских маневрах под Киевом. Бломберг в целом положительно отзывался как о достижениях, так и о потенциальных возможностях Красной Армии и в заключение своего отчета о визите настоятельно рекомендовал продолжать сотрудничество между рейхсвером и Красной Армией⁸⁵. Одна просьба, высказанная Ворошиловым, вызвала замешательство и имела важное значение для двойственной политики Германии. Он попросил, чтобы для облегчения изучения Красной Армией рейхсвера и его методов обучения к учебным заведениям германского генерального штаба были прикомандированы на неопределенный период пять советских офицеров и, кроме того, по пяти офицеров на более короткие сроки — к учебным заведениям по подготовке военно-технических специалистов и по использованию «основного оружия» (вероятно, имелись в виду танки). Рейхсвер всегда опасался пагубного влияния, а также угрозы нарушения секретности в результате присутствия большого числа офицеров Красной Армии. Не говоря уже о существовавшем мнении, что Красная Армия получает от этого сотрудничества больше выгод. Бломберг ответил, что это такой вопрос, который должно решать правительство Германии, и добавил, что деятельность Коминтерна постоянно создает трудности, и Красная Армия должна использовать свое влияние в соответствующих сферах с тем, чтобы такие трудности не возникали. В своем отчете Бломберг рекомендовал в принципе предоставить такие возможности, как в порядке «справедливого обмена», в ответ на возможности, которыми располагает рейхсвер в Советском Союзе, так и потому, что «вызванное этим усиление Красной Армии отвечает интересам Германии»⁸⁶. Насколько полно была удовлетворена просьба Ворошилова, история умалчивает. Несмотря на многочисленные сложности, сотрудничество между Красной Армией и рейхсвером не претерпело существенных изменений со времени своего возникновения и продолжало развиваться⁸⁷. Однако попытки, предпринятые в 1926 г. с тем, чтобы наладить такое же сотрудничество военно-морских сил, потерпели неудачу, и новые, не слишком настойчивые попытки, предпринятые в 1929 г., также не увенчались успехом⁸⁸.

В менее заметных сферах сотрудничество успешно продолжалось⁸⁹. В разгар взаимного раздражения, порожденного шахтинским делом, в июле 1928 г. из Москвы отправилась совместная советско-германская научная экспедиция на Памир, с советской стороны организованная Академией наук СССР⁹⁰. В том же месяце вслед за международным историческим конгрессом, состояв-

шимся в Осло, прошла «советско-германская неделя историков», которая получила широкое освещение в советской печати: отмечалось, что три главных советских участника — Покровский, Адоратский и Дубровский — делали свои сообщения на немецком языке⁹¹. В январе 1929 г. в Москве открылась «неделя германской техники». Открыл ее бывший руководитель советской торговой делегации в Берлине, а теперь сотрудник Народного комиссариата по иностранным делам, Стомоняков. С речами выступили Куйбышев и Луначарский, а также германский посол в Москве и ряд немецких ученых и инженеров⁹². В апреле 1929 г. Москву посетила делегация руководителей администрации и промышленников из Восточной Пруссии с целью рекламирования преимуществ советской торговли с Восточной Пруссией и особенно с портом Кенигсберг⁹³. Визиты в Советский Союз многочисленных делегаций немецких рабочих, имевшие место в 1925—1927 гг.⁹⁴, труднее укладывались в рамки сложившейся модели и больше не повторялись. Когда 1 мая 1929 г. берлинская полиция открыла стрельбу по демонстрации рабочих-коммунистов, были многочисленные жертвы, и эта возмутительная расправа послужила причиной демонстрации рабочих в Ленинграде, а также поводом для резкого выступления как всегда нетактичного Ворошилова. В ответ на протесты германской стороны против такой реакции были получены обычные пустые заверения в том, что это дело Коминтерна и профсоюзов; и этому инциденту не дали надолго возмутить спокойную поверхность советско-германской дружбы⁹⁵.

Отношения Советского Союза с Германией были теснее и доверительнее, чем с какой бы то ни было другой страной. Неизменно носившие острый характер, их дискуссии и переговоры были лишь обратной стороной существовавшего между ними взаимопонимания, которое почти полностью отсутствовало в отношениях СССР с другими западными странами, — взаимопонимания, основанного на осознании общего интереса, того самого знаменитого «духа Рапалло», который, несмотря на вызов, брошенный ему в Локарно, и несмотря на все усиливающуюся западную ориентацию возглавляемой Штресеманом немецкой внешней политики, умирал весьма медленно. Улучшение отношений Германии с западным миром несколько нарушило баланс сил. Во время визита Бломберга в Советский Союз Ворошилов заверял его, что *«в случае нападения Польши на Германию, Россия готова оказать любую помощь»*, и настоятельно желал знать, можно ли рассчитывать на поддержку со стороны Германии *«в случае польского нападения на Советский Союз»*. Бломберг, однако, постарался уйти от ответа на этот неудобный вопрос, сказав, что это — дело политических властей⁹⁶. Теперь у Германии была большая свобода для маневра. И все же она была еще весьма ограничена. Более откровенно, чем в любом другом из опубликованных документов, ситуа-

ция эта была суммирована в докладе советского посла в Париже в июне 1928 г.:

«Германия продолжает сидеть между двумя стульями. Хотя ей и хочется плотнее усесться на западный стул, время этому, однако, еще не наступило... Восточная опора нужна Германии и политически, и экономически».

Но и Советскому Союзу был открыт путь для аналогичного встречного маневра: «Усиливая торгово-экономические отношения с Англией и Францией и укрепив свое положение в них, мы одно временно используем это, чтобы дать предметный урок Германии и сделать ей предостережение»⁹⁷.

Штреземан продолжал настаивать на том, что «жалкое положение» Германии в качестве невооруженной страны в Центральной Европе «заставляет ее поддерживать дружественные отношения со всеми соседними государствами»⁹⁸.

Тем не менее 1929 г. оказался годом прогрессирующего охлаждения в советско-германских отношениях и постепенной утери ими характера исключительности. В ходе переговоров, которые велись в первые месяцы 1928 г., предполагалось, что пересмотр торгового соглашения приведет к предоставлению новых кредитов для покрытия более широких советских заказов немецкой промышленности⁹⁹. Однако когда в ноябре 1928 г. переговоры были возобновлены, провели быструю техническую ревизию договора, а вопрос о кредитах оставили для дальнейшего урегулирования, хотя руководитель советской делегации Стомоняков сообщил своему немецкому партнеру о намерении СССР «заказать в Германии готовые товары для сельскохозяйственного рынка ко времени нового урожая»¹⁰⁰. Первые три месяца нового года никакого прогресса не принесли. Затем, 12 апреля 1929 г., Дирксен мимоходом коснулся этого вопроса в беседе со Стомоняковым, который привлек к разговору Микояна. С обеих сторон была заметна некоторая нерешительность, и каждая сторона винила другую за задержку. Стомоняков заметил, что у Советского Союза «кредитной алчности» уже не наблюдается. Он пожаловался на неудобства, связанные с предоставленными в 1926—1927 гг. кредитами на сумму 300 млн. марок, и заметил, что переговоры с находящейся в то время в Советском Союзе делегацией британских промышленников позволяют надеяться на получение в Великобритании кредитов на более благоприятных условиях и что американские экспортеры также предлагают кредиты. Репутация Советского Союза как делового партнера на мировых рынках котировалась выше, чем в 1926 г., и ему очень хотелось покончить с положением исключительной зависимости от связей с Германией. В критический момент переговоров по репарациям, в порядке подготовки к заключению соглашения по плану Юнга, Германии не хотелось, чтобы получили огласку факты предоставления ею крупных займов и кредитов Советскому Союзу. Вместе с тем перспектива американского проник-

новения на советский рынок за счет интересов Германии также была малопривлекательной¹⁰¹.

Несколько дней спустя Шлезингер сделал Стомонякову конкретные предложения. Вместо кредитов, выдаваемых под конкретные заказы, предлагался крупный заем у банков. Правительство Германии, ранее гарантировавшее кредиты до 60%, готово было гарантировать заем до того же предела; Советское правительство должно было гарантировать 25%, а оставшиеся 15% покрыть было нетрудно. Упомянули и общую сумму — 500 млн. марок, однако срок займа, по-видимому, не был определен¹⁰². Это вызвало контрпредложения с советской стороны, в соответствии с которыми предусматривался заем в сумме 200 млн. марок и кредиты на 30 млн. марок, и тот и другой сроком на 10 лет; германская доля в гарантии должна увеличиться до 75%, а советская доля — сократиться до 10%¹⁰³. Переговоры снова зашли в тупик. На протяжении всего лета 1929 г. Германия была занята жизненно важными для нее вопросами, касающимися плана Юнга. В Москве подозревали, что Банк международных расчетов, который намеревались создать по этому плану, станет инструментом единого финансового фронта против Советского Союза. В него заманили Германию — признак усиления «антисоветских настроений» в стране¹⁰⁴. В ознаменование 10-летия Версальского договора «Известия» опубликовали: 14 «пунктов» Вильсона, речь Брокдорф-Ранцау, отвергавшую этот договор, которую он планировал произнести на Веймарской ассамблее, и несколько статей с осуждением Версальского договора — молчаливый упрек Германии за ее покорность перед странами-победителями¹⁰⁵. Когда 3 октября 1929 г. скончался Штресеман, Германия уже твердо ступила на путь примирения с Западом, который привел к выводу союзных войск из Рейнской области в июне 1930 г., то есть почти на пять лет раньше срока, указанного в Договоре. Между тем начавшийся осенью 1929 г. мировой экономический кризис смел многие обломки прошлого и открыл новый период в отношениях Советского Союза как с Германией, так и с другими странами.

ОТНОШЕНИЯ С ФРАНЦИЕЙ

Некоторое время продолжались усилия по оживлению вяло тянувшихся франко-советских переговоров о долгах и кредитах¹. 7 июня 1926 г. советская делегация представила на конференции подробный список кредитов, которые Советское правительство надеялось получить у Франции в ближайшие три года, и соответствующих заказов, которые будут размещены во Франции. Раковский снова призвал не допустить, чтобы «мертвый хватал живого, чтобы экономическое развитие и кредиты Советского Союза оказались парализованными из-за вопроса о долгах прежнего рынка, чтобы наши крестьяне трудились ради прошлого, а не ради будущего». Однако из тупика, в который зашли переговоры о долгах, выхода не обнаружили. Неделью спустя было решено официально прервать конференцию до ноября с оговоркой, что пока могут продолжаться неофициальные встречи и беседы². В этот момент в результате правительственного кризиса в кабинете Бриана произошла перетасовка, и старик Кайо стал министром финансов. Кайо в свое время участвовал в предоставлении некоторых французских займов царскому правительству и не раз занимал непримиримую позицию по вопросу о займах, поэтому назначение его не предвещало ничего хорошего. Кроме того, подписание 10 июня 1926 г. франко-румынского договора, который содержал взаимное обязательство сторон консультироваться друг с другом в случае возникновения угрозы «законным национальным интересам» одной из этих стран или «порядку, установленному договорами», послужило новым яблоком раздора³.

Бриан явно хотел избежать разрыва. На встрече с Раковским 13 июля 1926 г. он в исключительно примирительных тонах проанализировал имевшиеся между двумя странами спорные вопросы. Он заявил, что готов вести переговоры относительно заключения пакта о ненападении, и намекнул, что это может положить начало более широкому соглашению, которое включило бы и Германию. Он отрицал тот факт, что франко-румынский договор гарантирует Румынии владение Бессарабией, и еще раз пообещал возвратить военные корабли, находящиеся в Бизерте, и ликвидировать грузинскую миссию в Париже, на деятельность которой жаловалось советское посольство. Наконец, Бриан пообещал в те-

чение ближайших двух дней организовать Раковскому еще одну встречу с ним самим, де Монзи и Кайо по вопросу о долгах⁴. На этой встрече Кайо проявил меньшую враждебность, чем опасались. Он готов был предложить кредиты в обмен на урегулирование вопроса о долгах и поднял вопрос о нефти. Был обсужден проект, по которому Советскому Союзу была бы предоставлена монополия на продажу нефти на французском рынке, а Франция получила бы нефтяные концессии в СССР. Однако это, как заметил Раковский, означало бы войну с «Стандарт ойл» и «Шелл», и трудно поверить, что такой проект когда-нибудь рассматривался всерьез⁵. На следующий вечер, 16 июля 1926 г., Раковский и де Монзи встретились для выработки согласованного протокола по вопросу о долгах и кредитах⁶. Вслед за этим Раковский выехал в Москву для участия в роковом для него пленуме ЦК⁷, а в его отсутствие политическая обстановка во Франции, охваченной финансовым кризисом, драматически изменилась. Правительство Бриана пало, и 29 июля 1926 г. Эррио сформировал новое правительство, в котором пост министра финансов занял де Монзи. Надежды, которые пробудила в Москве эта волнующая новость, оказались, однако, преждевременными. Эррио не удалось получить большинство в Национальном собрании, и через два дня его сменил Пуанкаре, возглавивший «министерство всех талантов», которое торжественно пообещало прежде всего оживить затухающую экономику и поднять падающий в цене франк. Хотя Бриан и оказался незаменимым на посту министра иностранных дел, приход к власти Пуанкаре, чья роль в срыве Генуэзской конференции в 1922 г. была хорошо известна⁸, казалось, закрыл все пути для франко-советского сближения.

Год, последовавший за возвращением Раковского в Париж (2 августа 1926 г.), стал годом непрерывного ухудшения франко-советских отношений. Хотя официально переговоры о долгах и кредитах и не прерывались, фактически они не велись. Первая встреча Раковского с Пуанкаре, которая состоялась 25 августа 1926 г., отличались «сухостью и формальностью». На второй встрече, 27 января 1927 г., Пуанкаре был «очень любезен», но ограничился обсуждением таких вопросов, как бизертский флот и продолжение признания французскими властями грузинской миссии в Париже и царских консульств в различных городах⁹. В октябре 1926 г. Раковский говорил представителям печати, что переговоры о долгах так продвинулись, что можно будет заняться вопросами о кредитах¹⁰. Однако, когда 19 марта 1927 г. конференция по долгам и кредитам наконец-то возобновила свою работу, де Монзи пригрозил, что если Советский Союз не предложит лучших условий уплаты долгов, то переговоры прервутся на неопределенное время¹¹. Когда на заседании, состоявшемся 25 марта 1927 г., советская делегация представила пересмотренную схему платежей, французская делегация заявила, что в ней не содержится никаких улучшений по сравнению с предложением, сделан-

ным 17 июля 1926 г., и дело закончилось официальным письмом Раковского де Монзи от 1 апреля 1927 г., в котором он отказался добавить что-либо к уже сделанному предложению, но намекнул, что это стало бы возможно в случае, если будут предоставлены выгодные кредиты¹².

К весне 1927 г. в связи с изменением международной обстановки отношения между Францией и СССР еще больше омрачились и исчезла последняя надежда на достижение соглашения. Ухудшение отношений между Великобританией и Советским Союзом сказалось на французской политике и на французском общественном мнении. Кроме того, деятельность Французской коммунистической партии вызывала все более резкую реакцию¹³. 22 апреля 1927 г. министр колоний Сарро выступил в Национальном собрании с речью, которая вызвала бурные аплодисменты. В этой речи он превозносил французскую колониальную политику, ставшую теперь не коммерческой операцией, а «гуманной миссией». Сарро красноречиво объяснил, что так как «Франция представляет в мире моральную силу, несомненно, вполне способную успешно противостоять происходящей во всем мире национальной и социальной дезинтеграции, на обломках которой вожди московского коммунизма надеются воздвигнуть новый империализм некой необъятной славянской гегемонии», Москва, естественно, стремится уничтожить эту моральную силу. В заключение он громко воскликнул: «Коммунизм — вот где враг!» Когда 30 июня 1927 г. Раковский попросил де Монзи возобновить работу конференции по долгам и кредитам, он получил категорический отказ¹⁴. Кое-где ожидали, а в Москве боялись, что Франция, а возможно, и Германия последуют примеру Великобритании и разорвут дипломатические отношения с Советским правительством. Однако, когда находившийся во Франции в отпуске Чичерин посетил 23 и 24 мая 1927 г. Бертоло и Бриана, и тот и другой заверили его, что Франция не будет участвовать ни в какой агрессивной акции против Советского Союза. Бриан упомянул о расхождении во мнениях среди британских «магнатов» и в правительстве, заявив, что, по его мнению, британская акция не получит дальнейшего развития¹⁵. Беседы между тремя министрами иностранных дел в Женеве в июне 1927 г. показали, что ни Бриан, ни Штреземан не намерены следовать британским курсом¹⁶.

Таким образом, положение уже не было деликатным, когда Раковский из лояльности к Троцкому и русской партийной оппозиции допустил неосторожность. В июле-августе 1927 г. на состоявшемся в Москве Пленуме Центрального Комитета партии самые бурные дебаты разгорелись вокруг международных вопросов, и Троцкому были брошены обвинения в пораженчестве и нелояльности. Раковский в дискуссии не участвовал. Но когда 8 августа 1927 г. в близорукой попытке успокоить большинство оппозиция выпустила декларацию, в которой провозглашала и утверждала свою верность политике партии и государства в области внешних

отношений, Раковский подписал ее вместе с другими. Декларация содержала два особенно изобличающих лозунга: «Да здравствует поражение всех буржуазных государств, которые ведут войну против Советского Союза! Каждый честный пролетарий в капиталистических странах должен активно работать, чтобы нанести поражение своему правительству!» «Да здравствует переход в Красную Армию всех иностранных солдат, которые не хотят помогать работовладельцам в своих собственных странах!»¹⁷

На такие шаблонные заявления в стиле Коммунистического Интернационала обычно обращали мало внимания. Однако несколько дней спустя французский посол в Москве выразил протест против этой «недопустимой демонстрации» со стороны дипломата, аккредитованного при французском правительстве, и после небольшого спора Чичерин вручил Эрбетту заявление, в котором говорилось, что Советское правительство «совершенно официально и определенно осуждает мысль о том, чтобы один из его представителей мог вести на территории Франции пропаганду мятежа и дезертирства». Французское правительство приняло к сведению это заявление, что и было отражено в его коммюнике от 4 сентября 1927 г. Аналогичное заявление сделал в Париже Раковский, и инцидент, по-видимому, был исчерпан¹⁸. Итальянское правительство, со своей стороны, осталось равнодушно к тому, что упомянутую декларацию подписал и советский посол в Риме Каменев.

К сожалению, вкупе с несколькими другими этот эпизод подлил масла в огонь взаимного раздражения и недоверия. Летом 1927 г. английская воскресная газета «Рефери», рассчитанная на широкие массы читателей, опубликовала серию интервью с выдающимися деятелями Франции. 21 августа 1927 г. пришла очередь Фоша, который с тоской вспоминал февраль 1919 г., когда он заявил представителям союзных правительств, что, «если бы только у окружающих Россию государств хватило вооружений и боевого духа», он бы «раз и навсегда покончил с большевистской угрозой». Однако он также с надеждой смотрел в будущее. Одной из главных причин принятия Германией в Лигу наций была вера в то, что «она после этого примкнет к единому фронту остальной Европы против большевизма». Фош предвидел день, «когда ей придется повернуться лицом к Западу и, таким образом, помочь нам разгромить общего врага». Он убеждал Францию последовать примеру Великобритании и разорвать отношения с Москвой. Фош был теперь стариком. Тот факт, что его высказывания почти не получили широкого отклика в других газетах, заставляет предположить, что они вызвали некоторое замешательство в официальных кругах. Тем не менее 24 августа 1927 г. «Правда», основываясь на телеграфных сообщениях, заявила, что «маршал Фош открыто призывает буржуазию всех стран к войне против СССР», включая установление «голодной блокады» против его 150-миллионного населения, а на следующий день в передовой статье его высказывания трактовались как демонстрация западными отступниками

враждебных намерений в отношении Советского Союза¹⁹. Французский коммунист Марти написал письмо из тюрьмы «Санте», в котором яростно осуждал Фоша как подстрекателя войны против Советского Союза. Это письмо было опубликовано в «Юманите» 26 августа 1927 г. и привело к тому, что Марти было предъявлено обвинение в клевете. За этим последовала кампания во Французской коммунистической партии, и долго еще жила память об этом обвинении²⁰. В тот момент, когда Фош давал свое интервью, в Париже и других столицах проходили демонстрации, вызванные казнью Сакко и Ванцетти²¹. Проход через Париж американского легиона был воспринят как контрдемонстрация, и такой оценкой воспользовались для того, чтобы выслать из Парижа корреспондента ТАСС по обвинению в том, что он направляет в Москву неверные сообщения²².

В такой накаленной атмосфере, вслед за сравнительно вежливым дипломатическим обменом мнениями относительно неосторожного поступка Раковского, в печати началась кампания, направленная лично против советского посла, причем началась так внезапно и с таким ожесточением, что это наводит на мысль о какой-то конкретной директиве²³. Была подделана подпись Бриана, находившегося в это время в Женеве на Ассамблее Лиги наций, под распространенным 17 сентября 1927 г. агентством Гавас заявлением о том, что в кабинете министров сложилось мнение о том, что желательно потребовать отозвания Раковского, но что окончательное решение будет принято после возвращения Бриана²⁴. После того как советские руководители проявили известную готовность отмежеваться от необдуманного поступка одного из членов оппозиции, вынужденное отозвание советского посла явилось весьма неприятным ударом. В опубликованном в «Известиях» интервью Литвинов отметал, как абсурдную, мысль о том, что кампания во французской прессе была направлена лично против Раковского или что ее причина лежит в самих франко-советских отношениях. Кампания представляла собой попытку «сорвать наметившееся соглашение и затем осуществить антисоветскую политику Великобритании во Франции». Ее зачинщиков можно было без всяких оговорок пригвоздить к позорному столбу как «поджигателей войны, зачинщиков мирового пожара»²⁵. Предпринятая советской стороной в последнюю минуту попытка отвести это требование путем выдвижения предложений, содержащих более выгодные условия урегулирования вопроса о долгах и кредитах²⁶, была проигнорирована: в настоящий момент речь шла не об этом. 1 октября 1927 г. Эрбетт вручил требование об отозвании Раковского. Чичерин возразил, что инцидент был закрыт с опубликованием французского коммюнике от 4 сентября 1927 г., и продолжал торговаться до тех пор, пока это требование не было сформулировано в еще более категорической форме, в ноте от 7 октября²⁷. 12 октября 1927 г. этот вопрос рассматривался на Политбюро, и в тот же день Эрбетту была вручена резкая нота с выражением согла-

сия²⁸. По-видимому, Советское правительство предложило Раковскому возглавить советскую делегацию на конференции по разоружению в Женеве. Однако он предпочел не связывать себе руки, чтобы иметь возможность поддержать оппозицию в критический для нее момент²⁹.

После кризиса во франко-советских отношениях, отмеченного отъездом Раковского из Парижа, оставался еще один слабый проблеск надежды. В заявлении для печати, сделанном Чичеринным во время его визита в Париж в декабре 1925 г., он подчеркивал нежелание Советского Союза вступать в Лигу наций, указывал на альтернативный метод «прямых и немедленных соглашений с другими странами» и добавил: «На мой взгляд, мы вступаем в период непосредственных соглашений между нашим правительством и правительствами других стран»³⁰. Это не очень ясное высказывание получило объяснение и развитие в договоре о невмешательстве и нейтралитете, подписанном два дня спустя с Турцией. Советские дипломаты и журналисты приветствовали его как образец для будущих соглашений между Советским Союзом и другими странами³¹. В Европе по тому же образцу 28 сентября 1926 г. был заключен советско-литовский договор³². Французскому правительству никаких официальных предложений сделано, по-видимому, не было до тех пор, пока в августе 1927 г., парируя протест Эрбетта против неосмотрительного поступка Раковского, Чичерин не заговорил о мирном характере франко-советских отношений и не добавил, что Раковский уполномочен в любое время вступить в переговоры о заключении договора о дружбе, ненападении и невмешательстве³³. По довольно необъяснимым причинам в том коммюнике кабинета министров Франции от 17 сентября 1927 г., за которым последовало требование об отзывании Раковского, приветствовалось «русское предложение заключить пакт о ненападении». Далее, однако, в форме намека указывалось на важность отзыва Раковского и на необходимость удостовериться «предварительно в том, что осуществлены все условия, могущие сделать возможным такой пакт». Этот вежливый ответ, возможно, направленный на то, чтобы прикрыть грубость, с которой был выслан Раковский, приветствовался «Известиями» как «победа здравого смысла»³⁴ и вызвал некоторый переполох в германских дипломатических кругах. Брокдорф-Ранцау высказал свою тревогу Чичерину, и в Берлине, и в германском посольстве в Москве были получены заверения в том, что это предложение было не более чем «тактическим маневром» и что благоприятный ответ французов явился неожиданностью³⁵. Это было сказано, очевидно, хотя и не совсем искренне. Несмотря на то что в течение некоторого времени горечь, оставшаяся после дела Раковского, не позволяла советской дипломатии выступить с новой инициативой, она всегда держала в резерве вариант сближения с Францией для нейтрализации слишком большой зависимости от становящегося все более проблематичным союза с Германией.

1928 год, после тревог и неустойчивости 1927 г., был небогат событиями в области франко-советских отношений. Соглашение о долгах и кредитах было брошено в корзину, из которой его уже никогда не доставали. В начале 1928 г. на смену Раковскому приехал Довгалеvский, старый член партии с опытом дипломатической работы в Швеции и Японии, и Бриан обещал обуздать начавшуюся против него кампанию в печати³⁶. Принимая Довгалеvского 29 января 1929 г., Пуанкаре упорно настаивал на том, чтобы считать конференцию по долгам и кредитам оконченной; если советская миссия желает сохранить своих экспертов в качестве членов миссии, она вольна это сделать³⁷. Произошел обмен вежливыми заверениями с Брианом относительно предложенного пакта о ненападении, но он не принес результатов³⁸. В феврале 1928 г. произошел неприятный эпизод в связи с отправкой двум нью-йоркским банкам партии советского золота на сумму в пять млн. долл. Американское министерство финансов рекомендовало государственному департаменту не давать заверений в том, что «право на советское золото не будет оспариваться ни в международном масштабе, ни каким-либо другим образом». 6 марта 1928 г. французский посол в Вашингтоне направил государственному департаменту ноту, в которой поддерживались притязания на это золото, выдвинутые Французским банком, на счету которого в Петербурге до 1917 г. было 52 млн. франков. Столкнувшись с тем, что право собственности на это золото оспаривается, американское министерство финансов отказалось разрешить Пробырной палате принять этот груз³⁹. Это известие было встречено в Москве с возмущением. Председатель правления Госбанка Шейнман указал, что советское золото уже отправлялось в Нью-Йорк в 1922 г. в уплату за поставки товаров, направленных в помощь голодающим, и было принято без каких бы то ни было возражений. Хинчук обратил внимание на ущерб, который нанесет советско-американской торговле захват золота⁴⁰. 18 марта 1928 г. Эрбетт, по-видимому, отрицал в беседе с Чичериным, что была направлена такая нота, а пять дней спустя Чичерин сделал официальный запрос правительству Франции о содержании ноты от 6 марта. В полученном с большим опозданием, 10 апреля 1928 г., уклончивом ответе признавалось, что Французский банк возбудил судебное дело для утверждения своих прав на это золото, и утверждалось, что французская нота от 6 марта 1928 г. представляла собой просто запрос об отношении к этому государственного департамента⁴¹. Четыре дня спустя в коммюнике ТАСС указывалось, что французское правительство не дало прямого ответа на вопрос, поддерживает ли оно притязания банка⁴². Дело о собственности было передано в суд⁴³. Однако 6 апреля 1928 г., не желая мириться с поддержкой, банки отправили золото в Германию, где от него легко можно было избавиться. Этот оригинальный ход вызвал в американских финансовых кругах разговоры о ненормальной ситуации, которая создавалась в результате непризнания Советского прави-

тельства, а также о безответственной акции государственного департамента⁴⁴. Со стороны французского правительства не последовало никакой реакции, и оно, как сообщал Довгалецкий в июне 1928 г., «продолжало обходить молчанием советский вопрос»⁴⁵.

Тем не менее в течение этого года климат несколько улучшился. Среди других признаков возрождения интереса к франко-советской торговле можно назвать состоявшуюся 22 ноября 1928 г. официальную встречу между советскими представителями и крупными французскими промышленниками и финансистами, которые собрались для обсуждения перспектив. Было запланировано провести новую встречу⁴⁶. Однако французские промышленники имели меньше веса, чем их британские собратья, и эта инициатива, по-видимому, повисла в воздухе. Последние недели года были отмечены некоторым оживлением интереса, очевидно, вызванного дискуссиями по вопросу о разоружении, которые проходили в Женеве⁴⁷. В опубликованной 4 декабря 1928 г. в «Известиях» гневной статье приводились якобы высказанные Пуанкаре замечания о том, что если бы «наши советские друзья» * действительно были согласны на всеобщее разоружение, то он последовал бы их примеру. В той же статье его с насмешкой обвиняли в том, что он лицемерно притворяется, будто находится в неведении относительно советских предложений в Женеве. В тот же самый день во время дебатов, которые развернулись в Национальном собрании по международным вопросам, Бриан, задетый замечанием Кашена о том, что против России «готовится» война, возразил, что «Польшу и Румынию беспокоят намерения России и что это легко понять»⁴⁸. Несколько дней спустя, выступая на заседании ЦИК Союза ССР, Литвинов критиковал отговорки Пуанкаре и замечание Бриана о Польше и Румынии и выразил сожаление в связи с тем, что предложения о заключении пакта о ненападении, очевидно, забыты⁴⁹. Однако это была уже обычная, не имеющая значения формальность. Находящийся в этот момент в Берлине Чичерин дал представителям печати интервью по вопросу о международных отношениях, в котором, несомненно, для того чтобы произвести впечатление на германскую аудиторию, удивительно дружелюбно отзывался о Франции. По его мнению, Франция начала «понимать международное значение СССР» и, хотя сложные переговоры по экономическим вопросам, безусловно, потребуют длительного времени, политические отношения «стали гораздо более удовлетворительными»⁵⁰. В беседе с советским послом в январе 1929 г. Бриан не скупился на заверения в доброй воле, но не выдвинул никаких предложений, касающихся заключения пакта о ненападении или торгового соглашения⁵¹. Больше никаких событий не произошло. Де Монзи после отъезда Раковского занялся финансовыми планами, касающимися торговли с Совет-

* В указанном источнике упоминаются «ваши советские друзья». — *Прим. ред.*

ским Союзом, который якобы намеревался нарушать свою монополию внешней торговли, и когда в начале 1929 г. он выразил желание посетить Советский Союз, Довгалецкий охарактеризовал его как «беспринципного фантаста» и обещал Литвинову отговорить его от этой поездки⁵². В докладе по международным вопросам на V Всесоюзном съезде Советов, который состоялся в мае 1929 г., Рыков охарактеризовал франко-советские отношения как находящиеся в «состоянии полужизни, своего рода продолжительного сна-анабиоза»⁵³. Для того чтобы вернуть их к жизни, потребовался коренной сдвиг в расстановке сил в Европе, который и произошел три года спустя.

ОТНОШЕНИЯ С ИТАЛИЕЙ

Советско-итальянские отношения пережили приход Муссолини к власти и получили определенный стимул после того, как в феврале 1924 г. одновременно с Великобританией Италия признала Советский Союз де-юре. Однако не слишком твердое решение Муссолини участвовать в Локарнских соглашениях принесло разочарование¹. И с этого времени Италия, казалось, стала в один ряд с западными державами против Советского Союза. 16 сентября 1926 г. Италия заключила договор о дружбе с Румынией. В связи с этим неизбежно вставал вопрос о договоре от 28 октября 1920 г., по которому союзные державы отдали Румынии Бессарабию и который так и не получил юридической силы из-за отказа Италии и Японии его ратифицировать. В подписанной Муссолини и приложенной к договору о дружбе ноте объявлялось о намерении ратифицировать бессарабский протокол, «когда станет возможным сделать это без ущемления общих интересов Италии»². Эта двусмысленная фраза вызвала тревогу и негодование в Москве. Когда несколько дней спустя советский полпред представил на рассмотрение итальянского правительства проект договора о ненападении, составленный по советско-турецкому образцу, в него был включен специальный пункт, согласно которому каждая из сторон обязывалась не ратифицировать договоры и обязательства, не поставив об этом в известность другую сторону. Поэтому когда Муссолини отверг проект именно из-за этого пункта, он укрепил тем самым недоверие Советского Союза к его намерениям³. Советское правительство отстаивало этот пункт с той страстностью, которую всегда неизменно вызывал бессарабский вопрос. 6 октября 1926 г. советский полпред в Риме выразил протест против заверений, данных Италией румынскому правительству, и заявил, что ратификация бессарабского протокола представляла бы собой «нарушение суверенных прав и интересов Советского Союза». Муссолини продемонстрировал подлинную или притворную обиду. Он разъяснил, что формулировка в ноте румынскому правитель-

ству оставляет ему свободу «откладывать ратификацию до бесконечности» и потребовал отзыва советской ноты. Единственной уступкой, которой он добился, была отсрочка в ее публикации⁴. Когда в январе 1927 г. румыно-итальянский договор был опубликован, советская нота от 6 октября 1926 г. с запозданием появилась в «Известиях»⁵.

27 ноября 1926 г. дипломатические круги были шокированы подписанием итало-албанского договора, который, по существу, устанавливал протекторат Италии над Албанией. Однако Чичерин не упомянул Албанию в интервью по широкому кругу вопросов, которое он дал представителям печати в Берлине 6 декабря 1926 г., подчеркнув, что «...политика Италии на Балканском полуострове — дело самой Италии». Он добавил: естественно, что омрачает советско-итальянские отношения, так это позиция Италии по отношению к Румынии⁶. Зимой 1926/27 гг. советская дипломатия была поглощена ухудшением англо-советских отношений, а Италию, казалось, явно переманили на сторону Великобритании. Злобнейшей представлялась встреча Муссолини с Чемберленом, состоявшаяся в Ливорно 30 сентября 1926 г., в ходе которой и хозяин и гость всячески демонстрировали отношения нерушимой дружбы. В январе 1927 г. визит в Рим к Муссолини, нанесенный Черчиллем, пресловутым организатором антисоветского фронта в Великобритании, подтвердил самые худшие опасения Москвы. К началу марта 1927 г. англо-советские отношения стремительно катились к неизбежному разрыву. После того как 7 марта 1927 г. итальянское правительство официально информировало Советское правительство о том, что оно собирается ратифицировать бессарабский протокол, Каменев, вновь назначенный советским представителем в Риме, охарактеризовал этот акт, как «продолжение политики окружения и мести Чемберлена»⁷.

Однако когда разрыв с Великобританией произошел, Италия проявила так же мало желания последовать британскому примеру, как и другие европейские государства. В результате напряжение в советско-итальянских отношениях спало, и они снова вернулись на прежний спокойный курс.

Самой обычной темой дипломатических переговоров была торговля и концессии. Летом 1928 г., когда потерпел аварию исследовавший полярные льды итальянский дирижабль, советская экспедиция, оснащенная ледоколами и самолетами, провела успешные поиски и спасла пропавшую команду — подвиг, который привлек внимание всего мира и высоко поднял авторитет Советского Союза как знатока Арктики. Руководители советской экспедиции посетили Италию, где им был оказан восторженный прием⁸. В течение всего этого времени с советской стороны периодически поступали напоминания о предложении заключить пакт о ненападении, но они оставались без ответа. Наконец, в декабре 1928 г. Муссолини

прямо заявил, что «...заключение политического договора с Союзом означает для Италии совершенно новую ориентировку на Востоке и разрыв политических и экономических связей с Англией и Францией», и по этой причине оно неприемлемо⁹. Италия в это время была заинтересована в поддержании хороших отношений с Советским Союзом, потенциальным поставщиком нефти и угля, но лишь в тех пределах, которые допускали более существенные для нее отношения с западными державами.

ОТНОШЕНИЯ С ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПОЙ

Первая реакция в Москве на переворот в Варшаве, совершенный Пилсудским 12 мая 1926 г., была настороженно-нейтральной. 14 мая 1926 г. «Правда» сообщала о «перевороте в Польше» без всяких комментариев. На следующий день в опубликованной в «Правде» статье Радека допускалось, что Пилсудский, возможно, является «выразителем мелкобуржуазных тенденций», и с угрозой отмечалось, что «Пилсудский считался за последнее время **связанным с Англией**». Наркоминдел сделал официальные заверения о невмешательстве, и было опубликовано коммюнике, в котором отрицались слухи о сосредоточении советских войск на польской границе¹. 18 мая 1926 г. в «Известиях» выражалась надежда, что этот переворот означает **«серьезное ослабление французского влияния в Польше»**. Однако скоро наступило разочарование. Стало известно, что Пилсудский не только антибольшевик, но и русофоб. Возможно, он и проявлял в прошлом неудовольствие в связи с французской военной опекой, но к перевороту с сочувствием отнеслось британское правительство. Реакция советской прессы была теперь, безусловно, враждебной. 22 мая 1926 г. в передовой статье, озаглавленной «Разрушенная легенда», «Известия» с сожалением отмечали, что «Пилсудский, возвестивший поход против фашизма, быстро стал искать согласия с ним». 28 мая 1926 г. в «Правде» Радек назвал Пилсудского «Наполеоном IV». Несколько дней спустя «Известия» вынесли краткий приговор: **«Польский фашизм обретает „своего героя”»**². В своих выступлениях 8 июня 1926 г. Сталин и Бухарин заклеили Пилсудского как врага революции и осудили польскую партию за терпимость, проявленную к нему с самого начала³.

В первые месяцы 1926 г. советско-польские отношения, уже нарушенные польско-румынским договором от 26 марта 1926 г.⁴, осложнились еще больше из-за того, что каждая из сторон старалась вовлечь небольшие прибалтийские страны в орбиту своего влияния⁵. Одной из последних акций сверженного польского правительства была посылка чиновника по фамилии Яниковский в Латвию, Эстонию и Финляндию с пересмотренными предложениями для того, чтобы добиться, если не участия этих стран в войне— в случае, если такая возникнет,— против Советского Союза, то

хотя бы их дружественного нейтралитета. Этот визит совпал с советскими нотами, направленными правительствам Латвии и Эстонии 21 мая 1926 г., в которых содержался проект договора о ненападении, основанный на предварительных обсуждениях. В ответе эстонского правительства от 26 мая 1926 г. выражалось сформулированное в угрожающих тонах мнение, что, возможно, будет необходимо проконсультироваться с другими государствами. Латвийское правительство в ответе от 31 мая 1926 г. просто обещало тщательно рассмотреть эти предложения⁶. Оказавшись между двумя более крупными соседями, мелкие страны колебались. В Москве поняли, что Латвия склоняется к советской стороне, а Эстония — к Польше⁷, но ни та, ни другая не хотели действовать в одиночку. Во второй половине июня 1926 г. между Наркоминделом и финским посланником в Москве проходило обсуждение спорных вопросов, включая вопрос о статусе Аландских островов, переход которых к Финляндии Советская Россия отказалась признать в 1921 г. В ноте, направленной финскому правительству 12 июля 1926 г., Советское правительство согласилось начать переговоры в Хельсинки для урегулирования этих вопросов и для заключения пакта о ненападении⁸. Однако эти инициативы оказались бесплодными⁹.

Между тем советско-польские переговоры также застыли на мертвой точке. 2 июня 1926 г. польский министр иностранных дел Залесский снял с себя личную ответственность за миссию Яниковского и категорически заверил советского представителя в том, что Польша не имеет враждебных Советскому Союзу намерений; но по существу не сказал ничего нового¹⁰. 14 июля 1926 г. польский посланник в Москве официально передал Чичерину предложение польского правительства «возобновить переговоры с целью разрешения задачи умиротворения Северо-Восточной Европы путем заключения соглашения». Он ясно дал понять, что имеется в виду заключение многостороннего пакта, в котором было бы учтено «отношение Польши к балтийским государствам». Чичерин коротко ответил, что Советский Союз готов к переговорам с Польшей, но только «о польско-советских отношениях, а не об отношении Польши и СССР к третьим сторонам»¹¹. Узел не был развязан. Когда в августе 1926 г. Залесский выразил желание нанести визит вежливости в Москву в ответ на визит Чичерина в Варшаву, состоявшийся в 1925 г., Советское правительство послало теплое приглашение, но добавило, что было бы желательно воспользоваться этой возможностью для подписания советско-польского договора о ненападении, так как в противном случае значение этого визита было бы «минимально». Несколькими днями позже Чичерин попросил отложить визит по причине состояния его здоровья, а Залесский одновременно взял назад свое предложение под предлогом подготовки к предстоящей сессии Ассамблеи Лиги наций¹². Это не помешало Советскому правительству 24 августа 1926 г. направить польскому правительству проект договора о ненапа-

дении и нейтралитете, аналогичный проектам, одновременно направленным им Латвии и Эстонии, и опубликовать его в печати¹³. Однако в Москве поднялась новая волна возмущения в связи с появившимся в газетах сообщением о том, что во время Ассамблеи Лиги наций в Женеве министры иностранных дел Польши и прибалтийских государств провели «закрытое совещание» для обсуждения их отношений с Советским Союзом и их позиции по вопросу о переговорах, касающихся заключения пактов о ненападении¹⁴. Честолюбивое стремление Польши играть своего рода руководящую роль в отношениях прибалтийских стран с Советским Союзом поставило непреодолимый барьер на пути достижения дальнейшего прогресса.

В этом регионе у Советского Союза открытой оставалось только одна дорога. Враждебность к Польше и страх перед ее честолюбивыми замыслами пустил очень глубокие корни в Литве. После захвата Вильнюса в 1920 г. отношения между двумя странами были полностью разорваны. Лишь страх оказаться скомпрометированным в глазах Запада мешал литовскому правительству искать более тесных отношений с Советским Союзом. Регулярные дискуссии не прекращались с момента визита Чичерина в Каунас в декабре 1925 г.¹⁵. А на протяжении лета 1926 г. польскому правительству не давали покоя слухи о переговорах по вопросу о заключении советско-литовского пакта¹⁶. Однако о нем мало что было известно до тех пор, пока 28 сентября 1926 г. не было объявлено о подписании пакта в Москве. Он оказался просто пактом о ненападении и соблюдении нейтралитета в случае, если одна из сторон окажется вовлеченной в войну, только несколько более тщательно разработанным, чем проект, предложенный Латвии и Эстонии в мае предыдущего года. В него были включены некоторые пункты, заимствованные из советско-германского договора от 24 апреля 1926 г., в том числе обязательство сторон не участвовать ни в какой финансовой или экономической блокаде, направленной против одной из них. В двух сопроводительных нотах, которыми стороны обменялись при заключении пакта, Советское правительство подтвердило действенность советско-литовского договора от 12 июня 1920 г. и советской декларации от 5 апреля 1923 г., в которой оно отказывалось признать де-факто оккупацию Польшей литовской территории. Литовское же правительство заявило, что его обязательства по этому договору не нарушают его обязательств в соответствии с уставом Лиги наций¹⁷. В «Известиях» этот пакт приветствовался как еще один успех политики заключения двусторонних договоров о ненападении, и о нем писали, как о четвертом таком договоре, заключенном Советским Союзом, который до этого подписал договоры с Турцией (17 декабря 1925 г.), Германией (24 апреля 1926 г.) и Афганистаном (31 августа 1926 г.)¹⁸. Несколькими днями позже «Правда» более провокационно писала, что советско-литовский договор «пробил широкую брешь в планах польского милитаризма», который стремился

создать блок прибалтийских государств, направленный против Советского Союза¹⁹.

Успешное заключение договора с Литвой немногим способствовало улучшению перспективы заключения аналогичных пактов с другими соседними странами. Польша, как и ожидалось, проявила неудовольствие в связи с советско-литовским пактом. Главные возражения были вызваны подтверждением советско-литовского договора от 12 июня 1920 г. и отказом советской стороны признать аннексию Польшей литовской территории: было заявлено, что эти моменты противоречат Рижскому договору от 18 марта 1921 г., по которому устанавливалась граница между Советской Россией и Польшей²⁰. Советский проект договора о ненападении, представленный польскому правительству 24 августа 1926 г., подвергся граду критических замечаний, главным из которых было то, что обязательство поддерживать нейтралитет в случае войны потенциально несовместимо с уставом Лиги наций²¹. В других местах дела продолжали оставаться на той же точке замерзания. Предложение заключить аналогичный пакт, сделанное Финляндии²², не было ни отвергнуто, ни принято. Латвия, казалось, готова была принять предложение, но Эстония едва ли согласилась бы, особенно теперь, когда перспектива получения займа при содействии Лиги наций укрепила ее прозападную ориентацию²³. В Москве считали, что корень зла — в Польше. Как раздраженно заметил Чичерин в ходе интервью, данного им представителям печати в Берлине 6 декабря 1926 г., **«Польша хочет получить протекторат над балтийскими государствами. Такова пропасть, которая в данный момент отделяет нас от Польши»**²⁴.

В последние дни 1926 г. произошло новое событие, нарушившее спокойствие, — военный переворот в Каунасе, в результате которого был свергнут существовавший в Литве режим, и на пост премьер-министра с квазидиктаторскими полномочиями был выдвинут Вольдемарас. В Москве это событие вызвало беспокойство и озадаченность. Первая реакция была связана с предположением, что это произошло с польской подачи и что переворот — прелюдия к покушению на независимость Литвы со стороны Польши²⁵. Слишком явным было сходство с переворотом, совершенным Пилсудским семьёю месяцами ранее. Широко использовались антикоммунистические лозунги, и первая акция нового режима свелась к повешению нескольких коммунистов. С точки зрения Москвы, это предвещало прозападный поворот в литовской политике. В статье, опубликованной в «Правде», говорилось о «правительстве фашистских убийц» и о том, что нити заговора ведут в Лондон. «Известия» поместили карикатуру, на которой Пилсудский и Чемберлен вместе аплодируют казни²⁶. В своем выступлении на XV московской губернской партийной конференции Бухарин назвал Германию, наряду с Великобританией и Польшей, в числе вдохновителей этого дела и возложил на них совместно ответственность за «все фашистские злодеяния, проводимые вновь испе-

ченным литовским правительством»²⁷. Однако вскоре победил более спокойный взгляд на вещи. Если новое литовское правительство и выражалось более резко и самоуверенно, чем предыдущее, и безжалостно расправлялось с литовскими коммунистами, то все же главным объектом его враждебного отношения оставалась Польша, и взаимоотношения между Литвой и Советским Союзом по сути своей остались прежними.

В последующие два года не произошло ничего, что внесло бы порядок в запутанный узел международных отношений в Восточной Европе. В январе 1927 г. в Москву в качестве польского представителя прибыл бывший министр иностранных дел Польши Пате́к, а 10 февраля 1927 г. Залесский информировал советского представителя в Варшаве Войкова о том, что, несмотря на провокационные выступления Бухарина, Рыкова и Ворошилова, Пате́к получил указание начать переговоры о заключении пакта²⁸. Еще некоторое время продолжались бессодержательные беседы, и 3 апреля 1927 г. «Известия» раздраженно писали в передовой статье, что, по-видимому, Польшу интересует договор с Советским Союзом только в том случае, когда ухудшаются ее отношения с Западом. Через несколько недель произошел обмен проектами пакта²⁹. Однако у Польши оказалось столько возражений против договора, составленного по советско-турецкому и советско-литовскому образцу, что шансов на заключение соглашения вскоре не осталось³⁰. Убийство Войкова «белым» русским эмигрантом, совершенное 7 июня 1927 г. и последовавшее за разрывом отношений с Великобританией, создало в Москве такую атмосферу тревоги и возмущения³¹, что возобновление переговоров в течение некоторого времени стало невозможным. Когда осенью переговоры официально возобновились, «главное разногласие» продолжало касаться «отношений с прибалтами»³².

Между тем наблюдался небольшой прогресс в советско-латвийских отношениях. 9 марта 1927 г. советский и латвийский представители в Риге приступили к выработке проекта договора. Однако латвийское правительство в своем желании никого не обидеть в значительной мере свело на нет этот шаг, выступив с заявлением о том, что он был предпринят только потому, что советский представитель торопился покинуть Ригу, но что вопрос о том, в какой форме Латвия «оговаривает по отношению к СССР свои права и обязанности члена Лиги наций», все еще не решен³³. Наиболее ощутимым результатом этих переговоров было подписание в Москве 2 июня 1927 г. советско-латвийского торгового соглашения³⁴. Между тем со времени разрыва отношений с Великобританией в мае 1927 г. все более крепились подозрения, что за любой антисоветской акцией прячется рука этой страны. Британскому давлению приписывалась оппозиция советско-латвийскому торговому соглашению и задержка подписания до конца октября 1927 г.³⁵. Указывалось, что Эстония, которая больше других прибалтийских

стран зависела от Великобритании в экономическом и финансовом отношениях, была также и наиболее дружелюбно расположена к Польше. Столица Эстонии — Таллинн — расценивалась в советской печати как «центральное место в Прибалтике, фокус, где претворялись в жизнь приказы, идущие из Лондона либо непосредственно, либо через варшавский передаточный пункт»³⁶.

Новая напряженность в этой трудной ситуации была вызвана обращением литовского правительства в Лигу наций 15 октября 1927 г. с просьбой о том, чтобы польско-литовский конфликт был включен в повестку дня совета. Эта просьба вводила в игру правительства Великобритании, Франции и Италии. Советский Союз разделял общее беспокойство. 21 ноября 1927 г. Чичерин сказал Патеку, что все в Советском Союзе осознают угрозу войны и будут рассматривать любое нападение на Литву как «первый этап нападения на нас». Патек возразил, что Польша не покушается ни на независимость, ни на теперешнюю территорию Литвы, но считает совершенно необходимым «покончить с нынешним мнимым состоянием войны»³⁷. Советское правительство сделало кое-какие шаги для разрешения этой ситуации. 23 ноября 1927 г. оно убедительно попросило литовское правительство в его собственных интересах прекратить официальное «состояние войны» между Литвой и Польшей. Такой шаг «усилил бы позицию Литвы и обеспечил дело мира»³⁸. На следующий день, в более официальной ноте, Советское правительство предупредило польское правительство о существовании «неизмеримых опасностей эвентуального покушения Польши на независимость Литвы в какой бы то ни было форме» и выразило уверенность в том, что польское правительство примет меры к тому, чтобы «устранять грозящую опасность войны». Копии этой ноты были направлены правительствам Великобритании, Франции и Италии³⁹. Протывоборство соперников на совете Лиги наций, по случаю чего Пилсудский в первый и последний раз лично приехал в Женеву, закончилось принятием резолюции, которая ничего не урегулировала, но привела к официальному прекращению «состояния войны». Неожиданно активную роль посредника в этом процессе сыграл Литвинов, который имел длительные беседы с Вольдемарасом 4 и 5 декабря 1927 г. и с Залесским 5 декабря⁴⁰. Не было преувеличением, когда, превознося мирные намерения Советского Союза, Литвинов в Подготовительной комиссии конференции по разоружению заявил, что Советское правительство «изложило перед литовским правительством все возможные доводы для того, чтобы убедить его немедленно заявить о прекращении состояния войны между Литвой и Польшей»⁴¹. Даже после Женевы положение осталось беспокойным. В резолюции ИККИ от 27 января 1928 г., выдержанной в непримиримых тонах, осуждались «лицемерные решения Лиги наций», которые увеличивали опасность польской аннексии Литвы, и выражалось опасение, что «литовское фашистское правительство» уступит «империалистическому нажиму» и пойдет на соглашение⁴². Однако это не

помешало Советскому Союзу в первые месяцы 1928 г. по-прежнему рекомендовать Каунасу проводить более умеренную политику⁴³. В самом деле, Советский Союз так упорно придерживался этого курса, что в июле 1928 г. пришлось выступить с опровержением появившегося в газетах сообщения о том, что Москва действует заодно с локарнскими державами в вопросе оказания давления на литовское правительство⁴⁴. Этот эпизод явился важным показателем того, что Советский Союз постепенно отказывался от своего амплуа смутьяна-борца за мировую революцию и буревестника дипломатии и начинал играть роль великой державы, которая стремится поддерживать мир и порядок в мире, где его собственное положение становится все более прочным и признанным.

Тем не менее польско-литовские препирательства способствовали обострению отношений между Польшей и Советским Союзом на протяжении 1928 г. В начале 1928 г. планировалось провести в Москве переговоры о заключении торгового соглашения⁴⁵, но они так и не начались. В мае 1928 г. произошло нападение на руководителя советской торговой делегации в Варшаве, воскресившее в памяти совершенное годом ранее убийство Войкова, и шли разговоры о том, что оно было делом рук того же «белого» эмигранта, который был замешан в убийстве Войкова. Возмущенные ноты, направленные советским полпредом Залескому и Чичеринным Патеку⁴⁶, раздули пламя взаимной враждебности. Говорили, что Залеский выразил протест против замечания, сделанного Бухариным в его выступлении на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г., где он сказал, что «польские коммунисты во время войны с СССР исполняют свой пролетарский долг и будут защищать СССР, как свое отечество»⁴⁷. Ни в тезисах о международном положении, ни в тезисах об угрозе войны, которые обсуждались и были приняты на конгрессе, польско-литовский конфликт не упоминался. Тем не менее член Секретариата ИККИ, который также являлся литовским делегатом, настаивал на том, что «опасность вооруженного захвата Литвы Польшей опять становится очень острой» и что резолюция Секретариата ИККИ от 27 января 1928 г. должна оставаться в силе⁴⁸. В ходе своей работы конгресс без обсуждения принял манифест об угрозе, создаваемой Литве со стороны «польских империалистов»⁴⁹. Когда летом 1928 г. в Советский Союз приезжал начальник германского управления войск Бломберг, Ворошилов, без просьбы со стороны Бломберга, заверил последнего в том, что Советский Союз окажет помощь Германии в случае нападения на нее Польши, и взамен просил дать аналогичные заверения. Когда Бломберг попробовал уйти от этого вопроса как политического, Ворошилов подчеркнул, что он является решающим для Советского Союза. Определенно создавалось впечатление, что Красная Армия рассматривает польскую армию, как своего «главного противника», и опасается ее силы⁵⁰. Соперничество между Советским Союзом и Польшей за преобладающее влияние в прибалтийских государствах продолжалось, и

советские отношения с этими государствами оставались на мертвой точке. Финляндия, более склонная к скандинавской ориентации, избегала себя чем-либо связывать, Латвия и Эстония также не проявляли желания предпринимать какие-то шаги.

По мере того как шло время, напряженность ослабла, так как в Москве поняли, что польское правительство не замышляет военного нападения на Литву и что непосредственной угрозы взрыва в Восточной Европе не существует. В этой более разряженной атмосфере стали возможными переговоры о заключении пакта — который и был подписан 9 февраля 1929 г. всеми восточно-европейскими странами, кроме Финляндии, — о проведении в жизнь положений пакта Келлога в отношениях между этими странами⁵¹. Советский Союз пошел на это вместо заключения двусторонних договоров о ненападении, которые он предлагал вначале, и это, по-видимому, способствовало как общей разрядке напряженности в данном регионе, так и определенному росту престижа Советского правительства. 17 мая 1929 г. был, наконец, подписан договор с Эстонией⁵². В том же месяце была сделана серьезная попытка возобновить долго откладывавшиеся переговоры о заключении торгового соглашения между Советским Союзом и Польшей⁵³, которая, однако, снова ни к чему не привела. Летом 1929 г. в ряде различных инцидентов проявилась хроническая уязвимость советско-польских отношений. В начале июня 1929 г. советский представитель в Варшаве выразил протест в связи с присутствием официальных представителей польского правительства на собрании грузинских эмигрантов в Варшаве и на панихиде по Петлюре⁵⁴. В течение следующих месяцев проходила возмущенная кампания протеста в связи с отказом Польши разрешить польским делегатам, избранным в Российской, Украинской и Белорусской республиках, участвовать в съезде поляков, проживающих за рубежом, который был организован в Варшаве польским правительством⁵⁵. Дела Советского Союза и Польши были слишком взаимосвязаны, а столкновение интересов и различие в мировоззрении так остры, что невозможно было помешать тому, чтобы подспудная враждебность не прорывалась через покров официальных отношений.

ГЛАВА 63

СССР И США

Модель советско-американских отношений, сложившихся между 1921 и 1926 гг., в последующий период существенно не менялась. Соединенные Штаты никогда серьезно не рассматривали вопрос об официальном признании Советского Союза. В страну категорически не допускались официальные представители Советского Союза¹. Даже на просьбу о выдаче Коллонтай транзитной визы, после ее назначения послом в Мексику, был получен отказ². Отношение правительства Соединенных Штатов, профсоюзов, входящих в Американскую федерацию труда, и большей части прессы было одинаково враждебным. Финансовым переговорам препятствовало безоговорочное требование признания дореволюционных долгов России. Формальных же препятствий для предоставления краткосрочных кредитов под американский экспорт в Советский Союз не существовало, и это регулярно практиковалось. Однако власти старательно избегали открытого санкционирования или одобрения этой практики, и поступавшие в госдепартамент запросы о его отношении к кредитам, представляемым германским промышленникам для покрытия их поставок в Советский Союз, встречали резкое неодобрение³. В письме от 28 ноября 1927 г. помощник государственного секретаря Олдс разъяснял вице-президенту «Америкэн локомотив сейлз корпорейшн», что, хотя государственный департамент и не возражает против «финансирования обычных текущих торговых связей», он продолжает налагать запрет на «проекты, предполагающие выпуск займов в Соединенных Штатах», и на «банковские договоренности, связанные с продажей американских товаров в России, которые носили бы более или менее постоянный характер». На находящейся в архивах копии этого письма имелась следующая приписка: «Составлено после обсуждения этого вопроса Государственным секретарем с господином Меллоном, господином Гувером и президентом»⁴. Этот запрет, несмотря на то что он, вероятно, не мог быть наложен в законном порядке, распространялся на все долгосрочные — в отличие от краткосрочных — кредиты. Растущая заинтересованность промышленных и торговых кругов Америки в эксплуатации совет-

ских рынков, по-видимому, не привела к ослаблению непримиримости официальных кругов, когда в октябре 1926 г. президент Амторга Пригарн посетил министерство торговли и государственный департамент с предложением начать обсуждение советско-американских торговых проблем, ему холодно ответили, что обсуждение, не подкрепленное конкретными предложениями, будет бесполезным и что любые предложения могут быть переданы через американского посла в Лондоне⁵. Атмосфера существенно не изменилась и год спустя. Когда в начале 1928 г. неофициальный представитель Советского Союза Сквирский нанес один из своих редких визитов в госдепартамент, руководитель Восточного отдела, известный поборник официальной антисоветской политики Келли, заверил его в том, что, хотя признание, возможно, значительно улучшило бы перспективы американской торговли с Советским Союзом, «Америка не отступит от своего требования ликвидации теперешней деятельности Коминтерна»⁶. В один из редких случаев, когда американский государственный секретарь счел необходимым объяснить отказ Соединенных Штатов признать Советский Союз, он приписал это «„непрекращающейся пропаганде Москвы” против Соединенных Штатов в Северной и Южной Америке, а также в Китае»⁷.

Прогресс, каким бы он ни был, был достигнут целиком благодаря частной инициативе. В июне 1926 г. в новых условиях была реорганизована Америко-Русская торговая палата в Нью-Йорке, отжившее свой век заведение, которое было основано еще до революции. Президентом ее стал давнишний сторонник торговли с Советским Союзом вице-президент «Чейз нэшил бэнк» Шлей, секретарем — другой поборник более тесных контактов между Советским Союзом и Америкой Чарльз Смит⁸. Гумберг, который активно содействовал развитию американо-советской торговли со времен своих первоначальных контактов с Робинсом еще в 1917—1918 гг.⁹, был одним из ее самых деятельных организаторов. Членами палаты стали многие американские промышленные, торговые и финансовые корпорации, и их представители вошли в ее многочисленный совет директоров. Главная функция палаты заключалась в том, чтобы снабжать своих членов информацией и компенсировать отсутствие американского официального консула и торгового представительства в Советском Союзе. Она носила подчеркнуто неполитический характер и не вела пропаганды за дипломатическое признание Советского Союза. Однако такая влиятельная организация делала многое для активизации торговых и финансовых контактов с приемлемыми для американского делового мира советскими учреждениями и для предоставления респектабельного прикрытия американским фирмам, заинтересованным в поиске рынков и возможностей капиталовложений в СССР. Этими обстоятельствами объясняется парадокс, что именно та единственная крупная держава, которая все еще упорно отказывалась признать Советское правительство, оказалась тем самым

государством, чья торговля с Советским Союзом в 1926—1929 гг. развивалась быстрее, чем торговля с ним любой другой страны, и чьи технические специалисты вскоре стали прибывать в Советский Союз, чтобы способствовать его промышленному развитию, заменяя собой специалистов из Германии¹⁰.

В этих условиях отношение к Соединенным Штатам в СССР оставалось противоречивым. В советской модели мира после 1925 г. Соединенные Штаты полностью затмили Великобританию как господствующую капиталистическую державу. На VII расширенном пленуме ИККИ в ноябре 1926 г. Бухарин, говоря о Советском Союзе и Соединенных Штатах, выразил общее мнение, охарактеризовав их как «два противоположных полюса... полюс революционный и полюс контрреволюционный», каждый со своей подгруппой, которые были известны соответственно под названиями «Восток» и «Европа»¹¹. Что, с советской точки зрения, существенно отличало Соединенные Штаты от Западной Европы, так это значительное преимущество в наличии экономических ресурсов и в развитии технологии, а также понимание того, что они могут пригодиться для выполнения грандиозных проектов, которые вскоре нашли свое выражение в первом пятилетнем плане. В ноябре 1927 г. Литвинов несколько наивно объяснил советскую позицию следующим образом: «Мы обыкновенно возражаем против торговли со странами, не имеющими с нами никаких отношений, как, например, Швейцария, Бельгия и др., делая, однако, исключение по понятным соображениям для такой могущественной страны, как США»¹².

Нескрываемое восхищение экономическими и технологическими достижениями Америки и нетерпеливое желание воспользоваться ими находились в контрасте с утверждениями, содержащимися в платформах Коминтерна, в которых Соединенные Штаты называли главарем империалистических держав и непримиримым врагом Советского Союза.

В то же время политика предоставления концессий для привлечения иностранного капитала была уже несовместима с далеко идущими советскими планами промышленного развития. Картина развития советских природных ресурсов с помощью американского капитала¹³, как это в 1918 г. рисовало Ленину и Робинсу, потускнела. Американская делегация на Международной экономической конференции в Женеве в мае 1927 г. тщетно пыталась внушить руководителю советской делегации Осинскому, что американские финансисты «весьма интересуются вопросами об инвестировании капиталов в СССР»¹⁴. 7 июля 1927 г. в Москве было подписано дополнительное соглашение с целью облегчения работы концессии, предоставленной в 1921 г. фирме «Гарриман энд Ко» по добыче марганцевой руды¹⁵. Однако при наличии такого стимула, как плановая индустриализация, климат в Москве быстро менялся. В 1928 г. концессия фирмы «Гарриман энд Ко» по обоюдному согласию была прекращена, а большая часть других, не

очень многочисленных американских концессий была ликвидирована либо до этого времени, либо вскоре после этого. В марте 1928 г. представитель американских банкиров («Диллон, Рид») передал советнику советского посольства в Париже записку с изложением суждений американских банкиров о долгосрочных перспективах торговли с СССР, которые не только не всегда искали прямой выгоды, но и не рассчитывали на извлечение прямых выгод из капиталов, вложенных в Советском Союзе, однако надеялись на такую возможность в будущем. Тем не менее туманное предложение о том, чтобы Москву посетила делегация американских банкиров, ни к чему не привело¹⁶. Запоздалая попытка возродить политику концессий, предпринятая осенью 1928 г., не дала ощутимых результатов¹⁷.

Трудно сказать, в какой именно момент начала меняться американская политика и взгляд на мир, но зима 1927/28 г., когда в Советском Союзе интенсивно форсировалась индустриализация, считалась поворотной точкой в расширении американско-советской торговли. Советский обозреватель впоследствии сообщал:

«Лишь с 1927/28 г. мы прорываем инертность промышленности САСШ, и к этому году относится более или менее крупная партия договоров, заключенных с американскими фирмами»¹⁸.

На выставке советской продукции, организованной Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей (ВОКС) в феврале 1928 г. в Нью-Йорке, секретарь Американско-Русской торговой палаты Смит и американский инженер Купер, привлеченный к строительству Днепровской плотины, благоприятно отзывались о возможностях, которые открывал для американской торговли пятилетний план¹⁹. История с попыткой Франции наложить эмбарго на советское золото весной 1928 г. закончилась в атмосфере сочувствия советской стороне и вызвала критику в адрес американских властей за отказ принять золото²⁰. В том же году получило широкую известность и восторженные отклики героическое спасение советскими летчиками итальянской полярной экспедиции. Сквирский отмечал как «факт крупнейшего значения», что все газеты Америки писали об этом «с горячей похвалой и без единого враждебного слова», и Американско-Русская торговая палата поспешила пригласить героических летчиков посетить Соединенные Штаты²¹. Советское правительство быстро и с готовностью присоединилось к Парижскому пакту, и этот факт, хотя он и был без энтузиазма встречен госдепартаментом, произвел благоприятное впечатление на общественное мнение и самого государственного секретаря. И это, возможно, было еще важнее.

Однако на фоне всех этих неустойчивых эмоциональных факторов, за плотным занавесом официального неодобрения, характер американско-советских отношений медленно изменялся под влиянием двух жестких реальностей: быстрого расширения американского экспорта товаров для оснащения советской промышленности и широкого использования в Советском Союзе американских техни-

ческих специалистов. Когда осенью 1928 г. какой-то любопытный сенатор попросил государственного секретаря еще раз определить официальное отношение к Советскому Союзу, тот по долгу службы повторил заявление о невозможности «нормальных отношений» ввиду «упорно продолжающейся линии Москвы на мировую революцию». Однако впервые в это заявление прокрались оборонительные нотки. Он привел длинный ряд цифр и фактов в доказательство того, что отсутствие таких отношений не помешало развитию «значительной торговли» между двумя странами²². Советская торговля с Соединенными Штатами всегда была крайне несбалансированной. Советский экспорт в Соединенные Штаты оставался ничтожным; советский импорт постепенно возрастал, пока в конце 20-х годов Соединенные Штаты не начали вытеснять Германию в качестве основного поставщика Советского Союза²³. Весной 1929 г. в опубликованной в «Известиях» статье радостно суммировались причины поразительного расширения советско-американской торговли: Соединенные Штаты господствовали на мировом рынке хлопка-сырца; Соединенные Штаты были самой передовой страной в отношении промышленной технологии, выпуска массовой продукции и стандартизации; организация американской промышленности в крупные производственные звенья сближала ее с советской промышленностью; у банков можно было получать кредиты; наконец, американские цены были ниже европейских²⁴.

Начиная с этого времени американские корпорации стали проявлять активный интерес к расширяющемуся советскому рынку. 9 октября 1928 г. Амторг подписал в Нью-Йорке соглашение с компанией «Дженерал электрик» о поставках в Советский Союз электрического оборудования стоимостью в 26 млн. долл. В соглашении предусматривалось предоставление кредита сроком на пять лет для покрытия 75% этой суммы. Считалось, что это самые выгодные условия, которые американский рынок когда-либо прежде предоставлял Советскому Союзу. С самой громкой критикой этого соглашения выступил лидер Американской федерации труда Мэттью Уолл²⁵. Между тем начались переговоры с «Форд мотор компани» и «Дженерал моторс» о строительстве автомобильного завода в Советском Союзе. Весной 1929 г. с делегацией ВСНХ Соединенные Штаты посетил Межлаук, и 9 мая 1929 г. он подписал соглашение с «Форд мотор компани»²⁶. Пример делегации британских бизнесменов, посетивших СССР весной 1929 г.²⁷, не мог остаться без подражания. Летом 1929 г. для участия в конгрессе Международной торговой палаты в Амстердам должна была прибыть большая американская делегация. В конце апреля 1929 г. Американо-Русская торговая палата прислала всем предполагаемым американским участникам конгресса приглашение посетить Советский Союз по окончании работы конгресса. В самих Соединенных Штатах также подбирали членов делегации для предостерегающего визита. Новый президент Гувер не имел желания бросать вызов предубеждению против политического признания Советско-

го правительства. Однако он всегда был сторонником торговли с Советским Союзом и одобрил поездку делегации. Группа, насчитывавшая 90 человек, в которую вошли банкиры, промышленники и представители торговых кругов и которую сопровождали несколько американских журналистов, провела в Советском Союзе месяц: с 15 июля по 15 августа 1929 г.²⁸. Немалую долю враждебности пришлось еще преодолеть, и в мире должны были еще произойти разительные перемены, прежде чем дипломатическое признание Советского Союза стало на повестку дня практической политики Вашингтона. Однако прорыв на промышленном и торговом фронте к концу 20-х годов был успешно осуществлен.

ОТНОШЕНИЯ С ЯПОНИЕЙ

Летом 1926 г. советская дипломатия в отношении Токио руководствовалась решимостью сохранить и защитить права Советского Союза в Маньчжурии и контроль над Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД) путем умиротворения Чжан Цзолина, а тем самым и японского правительства¹. В сентябре 1926 г. Чичерин следующим образом определил реакцию Советского правительства на двусмысленную позицию Японии: «Словесно японское правительство заверяет в дружбе, но фактически неофициально японские агенты подстрекают наших врагов. Мы должны сохранять с Японией официальные дружественные отношения, служащие для милитаристов некоторой уздой»².

В октябре 1926 г. министр иностранных дел Японии выразил удовлетворение в связи со сложившейся ситуацией, высказался в пользу прямых переговоров о железнодорожных тарифах на КВЖД и Южно-Маньчжурской железной дороге и выразил надежду на прекращение соперничества между этими двумя линиями, а также между портами Владивосток и Далянь (Дальний)³. Перспективы относительно других мест представлялись менее благоприятными. Споры о японских концессиях на Сахалине продолжались⁴. Советско-японским договором, заключенным в Пекине 20 января 1925 г., предусматривался пересмотр русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. Советско-японская конференция, созванная в Москве для этой цели, провела не менее пяти заседаний в период между декабром 1925 г. и сентябрем 1926 г., но практически лишь составила перечень разногласий по вопросам, содержащимся в проектах договора, представленных каждой стороной⁵. В начале 1927 г. Советское правительство выразило протест против бесконечных отсрочек⁶. На следующем заседании конференции, в феврале 1927 г., был выработан проект договора с различными текстами, что, по-видимому, было небольшим шагом вперед⁷. Политические отношения застыли на мертвой точке. Копп покинул Токио в июне 1926 г., и в качестве поверенного в делах его заменил Беседовский⁸. Однако когда в августе 1926 г. Беседовский предложил заключить советско-японский пакт о ненападении по образцу советско-германского договора от 24 апреля 1926 г., это предложение было вежливо, но твердо отклонено:

японское правительство предпочитало не выходить за рамки условий пекинского договора⁹. В Москве несколько удивились, когда, выступая на заседании японского парламента 18 января 1927 г., министр иностранных дел дал подчеркнутую дружественную оценку советско-японским отношениям, отметив несомненный прогресс в переговорах о концессиях и заключении рыболовной конвенции, и подробно остановился на продолжающемся укреплении отношений в течение двух лет, которые прошли со времени подписания Пекинского соглашения¹⁰. Ободренный этим выступлением советский поверенный в делах в следующем месяце вновь поднял вопрос о заключении пакта о ненападении, но ему снова ответили, что политическое соглашение должно не предшествовать экономическому, а следовать за ним, как предусмотрено Пекинским договором — рыболовной конвенцией и соглашением о торговле¹¹.

Вскоре после этого Советское правительство, встревоженное перспективой ратификации Италией бессарабского протокола, предупредило японское правительство, что ратификация им договора, не представляющего для него очевидного интереса, может означать только одно — а именно то, что оно становится на сторону Великобритании в борьбе против Советского Союза¹². Прибытие в Токио нового советского полпреда Довгалецкого в конце марта 1927 г. и создание нового японского правительства во главе с Танакой позволяли предположить, что, возможно, наступит потепление. В Москве с надеждой отметили наличие некоторых разногласий между Великобританией и Японией по отношению к китайским националистам¹³. В обстановке усиления в Англии враждебности к Советскому Союзу это стало всеподавляющим фактором в советской политике, и Сталин сказал Ван Цзинвэю, который в начале марта 1927 г. был в Москве проездом на обратном пути в Китай, что Советское правительство заинтересовано в союзе между СССР, Китаем и Японией, направленном против Великобритании¹⁴. Когда 22 апреля 1927 г. в своем первом открытом провозглашении политического курса Танака объединил в одном и том же выступлении заверения о японском нейтралитете в гражданской войне в Китае с заявлением о решимости Японии защищать свои собственные интересы в Китае, в Москве подумали, что это предвещает большую готовность действовать независимо от Великобритании и Соединенных Штатов¹⁵. 28 мая 1927 г. Танака, который прежде был профессиональным военным, объявил, что для того, чтобы противостоять угрозе японским интересам, создаваемой в результате наступления частей китайских националистов в расположенном на полуострове Шаньдун порту Циндао, в соответствии с договором, открытым для внешней торговли, высадутся два японских батальона. В конце концов эти войска продвинулись до Цзинаня — города, находящегося в глубине провинции. Теперь трудно было бы отрицать, что Япония стоит в первом ряду империалистических держав. Приписываемый Танаке меморандум, в котором пропагандируется захват Маньчжурии и Монголии в ка-

честве прелюдии к последующему установлению господства над всем Китаем, появился в июле 1927 г. Его подлинность никогда не была установлена, но его появление в это время было симптоматично: оно отражало направление мыслей влиятельных кругов Японии. В течение всего лета советская дипломатия, находившаяся в состоянии изоляции и тревоги после разрыва отношений с Великобританией, продолжала надеяться на возможность улучшения связей с японским правительством, которое все больше не ладило с Великобританией и Соединенными Штатами. Однако в ходе трех продолжительных бесед, состоявшихся между Довгалеvским и Танакой 25 мая, 16 июня и 1 июля 1927 г., обе стороны ограничились терпеливым повторением обычных выражений доброжелательности и приведением привычных доводов¹⁶. Японская внешняя политика продолжала отличаться крайней осторожностью. Японские войска, которые высадились на полуострове Шаньдун в мае 1927 г., не провоцировали никаких инцидентов и в сентябре были тихо выведены.

В этот момент японская сторона проявила осторожную инициативу. В октябре 1927 г. в Москву и Берлин отправилась экономическая миссия во главе с крупным японским промышленником Кухарой. Если ее целью было получение экономических концессий от Советского правительства, то, по-видимому, она не добилась больших успехов¹⁷. Затем в декабре 1927 г. последовал якобы частный визит в Москву просоветски настроенного старейшего и заслуженного государственного деятеля Японии Гото. Гото, чьи взгляды отражали скорее твердый японский национализм, чем какую бы то ни было симпатию к советскому режиму, и чей визит по всем признакам получил официальное одобрение, с большей долей откровенности высказывал свои взгляды Довгалеvскому в Токио и Чичерину, Литвинову и Карахану в Москве. Он видел возможность японо-советского сотрудничества в Китае, особенно с целью предотвращения «проникновения в Маньчжурию англичан и американцев», а также возможность получения крупных концессий для Японии в прибрежных районах Сибири, что способствовало бы развитию этой незаселенной территории и решению проблемы перенаселения Японии. Он объяснял отказ Японии заключить пакт о ненападении опасением «испортить отношения с Англией и Америкой». Его с восторгом приветствовали как поборника советско-японской дружбы, хотя большинство его конкретных предложений были неприемлемы¹⁸. Бухарин, выступая на XV партийном съезде всего за несколько дней до приезда Гото, в мелодраматических тонах говорил о «драконовских требованиях» Японии к Маньчжурии и Внутренней Монголии, которые «фактически сводят на нет хотя бы видимость самостоятельности этих обеих стран»¹⁹.

Основным вкладом Гото было достижение соглашения по спорному вопросу о рыболовной конвенции. 10 октября 1927 г. Карахан и японские представители в Москве поставили наконец свои

подписи под согласованным текстом. По-видимому, с советской стороны считали, что вопрос решен²⁰. Однако оказалось, что японские интересы в области рыболовства не полностью удовлетворены, и в качестве условия подписания соглашения были выдвинуты требования внесения новых поправок. В начале января 1928 г. вмешался Гото якобы как частное лицо, и после долгих препирательств с обеих сторон японское правительство приняло наконец туманно сформулированное советское заявление о том, что Советское правительство признает «большое экономическое значение» японского рыболовного промысла и позаботится о том, чтобы «разумным и законным интересам японских подданных не был нанесен ущерб». Это условие было оформлено в виде протокола, прилагавшегося к конвенции, и последняя была подписана в Москве 23 января 1928 г., сразу после отъезда Гото²¹. Это было последнее достижение советской дипломатии в Японии на многие годы вперед. Претворение конвенции в жизнь никогда не обходилось без осложнений. В ответ на японские протесты в апреле 1929 г. Трояновский, который сменил Довгалева на посту советского представителя, доказывал, что в ней больше учтены интересы японского рыболовного промысла, чем в соглашении 1907 г.²², но ему не удалось убедить в этом японское правительство.

На этом этапе на советско-японских отношениях начали отрицательно сказываться японская внутренняя политика и оживление деятельности японских коммунистов. 20 февраля 1928 г. в Японии состоялись первые выборы после принятия закона, по которому избирательное право предоставлялось всем взрослым мужчинам. Число избирателей возросло с 3 до 12 млн. Коммунистическая партия Японии, запрещенная в 1924 г., но нелегально возродившаяся в декабре 1926 г., следуя инструкциям Коминтерна, участвовала, хотя и в замаскированной форме, в этих выборах²³. Реакция японских властей была мгновенной. Впервые после 1924 г. японские газеты на протяжении всей предвыборной кампании писали, что левые партии якобы получали фонды из Москвы и из советской миссии в Токио. 8 марта 1928 г., во время первой продолжительной беседы Трояновского с Танакой произошел вежливый, но неожиданно откровенный обмен мнениями. Станным в этой встрече было то, что Танака, очевидно, желая скрыть это свидание от прессы, пришел в советское посольство пешком в сопровождении одного только переводчика. Порассуждав положенное время о крепнущей дружбе между двумя странами, Трояновский упомянул о «неприятном осадке от недавнего прошлого» и выразил «опасения относительно истинных планов Японии по отношению к СССР». В ответ Танака эмфатически утверждал, что все это основано на недоразумении и что Япония не имеет «никаких намерений и планов, даже самых отдаленных, в какой-либо мере напоминающих политику территориальных притязаний, нападений на СССР или чего-либо тому подобного». Трояновский попросил о быстрой ратификации рыболовной конвенции и по-

лучил соответствующие дипломатические заверения. Длительная дискуссия о перспективах переговоров по вопросу о заключении торгового соглашения не привела ни к чему, кроме бесполезных обобщений о несовместимости различных экономических систем. Трояновский жаловался на натянутые отношения между администрациями Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог, на враждебное отношение к советским служащим и на нападение русского эмигранта на секретаря советского консульства в Далине. Когда Танака попробовал поднять вопрос о Китае вообще и о его «огромном значении» для Японии, Трояновский ушел от этой темы, заметив, что «мы не можем разрешать китайских дел без Китая». Наконец, перейдя к категории «маленьких вопросов», Трояновский категорически отрицал, что Советское правительство и советское посольство были причастны к финансированию левых партий, и попросил Танаку сделать «авторитетное заявление» с тем, чтобы положить конец этой газетной кампании. Танака обещал²⁴. Через несколько дней он в не менее категоричной форме проинформировал прессу о том, что советский посол отрицал названные утверждения и что большинство японцев ему верят. Трояновский нашел эту формулировку неудовлетворительной, и кампания не прекратилась²⁵. Облавы на японских коммунистов продолжались весь март 1928 г.²⁶ и проходили под аккомпанемент шумных протестов против советского вмешательства в японские дела. 23 марта 1928 г. группа молодежи ворвалась во двор советского посольства, устроила там взрыв и прикрепила к дереву листовку, в которой посла обвиняли в передаче денег Коммунистической партии Японии и призывали его вернуться в свою собственную страну. Японское министерство иностранных дел выразило по этому поводу сожаление, но это не рассеяло подозрений Трояновского в том, что участники демонстрации действовали с одобрения властей²⁷.

Продemonстрировав бронированный кулак в своей стране, Танака приступил к осуществлению подлинных целей своих амбициозных замыслов. Теперь, когда престиж Советского Союза в Китае был серьезно подорван в результате событий 1927 г. — ре-негатства Чан Кайши и его перехода в лагерь империалистов, падения Уханьского правительства и поражения Кантонского восстания, — Танака начал все более и более открыто проводить наглую и агрессивную политику, предвестником которой были его высказывания в предыдущем году. В Москве, с ее мнительностью и настороженностью, проблеск надежды на советско-японское сотрудничество, направленное против Великобритании в Китае, сменился теперь представлением об этом сотрудничестве как об орудии, с помощью которого сила и мощь Советского Союза оказались бы поставленными на службу амбициозных замыслов Японии. Японское вторжение легко могло бы означать гораздо большую угрозу советскому влиянию в Маньчжурии и советскому контролю над КВЖД, чем та угроза, которую когда-либо пред-

ставляли собой Великобритания и Соединенные Штаты. В своем выступлении 13 апреля 1928 г. Сталин с мрачной иронией отметил, что «мы могли бы установить „дружеские” отношения с Японией, если бы согласились поделить с ней Маньчжурию»²⁸. В том же месяце японские войска снова высадились на Шаньдуне и 3 мая 1928 г. атаковали армию китайских националистов, которые ранее заняли Цзинань. Это было сделано в порядке предупреждения националистов, чтобы заставить их отказаться от продвижения к северу. В декларации от 18 мая 1928 г. японское правительство обратилось как к Пекинскому, так и к Нанкинскому правительствам, выразив опасение, что беспорядки, царящие в Китае, могут распространиться на районы Пекина и Тяньцзиня и даже затронуть Маньчжурию, и недвусмысленно заявив, что оно «придает исключительное значение сохранению мира и порядка в Маньчжурии». В интервью 21 мая 1928 г. Чичерин резко отреагировал на эти события, сказав, что он полагает — или создав видимость предположения, — что японская акция была проведена с полного одобрения «таких держав, как Англия, Северо-Американские Соединенные Штаты, Франция», и снова подтвердил, что Советский Союз придерживается политики «безусловного невмешательства во внутренние дела Китая»²⁹. Между тем японская печать подняла невообразимую шумиху по поводу якобы имевшихся у Советского Союза планов захвата Маньчжурии и вызвала этим не уступающие ей в ярости контратаки в советской печати³⁰. Постоянное изнуряющее дергание китайскими властями работников советского консульства в Китае приписывалось совместному подстрекательству со стороны Великобритании и Японии³¹.

Отношения, существовавшие между тремя крупными империалистическими державами в Китае, оставались в какой-то мере загадкой и по-разному интерпретировались в выступлениях участников VI конгресса Коминтерна, который проходил в июле 1928 г. Китайский делегат противопоставлял цели, преследуемые Великобританией и Японией, которые стремились к разделу Китая, проводимой Соединенными Штатами политике открытых дверей³². Японский делегат подробно остановился на «военном разделе Китая между империалистами Великобритании, Америки и Японии». Он сказал, что «империалисты уже давно говорят об американо-японской войне из-за Китая и Тихого океана», но что это не мешает трем империалистическим державам быть заодно в их враждебном отношении к СССР³³. В октябре 1928 г., проводя осторожный и по понятным причинам запутанный анализ китайских дел, Карахан говорил, что Япония, Великобритания и (более пассивно) Соединенные Штаты преследуют собственные интересы, причем Япония полна решимости использовать свое «монопольное положение» в Маньчжурии в области торговли и строительства железных дорог и полагает, что не встретит «особо резкого и открытого противодействия» со стороны двух других держав³⁴. В июле 1929 г. на X пленуме ИККИ японский делегат настаивал на

том, что Соединенные Штаты являются теперь «самым крупным соперником для Японии», и утверждал, что «для того, чтобы бороться с Америкой, Япония заключила тайный договор с Англией»³⁵. Отказ Японии поддержать наступление китайских националистов на КВЖД и покушение на советские интересы в Маньчжурii осенью 1929 г.³⁶ говорили о том, что японские планы в этом регионе еще не выкристаллизовались. И в Москве еще не начинали думать о таком развитии дел в будущем, при котором Советский Союз будет с успехом искать поддержку у Соединенных Штатов и Великобритании против японского наступления в Маньчжурii.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АРЕНА

Весной 1926 г. Советское правительство, оставаясь в принципе по-прежнему враждебным к Лиге наций, выразило желание участвовать в международных дискуссиях по экономическим проблемам и проблемам разоружения при условии, что они будут вестись не на швейцарской земле¹. В декабре 1926 г. в интервью, данном представителям печати в Берлине, Чичерин заявил, что все, кто говорят, будто Советский Союз присоединится к Лиге наций, «просто-напросто искажают истину»². Однако прием в Лигу наций Германии покончил с тем положением, при котором Советское правительство могло заявлять, что с политической точки зрения ему безразлично, что происходит в Женеве, а задачи, связанные с восстановлением экономики, уже начинали требовать более тесных практических контактов с капиталистическим миром. Неудобство, обусловленное тем, что формально существовало препятствие для участия Советского Союза в международной деятельности, и абсурдность такого положения стали слишком вопиющими и нетерпимыми, особенно ввиду предстоящей Международной экономической конференции в Женеве. 14 апреля 1927 г. в Берлине произошел обмен нотами между швейцарским и советским представителями. Швейцарское правительство выражало осуждение и сожаление по поводу «преступных действий», которые привели к убийству Воровского и покушениям на других членов советских делегаций, и заявляло о своей готовности обсудить с Советским правительством все спорные вопросы, включая и вопрос о выплате компенсации дочери Воровского. На этой основе оба правительства объявили, что конфликт исчерпан, и согласились снять все направленные друг против друга дискриминационные меры³. Соглашение было ратифицировано решением ЦИК и Совнаркома от 22 апреля 1927 г.⁴, а советский экономический бойкот Швейцарии был официально прекращен постановлением от 27 мая 1927 г.⁵. Две недели спустя после заключения соглашения многочисленная советская делегация под председательством Осинского, в которую вошли также Сокольников и Хинчук, выехала в Женеву, чтобы поспеть к открытию Международной экономической конференции, начинавшей свою работу 4 мая 1927 г. Проезжая через Берлин, советская делегация заверила мнительную германскую

прессу в том, что участие в конференции не означает, что Советское правительство намерено вступить в Лигу наций⁶. Швейцарская полиция приняла чрезвычайные меры к тому, чтобы не допустить проявлений враждебности. Делегация покинула поезд на одной из станций, не доезжая Женевы, и в полицейских машинах была доставлена в приготовленную для ее приема гостиницу⁷.

На этой конференции, продолжавшейся почти три недели, впервые на международную арену вышла представительная советская делегация. И Сокольников, и Осинский выступили 7 мая 1927 г. в ходе общей дискуссии по экономическому положению в мире, которой открылась конференция. Сокольников возражал против «пессимистических предсказаний» в отношении советской экономики и защищал монополию на внешнюю торговлю. Он сказал, что Советский Союз готов сотрудничать с капиталистическими странами, что также представляет собой «своего рода соревнование между двумя экономическими системами». В тот же день Осинский говорил о том, что «обе экономические системы в течение некоторого исторического периода должны существовать бок о бок». В своем выступлении, однако, он более провокационно остановился на противоречиях капиталистического мира и путях их преодоления, выдвинув 11 основных предложений, в том числе 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы, прекращение «политического и экономического бойкота» Советского Союза и «действительное и полное разоружение»⁸. Члены советской делегации активно участвовали в работе трех комиссий: по торговле, промышленности и сельскому хозяйству. В первой из них в тяжелой обстановке, которая сложилась под влиянием проводившейся кампании за ликвидацию торговых барьеров, и Хинчуку и Осинскому главным образом приходилось отражать нападки на монополию внешней торговли⁹. В комиссии по промышленности Осинский подробно изложил советскую точку зрения на различие между капиталистической и социалистической «рационализацией»¹⁰. На пленарном заседании 21 мая 1927 г. Хинчук, Сокольников и Варга, каждый в отдельности, выступили с объяснениями советских оговорок к докладам трех комиссий¹¹, а на заключительном заседании Осинский сетовал на то, что конференция хотела внести лишь «незначительные изменения в экономическую и социальную политику капиталистических стран» и не обсудила предложений, внесенных Советским Союзом¹².

Однако главное разочарование было связано с формулой «существования». В координационном комитете Осинский предложил проект резолюции, согласно которому конференция «рекомендует всем государствам развивать свои отношения с Советским Союзом на основе мирного сосуществования двух различных экономических систем»¹³. Это оказалось неприемлемым для ряда делегаций. В окончательном тексте резолюции просто говорилось о «совместном участии [в конференции] всех присутствующих стран, независимо от различий в их экономических системах, в

качестве счастливого предзнаменования мирного торгового сотрудничества всех наций». В своем выступлении на заключительном заседании конференции Осинский еще раз остановился на важности «принятия мер для осуществления мирного сосуществования двух экономических систем», но выразил мнение, что «принцип этот провозглашен достаточно ясно» в резолюции¹⁴. Эта встреча в Женеве лицом к лицу, которая совпала по времени с налетом на «Аркос» в Лондоне и разрывом англо-советских дипломатических отношений, принесла мало положительных результатов. Хинчук с горечью отметил — цель британской акции состояла в том, чтобы не допустить «возможные методы существования двух систем народного хозяйства»¹⁵. Тем не менее советская делегация пробилась сквозь толщу льда и в общем-то с честью вышла из этого испытания¹⁶.

Разоружение представляло собой более деликатную проблему. Ранее Советское правительство отклонило приглашения участвовать в заседаниях Подготовительной комиссии на том основании, что, хотя оно всегда готово обсуждать вопросы разоружения, оно не может посылать делегатов в Швейцарию¹⁷. Теперь, когда этот барьер был снят, больше не поступало новых приглашений, очевидно потому, что, как считалось, остаются в силе старые. Мнительный Литвинов решил, что «руководящие круги» Лиги наций уже не желают советского присутствия¹⁸. 20 октября 1927 г. Чичерин телеграммой информировал генерального секретаря Лиги наций о том, что теперь, когда разрешен конфликт между Советским Союзом и Швейцарией, не существует препятствий для участия советской делегации в работе Подготовительной комиссии, и 10 дней спустя получил уведомление, что комиссия соберется 30 ноября 1927 г.¹⁹. Назначение многочисленной советской делегации во главе с Литвиновым и Луначарским получило широкое освещение в советской печати²⁰.

Литвинов оправдал всеобщее любопытство, вызванное его первым появлением в Женеве. В день открытия сессии он внес предложение о «**полном упразднении всех сухопутных, морских и воздушных сил**»²¹. После вежливо-примирительного выступления Поль-Бонкура и обеспокоенных замечаний со стороны меньших стран было решено отложить дискуссию до следующего заседания. Не было сделано и попытки продолжить обсуждение плана проекта конвенции по разоружению, который рассматривался еще на предыдущем заседании комиссии в марте 1927 г. Единственным существенным из принятых решений было решение о создании комитета по арбитражу и безопасности. Литвинов не преминул указать, что это «неизбежно должно отвлечь внимание от фундаментальных вопросов», но согласился на участие советского «наблюдателя». Литвинов в течение двух дней подряд присутствовал на первых заседаниях комитета, однако не выступал²². Когда в палате общин Болдуин спросил о советских предложениях по разоружению, он ответил, что «комитет не счел их практическим и полез-

ным вкладом в проблему», и отказался их обсуждать²³. Две недели спустя, докладывая о работе, проведенной в Женеве, XV партийному съезду, Литвинов высмеял проект конвенции по разоружению, который не содержал никаких цифр, но уже вызвал разногласия между делегациями Великобритании, Франции и Германии; единственным решением, принятым на сессии, было решение назначить дату следующей сессии и образовать Комитет безопасности²⁴.

Советское правительство, не теряя времени, форсировало свою инициативу. 15 февраля 1928 г. оно послало генеральному секретарю Лиги наций подробный проект конвенции, который мог бы послужить основой для дискуссии на предстоящей сессии Подготовительной комиссии. В проекте предусматривалось проводимое ступень за ступенью полное разоружение, а также строжайшее регламентирование сил, требуемых для поддержания порядка. Вся операция должна была проходить под наблюдением международной контрольной комиссии²⁵. Накануне сессии, которая открывалась 15 марта 1928 г., Литвинов с возмущением узнал о существующем замысле тихо похоронить этот проект, передав его в подкомиссию. Из этого, однако, ничего не получилось благодаря нежеланию ведущих делегатов работать в подобном органе²⁶. Когда Литвинов 19 мая 1928 г. представил советский проект, то он был встречен несколько недоуменными замечаниями ряда делегатов. Лишь делегаты Турции и Германии мягко выразили сочувствие смелости советского плана. Одним из немногих делегатов, не проявивших никакого замешательства, был британский делегат Кушенден, который в ответ на выступление Литвинова разразился самым бессвязным и безудержным потоком оскорблений²⁷. Когда была предложена резолюция, которая сводилась к тому, чтобы положить советский проект под сукно, Литвинов в ответ объявил о существовании еще одного советского проекта конвенции — на сей раз уже не полного запрещения, а сокращения вооружений, — который направляется в секретариат для немедленного распространения. Он яростно протестовал против предложения отложить его рассмотрение до следующей сессии²⁸. Тем не менее на следующий день комиссия приняла резолюцию, в которой заявлялось, что первый советский проект «не может быть принят в качестве основы для работы», а второй проект откладывался до следующей сессии комиссии, время проведения которой, однако, не было установлено, и после еще одного протеста Литвинова сессия закончилась²⁹. В апреле 1928 г. Литвинов в иронических тонах доложил ЦИК о том, что произошло в Подготовительной комиссии, и получил вотум доверия своей политике³⁰. В официальном отчете указывалось, какие плоды Советское правительство рассчитывало пожать в результате своей деятельности в Женеве: утверждалось, что советские предложения по разоружению «привлекли к себе симпатии самых широких кругов населения в капиталисти-

ческих странах и тем самым способствовали некоторому ослаблению военной опасности»³¹.

Пока тянулись дискуссии по разоружению, оживление на международной арене вызвало подписание осенью 1928 г. пакта Бриана — Келлога, по которому народы мира обязывались отказаться от войны как орудия национальной политики. Это предложение возникло чуть ли не случайно в конце 1927 г. в ходе переписки между французским и американским правительством и начало обретать форму к весне 1928 г. На раннем этапе его обсуждения интерес к нему со стороны Советского Союза проявился в передовой статье, опубликованной в газете «Известия»: «Величайшим парадоксом нашего времени... является тот факт, что некоторые внешнеполитические цели двух классовых антиподов современности — Советского Союза и Соединенных Штатов — в некоторых отношениях сходятся. Они заключаются в тенденции к отсрочке неизбежных военных столкновений, в попытках создать, хотя бы временно, нормальные условия для международного торгового обмена. Реалистические политики должны уметь и из парадоксальных положений сделать **практические** выводы»³².

Литвинов в своем заключительном выступлении на пятом заседании Подготовительной комиссии, состоявшемся 19 марта 1928 г., язвительно заметил, что «искренность этого предложения нельзя подвергнуть более убедительной проверке, чем поставив его авторов лицом к лицу с советским проектом конвенции по полному разоружению, в котором преследуются цели не морального запрета, а уничтожения самой возможности войны»³³. А месяц спустя на сессии ЦИК он особо подчеркнул несовместимость вооружения с запретом на войну³⁴. В иронической статье в «Известиях» автор вспоминал заявление Келлога о том, что доктрина Монро обязывала Соединенные Штаты прибегнуть к военной акции против «любого государства в мире», которое бы ее нарушило³⁵. Тем не менее Советское правительство в принципе не было против миролюбивых жестов, даже если они представляли ценность лишь с точки зрения пропаганды, и его кислая реакция была отчасти продиктована тем фактом, что СССР не оказался в числе 15 избранных стран, приглашенных для первоначального подписания пакта. Самые утопические проекты могут иметь иногда политическое значение. Когда в октябре 1926 г. в Вене Куденхове-Калерги выдвинул свою идею Соединенных Штатов Европы, ее сторонники разделились на тех, кто хотел привлечь в число их членов Советский Союз, и тех, кто стремился сплотить Европу против большевистской угрозы³⁶. Авторы нового пакта, по-видимому, также не имели твердых намерений в отношении Советского Союза. В течение лета 1928 г. стало ясно, что советская дипломатия прилагает все усилия, чтобы добиться советского участия в нем.

История умалчивает о тех спорах и разногласиях, которые, очевидно, предшествовали такому решению. Литвинов был его са-

мым явным сторонником. В Женеве он наглядно показал, как можно использовать международную арену для разоблачения лицемерия капиталистических держав, якобы стремящихся к миру. Согласно хорошо информированному и правдоподобному источнику, Чичерин был противником присоединения Советского Союза к пакту, а «Литвинов ратовал за этот шаг и с помощью Бухарина победил»³⁷. Это произошло как раз в тот момент, когда Литвинов успешно подсиживал Чичерина в Наркоминделе и мог всегда рассчитывать на личную поддержку Сталина против Чичерина³⁸. Роль Бухарина была более абстрактной. Примечательно, что, хотя подписание пакта довольно широко освещалось и в советской и в мировой печати, и о решении Советского правительства присоединиться к нему было объявлено во время VI конгресса Коминтерна, о пакте не было сказано ни слова ни в пространных тезисах по докладу Бухарина о международном положении, ни в еще более пространных тезисах по докладу о борьбе против империалистических войн³⁹. В последних содержалось все-таки одно-единственное пренебрежительное замечание о пакте. За осуждением «официального пацифизма, которым капиталистические правительства маскируют свои маневры по отношению друг к другу и по отношению к Советскому Союзу», последовало показательное перечисление: «Лига наций, Локарно, конференции по разоружению, „запрещение войны“ и т. д.»⁴⁰. Эта сдержанность, прослеживаемая в многочисленных выступлениях Бухарина и других советских делегатов на конгрессе, возможно, объясняется тем, что тезисы были составлены в то время, когда еще не было принято соответствующее решение, или тем, что Бухарин, будучи лично к этому причастен, не хотел рисковать, опасаясь столкновений с враждебным мнением, преобладавшим на заседаниях конгресса.

Заговор молчания, которым были проникнуты тезисы и выступления советских делегатов, не затронул зарубежные делегации. Еще до открытия конгресса в журнале КПГ была опубликована бичующая статья о пакте, озаглавленная «Империализм доллара объявляет войну вне закона»⁴¹, и германский делегат на конгрессе назвал пакт «попыткой использовать противоречия в самой Европе в целях усиления международной позиции САСШ»⁴². Член французской делегации Семар сказал, что этот пакт — маска для американского империализма, которая дает ему возможность «в широких массах... посеять пацифистские иллюзии», а Мерфи из английской делегации назвал заключение пакта «подготовкой к войне». Американский делегат охарактеризовал «мирное наступление Келлога» как «дымовую завесу для прикрытия военных приготовлений», направленную на то, чтобы «свести на нет борьбу СССР за мир и разоружение»⁴³. В Париже, где был подписан этот пакт, ФКП вела против него активную кампанию. «Юманите» поместила подборку статей, в которых он осуждался как «военный пакт» и «пацифистская ловушка», а на его сторонников навешивался ярлык «тартюфов мира»⁴⁴. Специальный выпуск газеты

«Юманите» в день подписания пакта, 27 августа 1928 г., призвал к проведению демонстраций против пакта во имя «единого фронта всех рабочих против империалистических убийц»⁴⁵. Непостижимо, чтобы Коминтерн, если он получил твердую директиву, не мог бы обуздать этот враждебный хор. Замечание, которое позднее приписывалось Чичерину, о том, что «Советское правительство присоединилось к пакту Келлога, а Коминтерн выступал против пакта Келлога»⁴⁶, в таком прямолинейном выражении звучит неубедительно. Возможно, однако, что в нем говорится о том времени, когда Коминтерн еще не получил указаний приспособиться к последнему повороту в советской политике. Если Бухарин, из осторожности или по убеждению, был открытым сторонником присоединения, то весьма возможно, что его недруги в Коминтерне воспользовались неопределенностью и смотрели сквозь пальцы на контрдемонстрации зарубежных делегатов на конгрессе.

Первым из американских политиков, кто поднял вопрос об участии в пакте Советского Союза, был, по его собственному утверждению, Бора⁴⁷. Келлог, когда его спросили о включении в его пакт Советского Союза, ответил лишь, что путь этот открыт для всех наций, и Литвинов в результате разговора со Штрездеманом в Берлине пришел к заключению, что «было бы ошибкой считать, что великие державы сколько-нибудь заинтересованы в нашем присоединении к пакту»⁴⁸. 5 августа 1928 г., когда день подписания был совсем близок, в «Известиях» появилось интервью с Чичериным. Считая «глубоко ненормальным то обстоятельство, что эти переговоры протекают без его [Советского правительства] участия», Чичерин заметил, что «теперь еще не поздно», и особо подчеркнул, что «возможность участия нашего правительства в пакте Келлога не исключена»⁴⁹. В прохладном заявлении государственного департамента в Вашингтоне указывалось: хотя сразу же после подписания пакта к нему, помимо подписавших его государств, смогут присоединиться и другие страны, согласие на присоединение к нему Советского Союза не будет означать дипломатического признания Советского правительства⁵⁰. Подписание пакта 15 государствами состоялось в Париже 27 августа 1928 г., и в тот же день Эрбетт вручил Литвинову официальное приглашение (такое же, какие, очевидно, были разосланы всем другим странам) примкнуть к пакту⁵¹. Решение было принято без колебаний. 29 августа 1928 г. Президиум ЦИК принял официальное решение о присоединении к пакту⁵², и на следующий день Литвинов в противоречивой ноте, в которой пространно излагались все критические соображения Советского правительства о существенных недостатках пакта, сообщил Эрбетту о благоприятном решении⁵³. На формальном акте о присоединении стоит дата — «6 сентября 1928 г.»⁵⁴.

Как только пакт был подписан, возник своего рода раскол и возникли трения между теми странами, которые первыми подписали оригинальный текст пакта, и теми, которых лишь пригласили

к нему присоединиться. Из соседних с Советским Союзом стран первоначальный текст пакта подписала одна только Польша. И в то время как Литва, боясь скомпрометировать себя в глазах западных держав проявлением меньшей, по сравнению с Польшей, преданности делу мира, поспешила присоединиться к нему, другие восточноевропейские страны выжидали. Ни одна из стран, подписавших первоначальный текст, не ратифицировала его в течение четырех месяцев, которые прошли с момента подписания. В этих условиях в Москве родилась мысль предложить европейским соседям Советского Союза заключить сепаратный пакт или пакты, осуществив положение пакта Келлога на практике в их отношениях между собой⁵⁵. 29 декабря 1928 г. Советское правительство сделало такие предложения правительствам Польши и Литвы, сообщило им, что аналогичные предложения будут сделаны правительствам Латвии, Эстонии и Финляндии, если они решат присоединиться к пакту, и проинформировало французское правительство, которое выступало посредником при советском присоединении к пакту, об этих шагах⁵⁶. Литовское правительство приветствовало предложение, и 4 января 1929 г. направило правительствам Латвии, Эстонии и Финляндии ноты с выражением надежды на то, что они также подпишут этот пакт⁵⁷. Польское правительство, хотя и далеко не так решительно, обратилось к тем же правительствам, а также к правительству Румынии, о которой не говорилось в советском предложении и которая осторожно ответила, что приветствовала бы польско-советский пакт, если бы ее тоже пригласили его подписать⁵⁸. 10 января 1929 г. польское правительство с некоторым скрипом приняло предложение в принципе, но объявило, что включение Литвы в число стран, приглашенных подписать пакт, и исключение из него Румынии затрудняет положение польского правительства. На следующий день Литвинов ответил пространной нотой, в которой повторялись прежние контробвинения по поводу польско-литовского спора, но не возражал против включения Румынии, и 19 января 1929 г. польское правительство объявило о готовности обсудить процедуру подписания пакта, повторив при этом о своем желании привлечь к подписанию прибалтийские страны⁵⁹.

С этого момента стало ясно, что Польша испытывает честолюбивое стремление выступить лидером и спонсором в отношении других привлеченных к подписанию пакта государств, исключая Советский Союз. Во время бесед, состоявшихся 28 и 31 января, польский посол проинформировал Литвинова о том, что Латвия, Эстония и Румыния (но не Финляндия) готовы подписать пакт и что польское правительство не имеет возражений против желания Литвы присоединиться к нему самостоятельно⁶⁰. Больше никаких трудностей не возникало. 9 февраля 1929 г. пакт, по которому подписавшие его страны обязывались в отношениях между собой следовать положениям пакта Келлога, был подписан в Москве Советским Союзом, Польшей, Латвией, Эстонией и Румы-

нией. Церемония была заснята на кинопленку — первое вторжение кинематографа в советскую, да, пожалуй, и в любую другую дипломатию⁶¹. Ратификация ЦИК последовала через четыре дня⁶². Литва присоединилась самостоятельно, а несколько позднее присоединились Турция и Персия (Иран)⁶³.

Эти события временно отвлекли внимание от проблемы разоружения, и все были рады такой передышке. Только Советское правительство — и по другим причинам германское — были полны решимости не допустить, чтобы вопросы разоружения канули в Лету. 20 августа 1928 г. в письме председателю Подготовительной комиссии Литвинов спрашивал, когда комиссия соберется вновь для рассмотрения советского проекта, внесенного в марте предыдущего года, и получил уклончивый ответ⁶⁴, а во время проходившей в следующем месяце Ассамблеи Лиги наций Кушенден, как сообщали, старался отложить сессию на неопределенное время⁶⁵. На заседании ЦИК в декабре 1928 г. Литвинов снова осудил тактику проволок, которой придерживалось большинство членов комиссии⁶⁶. В том же самом месяце он направил в Женеву еще один пространный протест и получил еще один уклончивый ответ. На этот раз, однако, ресурсы для проволок были исчерпаны. Шестая сессия комиссии была назначена, хотя на отдаленную, но все же на определенную дату — 15 апреля 1929 г.⁶⁷.

Комиссия собралась в назначенный день. Литвинов тотчас дал почувствовать свое присутствие, выступив с длинной речью, в которой выражал протест против длительных затяжек и методов, практикуемых комиссией⁶⁸. 17 апреля 1929 г. советская делегация представила еще один новый проект конвенции, основанный, как объяснил Литвинов, на трех принципах, а именно: существенного сокращения имеющихся вооружений, пропорционального сокращения и установления пропорциональных коэффициентов. В этом проекте были искусно скопированы некоторые ограничения, наложенные на Германию по Версальскому договору, в частности, полное запрещение отдельных видов вооружений, в том числе военной авиации, и ограничение размеров военных кораблей. В ходе бессистемного, растянувшегося на три с лишним заседания обсуждения, во время которого Литвинов беспрестанно подавал реплики, лишь делегаты Германии, Италии и Турции проявили вежливый интерес к советским предложениям и объявили, что они воздержатся от любого голосования по ним⁶⁹. Бюро комиссии выдвинуло резолюцию, в которой предлагалось продолжать следовать курсу, выбранному на предыдущей сессии, то есть, практически положить советский проект под сукно. Возражали против этого только делегаты Советского Союза и Китая, и резолюция была принята без голосования, причем Литвинов заявил письменный протест⁷⁰. Много времени было затрачено на обсуждение раздела, посвященного запрещению химической войны, что практически свелось к повторному перечислению положений протокола, подписанного в 1925 г. Литвинов настаивал на том, что от тех государств, которые под-

писали этот протокол, но еще не ратифицировали его, следует потребовать, чтобы они это сделали; предложение было одобрено⁷¹.

Остальная работа проходила в том же русле, что и на предыдущих сессиях. Чуть ли не на каждое предложение об ограничении какого-либо вида вооружений от кого-нибудь поступало роковое возражение. Комиссия снова ограничилась рассмотрением вопроса о том, какие категории вооружений следует ограничить, не обсуждая цифр по коэффициентам сокращения. На этой сессии обращало на себя внимание все более заметное согласие между делегациями Советского Союза и Германии. Еще в декабре 1926 г. Штреземан постарался заинтересовать Чичерина проходившими в Женеве переговорами по разоружению под тем предлогом, что польское правительство будет ссылаться на пример Советского Союза в оправдание своего отказа разоружаться⁷². Вскоре после этого Штреземан, давая инструкции Брокдорф-Ранцау, говорил, что «скорейшее участие русских в конференции по разоружению... чрезвычайно важно и желательно», и Уншлихт, как сообщали, просил германского военного представителя информировать его о вопросах, относящихся к разоружению ввиду намерения Германии и Советского Союза «сообща работать в этой области»⁷³. Когда в ноябре 1927 г. советская делегация впервые появилась в Женеве, германская делегация не слишком рвалась поддержать ее предложения о полном разоружении. Однако после того, как в марте 1928 г. был представлен советский проект, отношение настолько изменилось, что в советской печати появилось циничное замечание о том, что, хотя германскому правительству так же мало дела до разоружения, как и другим западным правительствам, оно готово воспользоваться советской инициативой, чтобы обвинить союзные державы в нарушении вытекающего из статьи 8 Устава Лиги наций обязательства сократить свои вооружения⁷⁴. Тем не менее координация политических линий обоих государств установилась в Женеве почти автоматически только в апреле 1929 г.⁷⁵. Германская делегация систематически предлагала вписать в конвенцию по разоружению все ограничения и запреты, наложенные на Германию по Версальскому договору, и советская делегация ее неизменно поддерживала. Со своей стороны, германская делегация поддерживала многочисленные советские предложения и протесты, однако с большими колебаниями. Делегации Италии и Турции, как правило, старались не принимать ничью сторону. Наконец 4 мая 1929 г., когда всем уже не терпелось свернуть эту бесплодную сессию, французская и американская делегации предложили резолюцию, в которой отвергалось какое бы то ни было прямое ограничение, и даже любое обязательное ограничение, налагаемое на затраты на вооружение, но одобрялось «ограничение и сокращение материала... путем predания гласности затрат». Эта резолюция получила 22 голоса. Советская и китайская делегации голосовали против нее. Германия воздержалась, однако

Италия и Турция голосовали вместе с большинством⁷⁶. В своем заключительном выступлении 6 мая 1929 г. Литвинов отметил, что изъятие из проекта конвенции всех ограничений, против которых были высказаны возражения, привело к «отказу от принятия принципа сокращения вообще любых элементов вооруженных сил». Комиссия перестала служить какой бы то ни было цели и должна передать свои полномочия конференции по разоружению, «быстрейший созыв которой я теперь и предлагаю»⁷⁷. Комиссия уклонилась от ответа на это предложение, объявив закрытой только «первую часть» сессии и не назначив даты проведения второй ее части.

В передовой статье «Известий» праздновалась победа Литвинова: «...Делегация СССР могла перед лицом всего мира с женевской трибуны вскрыть сущность лицемерной тактики буржуазной дипломатии, разоблачить планы империалистических правительств, выявить с полной ясностью, какие цели преследуют правительства, представленные в женевской комиссии»⁷⁸. Тактика установления советского присутствия в Женеве, блестяще примененная Литвиновым, начала приносить плоды. В то время когда притягательность Советов для организованных рабочих Западной Европы стала терять силу, был найден эффективный канал для подхода к радикальным и прогрессивным группам, которые, хотя сами они и были буржуазными по образу жизни и мыслей, тем не менее часто критически относились к своим правительствам и с симпатией — к международной политике Советского правительства. В Москве эта тактика также способствовала постепенной «нормализации» советской внешней политики и советской дипломатии.

Б: КОМИНТЕРН И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР

ГЛАВА 66

КОМИНТЕРН И СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Вторжение дипломатии в практическую деятельность режима, который ставил перед собой интернациональные цели и программой которого исключалось преследование чисто национальных интересов, произошло почти автоматически после его прихода к власти, когда нависшая угроза нападения со стороны иностранных государств поставила его перед необходимостью маневрировать между ними, реализуя единственный способ выживания. Революционному правительству сразу же пришлось с риском для жизни балансировать между Германией и союзниками. Спустя несколько недель после подписания и ратификации Брест-Литовского договора Ленин подчеркивал, что «реальной, не бумажной, гарантией мира для нас является исключительно рознь между империалистическими державами»¹, а в мае 1918 г. он телеграфировал большевистскому комиссару на Кавказе Шаумяну: «Пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты: пока надо научиться дипломатии»².

Дипломатическое использование таких трещин не было, однако, несовместимо с настойчивым стремлением к осуществлению международной революции. Как объяснял Ленин в статье, где оправдывалось заключение «позорного» Брест-Литовского мира, «...надо решать вопросы не с точки зрения предпочтительности того или другого империализма, а исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась»³.

Действительно, именно эта начавшаяся революция спасла режим в испытаниях гражданской войны: «...внутреннее разложение в государствах Антанты» зашло так далеко, что «своими собственными войсками Антанта воевать против нас не могла»⁴.

Оптимистический взгляд Ленина на расписание мировой революции облегчал принятие таких временных мер в экстремальной ситуации. Однако трудности не исчезли с пути режима даже и после окончания гражданской войны. Политика дипломатического маневра осталась не менее необходимой. В предвидении Генуэзской конференции Ленин в своем докладе на XI съезде партии объяснял, какой тактики следует придерживаться: «... нам

не безразлично, имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму»⁵.

Набрасывая инструкции для советской делегации в Генуе, Ленин писал, что «... главная наша политическая задача» состоит в том, чтобы из лагеря грубо-буржуазного, агрессивно-буржуазного, реакционно-буржуазного выделить «мелкобуржуазное, пацифистское и полупацифистское» крыло с целью «немного увеличить шансы его победы на выборах» и «разъединить между собой объединенные в Генуе против нас буржуазные страны». Задачей делегации было «никоим образом не развитие коммунистических взглядов»⁶. Тактика, провозглашенная в 1918 г., оставалась прежней. Но в связи с изменением в революционном расписании условия ее применения также изменились. Функции дипломатии теперь сводились не к развитию социалистической революции, которая уже началась, а — в течение более или менее продолжительного периода, до того как революция завершится, — к наращиванию экономического благосостояния и мощи независимого Советского государства. По мысли Ленина, однако, эти меры сохраняли свой временный характер, так как были разработаны для того, чтобы дать возможность режиму «продержаться» до того момента, когда к нему на помощь придет международная революция. В самых последних своих работах, в начале 1923 г., Ленин больше всего беспокоился, удастся ли продержаться... вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах... «до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму»⁷.

Едва ли можно отрицать, что пока был жив Ленин, советская внешняя политика носила уникальный и исключительный характер. Ей было присуще внутреннее революционное ядро. Мировая революция была тем постулатом, на котором держалась политика, да, по сути, и само существование Советской Республики. Меры, которые принимал и рекомендовал Ленин, были направлены на то, чтобы помочь режиму продержаться в течение какого-то периода, более долгого, чем это представлялось вначале, но все же не бесконечного, пока не произойдет упомянутое свершение революций. Однако еще до смерти Ленина стали обнаруживаться двойственность и трудности, связанные с такой интерпретацией советской внешней политики. После образования коммунистических партий в главных странах и основания Коммунистического Интернационала другие коммунисты могли ставить под сомнение право советских руководителей на монополию в решении вопроса о том, что будет лучше всего служить интересам мировой революции. В 1920 г. в Персии и, еще более явно, в Турции нужды советской политики потребовали поддержания режима, активно занимающегося преследованием и физическим уничтожением местных коммунистов — курс, который позднее стал несколько стыд-

ливо называться «путем Кемалья»⁸. Тайные военные соглашения с Германией, которые начались еще в 1921 г., имели целью перевооружение рейсера, что, между прочим, привело к тому, что он вооружился для выполнения другой функции, а именно: подавления восстаний немецких коммунистов⁹. Более того, с течением времени и в условиях отсутствия революционных побед за пределами Советского Союза становилось все труднее рассматривать такую политику, как временную меру для преодоления кризиса. И вот, в ноябре 1922 г., на IV конгрессе Коминтерна Бухарин без обиняков защищал право Советской республики заключать соглашения с буржуазным государством и рассчитывать на поддержку такого союза со стороны коммунистов этого государства. В приводимом им обосновании такого права прозвучала реалистическая, чтобы не сказать циничная, нота: «В «Коммунистическом манифесте» сказано, что пролетариат должен завоевать весь мир, но ведь этого не сделаешь же движением пальца. Тут необходимы штыки и винтовки»¹⁰.

Штыки и винтовки были только у Советского Союза. И в принятой конгрессом революции говорилось, что долг рабочих во всем мире состоит в том, чтобы «провозгласить свою моральную, политическую и экономическую солидарность с Советской Россией»¹¹.

Решающим актом, который освятил такое развитие событий и подвел под него теоретический фундамент, явилось провозглашение Сталиным доктрины социализма в одной стране. Изменился порядок очередности. Настойчиво утверждавшаяся Лениным зависимость русской революции от революции мировой была отвергнута, и ее место автоматически заняла зависимость мировой революции от построения социализма в Советском Союзе. Мировая революция стала вторичным фактором в формировании советской политики. Постепенное изменение предпосылки и сдвиг в акценте были замаскированы постоянным повторением того, что представляло собой текстуально идентичные формулы. Когда в 1924 г. V конгресс Коминтерна, провозгласив лозунг «большевизации», привел в движение совокупный процесс верноподданнического подчинения входящих в Коминтерн партий центральному руководству из Москвы¹², объявленной целью этого процесса оставалось выковывание орудия международной революции. Два года спустя, в своем докладе на XV Всесоюзной партийной конференции в ноябре 1926 г., Сталин так развил это объяснение: «... Победу социализма в нашей стране мы рассматриваем не как самоцель, не как нечто самодовлеющее, а как подспорье, как средство, как путь для победы пролетарской революции в других странах».

И, подхватив аргумент, ранее выдвинутый Лениным, заявил о том, что «капиталисты не в состоянии поднять «своих» рабочих войной против нашей республики» и что «на этом сочувствии и базируется теперь международное положение нашей республики»¹³. Месяц спустя, на VII пленуме ИККИ, Коларов призывал

зарубежные коммунистические партии «отражать любое нападение, направленное против СССР»¹⁴. Сталин же на том же заседании подробно разработал это положение: «... Интересы и задачи пролетариата СССР переплетаются и неразрывно связываются с интересами и задачами революционного движения во всех странах и, наоборот, задачи революционных пролетариев всех стран неразрывно связываются с задачами и успехами пролетариев СССР на фронте социалистического строительства».

Любая попытка противопоставить «национальные» задачи «интернациональным» задачам пролетариата была бы «глубочайшей ошибкой в политике»¹⁵. В резолюции пленума, озаглавленной «Русский вопрос», говорилось, что партия «ориентируется во всей своей работе на международную революцию», которая одна только может гарантировать безопасность Советского Союза: Советский Союз объявлялся «главным организующим центром международной революции»¹⁶.

Дипломатов живо интересовало, чего можно ожидать от такой перемены ветра, и они не стесняясь высказывали различные предположения. Британский поверенный в делах в Москве в июле 1926 г. сообщал, что приход к власти Сталина «приведет к тому, что Советское правительство начнет все больше превращаться из международной заговорщической организации в русское правительство». Полгода спустя он выразил это мнение в беседе с Литвиновым в одной фразе: «Пусть Россия занимается построением социализма у себя дома, и все будет хорошо». Литвинов не возражал¹⁷.

Случившийся в начале 1927 г. эпизод, хотя он и не получил широкой огласки, показал, что несовместимость двух лиц, которые СССР являл миру, оставалась источником затруднений. 8 января 1927 г., выступая на московской губернской партийной конференции, Бухарин, стараясь отвлечь внимание от разоблачений тайных советско-германских военных соглашений, обвинил Германию в грехе империализма: «Сейчас Германия втянулась в орбиту общей империалистической политики не как **объект** этой политики, а в значительной мере уже как ее **субъект**, т. е. как одна из активно действующих величин на империалистическом политическом рынке». В частности, он обвинил германское правительство в том, что оно действует рука об руку с другими империалистическими державами в Литве¹⁸. Эта провокация не могла остаться без ответа. В депеше, отправленной Брокдорф-Ранцау 15 января 1927 г., Шуберт выражал сильное негодование по поводу нападок Бухарина на Германию и просил его выразить протест Литвинову. Брокдорф-Ранцау ответил, что он уже это сделал. И в очередной беседе Литвинов намекнул, что были приняты меры к сдерживанию необдуманных высказываний Бухарина¹⁹. Приблизительно в это же время в беседе с британским поверенным в делах Литвинов дал понять, что он осуждает разговоры Бухарина и других о мировой революции²⁰. 18 февраля

1927 г. Чичерин в письме Сталину и Рыкову тоже резко критиковал эти нападки на Германию как пагубные для советско-германских отношений²¹.

Еще одним осложняющим фактором явился возникший в 1925 г. интерес к Азии как важнейшему объекту советской международной политики. До сих пор дилемма, связанная с тем, как согласовать поощрение революционных движений и коммунистических партий с поддержкой национальных правительств, ведущих борьбу против западного империализма, возникала лишь в отношении таких стран, как Турция и Персия, где коммунистические партии находились в зародышевом состоянии, и ими можно было без угрызений совести пожертвовать ради нужд советской внешней политики. Индия и Индонезия были охвачены революционными волнениями, толчок к которым в значительной мере дала Октябрьская революция. В Москве тем не менее не нашли еще способа оказывать на них эффективное воздействие. Однако то, что произошло в Китае, имело совершенно новый размах. Если в Европе все возрастающая отдаленность революционной перспективы в какой-то степени позволяла рассматривать защиту единственной революционной базы в Советском Союзе в качестве первостепенной заботы революционного движения, то в Китае это революционное движение было активной силой и главной угрозой империалистическим державам, с которой нельзя было не считаться. Китайская национальная революция шла курсом, по-видимому, не противоречащим ни революционной традиции большевиков, ни интересам советской дипломатии. Русская партия, Коминтерн и Советское правительство сообщая старались содействовать революции, в которой переплелись национальные и социальные цели и победа которой была бы победой китайского народа, международного пролетариата и СССР. Только в 1927 г., когда национальные и социальные цели китайской революции разошлись и обнаружилась эта дихотомия, неизбежно встал вопрос, чему призваны служить директивы из Москвы: делу китайского коммунизма, подавляемого со звериной жестокостью китайскими националистами, или советской политике, которая не без оснований считала развитие национальных революций в колониальных и полуколониальных странах своим самым эффективным оружием, как наступательным, так и оборонительным, в борьбе против капиталистического мира. Китайская дилемма постоянно присутствовала в дискуссиях, которые происходили в Москве между партийной иерархией и оппозицией в этот тревожный год.

К тому моменту, когда в мае 1927 г. в Москве собрался VIII пленум ИККИ, китайская катастрофа и разрыв отношений с Великобританией вызвали резкую перемену в настроениях. Мировая революция была теперь отдаленной и нереальной перспективой. Страх перед войной превратился в навязчивую идею²². Старые фразы о солидарности международного пролетариата с пролетариатом Советского Союза в новых условиях приобрели новое зву-

чание. Первостепенной задачей коммунистических партий стало теперь сплочение вокруг Советского Союза и защита его как единственной цитадели революции против натиска империалистов. В феврале 1927 г. Эмбер-Дро писал Тольятти, что «интересы СССР в настоящее время, когда Англия грозит разрывом, несомненно, стоят превыше всего», а в другом письме от 8 апреля 1927 г. выражал сожаление по поводу «пассивности наших партий в отношении Китая и в связи с этим опасности войны против России»²³. В заключительном разделе пространной резолюции, принятой на VIII пленуме ИККИ, которая была посвящена опасности войны и озаглавлена «Задачи коммунистических партий», провозглашалось, что «...центральными лозунгами нынешней антивоенной кампании должны быть „защита китайской и русской революций“» и что надо мобилизовать массы на защиту Советского Союза «под лозунгом „Международный пролетариат защищает свое пролетарское отечество“»²⁴. На Пленуме Центрального Комитета партии 1 августа 1927 г. Сталин высказался еще определеннее: «Есть один вопрос, который ставит водораздел между всеми возможными группами, течениями, партиями и проверяет их революционность или антиреволюционность. Этим вопросом является теперь вопрос об обороне СССР... **Интернационалист** тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения»²⁵.

Это было поразительно необычное заявление. Тем не менее когда на XV съезде партии в декабре 1927 г. Сталин на двух отдельных листах предложил съезду схематическое перечисление «задач партии» на революционном и дипломатическом фронтах, он представил их как две стороны одной и той же политики²⁶, и какие бы трудности ни ожидали тех, кому придется претворять эти инструкции в жизнь, надо полагать, что ни Сталин, ни большинство тех, кто слышал его выступление на съезде, не заметили никакой несовместимости между пунктами в этих списках желаемого.

Отождествление интересов международного революционного движения с интересами советской дипломатии, которое уже начало звучать пустым звоном в ушах многих зарубежных коммунистов, в Москве теперь оспаривалось только разбитой и преследуемой оппозицией, членов которой вот-вот исключают из партии. Еще на VIII пленуме ИККИ в мае 1927 г. Троцкий сконцентрировал свой огонь на продолжении союза с Гоминьданом и на Англо-русском профсоюзном комитете — два ярких примера подчинения революционного принципа нуждам советской государственной политики²⁷. Раковский в своем часто прерываемом выступлении на XV съезде партии в декабре 1927 г. поставил под сомнение миф о «постоянном росте симпатий рабочего класса [в зарубежных странах] по отношению к Советскому Союзу». Он привел высказывание буржуазной газеты «Кельнше цейтунг» о том, что к Со-

ветскому Союзу в десятую годовщину революции можно относиться не как к «идеологической опасности», а как к «любому другому государству»²⁸. Троцкий продолжал усматривать корень зла в доктрине о социализме в одной стране, которую в 1928 г. он назвал «социально-патриотической концепцией»²⁹. Просчеты и неудачи Коминтерна в период с 1923 по 1927 г., писал он позднее, «убили веру советских масс в мировую революцию». Коминтерн превратился в пустую шелуху, Сталин смотрел на него как на «необходимое зло, которое надо, насколько возможно, использовать для целей внешней политики»³⁰.

Исключение оппозиции из партии и из Коминтерна устранило последние препятствия для открытого и общепризнанного проведения этого нового курса. В вызывающе бескомпромиссной атмосфере IX пленума ИККИ, проходившего в феврале 1928 г., на котором наметился поворот Коминтерна влево, Бухарин с необычной прямоотой изложил утвержденную политику: «Либо Советское государство — это пролетарское государство, и Коминтерн должен стоять на стороне Советского Союза в принципиальных вопросах политики Советского Союза, а также в вопросе об опасности войны, либо оно им не является. Коммунистическому Интернационалу приходится выбирать: или — или! Третьего не дано»³¹.

Полгода спустя в принятой VI конгрессом Программе Коминтерна было провозглашено, что «возможна победа социализма первоначально в немногих, даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране». В ней также указывалось на то, какой вывод должны сделать коммунисты в других странах: «Развитие социализма в СССР и рост его международного влияния ... пробуждают величайшие симпатии к нему со стороны широких трудящихся масс всего мира, готовность угнетенных классов всех стран биться всеми средствами за страну диктатуры пролетариата в случае империалистического нападения».

И лозунг «защиты всеми средствами СССР» был записан среди «основных лозунгов» Коминтерна³². За кулисами соблюдали меньше церемоний. В выступлении, с которым, как полагают, Ворошилов обратился 16 апреля 1928 г. к группе работников Коминтерна, подчеркивалась необходимость в интересах Красной Армии «правильных отношений» с некоторыми буржуазными государствами. Выступавший привел в пример зависимость Красной Армии от технической компетентности военно-химической промышленности Соединенных Штатов Америки³³. То, что когда-то казалось парадоксом или временной целесообразностью, теперь принималось в порядке вещей.

Безоговорочный приоритет, отдаваемый теперь национальным интересам Советского Союза, получил свое воплощение в области организации. Коминтерн был задуман как единая организация, а партии, которые в него входили, были ее секциями. Российскую партию отделяло от остальных партий лишь то, что она совершила революцию и взяла в свои руки управление могущественным

государством. Другие партии должны были учиться на ее опыте и следовать ее примеру. Как сказал Куусинен, выступая на VII пленуме ИККИ в ноябре 1926 г., «Новый международный опыт величайшего революционного значения приобретен рабочими капиталистических стран за последние годы на наглядном уроке русской революции»³⁴.

В предисловии к английскому отчету о работе IV конгресса Профинтерна в 1928 г. Лозовский настойчиво старался подвести к этой мысли Коммунистическую партию Великобритании для ее же блага: «Нет смысла создавать международную организацию, если она ни во что не будет вмешиваться, если она не будет поднимать и решать жизненно важные проблемы и не будет пытаться использовать международный опыт с целью выпрямления линии в рабочем движении той или иной страны»³⁵.

Первоначальное представление о Коминтерне как о единой, дисциплинированной организации было реализовано по советской модели. В этом состояла суть «большевизации» партий, уже провозглашенной на V конгрессе Коминтерна в 1924 г.³⁶ Единую политику, сфокусированную на защите Советского Союза, можно было планировать и проводить только при наличии верховного командования и генерального штаба, действующих из Москвы, и, хотя командование и штаб по форме были интернациональными, никто в середине 20-х годов не сомневался в том, что они уже представляют собой монополию власти, осуществляемой российской партией. Деликатное маневрирование «единого фронта», связанное с постоянным риском впасть либо в правый, либо в ультраевый уклон, должно было осуществляться под управлением ИККИ и Секретариата Коминтерна и отражало меняющиеся оценки международного положения российской партией и Советским правительством. Когда на IX съезде КПВ в октябре 1927 г. Мерфи с презрением отвергал мнение, что ИККИ «вовсе не международная организация, а какой-то маленький орган при ВКП(б)», или что «пять или шесть товарищей из российской партии сидят и отдают приказы», и когда он заявил, что Коминтерн и Советское правительство это, «совершенно очевидно, два разных института»³⁷, формальная правильность его возражений была не так убедительна, как та глубинная правда, которая лежала в основе таких заявлений. Эмбер-Дро рассказывал, что Сталина привела в ярость статья, написанная им в июле 1928 г., как раз перед VI конгрессом Коминтерна, в которой утверждалось, что российская партия, как и любая другая, является секцией Коминтерна и обязана подчиняться его дисциплине³⁸.

Результатом такого развития было то, что директивы Коминтерна одинаково относились ко всем партиям. Разнообразие партийных инициатив было заменено бюрократическим подчинением. Если какая-либо партия ссылалась на исключительные условия, позволяющие ей не подчиняться общей директиве, то это накладывало на нее печать ереси. Как писал в итальянском партийном

журнале в 1929 г. хорошо изучивший теорию и практику Коминтерна Тольятти, «...наша партия совершила бы самую серьезную ошибку, если бы она придерживалась взгляда, что в Италии существует исключительная ситуация и иная расстановка сил, чем та, которая, по оценке органов Коминтерна, характерна для данного периода во всем мире»³⁹.

И несколько месяцев спустя, обращаясь к американской партии, Сталин провозгласил тот же принцип: «...Основной деятельностью всякой компартии, в том числе и американской, на которой она должна базироваться, являются общие черты капитализма, одинаковые в основном для всех стран, а не специфические его черты в данной стране»⁴⁰.

Партии вскоре потеряли ту степень гибкости, которая необходима для того, чтобы в своей деятельности учитывать интересы и мнения членов своих партий, а руководители выдвигались или снимались не в зависимости от того, насколько им доверяют в их собственных партиях, а в зависимости от того, насколько безоговорочно они выполняли приказы Москвы. По едва ли слишком сильному обвинению Троцкого, «...после того, как государственной аппарат вбил клин раскола, порожденного дискуссиями в российской партии, руководство коммунистических партий, которое создавалось в тот период на Западе, снова и снова подвергалось перетряске. Все это происходило под знаменем борьбы с фракционностью»⁴¹.

Организационное давление, оказываемое на зарубежные партии с тем, чтобы заставить их принять советские модели, касалось даже мелочей. Когда в начале 1929 г. Бухарин был в конце концов отстранен от участия в работе Коминтерна, он жаловался, что в отношениях с другими партиями «крик плюс принуждение» заменили собой убеждение⁴². Исходная посылка, гласящая, что тождественность интересов между государственной политикой Советского Союза и целями зарубежных коммунистических партий может сохраняться до бесконечности без того, чтобы был принесен в жертву интернациональный и революционный дух Коминтерна, рухнула. Видимость такого положения можно было поддерживать только железными дисциплинарными мерами, которые постоянно проповедовались с платформы Коминтерна и грубо насаждались коминтерновской бюрократией.

НЕСТАБИЛЬНАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ

В течение первых трех месяцев 1926 г. европейские правительства и партии переживали процесс перегруппировки, который последовал за заключением Локарнских договоров, а в Советском Союзе еще не разрешился кризис, вызванный осуждением Зиновьева XIV съездом партии в декабре 1925 г. Эта неопределенность ситуации, как на Западе, так и в СССР, привела к замедлению в работе Коминтерна. Когда в феврале 1926 г. собрался VI пленум ИККИ, Зиновьев еще выполнял функции председателя и руководил его работой. Но он старался избежать полемики, и политика Коминтерна в Германии и в других странах по-прежнему в первую очередь была направлена против ультра-левых¹. Однако рано или поздно его собственная позиция не могла не стать просто неприемлемой. Пост председателя Исполкома Коминтерна был рычагом власти в руках правящей партии, и предполагать, что Зиновьев не воспользуется им, чтобы добиться своих собственных целей, было бы донкихотством. Впервые он это сделал в январе 1926 г., когда встал вопрос о том, чтобы направить Гертруду Гесслер в зарубежные столицы от имени оппозиции². Вторым компрометирующим эпизодом было раскрытие того факта, что другой работник Коминтерна, Беленький, активно занимается организацией «собрания в лесу», на котором в июне 1926 г. выступал Лашевич, а также другой подпольной оппозиционной деятельностью³. Эти случаи послужили основанием или предлогом для принятия Центральным Комитетом партии в июле 1926 г. резолюции о вынесении порицания Зиновьеву и об исключении его из состава Политбюро⁴. Только в октябре 1926 г., якобы по просьбе десяти коммунистических партий, Центральный Комитет отозвал Зиновьева с поста председателя ИККИ и отстранил его от дальнейшей работы в Коминтерне⁵.

Это было необходимой прелюдией к VII расширенному пленуму ИККИ, который собрался через восемь месяцев после шестого пленума, 22 ноября 1926 г. Было зарегистрировано 100 делегатов с правом решающего голоса, 38 из которых были членами ИККИ, и 91 делегат с правом совещательного голоса⁶. Бухарин заменил Зиновьева на посту председателя; письмо последнего об уходе было зачитано на первом заседании⁷. Вступительная речь

нового лидера звучала победно: «В нашей стране мы, вопреки различным затруднениям, которые можно было констатировать в нынешнем году, продолжаем идти по пути, ведущему к нашей цели».

В его выступлении также прозвучала соответствующая случаю интернациональная нотка: «Мы — детище мирового рабочего движения»⁸. Основной доклад Бухарина о международном положении, который был значительно короче, чем обычно (полный отпечатанный текст доклада был роздан делегатам) вращался вокруг вопроса о «стабилизации капитализма». Диагноз «наступления капитала», уже содержащийся в сделанном на III конгрессе Коминтерна в 1921 г. признании того, что поступательное движение революции замедлилось в результате оживления капиталистических сил, был вновь поставлен на IV и V конгрессах⁹, вошел в обиход в Коминтерне в 1925 г. и стал главным вопросом V пленума ИККИ, состоявшегося в марте того же года¹⁰. Иногда добавлялись такие определения, как «частичная», «временная» или «относительная», и эти уточнения получили разъяснение на VI пленуме ИККИ в феврале 1926 г.¹¹. Всеобщая забастовка в Великобритании сначала, казалось, оправдывала веру скорее в дезинтеграцию, чем в стабилизацию капитализма. К такому выводу пришел Зиновьев в статье, опубликованной 4 июля 1926 г. в «Правде». Однако Зиновьев уже не выражал общепринятого мнения или мнения руководства. В статье, помещенной в партийном журнале, более осторожно указывается, что взгляд на забастовку, как на «к р а х стабилизации», — это «декламаторское упрощенчество»; она просто «проливает яркий свет на конкретный облик нынешней стабилизации»¹². Когда в октябре 1926 г. на XV партийной конференции Бухарин подробно говорил о происходящей стабилизации капитализма и сказал, что Великобритания и Китай представляют собой две «огромные бреши, он вынес до тонкости сбалансированный приговор. Отрицание того факта, что капитализм в Западной Европе в какой-то мере оправился от потрясений военных лет и обнаружил способность стабилизации, означало приверженность ультралевым иллюзиям, которые он приписывал Зиновьеву и Коршу. В то же время признание, что выздоровление может затянуться и что оно может перейти в стадию суперимпериализма под американским господством, было ересью с уклоном вправо¹³.

В письменном тексте своего доклада, представленного на VII пленуме ИККИ, Бухарин повторил этот анализ. Он назвал Соединенные Штаты «страной, резче всего выражающей собой кривую подъема капиталистического хозяйства», и «частично» включил в эту категорию Японию и британские доминионы. Затронув тему, которая постоянно будет снова и снова звучать в течение нескольких следующих лет, он атаковал социал-демократов за то, что они поддерживают капитализм, который представляют Соединенные Штаты, против социализма, который представляет Совет-

ский Союз. К этой картине, однако, можно было бы добавить еще несколько позитивных штрихов. Установив факт стабилизации, Бухарин обратился к трем главным силам, которые ее подрывали: социалистическое строительство в СССР, упадок британского капитализма в Британской империи и революция в Китае. «Неизбежные затруднения капиталистических правительств» сопровождаются «обострением классовой борьбы». Долг Коминтерна состоит в «поддержке важнейших очагов международного революционного движения английских рабочих, китайской революции и СССР». «Разоблачение социал-демократии» стояло «в порядке дня» наряду с борьбой против фашизма и белого террора. В разделе доклада, посвященном работе в профсоюзах, не предлагалось, однако, никаких изменений тактики единого фронта. В нем прозвучал призыв, обращенный, в особенности к Германии, к «усилению работы внутри профорганизаций» и энергичному продолжению проведения «тактики единого фронта». В нем говорилось о «революционизировании» рабочего класса, социал-демократов и беспартийных рабочих¹⁴. Выступая с трибуны с более коротким, устным вариантом этого доклада, Бухарин говорил в более демагогическом тоне. Возможно, под влиянием обвинения в «социал-демократическом уклоне», брошенного Сталиным в адрес оппозиции на XV партийной конференции двумя неделями ранее, он направил значительную часть огня на социал-демократов, обвинив их в поддержке стабилизации капитализма, в прокладывании пути к новым войнам и в поддержке Соединенных Штатов против Советского Союза. Таким образом, он создал модель, которая в последующие несколько лет стала все больше и больше использоваться Коминтерном в его обличительных нападениях. Бухарин поднял также еще одну тему, которую ожидало значительное полемическое будущее, выделив три ступени в послевоенном развитии Европы: первоначальный период мятежа, период «непосредственной революционной ситуации», когда социал-демократы открыто выступали против коммунистов; период капиталистической стабилизации, когда коммунисты «несколько отступили» — расцвет единого фронта; и третий период, только начавшийся, когда процесс стабилизации капитализма «все в более яркой форме выявляет свои внутренние противоречия», и «сдвиг рабочего класса влево» можно рассматривать как «яркое выражение этого процесса». Никаких определенных выводов, однако, сделано не было, и доклад закончился общими фразами¹⁵.

Прения по этим крупным вопросам были бесцветными. Цеткин считала, что стабилизация капитализма есть не что иное, как синоним классового господства буржуазии¹⁶. Рой отметил, что «нет другой страны в мире, к которой термин «стабилизация» подходил бы в меньшей степени», чем к Англии, и поставил следующий диагноз загнивания британского империализма: «Империализм, основанный на экспорте капитала из метрополии, изжил себя. В

настоящее время Великобритания не в состоянии экспортировать капитал за границу».

Британская буржуазия пыталась теперь «мобилизовать ресурсы империи, чтобы вывести британский капитализм из нынешнего тяжелого положения». В более развитых частях империи, таких, как Индия, «новая британская политика ведет к развитию ресурсов туземного капитала»¹⁷. Этот тезис, которому впоследствии суждено было положить начало острой полемике, в то время не привлек к себе внимания. Единственным, кто выступил с критикой более или менее значительных положений проекта доклада Бухарина, был Трэнт, который повторил точку зрения, уже отвергнутую съездом Коммунистической партии Франции в июле 1926 г.¹⁸, заключающуюся в том, что сегодня основное противоречие капиталистического мира выражается в борьбе между Соединенными Штатами Америки и той Европой, которая объединилась в «систему англо-европейского империализма, заостренную против Соединенных Штатов». Убеждение в существовании коренного англо-американского противоречия давно уже проповедовал Троцкий, и о его лозунге «Соединенных Штатов Европы» незадолго до этого снова вспомнили на VI пленуме ИККИ¹⁹. Старание, с которым Трэнт отрицал, что он в чем бы то ни было согласен с Троцким, не спасло его мнение от резкого осуждения²⁰.

Другие выступавшие практически лишь пересказали положения доклада Бухарина. Куусинен осудил «контрреволюционную роль социал-демократии» и старательно взвешивал два потенциальных уклона — левый уклон, при котором ценилась лишь «революционная пропаганда конечной цели» и который был «равносилен на практике отказу от революционной работы в широких рабочих массах», и «правый — оппортунистический — уклон», сторонники которого считали, что при отсутствии революционной ситуации практическую пользу принесет только «парламентская работа и всякого рода реформаторская работа». Он настойчиво рекомендовал продолжать участвовать в «беспартийных организациях» и в «органах единого фронта»²¹. В высокопарном выступлении Тельмана, который старался показать, что он согласен с Бухариным, по-видимому, прозвучала более агрессивная нота: «Мы можем повторить применительно к нашей германской партии то, что тов. Бухарин сказал о коммунистической мировой партии: мы были и остаемся партией пролетарской революции, партией восстания, партией диктатуры. В этом, и только в этом смысле мы являемся партией пролетарского единого фронта, массовой работы и повседневной борьбы с буржуазией»²².

Однако никто не захотел заострять этот колючий вопрос. Доклад Бухарина не встретил возражений и был одобрен. «*Факт капиталистической стабилизации* (рост мирового производства, рост международного товарооборота, упорядочение валюты и т. д.)» был безоговорочно признан. Но не менее подчеркивался «*частичный и непрочный характер этой стабилизации*». Англо-американ-

ское соперничество играло величайшую роль в усилении конфронтации между империалистическими державами. СССР, рабочие Великобритании и китайская революция были названы «важнейшими очагами международного революционного движения». Борьба против угрозы новой империалистической войны подразумевала «беспощадное разоблачение «пацифистских», «панъевропейских» и пр. утопий социал-демократии и буржуазии». Были отмечены ободряющие симптомы: «Замечается в большинстве стран процесс полевения среди широких рабочих масс». Особо была подчеркнута необходимость работы в профессиональных союзах, этих «самых широких организациях рабочего класса», а также борьбы против социал-демократии, которая «окончательно и повсеместно становится ... на сторону буржуазных правительств»²³. Многие понятия и выражения, которые вскоре были широко взяты на вооружение Коминтерном, впервые прозвучали на VII пленуме ИККИ. Но ни в докладе Бухарина, ни в тезисах не было намека на радикальную перемену фронта.

Профессиональные союзы в прениях были затронуты только поверхностно, как явно более мелкий вопрос. В письменном тексте доклада Бухарина имеется признание: «массы... считают, что коммунисты хорошие руководители в непосредственных политических столкновениях, но не способны на мелкую будничную работу и не знают стратегии и тактики экономических конфликтов». Куусинен предостерегал против «вовлечения профсоюзов в политику». Должна быть проведена грань между партией и профсоюзами; партийные лозунги вносят замешательство в ряды беспартийных рабочих²⁴. Однако была также создана профсоюзная комиссия, и от ее имени выступил Лозовский. В предшествовавших этому прениях по вопросу о всеобщей забастовке в Великобритании он с горечью отмечал растущую силу «единого фронта, который создан между социал-демократией и амстердамскими руководителями профсоюзов, с одной стороны, и предпринимателями — с другой»²⁵. Его доклад по профсоюзному вопросу открылся продолжительной атакой на социал-демократов, которых он обвинил в поддержке создания трестов, капиталистической рационализации и, в частности, германских социал-демократов — в поддержке приобретения колоний. «Стремление рабочих к единому фронту, — сказал он, — растет повсюду». Но, по-видимому, в это понятие вкладывался новый смысл: «В значительной степени усилилось за последнее время стремление рабочих к единому фронту, к единству, к совместным действиям, к совместным выступлениям, причем социал-демократические рабочие, вопреки воле своих вождей, идут на соглашение с коммунистами, выражая этим самым протест против линии своих организаций...»

«Если мы возьмем все эти происходящие внутри рабочего движения в настоящее время процессы, мы можем сказать, что перегруппировка сил, передвижка внутри рабочего класса происходит все время справа налево, а не наоборот».

Лозовский хвалил успехи единого фронта, особенно в Великобритании, но также и во Франции: «Самый лучший результат единого фронта — это тот, когда нам удастся создать единый орган, который руководит выступлением рабочих». Однако среди коммунистов наблюдаются «колебания» двоякого рода: есть «метафизики в единстве», которые требуют единства везде и во всем, и есть другие, которые считают, что «достаточно поговорить об единстве», и которые ничего не делают, чтобы претворить это единство в жизнь²⁶. По докладу Лозовского прений не было, возможно, потому, что через несколько дней Лозовский должен был выступать с докладом на ту же тему на VII съезде советских профсоюзов²⁷. В принятой в конце этого заседания резолюции отмечалось, что рост концентрации и рационализации производства, так же как и технологического развития (*«американизация производства»*), усиливали сопротивление требованиям рабочих. В ней содержалось обвинение в адрес Международной федерации профессиональных союзов и Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов в нарушении профсоюзного единства, но выражалась надежда на то, что *«консолидация Амстердамского Интернационала наверху идет параллельно с увеличением расхождения между верхами и низами»*. Единый фронт объявлялся «могучим оружием в руках рабочего класса во всех оборонительных и наступательных боях». Резолюция, однако, предупреждала как против «формально-агитационного подхода к единому фронту», так и против тактики «единства во что бы то ни стало». Несколько смущенно прозвучало признание, что «... до сих пор мы не завоевали большинства рабочего класса». Работу Профинтерна необходимо усилить. В пространной резолюции ничего, однако, не говорилось об изменении политики²⁸.

Два крупнейших международных события, которые произошли со времени проведения расширенного пленума ИККИ в марте предыдущего года — всеобщая стачка и забастовка шахтеров в Великобритании и победоносное наступление китайской националистической революции, — послужили темой отдельных, имеющих большое значение прений, и были приняты резолюции по британскому и китайскому вопросам²⁹. Возможно, в связи с возрастающим значением аграрной проблемы в Китае была создана большая и представительная аграрная комиссия³⁰. Однако обсуждение аграрной политики и на пленарном заседании, и в аграрной комиссии касалось главным образом крестьянства в Европе. Выступавшие по этому вопросу русские делегаты Мещеряков и Дубровский констатировали наличие роста недовольства среди крестьян, но доказывали, что аграрное движение может победить только в качестве составной части пролетарской революции³¹. Домбаль начал с аграрных движений в колониальных и полуколониальных странах, затем осудил международные буржуазные крестьянские движения и в заключение выразил надежду, что «международное революционное крестьянское движение растет

и ширится». А Бошкевич энергично возражал против того, чтобы «создавать особые централизованные крестьянские партии», так как это могло бы способствовать укреплению иллюзии, будто крестьяне могут действовать независимо от пролетариата³². Председатель аграрной комиссии Денгель, выступая в последний день пленума, признал — с редко встречающейся в протоколах Коминтерна откровенностью — что прийти к общему заключению оказалось невозможно. Из его путаных замечаний было очевидно, что существующий разрыв подобен тому, который так давно уже служил камнем преткновения в профсоюзной политике: трудность совмещения работы внутри некоммунистических крестьянских организаций с пропагандой революционного действия, имеющего целью их уничтожить. В предложенной и принятой на пленарном заседании резолюции говорилось, что проект, внесенный Домбалем и Дубровским, будет использован в качестве «материала» для составления резолюции, которую президиум выработает к следующему пленуму ИККИ³³. Похоже, что за все время работы пленума никто ни разу не упомянул ни Крестинтерна, ни Международного крестьянского совета³⁴.

Внимание советских руководителей было, однако, все еще поглощено борьбой с оппозицией, и развязанная Сталиным дискуссия по «русскому вопросу», хотя и отложенная на вторую половину пленума, тем не менее оставалась его центральным событием и заняла десять заседаний на протяжении более чем недели. Зиновьев, Троцкий и Каменев — все воспользовались своим правом на выступление, и их положения были опровергнуты хором созвездия ораторов от российской партии и от каждой крупной партии, являвшейся членом Коминтерна³⁵. Это единодушие было знаменательно. Одним из моментов, по которым развернулись прения, была дискредитация Радека, который до этого был президентом Университета Сунь Ятсена со дня его основания в 1925 г.³⁶ В своем выступлении на XV партийной конференции в октябре 1926 г. Сталин сердито реагировал на остроумную, язвительную сатиру на доктрину о возможности построения социализма в одной стране, с которой Радек выступил в Коммунистической академии несколькими неделями ранее³⁷. Выступая на VII расширенном пленуме ИККИ, Сталин не упомянул о Радеке, а сконцентрировался на более важных мишенях³⁸. Всегда готовый к услугам Нейман разразился новым взрывом негодования по поводу бестактности Радека. Катаяма язвительно заметил, что воспитание молодых членов Гоминьдана в Университете Сунь Ятсена не должно оставаться в руках «таких товарищей, как тов. Радек и его сторонники». Куусинен выступил с еще более порочащим сообщением о том, что Рут Фишер и другие оппозиционеры из КПП «жаловались... тов. Радеку» на проявленное к ним отношение³⁹. Тем не менее весь пленум отличался фундаментальной гармонией, которая нарушалась лишь кучкой фракционеров-оппозиционеров из русской оппозиции и их коллег из других партий.

Гегемонии Москвы уже не грозили более вызовы, подобные тому, который ей бросил Бордига на предыдущем пленуме⁴⁰. В то время как Бухарин продолжал провозглашать «главной задачей» «большевизацию и укрепление партий», суть ситуации была с примерной ясностью и откровенностью раскрыта Тольятти: «Правда, устав Коминтерна предоставляет некоторым товарищам известные права, но есть кое-что и другое, чего в уставе не найти. Так, например, устав не говорит о положении русской партии в Интернационале, о руководящей роли ВКП(б) в международном рабочем движении»⁴¹.

Никто больше не сомневался в том, что советский пример и советское руководство имеют первостепенное значение. С оппозицией в германской и французской партиях обошлись твердо и с верноподданнических позиций⁴². В мае 1926 г. голландская партия, не без подсказки из Москвы, исключила из своих рядов двух известных оппозиционеров — Винкупа и Равенстейна. VII пленум ИККИ назначил комиссию для рассмотрения голландского вопроса, и Пеппер представил ее отчет. В нем говорилось, что Винкуп с самого начала «открыто боролся за так называемое «западно-европейское руководство» в Коминтерне и за то, чтобы к социал-демократам относились, как к «братским партиям». Однако оба также проявили и ультра-левые сектантские взгляды. После их исключения они сформировали отколовшуюся так называемую коммунистическую группу и выступали в печати с нападками на Коминтерн. ИККИ единодушно утвердил их исключение и обратился к голландской партии с воззванием, осуждающим ренегатов⁴³.

Был сделан важный шаг к укреплению центрального аппарата ИККИ. Тольятти внес резолюцию по этому вопросу и объяснил, что ее целью было заменить председателя «коллективной организацией» и «все больше и больше привлекать товарищей из западно-европейских партий, т. е. русских товарищей, к действительному руководству ИККИ». Должен быть создан политический секретариат, «состоящий из товарищей, принадлежащих к разным партиям». Члены ИККИ должны будут три раза в год приглашаться на встречи в Москву, а ИККИ изберет президиум в составе 18 членов и 7 кандидатов в члены президиума, которые будут постоянно жить в Москве. Существующее Организационное Бюро Коминтерна будет ликвидировано⁴⁴. Эти реформы, несомненно, повысили эффективность центральной организации. «Национальные секретариаты», созданные VI пленумом ИККИ, были подчинены новому Политическому секретариату⁴⁵. Меры, предусматривающие более частое проведение пленумов ИККИ и создание многочисленного интернационального президиума, проживающего в Москве, так и не были полностью осуществлены. Но они позволили русским вождям Коминтерна отбирать, привлекать и награждать отдельных членов крупных зарубежных партий, в чьей верности они были убеждены. Между тем унифицировалась

существовавшая с начала 20-х годов практика прикрепления членов секретариата Коминтерна к главным зарубежным партиям — по какому-либо особому случаю или на более длительное время, — все партии восприняли стереотипный словарь Коминтерна. По наблюдению одного американского коммуниста, «... повсюду теперь существовали представители Коминтерна, и в обиход вошел даже специальный жаргон Коминтерна — русский жаргон: такие слова, как «ячейки» и «политбюро», — и даже у нас, в американской партии, состоялся пленум»⁴⁶.

Эти мероприятия придали узаконенную форму монополии руководства, которая была неотделима от столь превозносимого процесса большевизации партий и, в конечном счете, от доктрины о возможности построения социализма в одной стране⁴⁷. С каждым очередным пленумом ИККИ эта монополия становилась все эффективнее и прочнее.

После VII пленума ИККИ и отъезда ответственных делегаций Коминтерна и Профинтерна в Китай⁴⁸ в деятельности Коминтерна образовалась пустота. Тольятти уехал в Париж создавать новую базу для ИКП в изгнании⁴⁹. В Секретариате Коминтерна в Москве его заменил в качестве главы секции Агитпропа Петровский (работавший в КПВ под именем Беннетта), а в качестве председателя профсоюзной комиссии — Эмбер-Дро⁵⁰. События, однако, не стояли на месте. В начале 1927 г. в статье, опубликованной в германском партийном печатном органе, автор, оглядываясь на VII пленум ИККИ, обнаружил «определенный сдвиг во всем международном развитии», продемонстрированный прогрессом китайской революции, «быстрым ростом революционной ситуации в Англии» и обострением противоречий между СССР и капиталистическим миром⁵¹. Перед тем как в мае 1927 г. собрался VIII пленум ИККИ, из этой картины исчезли имевшиеся элементы оптимизма, и международная ситуация резко обернулась против Советского Союза. Левое движение в Великобритании было сломлено, и враждебность британского правительства была неумолимой. В ударах, которые сыпались на Советский Союз во всем мире, чувствовался железный кулак английской дипломатии. В апреле 1927 г. (вслед за нападением на советское посольство в Пекине, при попустительстве дипломатического корпуса) в Шанхае произошел чанкайшистский переворот, который подорвал основы политики коммунистической партии Китая и ее советских и коминтерновских менторов⁵². Через месяц по образцу пекинского налета был произведен налет на «Аркос» в Лондоне, а в то время как заседал VIII пленум ИККИ, было получено известие о разрыве британским правительством отношений с Советским Союзом⁵³. Нестабильность международной ситуации вызвали вспышку активности оппозиции в российской партии. Именно в день разрыва англо-советских отношений в Политбюро была направлена «декларация 83-х»⁵⁴. По всему фронту лидеры Коминтерна держали оборону и оказались очень уязвимыми для обвине-

ний в ложном оптимизме, который помешал им предусмотреть грозящие впереди опасности.

Тревожная и напряженная атмосфера, которая так заметно отличала собравшийся в мае 1927 г. VIII пленум ИККИ от проходившего шестью месяцами ранее VII пленума, отразилась на его организации. На нем присутствовало втрое меньше делегатов, чем на VII пленуме: всего насчитывался 71 делегат, 33 с решающим голосом от 25 стран⁵⁵. Не было обычной рекламной шумихи, даже не были полностью опубликованы протоколы его заседаний, так же как и протоколы собравшегося в следующем году IX пленума ИККИ⁵⁶. После вступительной речи Бухарина в качестве содокладчиков по основному вопросу пленума о нависшей угрозе войны выступили Куусинен, Белл от КПВ и Бернар от ФКП и внесли длинную и развернутую резолюцию о **«задачах Коминтерна в борьбе против войны и военной опасности»** — первую резолюцию Коминтерна, посвященную этому вопросу⁵⁷. Характерной чертой этой резолюции, в отличие от всех предыдущих резолюций, было то, что из нее полностью исчезло упоминание о стабилизации капитализма. В ней указывалось, что «относительное равновесие», установившееся в последние годы в международных делах, сменилось «открытыми военными конфликтами» в ограниченном масштабе и «накоплением горючего материала, готового вспыхнуть при первой брошенной искре». Исходя из того, что «международный капитал уже начал войну против трудящихся масс Китая», в ней говорилось, что причиной войн служит «полоса больших войн», которая началась в 1914 г., и противоречия капитализма. Но это еще не все: «Все противоречия капиталистических государств между собою отступают на задний план перед основным водоразделом, разделяющим весь мир на два лагеря: в одном — Союз Советских Социалистических Республик и революционный Китай, в другом — весь капиталистический мир».

Великобритания стоит «во главе мировой реакции». Китай и СССР — это «узловые пункты» военной опасности и главные мишени империалистической агрессии. Осуждение социал-демократов, уже знакомое по заявлениям Коминтерна, получило новый размах, когда против Второго Интернационала и Международной федерации профсоюзов было выдвинуто обвинение в соучастии в идеологической подготовке к империалистической войне: «Вся эта предательская кампания должна была оправдать... позицию «нейтралитета» в случае войны капиталистических стран против СССР».

И это в свою очередь диктовало более осторожное и осматрительное применение тактики единого фронта. Ибо, хотя такая тактика не потеряла своего значения (необходимость проведения работы в непартийных организациях снова подчеркивалась в заключительной части резолюции), нельзя было забывать, что «так называемые «левые» социал-демократические вожди... яв-

ляются наиболее опасными врагами коммунизма в рабочем движении». Среди других были названы Макстон и Персель. Войны делились на три категории: а) «войны империалистических государств между собой», б) «войны национально-революционные против империализма», в) «войны капиталистической контрреволюции против пролетарской революции и стран строящегося социализма». В чем заключается долг коммунистических партий в войнах двух последних категорий, было ясно. Первая категория покрывалась положением Ленина о «превращении империалистической войны в войну гражданскую». Детальные предписания были туманны. Но вот перед войной и во время войны требовалась «работа в массах, на заводе, в профессиональных союзах, в деревне, в армии». Приводились слова Ленина, в которых подчеркивалось, что партия должна дополнять легальную деятельность подпольной организацией и нелегальной работой. Такие лозунги, как «всеобщее вооружение народа» и «народная милиция», устарели и могли ввести в заблуждение. В конечном счете единственно правильным лозунгом для коммунистических партий был лозунг «защиты китайской и русской революции». В конце резолюции давался перечень указаний партиям для проведения антивоенной кампании⁵⁸. В добавление к резолюции было выпущено рассчитанное на широкие массы воззвание, очевидно, составленное непосредственно под влиянием разрыва отношений со стороны Великобритании, в котором была живописно развита тема империалистической войны против рабочих и крестьян мира. **«Мировой империализм, и в первую очередь империализм английский, не может мириться с существованием единственной в мире рабоче-крестьянской республики... Реакционное правительство Болдуина готовит войну против СССР... Война против СССР есть война классовая, есть война против пролетариата. Крупные империалистические государства прекрасно знают, что мировой пролетариат стоит на страже русской революции... Империалисты готовят войну, чтобы задуть революцию».**

Воззвание заканчивалось призывом: «Долой угрозу войны, да здравствует революционная борьба»⁵⁹.

Эта же тема доминировала и в двух отдельно обсужденных и принятых на VIII пленуме ИККИ резолюциях, касающихся двух стран, непосредственно причастных к угрозе войны: только первая играла роль движущей силы, а вторая — жертвы; этими странами были Великобритания и Китай. В обеих странах представители некоммунистических левых сил предали возлагавшиеся на них надежды и повернули против своих коммунистических партнеров. В обеих до основания был разрушен единый фронт. Другим основным вопросом, по которому развернулись прения, была борьба против оппозиции в российской партии, которая теперь открыто бросила вызов политике руководства на международном форуме. Отстраненный от дальнейшего участия в делах Коминтерна Зиновьев отсутствовал. Троцкий же, хотя он после плену-

ма не состоял членом ИККИ⁶⁰, был допущен на пленум без права участия в голосовании и выступил с двумя яростными обвинениями в адрес политики Сталина в Китае. Его поддержал лишь Вуйович, делегат от Югославии, прежде работавший в КИМЕ, единственный активный сторонник оппозиции с правом решающего голоса. Уже после того, как завершилось осуждение оппозиции, выработка резолюции осложнилась неприятным эпизодом. Было предложено особо осудить обращение Троцкого в Политбюро с нападкамии на политику партии в отношении Китая. Итальянская делегация, представленная Тольятти и Силоне, отказалась осудить документ, которого она не видела. Сталин отказался ознакомить пленум ИККИ с документом, касающимся политики Советского правительства в Китае. После того, как Коларов тщетно пытался вмешаться, чтобы как-то погасить конфликт, а Трэнт и Эмбер-Дро поддержали возражение итальянцев, Сталин сердито снял свое предложение⁶¹. Текст в том виде, в каком его окончательно представил Тольятти от имени итальянской, германской, французской, британской, чехословацкой и американской делегаций⁶², содержал общее осуждение оппозиции, включая и Зиновьева, и Радека. По-новому звучал лишь первый пункт обвинения: «Нарушение и дискредитирование борьбы Коммунистического Интернационала с опасностью войны». Троцкому и Вуйовичу особо ставились в вину попытки нарушить работу ИККИ, «беспрестанно распространяя враждебный партии фракционный материал»⁶³. Троцкий усугубил свою вину, распространив от имени Вуйовича и своего собственного ответ на резолюцию, в котором он заявлял, что «поражения германского пролетариата в 1923 г., поражения в Болгарии и Эстонии и, наконец, поражения китайского пролетариата не только усилили социал-демократию за счет коммунистической партии, но и внутри коммунистической партии усилили ее правое крыло за счет левого»⁶⁴.

Несколько дней спустя, выступая перед московской партийной организацией с традиционным докладом о работе пленума, Бухарин говорил о «центральном лозунге» — военной опасности и заявил, что для *пролетарских республик* «защита отечества... является первейшей обязанностью пролетарских партий». Он процитировал положение из знаменитой Штутгартской резолюции Второго Интернационала, где говорится о необходимости воспользоваться вызванным войной политическим и экономическим кризисом для свержения капитализма, и напомнил, что во время войны 1914 г. Ленин отверг лозунг, призывающий просто к миру (было привлечено внимание к его разногласиям с Троцким), и призвал к превращению империалистической войны в гражданскую. В настоящее время, заметил Бухарин, война еще не началась, и «Советский Союз есть крупнейший политический фактор, на знамени которого написан **лозунг мира**». Единственно правильный лозунг, повторил он, — это лозунг **«защиты русской и китайской революций»**. Переключившись на оппозицию, он резко

отверг заявление Троцкого о том, что **«мы в настоящее время слабее, чем были раньше»**. Тем не менее он продолжал настаивать на реальности временной стабилизации европейского и особенно центрально-европейского капитализма: «...Перегруппировка сил в сторону стабилизации капитализма, консолидация и укрепление его политических позиций в Центральной Европе не подлежат сомнению. Точно так же не подлежит никакому сомнению ошибка Зиновьева, который недавно говорил, что стабилизация уже исчезла» ⁶⁵.

Этим длинным докладом Бухарин закончил отчет о работе VIII пленума ИККИ. Это был трудный пленум, и вожди партии больше были заняты отражением направленных на них атак, нежели выработкой новой линии.

НАЖИМ СЛЕВА

Работа VIII пленума ИККИ в мае 1927 г. проходила под знаком трагических событий, имевших место незадолго до открытия или во время его работы — катастрофа в Китае, окончательный разрыв с Великобританией и страх перед войной. Эти события автоматически и почти вопреки желанию Коминтерна заставили его занять более бескомпромиссную и революционную позицию. Обнаружилась и брэнность единого фронта в том виде, в каком его до сих пор представляли, и тщетность надежд, которые возлагались на поддержку со стороны умеренно левых. Предвестники такого развития событий появились значительно раньше. Кризис в польской партии в мае 1926 г., когда ее первоначальное намерение повременить с разрывом с Пилсудским и ППС было решительно осуждено Москвой¹, мог бы, казалось, послужить предупреждением о наступлении нового курса. Однако территориальная близость Польши к Советскому Союзу превращала это в особый случай. Нелегальные партии всегда по необходимости были революционными и экстремистскими, ибо у них не было выбора. «Фашизм уничтожил *буржуазно-демократические* иллюзии, — писал журнал итальянской партии в июне 1926 г., — поэтому рабочие должны остановить свой выбор на советской демократии»². Недоверие к единому фронту, враждебное отношение к социал-демократам, презрение к методам буржуазной демократии, требование более открытых революционных выступлений масс — все эти ноты звучали на VIII пленуме ИККИ, но они были заглушены настойчивыми криками об угрозе империалистической войны и не вылились в последовательную политику или директиву. Это происходило за много месяцев до того, как в следующем году на IX пленуме ИККИ была отчетливо провозглашена новая линия в Коминтерне. Однако путь к ней лежал через многие события, которые произошли в период между VIII пленумом ИККИ, состоявшемся в мае 1927 г., и IX пленумом, открывшемся в феврале 1928 г.

Первым драматическим событием был внезапный мятеж в Вене 15 июля 1927 г. В течение некоторого времени зрело возмущение попустительством австрийских властей по отношению к военизированным организациям правых, которые разгоняли рабочие

демонстрации, терроризировали и иногда убивали рабочих. 6 февраля 1927 г. Коммунистическая партия Австрии опубликовала программу с призывом к действию «против фашистской монархической опасности», против восстановления австрийских финансов с помощью Лиги наций, что являлось составной частью «экономического наступления австрийской буржуазии на пролетариат», и против попытки правительства «втянуть Австрию во фронт международного империализма, в империалистическую политику войны». Хотя программа заканчивалась призывом к «единой массовой борьбе», тон ее был почти исключительно оборонительный³. Партия, по-видимому, не была ответственна за массовую демонстрацию рабочих, которые 15 июля 1927 г. устремились к зданиям суда, парламента и университета, считавшихся главными цитаделями реакции. Демонстрация вылилась в беспорядки, судебное помещение было подожжено, и полиция открыла огонь, убив 100 повстанцев. Коммунистическая партия ответила объявлением всеобщей забастовки. Однако профсоюзы, в руководстве которыми преобладали социал-демократы, проигнорировали этот призыв и отменили начавшуюся забастовку железнодорожников⁴. Три дня спустя, когда все было кончено, ИККИ выпустил пламенную прокламацию, в которой приветствовалась героическая борьба австрийских рабочих и осуждалось «предательство ... австрийской социал-демократии». Она заканчивалась рядом лозунгов: **«Долой социал-демократическое предательство! Да здравствует беспощадная борьба с фашистской реакцией! Да здравствует вооружение пролетариата! Да здравствуют рабочие советы в Австрии! Да здравствует победа красной Вены!»**

«Известия» видели в этом восстании «столкновение двух различных миропониманий, двух различных представлений о правосудии, о социальном и государственном укладе» и подтверждение «классового начала»⁵. «Правда» посвятила большую часть передовой статьи об этом восстании «предательской роли социал-демократической партии» и «левых социал-демократов», которые были теперь «опаснейшими врагами коммунизма»⁶. В резолюции, принятой 24 июля 1927 г., Коммунистическая партия Австрии заявляла, что нанесен тяжелый удар по «демократическим иллюзиям» австро-марксизма, по «теории мирного захвата власти демократическим путем», но признавалась, что в ее собственной организации обнаружились «серьезные недостатки». Надо продолжать борьбу за «рабоче-крестьянское правительство», и партия должна развиваться в «массовую партию австрийского пролетариата»⁷. Выступая на Объединенном пленуме Центрального Комитета и ЦКК, Сталин признал, что австрийская партия была слабой, но защищал ее от критики со стороны Зиновьева на том основании, что «разбить социал-демократию одним ударом невозможно»⁸. В статье, помещенной в журнале, выпускаемом Коминтерном, это событие расценивалось как «поворотный пункт», который «лишает лживую идеологию австро-марксизма той почвы, на которой она

процветала»; разочарование рабочих в «предательских вождях» пойдет теперь в Австрии «относительно более быстрым темпом, чем в других странах»⁹. 16 сентября 1927 г. ИККИ в длинной резолюции вновь подчеркнул «нетвердый, ненадежный, преходящий характер капиталистической стабилизации», предательство социал-демократов и необходимость для коммунистов спланировать массы для борьбы¹⁰.

Восстание в Вене совпало с очевидным банкротством политики Коминтерна в Китае и окончательным разрывом с левым крылом Гоминьдана. В Европе оно совпало с явным обострением враждебности британского и французского правительства по отношению к коммунизму и Советскому Союзу. В Великобритании принятие в июле 1927 г. закона о промышленных конфликтах широко рассматривалось общественностью как празднование правительством победы над всеобщей стачкой и забастовкой шахтеров 1926 г., и вслед за этим прекратил свое существование злосчастный Англо-русский комитет единства¹¹. Вместе с тем были и какие-то обнадеживающие моменты. В августе 1927 г. казнь Сакко и Ванцетти в Соединенных Штатах вызвала во всей Западной Европе волну протестов, в которых рабочие и другие левые партии участвовали совместно с коммунистами¹². 5 ноября 1927 г. в интервью делегациям иностранных рабочих Сталин на основании этих демонстраций сделал вывод о том, что «почва под ногами капитализма становится все более и более горячей» и что «назревают условия для новых революционных событий»¹³. В Советском Союзе оппозиция вышла из состоявшегося в мае 1927 г. VIII пленума ИККИ осужденной и разгромленной, но все еще борющейся. До конца года эта борьба еще более обострилась из-за брошенного оппозиции обвинения — вызванного скорее хитрым расчетом, чем искренним убеждением, — в том, что она оказывает помощь и содействие внешнему врагу¹⁴. 27 сентября 1927 г. президиум ИККИ проголосовал за исключение Троцкого, Вуйонича и Раковского из ИККИ¹⁵. На протяжении всей осени партийное руководство безжалостно и настойчиво травило оппозицию. Несогласный голос в Москве или в зарубежных партиях утонул в хоре негодующих протестов. Этот процесс завершился исключением из партии членов оппозиции на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г.¹⁶.

Партийный съезд, который так решительно действовал в разгроме оппозиции, не дал определенных ответов на политические вопросы, озадачивавшие Коминтерн. Основной доклад Сталина также содержал какую-то долю неясности. Он начал с признания, что в капиталистических странах производство превысило довоенный уровень, и далее с жаром отрицал, что эта «стабилизация» может оказаться устойчивой: «Из частичной стабилизации рождается нарастание кризиса капитализма». Он сказал, что «стабилизация капитализма становится все более и более гнилой и неустой-

чивой», и, что в то время как два года назад можно было говорить об «отливе революционных волн», теперь были все основания полагать, что **«Европа явным образом вступает в полосу нового революционного подъема»**. Однако когда он перешел к обсуждению политических вопросов, он нашел лишь слова для похваления единому фронту и, воспользовавшись нападками оппозиции на Англо-русский комитет, обвинил ее в том, что она отрицает начисто идею тактики единого фронта¹⁷. Бухарин в самом начале своего отчета о работе ИККИ отозвался о «восстании рабочего класса в Вене» наряду с всеобщей забастовкой в Великобритании и стачечным движением в Германии (далее он также говорил о демонстрациях в связи с казнью Сакко и Ванцетти) как о примерах «обострения классовой борьбы». Изменение в акцентах проявилось в настойчиво повторявшихся утверждениях о наличии «внутренних противоречий стабилизации»¹⁸. Затронув «вопрос борьбы за массы и тактику единого фронта», Бухарин спросил, требуются ли какие-либо изменения в тактике проведения выборов:

«Легко могла бы проявиться идея, что ввиду сложности международного положения СССР нам нужно поступать *помягче* по отношению к социал-демократическим партиям. Однако из всего анализа, который я давал в предыдущем изложении, вытекает, что наша избирательная кампания должна быть использована именно для того, чтобы мы постарались доказать рабочим, что Коммунистическая партия есть *единственная* революционная партия рабочего класса».

Бухарин подчеркнул, что «особенностью тактики единого фронта в *настоящее* время является решительное применение тактики единого фронта *снизу*». Он предвидел «ожесточенные бои с социал-демократами *за душу рабочего класса*», и в заключение «европейского» раздела своего выступления он еще раз определил стоящую впереди задачу: «...Перенести центр тяжести при проведении тактики единого фронта на *низы*, обострить нашу борьбу против социал-демократии и, в частности, против так называемых „левых“ социал-демократических вождей».

Тем не менее в заключение своего выступления он решился выразить лишь осторожную надежду на то, что «рабочий класс, немножко отдохнув после тех поражений, которые он за истекший ряд лет понес, начинает спланировать свои ряды, выше поднимать свое знамя, леветь, *революционизироваться*». Что касалось ближайшего будущего, он, казалось, возлагал надежды на «*колоннальную борьбу*»¹⁹. Этим выступлением Бухарину не удалось рассеять впечатление, что он не слишком горячо поддерживает переход к более непримиримой линии в Коминтерне, и грядущий поворот влево ассоциировался с уже заметным закатом его власти.

Прения до какой-то степени подтвердили это впечатление. Как Ломинадзе, выступивший по китайскому вопросу, так с боль-

шим акцентом Шацкий намекали на то, что Бухарин пренебрегает опасностью справа в Коминтерне²⁰. Мануильский в своем уклончивом выступлении хитро предпочел сильно не рисковать. Он резко критиковал Ломинадзе и Шацкого и высказал мнение, что не правильно говорить, будто «за последние годы правая опасность выросла». С другой стороны, он согласился, что «нужно сконцентрировать огонь направо» и что «единственный враг, который существует сейчас у нас, — это социал-демократия». В самой значительной части своего выступления он выразил мнение, что «наши партии недооценивают настроения полевения европейского рабочего движения», и хвалил доклады Бухарина и Сталина на том основании, что «они намечают новый перелом». Он высказал мысль, что партии «еще недостаточно смелые выводы делают из своих успехов»²¹. Бухарин с некоторым замешательством признал то, что «правая опасность была и есть», но не то, что она «за последнее время *выросла* среди руководящих кругов» партий. Если она и выросла, то «в лице *троцкистских группировок*, при перерастании бывших ультралевых в меньшевиков»²². На этой загадочной ноте прения закончились. В резолюции съезда указывалось на «обострение главнейших противоречий как внутри мировой капиталистической системы, так и между капиталистическим миром и СССР», и признавалась только «частичная стабилизация», которая фактически способствовала развитию этих противоречий²³. В циркуляре, разосланном партиям после съезда секций Агитпропа ИККИ, делался упор на то, что «эпизод» с оппозицией ни в коем случае не «национальный» или «русский», а представляет собой урок для всех рабочих повсюду. Оппозиции придали силы очевидная стабилизация капитализма, поражение в Китае и империалистический нажим на Советский Союз. Поражение оппозиции совпало (желаемое принималось за действительное) с «несомненным началом поворота влево, революционизации рабочего класса Западной Европы, причем его следствием явилось обострение борьбы между социал-демократией и коммунизмом»²⁴. XV съезд партии стоял на рубеже двух периодов — периода, когда главная опасность шла слева, и периода, когда главную опасность будут видеть справа.

Первые месяцы 1928 г. были чрезвычайно важным периодом в советской истории. Был собран «небывалый» урожай зерна, всемерно наращивались темпы индустриализации, возвеличивалась роль партии и шла кампания против беспартийных специалистов в промышленности, в Наркомфине и Госплане. IX пленуму ИККИ, собравшемуся как раз в этот решающий период, предстояло выдвинуть конкретную политическую линию для Коминтерна. Такой задаче мало способствовало то, что в этот момент советские лидеры были всецело поглощены нависшей угрозой кризиса в сфере зерновых²⁵, и чтобы заняться пленумом, оставался только Бухарин. Пленум открылся 9 февраля 1928 г., и на нем присутствовало 92 делегата (44 с решающим голосом) из 27

стран²⁶. В передовой статье «Правды» накануне пленума указывалось на «обострение капиталистических противоречий, в первую очередь противоречий между рабочим классом и буржуазией», и определялась главная задача — **«усиление борьбы против международной социал-демократии»**²⁷.

Что касается принципиальных вопросов, с которыми столкнулся пленум, то формулы, по которым строился компромисс до сих пор, от постоянного употребления и под нажимом событий порядком изменились. Наибольшую трудность представляла формула единого фронта. Первоначально возникнув вследствие провала попыток завоевать массы для коммунистических партий²⁸, единый фронт был логическим сопутствующим обстоятельством в период нэпа и культа попутчика. Задуманный как средство сплочения рабочих, как коммунистов, так и некоммунистов, для оказания отпора пагубной власти капитализма, он постепенно перешел от обороны к наступлению и оказался призванным служить другим, более специфическим, целям Коминтерна. Сотрудничество в этих целях с некоммунистическими партиями и их лидерами («единый фронт сверху») ни в коем случае не исключалось. Однако по мере роста напряженности и по мере того, как этим лидерам начинало не нравиться проникновение коммунистов в ту область, которую они считали своим владением, единый фронт все больше и больше использовался в целях призыва к рабочим-некоммунистам бороться во имя коммунизма против их собственных вождей и партий («единый фронт снизу») ²⁹. Попытки переопределить и переистолковать эту формулу, однако, не поощрялись. VII пленуму ИККИ, который состоялся в ноябре 1926 г., удалось включить в резолюцию по вопросу о профсоюзах одобрение «борьбы за единство снизу» и порицание «тактики единства во что бы то ни стало»³⁰. Ни VII, ни VIII пленумы ИККИ не делали никаких официальных заявлений по этому вопросу. Однако на XV партийном съезде в декабре 1927 г. Бухарин восхвалял «единство снизу»³¹, и в резолюции съезда связывали воедино «энергичное развертывание тактики единого фронта и борьбу за снятие с постов социал-империалистической верхушки реформистской бюрократии»³². Достоинство формулы единого фронта заключалось в ее абсолютной гибкости. Такие лозунги, как «к массам» и «класс против класса», первоначально выдвинутые для того, чтобы обеспечить возможность более широкой интерпретации, превратились в штамп революционного призыва к созданию единого фронта снизу. Это изменение, быть может, было не так существенно, как казалось, поскольку и единый фронт сверху и единый фронт снизу были призваны служить одной и той же цели — поощрять сопротивление рабочих в капиталистических странах политике, направленной против Советского Союза.

Практический вопрос, вытекавший из всех этих споров о едином фронте, заключался в том, какую позицию следует занять по

отношению к другим левым партиям, в особенности к социал-демократам. Начиная еще с 4 августа 1914 г. клеймение социал-демократов как ренегатов и предателей стало привычной составной частью идеологического вооружения большевизма. В последние дни декабря 1918 г. на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии Роза Люксембург назвала лидеров социал-демократической партии и профессиональных союзов «гнуснейшими и величайшими негодями, которых когда-либо видел свет», и отозвалась о тогдашнем социалистическом правительстве, как о «правительстве буржуазной контрреволюции»³³. Ленин писал, что Шейдеманы и Каутские оказались «презренными изменниками социализма»; Шейдеманы были «прямыми», Каутские — «прикрытыми» слугами буржуазии; Бауэр и Адлер были «дюжинными изменниками»³⁴. Третий Интернационал был задуман и создан не как конкурент Второго Интернационала, а в качестве наследника скончавшейся организации, то есть в том качестве, в каком Второй находился в отношении Первого. «В 1914 году погиб Интернационал», — писал Ленин в июне 1918 г.³⁵ — тема, к которой он часто в те годы возвращался. Создание Коммунистического Интернационала в марте 1919 г. явилось прямым вызовом усилиям, которые прилагались на Бернской конференции в январе 1919 г. с целью оживить старый социал-демократический Интернационал, и оно логически вытекало из изменения названия российской партии в марте 1918 г. с «социал-демократической» на «коммунистическую»³⁶. Состоявшийся в следующем году II конгресс Коминтерна завершил остракизм социал-демократов принятием 21-го условия, что сразу же привело к расколу во французской и итальянской социалистических партиях. Основанием Межсовпрофа, предшественника Профинтерна, была также объявлена война Международной федерации профсоюзов (Амстердамскому интернационалу)³⁷.

Поскольку идеологическая война против социал-демократов никогда не прекращалась, Ленин как реальный политик готов был признать существование некоторой неопределенности и маневренности в отношениях с ними, определяемыми им в соответствии с той ступенью, на которой оказался революционный процесс. Большевизм «союз с ними допускал как временное зло в обстановке заведомо не революционной, разрыв и раскол с ними считал неизбежным при всяком серьезном обострении борьбы, а тем более при начале революции»³⁸. Поэтому было логично, что, когда угасла первая вспышка революционного оптимизма, за введением нэпа, заключением торгового соглашения с Великобританией и III конгрессом Коминтерна в 1921 г. последовало провозглашение политики единого фронта³⁹. Любой «союз» с социал-демократией сохранял, однако, характер временного средства и «временного» зла. Под влиянием провала единого фронта в Германии в 1923 г. и слабости вновь избранного лейбористского правительства в Великобритании в июне 1924 г. на V конгрессе Ко-

минтерна снова вспомнили предательство, совершенное в августе 1914 г., и было сказано, что социал-демократия повсюду «поддерживает империалистов» «своего отечества». Социал-демократия стала «третьей партией буржуазии». Единый фронт, говорилось в заключительной части резолюции, не может быть «политической коалицией с контрреволюционной социал-демократией»⁴⁰. В опубликованном в 1925 г. памфлете «Куда идет Британия» Троцкий проповедовал «непримиримый антагонизм (британского рабочего класса) по отношению к консервативной бюрократии в тред-юнионах и в лейбористской партии». Он считал, что фабианцы опаснее консерваторов, которые представляют собой легко опознаваемых врагов: «Фабианцы, члены Независимой рабочей партии, консервативные бюрократы в тред-юнионах представляют в настоящий момент самые контрреволюционные силы в Великобритании»⁴¹.

Тем не менее тактика единого фронта оставалась в силе весь 1925 г. и первые месяцы 1926 г., особенно в Германии. На VI пленуме ИККИ в марте 1926 г. Тельман призвал вести общую борьбу против фашизма совместно Союзом красных фронтовиков с «товарищами из „Имперского флага“», а Лозовский высмеивал поведение некоторых организаций Коммунистической партии Германии, которые запрещали членам своей партии разговаривать с членами социал-демократической партии⁴².

Объявление всеобщей забастовки в Великобритании в мае 1926 г. Генеральным советом Британского конгресса тред-юнионов и победоносное наступление осенью того же самого года национальных революционных армий в Китае, каждое в свою очередь, казалось, оправдывали плодотворность политики единого фронта. В Великобритании разочарование наступило уже через несколько дней. В Китае оно на несколько месяцев задержалось, но, когда пришло, то оказалось еще более болезненным. Оба эксперимента принесли унижение и горечь поражения, но, кроме того, и яростное осуждение предательства некоммунистического левого движения. А эта кампания уже приобрела новый размах, когда, еще до краха китайской революции, в резолюции XV Всероссийской партийной конференции, состоявшейся в октябре 1926 г., вслед за массовой атакой, которую провели Сталин и Бухарин, утверждалось, как это ни парадоксально, что взгляды Троцкого и его сторонников были «прямым приближением ко взглядам социал-демократии», и был предан анафеме «социал-демократический уклон в нашей партии»⁴³. В течение 1927 г. — года кризиса и волнений в Коминтерне — сотрудничество с социал-демократами временами еще практиковалось и проповедовалось, особенно на проходившем в феврале антиимпериалистическом конгрессе в Брюсселе и по случаю празднования десятилетия годовщины революции в Москве. Тем не менее в так называемом «плане кампании», выпущенном Коминтерном к этой годовщине, деятельность большевизма за истекшие 10 лет противопоставлялась дея-

тельности социал-демократии, следовал вывод, что функция социал-демократии заключалась в том, чтобы «служить буржуазии и всеми силами стабилизировать существующий режим», и что в некоторых странах (Германии, Болгарии, Польше и Финляндии) она сотрудничала с буржуазией «в проведении репрессий и террора»⁴⁴. Отождествление социал-демократов с русскими меньшевиками стало привычной темой⁴⁵. После исключения из партии оппозиции на XV партийном съезде в декабре 1927 г. были устранены все препятствия, и разнузданное обличение социал-демократов стало частью обязательного словаря Коминтерна.

Безоговорочное осуждение социал-демократических партий и их лидеров, а также постепенное превращение единого фронта в приманку для привлечения масс некоммунистических рабочих и восстановления их против этих лидеров исходило из посылки, что рядовые социал-демократы настроены более радикально и революционно, чем их вожди. Лозунг «К массам!», впервые провозглашенный на III конгрессе Коминтерна в 1921 г., был вновь повторен на V конгрессе в 1924 г.⁴⁶. Уроки осторожности, извлеченные из неудачи революционного восстания в Германии, в 1923 г. и в Эстонии в 1924 г., были забыты или отнесены к прошлому. В своем докладе на VII пленуме ИККИ в ноябре 1926 г. Бухарин ассоциировал свою «третью фазу» со «сдвигом рабочего класса влево»⁴⁷, а Лозовский смело утверждал, что «передвижка внутри рабочего класса происходит все время справа налево, а не наоборот». В главной резолюции пленума отмечался «в большинстве стран процесс полевения среди широких рабочих масс»⁴⁸. В течение следующего года борьба внутри партии с новой силой разгорелась вокруг этого диагноза. В то время как оппозиция рассматривала такие события, как переворот Пилсудского в Польше, провал забастовок в Великобритании и фиаско в Китае, как поражения, укрепляющие стабильность капиталистических режимов и на данный момент отдаляющие перспективу революции, вожди Коминтерна, которые с беспокойством отдавали себе отчет в своей собственной уязвимости, приветствовали эти события как признаки усиливающейся нестабильности капитализма и как свидетельство того, что массы становятся все более революционными.

Крушение капиталистической стабилизации, разоблачение социал-демократических вождей как союзников и орудия буржуазии, и даже фашизма, и как следствие этого «поворот влево», или «полевение» растерявших иллюзии рабочих — вот то, что вдохновляло работу IX пленума ИККИ. Из этой же идеи родилась резолюция о британской партии, принятая на VIII пленуме ИККИ в мае 1927 г., где был поставлен диагноз: «обострение классовой борьбы» и «ускорение темпа дифференциации рабочего движения». Под влиянием этого, в то время как «руководители... Рабочей партии и профессиональных союзов откровенно становятся на путь сближения с господствующим классом... рабочие массы про-

являют отчетливую тягу влево»⁴⁹. В конце того же года XV съезд российской партии в своей резолюции о работе ИККИ отметил «полевание широких рабочих масс», происходящее параллельно с «резким поправлением» части верхушки Второго Интернационала и Международной федерации профсоюзов⁵⁰. Это было, пожалуй, единственное утешение после разочарования, наступившего в связи с подавлением британской забастовки в 1926 г. и китайской катастрофой 1927 г.⁵¹ Вера в революционный потенциал пролетариата, один из основных постулатов марксизма, превратилась, без особого анализа фактов, в перспективу на ближайшее будущее. Как впоследствии выразился Троцкий, «...,радикализация» масс стала сейчас в Коминтерне не характеристикой процесса, а голым символом веры»⁵². И эта посылка, утверждающая, что массы движутся влево, была тесно связана — отчасти в качестве причины, отчасти в качестве следствия — с настойчивым утверждением, что главная опасность в Коминтерне и в коммунистических партиях, в том числе в российской, теперь грозит справа — прелюдия кампании против самого Бухарина.

Полевание масс ассоциировалось с другим популярным лозунгом этого периода — «класс против класса». Он, очевидно, был инспирирован всеобщей забастовкой в Великобритании, когда впервые в английской истории «класс восстал против класса». Это выражение часто употреблялось в таком контексте во второй половине 1926 г.⁵³ Затем оно вышло из употребления, но вновь появилось, несколько таинственно, в дискуссиях во французской комиссии, созданной ИККИ в начале 1927 г., где оно было введено Эмбер-Дро в область тактики избирательной кампании. По французской избирательной системе левые партии — включая ФКП, социалистов и левые буржуазные партии, — кандидаты которых не добились успеха в первом туре голосования, заключали между собой соглашение поддерживать друг друга во втором туре для того, чтобы нанести поражение кандидату правых сил. Это смазывало классовые границы между пролетарскими и непролетарскими партиями, и Французскую компартию убеждали во имя «класса против класса» отказаться от этой практики. Эмбер-Дро, который в своих мемуарах опрометчиво претендовал на «исключительное авторство» этого выражения, так объяснял логику такого предложения:

«Оно ни в коем случае не имело целью нападать на социалистическую партию. Оно имело целью оторвать ее от избирательных союзов с буржуазными группами в радикальной партии для того, чтобы создать рабоче-крестьянский блок, в который вошли бы социалистические партии, коммунистическая партия, Всеобщая Конфедерация Труда, Унитарная Конфедерация Труда и организации мелких землевладельцев. В то время это означало поставить социалистическую партию перед дилеммой: или единый фронт рабочих или блок левых сил, что позволяло буржуазии оттянуть часть рабочего класса»⁵⁴.

Это предложение, по-видимому, отвергало предвыборные соглашения с правыми партиями в пользу буржуазных кандидатов левых сил, но не разрешало такие соглашения, если они заключались в пользу социал-демократических или социалистических кандидатов. Однако такое различие не имело значения в отношениих текущей практики выборов во Франции, и инициатива Эмбер-Дро не пользовалась популярностью у огромного большинства ФКП. На данный момент была найдена формула компромисса⁵⁵. Лишь позднее, когда Коминтерн начал оказывать давление на французскую и британскую партии с тем, чтобы они не голосовали за социалистических и лейбористских кандидатов, и даже тогда, когда их отказ от голосования мог привести к победе кандидата правых и когда вошло в моду смотреть на социалистическую и лейбористскую партии как во всех отношениях эквивалентные буржуазным партиям, только тогда лозунг «класс против класса» вошел в употребление, так как был направлен против всех без разбора остальных левых партий. Впоследствии Тельман утверждал, что тактика «класса против класса» была «намечена для Франции и Англии IX пленумом»⁵⁶. Однако фактически это выражение не фигурировало ни в одной резолюции пленума и стало популярным в КПВ лишь несколько месяцев спустя.

IX пленум ИККИ отличался от своих предшественников в одном формальном отношении: основной доклад и резолюция были не об общем положении, а специально «Об оппозиции в ВКП(б) и в Коминтерне». Это позволило Бухарину повести обсуждение главных вопросов в форме полемики, направленной против Троцкого, и подогрело тон прений. Единственным намеком, что Советский Союз находится в тисках ужасающего зернового кризиса, было то, что среди хвастливых фраз о *«крупных хозяйственных успехах»* промелькнуло упоминание *«крупных трудностей»*. За рубежом прогрессировала капиталистическая рационализация, но также прогрессировало и «полевение рабочего класса». Оппозиция действовала внутри и вне партии и Коминтерна. Необходимо было «усилить наступление на социал-демократического врага», поскольку «так называемая троцкистская оппозиция», собственно говоря, является не чем иным, как «левым» крылом социал-демократической партии. В заключение сделанного Бухариным обзора положения дел в основных коммунистических партиях был поставлен диагноз: *«тенденция блокирования ультра-левых с правыми, с явной гегемонией правых (что особенно ярко проявляется во Франции) и на общей почве признания идеологического приоритета троцкизма»*. Затем два дня продолжались прения, в ходе которых Тельман, Дорио и делегаты других основных партий повторяли или исполняли вариации на бухаринские темы, не пытаясь затронуть более глубокие вопросы. Только два оратора, старательно подтвердив свое полное согласие с докладчиком, казалось, были не совсем удовлетворены. Представитель КИМ Шюллер отметил один фактор, который Бухарин «решительно

подчеркнул» в своем докладе, а именно «правую социал-демократическую сущность оппозиции — правая в самом худшем значении слова». Торез, извинившись за повторное выступление от французской делегации, остановился на вопросах, «поднятых» Бухариным, о «необходимости более твердого курса, известного сдвига влево», и потребовал «энергичной борьбы как против троцкизма, так и против других оппортунистических уклонов в нашей партии и в Коммунистическом Интернационале».

Реагируя на эти ли или на другие намеки, Бухарин в своем ответе на выступления в прениях едва заметно изменил свою позицию. Троцкизм остается главной опасностью, но не следует думать о нем, как о «какого-либо рода „левом“ уклоне». Почти повсюду (Германия признавалась исключением) «ось троцкистской оппозиции надо искать в правых уклонах». В заключение Бухарин подчеркнул необходимость «борьбы против правых уклонов внутри коммунистических партий» и самокритики для того, чтобы исправить недостатки и ошибки⁵⁷. В резолюцию, представленную вместе с докладом, не было, по-видимому, внесено никаких поправок, и она была единогласно принята. В ней приветствовалось «полевание рабочих масс, выражающееся в росте стачечной борьбы, повышении политической активности рабочего класса, в росте симпатий международного пролетариата к Союзу Советских Социалистических Республик, в нарастании элементов нового революционного подъема в Европе». Остальная часть резолюции была посвящена осуждению троцкистской оппозиции. Ее «эволюция» по отношению «к социал-демократизму» и «явно антисоветская позиция» делали принадлежность к ней несовместимой с членством в Коминтерне⁵⁸. Специально о правом уклоне или правой опасности не говорилось.

Единственными общими вопросами повестки дня IX пленума ИККИ были вопросы о профсоюзах, в прениях по которым нашли отражения те же самые ограничения и неясности, что и в прениях по докладу Бухарина. Состоялись противоречивые дебаты, и были приняты резолюции о британской, французской и китайской партиях. Все они представляли собой вариации на тему полевания масс и во всех провозглашалась бескомпромиссная враждебность к социал-демократам и иже с ними⁵⁹. В передовой статье «Правды», появившейся перед закрытием пленума, обращалось внимание на то, что решения по английскому и французскому вопросам имеют «международное значение». Сторонники оппозиции в зарубежных коммунистических партиях были еще раз заклеены как «агентура социал-демократии» в рядах своих партий⁶⁰. Несомненно, решимостью обеспечить правильность проведения политики Москвы и исключения возможности влияния оппозиции в зарубежных партиях было подсказано решение создать Западноевропейское бюро «для налаживания тесной связи между ИККИ и западноевропейскими секциями Коммунистического Интернационала»⁶¹. Многие из тех, кто выступал пять месяцев спу-

стя на VI конгрессе Коминтерна, приветствовали IX пленум ИККИ как поворотный в линии Коминтерна. Геккерт назвал его началом «энергичной борьбы с реформизмом» и связывал его с кампанией против правых тенденций в Коминтерне. Лозовский сказал, что в отношении профсоюзного вопроса он дал директивы, которые были выполнены IV конгрессом Профинтерна⁶². Было привлечено внимание к значению IX пленума для британской, французской и американской партий⁶³. Тем не менее, хотя на IX пленуме ИККИ и много звучало вызывающих призывов к непримиримости, он мало что сделал для определения политического значения разрыва с социал-демократией и полевения масс. IV конгресс Профинтерна, собравшийся четыре месяца спустя под воинственным руководством Лозовского, занялся выявлением его значения для профессиональных союзов.

ПРОФИНТЕРН И ПРОФСОЮЗЫ

Фиаско всеобщей забастовки в Великобритании и медленная агония забастовки шахтеров стали поворотным пунктом в отношениях между Москвой и профсоюзным движением в Западной Европе. Несмотря на то что в предупредительных сигналах недостатка не было, когда открылась вся глубина антипатии западных профсоюзных лидеров к революционным целям и политике, а также недоверие, которое вызывала у них деятельность Профинтерна, Коминтерна и Советского правительства, то это явилось потрясающей неожиданностью. Их враждебное отношение нашло институционное выражение в лице Британского конгресса тред-юнионов и Амстердамского интернационала. Существовавшие ранее надежды Профинтерна убедить или заставить Международную федерацию профсоюзов пойти на какое-либо сотрудничество не оправдались. Фикция Англо-русского комитета единства давно приелась. Единый фронт превратился в очевидный тактический прием. Труднее было определить, насколько лояльными по отношению к «реформистским» и контрреволюционным вождям еще оставались рядовые члены профсоюзов в Великобритании и — едва ли менее трудно — в Германии. Даже во Франции и Чехословакии, где движение было расколото и в начале 20-х годов были созданы Красные Союзы, не было дальнейшего прогресса на пути к захвату этих оплотов реформизма. В Италии и Польше профсоюзы подвергались гонениям со стороны фашистского или полуфашистского режимов. В Юго-Восточной Европе их вообще почти не существовало. Только в Азии, где индустриализация и зарождающийся пролетариат были творением иностранного империализма, профсоюзы могли рассматриваться как потенциальная революционная сила. Однако они сильно отличались от традиционных профсоюзов Западной Европы.

После заседания Центрального Совета в марте 1926 г.¹ в Профинтерне в течение двух лет не проходило значительных пленумов. За осторожной и нерешительной резолюцией о профсо-

юзах, принятой на VII пленуме ИККИ в ноябре 1926 г.², последовала, судя, возможно, по односторонней оценке Эмбера-Дро, ожесточенная борьба. Лозовский с большим упорством дрался за продолжение дела Профинтерна и входящих в него революционных профессиональных союзов. Томский продолжал стоять за политику единого фронта и упрямо придерживался скептического отношения к революционным профсоюзам. Эмбер-Дро, сменивший Тольятти на посту председателя профсоюзной комиссии ИККИ, старался их примирить, но, главным образом, он стремился блокировать амбициозные планы Лозовского, который оказывался в комиссии в изоляции и на чьи проекты постоянно накладывалось вето Политическим секретариатом или президиумом ИККИ³. Напряжение, несомненно, ослабло, когда в начале марта 1927 г. Лозовский уехал из Москвы в командировку в Китай⁴.

В мае 1927 г. VIII пленум ИККИ в контексте борьбы против военной опасности наряду со Вторым Интернационалом осудил Амстердамский интернационал и входящих в него вождей, но в отсутствие Лозовского не стал делать никаких специальных заявлений по вопросу о профсоюзах. Однако углубление кризиса во второй половине 1927 г. оказало влияние на все спорные вопросы. На XV съезде партии в декабре 1927 г. Бухарин заявил об углублении раскола с социал-демократами и обострении классовой борьбы⁵. Слегка коснувшись вопросов об организации неорганизованных рабочих и о единстве профсоюзов, он сказал, что «мы должны обязательно усилить работу *Профинтерна* и упорядочить отношения между ВЦСПС и Профинтерном»⁶. Только что вернувшийся и полный впечатлений от своей дальневосточной поездки Лозовский посвятил основную часть своего выступления проблемам стран бассейна Тихого океана. Он заметил тем не менее у профсоюзного руководства в Европе поворот вправо — «то, что я называю огосударствлением верхушки социал-демократии и реформистских союзов», — в сочетании с движением масс влево. Он также выразил сожаление по поводу того, что целый ряд забастовок, начиная с «гигантской стачки английских горняков», не привел ни к каким серьезным результатам⁷.

Лозовский, по-видимому, чувствовал, что пришло время подтвердить значение Профинтерна. В статье, написанной, очевидно, через несколько дней после его выступления, он возлагал надежды на IV конгресс Профинтерна, намеченный на начало 1928 г. Он с оптимизмом противопоставлял «сращению реформистских профсоюзов с буржуазным государством» полевание масс и рост симпатий рабочего класса к Советскому Союзу. Отозвавшись об Англо-русском комитете единства как об «одном из крупнейших экспериментов тактики единого фронта сверху», он заявил, что крах этого комитета доказывает, что «период единого фронта сверху явно закончен»⁸. В январе 1928 г. накануне IX пленума ИККИ, состоялись предварительные дискуссии по вопросу об

американских профсоюзах⁹. Согласно последующему отчету Лозовского, они вышли за эти узкие рамки и вылились в «жесткие споры», в ходе которых были подняты многие спорные вопросы двух последующих лет — забастовочная тактика, роль коммунистов в социал-демократических и других «реформистских» профсоюзах, образование новых революционных профсоюзов и организация неорганизованных до этого времени рабочих. Именно здесь впервые состоялся разговор о «новой тактике, новых методах борьбы»¹⁰.

Новая тактика, знаменосцем которой Лозовский хотел сделать Профинтерн, главным образом вращалась вокруг двух моментов. Первым был новый упор, который делался на забастовку как орудие борьбы. До сих пор забастовки не играли сколько-нибудь заметной или выдающейся роли в большевистской теории. Забастовка в качестве практического оружия при заключении договора с предпринимателями была развита британским рабочим классом. Французские синдикалисты разработали первую теорию забастовок как специфической формы революционной борьбы, которая не являлась политической формой в том смысле, что она была независима от политических партий и не преследовала особых политических целей.

В России, как царские власти, так вначале и большевики, не считали, что стачки существенно отличаются от других форм мятежа. В июне 1912 г. в статье, озаглавленной «Революционный подъем», Ленин приветствовал «...грандиозную майскую забастовку всероссийского пролетариата», проведенную в знак протеста против расстрела рабочих на ленских золотых приисках в апреле того же года, а в январе 1917 г., выступая перед аудиторией в Цюрихе с докладом о революции 1905 г., он говорил о «сплетении экономических и политических забастовок»¹¹. Тем не менее он с недоверием относился к британским тред-юнионам, враждебно — к французским синдикалистам, а к слабым российским профсоюзам — еще со времен его спора с экономистами — с некоторой скрытой ревностью как к потенциальным соперникам партии, а позднее — Советов¹².

После революции партия стала серьезно заниматься как завоеванием российских профсоюзов, так и — после того, как это было достигнуто, — их отношениями с профсоюзным движением Европы. И все же вопрос о забастовках никогда не поднимался. Проходивший в июле 1924 г., III конгресс Профинтерна был первым, на котором обсуждалась тактика забастовочной борьбы. Лозовский произнес очень боевую речь, в которой назвал стачки, подобно войне, «продолжением политики другими средствами» и «органической и подчиненной частью общеклассовой стратегии пролетариата»¹³. Революция конгресса по основному вопросу включала краткий раздел о «стаечной стратегии», который открывался смелым утверждением, что «...экономическая борьба сейчас, как никогда раньше, связана с борьбой политической». Однако в за-

ключение, составленном в умеренных тонах, содержался всего лишь призыв отнестись к этому «с величайшим вниманием», помня, что «армия, идущая в бой без плана, без централизованного руководства, без подчинения отдельных частей единой направляющей воле, что такая армия обречена на поражение»¹⁴. В марте 1926 г. VI пленум ИККИ одобрил тезисы «Ближайшие задачи коммунистов в профессиональном движении». В них было 17 разделов, и заканчивались они 17-ю лозунгами, не имевшими ровно никакого отношения к стачкам¹⁵.

Британская всеобщая забастовка в мае 1926 г. и затянувшаяся забастовка горняков прорвали эту атмосферу безразличия. Часто делался вывод, и не в последнюю очередь самим Лозовским, о том, что эти поражения были результатом нежелания перенести забастовки с экономического уровня на политический и что нельзя проводить резкой грани между экономической и политической забастовкой¹⁶. Однако никто не спешил обобщать этот урок. В ноябре 1926 г. на VII пленуме ИККИ Лозовский сетовал на то, что Коминтерн и Профинтерн оказались «недостаточно сильными, чтобы сломить штрейкбрехерство амстердамцев»¹⁷. И все же в принятой пленумом резолюции по вопросу о профсоюзах хотя и утверждалось, что всеобщая забастовка изменила положение, и осуждалось предательство Амстердамского интернационала¹⁸, весь упор делался на единый фронт и необходимость профсоюзного единства и не содержалось призыва к стачечной борьбе.

Так как в течение большей части 1927 г. Лозовский находился в Китае, этот вопрос в Москве больше не поднимался, потому что все внимание было поглощено страхом перед грозящей войной. Однако осенью 1927 г. в Германии вспыхнул целый ряд крупных забастовок, послуживших причиной острых трений между коммунистами и социал-демократами¹⁹. И если Лозовскому требовался еще какой-то стимул, то, возможно, именно это укрепило его решимость разработать более активную стачечную политику для Профинтерна. В статье, датированной 13 января 1928 г. и озаглавленной «Вопросы стачечной стратегии», давался стройный обзор всей проблемы. Лозовский с горечью критиковал поддержку, которую реформисты оказывали кампаниям за «мир в промышленности»: это было равносильно единому фронту с капиталистами. Касаясь политического и экономического содержания стачек, он соглашался, что забастовщики могут ставить целью заключение краткосрочных договоров с предпринимателями об оплате и условиях труда. Однако долгосрочные тарифные договоры находились «в противоречии с основной нашей задачей — увеличением боеспособности пролетарской армии». Принудительный арбитраж должен быть категорически отвергнут как орудие капиталистов. Статья завершалась следующей сентенцией: «Стачечная стратегия есть часть нашей общеклассовой стратегии»²⁰. Приблизительно в то же самое время, когда Лозовский муссиро-

вал этот вопрос в Москве, лидер революционного профсоюзного движения в Германии Меркер поместил в журнале КПГ статью, озаглавленную: «Больше ясности в борьбе против реформизма». По его словам, многие немецкие коммунисты до сих пор шли в фарватере социал-демократических профсоюзных лидеров, которые занимаются выдвижением несущественных частичных требований, а на деле «безжалостно мешают политической массовой борьбе или экономической борьбе, которая имела бы решающее политическое значение»²¹.

Другой аспект новой тактики профсоюзов, который неустанно проповедовал Лозовский в первые месяцы 1928 г., заключался в вербовке неорганизованных до этого времени рабочих. Принципа, что все рабочие должны быть организованы в профсоюзы, придерживались всегда. Но существовала некоторая неясность в отношении того, в какие профсоюзы должны вовлекаться эти до сих пор неорганизованные рабочие. В 1924 г. III конгресс Профинтерна специально сделал вывод о том, что «было бы в высшей степени нецелесообразно создавать специальные организации для неорганизованных, ибо это означало бы под другим названием создавать в неблагоприятной обстановке параллельные организации»²². В ноябре 1926 г. в резолюции, предложенной профсоюзом электриков и принятой VII пленумом ИККИ, было записано, что «...в странах, где существует низкий процент организованности, должно быть обращено особое внимание на вовлечение неорганизованных рабочих в революционные союзы»²³. Однако из контекста было ясно, что это в первую очередь относится к Франции и Чехословакии, где в движении уже существовал раскол между реформистскими и революционными профсоюзами. Когда в январе 1928 г. Лозовский заострил вопрос об организации неорганизованных рабочих в Соединенных Штатах Америки (где процент рабочих, входящих в профсоюзы, был низким, где тесно объединенные в единое целое профсоюзы ничего не делали для того, чтобы принимать в свои ряды неквалифицированных рабочих, главным образом негров, и где играло большую роль предубеждение против так называемых «двойных союзов»), он тем самым встревожил осиное гнездо, вскрыв то, как тесно вопрос организации неорганизованных рабочих связан с вопросом создания новых революционных профсоюзов и таким образом с расколом движения в тех странах, где оно до тех пор было неразделенным²⁴.

Традиционное сопротивление расколу профсоюзного движения было мощным не в одних только Соединенных Штатах. В Великобритании безупречный коммунист Хорнер никогда не верил в «создание новых союзов» и впоследствии старался распустить отколовшийся революционный объединенный профсоюз горняков Шотландии²⁵. Сам Лозовский всегда остро реагировал на обвинения в «расколе» движения и старался переложить вину за это на Амстердам. Однако сейчас он готов был признать, что при новой

линии неизбежен «дуализм, т. е. двойное руководство внутри единой профорганизации», и утверждал, что к этому нельзя подходить «с формальной точки зрения»²⁶.

Не помогло и то, что неорганизованные рабочие, к которым собирались обращаться с призывом коммунистические партии и которые должны были стать ядром новых революционных профсоюзов, принадлежали главным образом к наименее привилегированным слоям рабочих: негры — в Соединенных Штатах Америки, иммигранты — во Франции, безработные — в Великобритании и Германии²⁷. Мощные профсоюзы в капиталистических странах давно превратились в организации квалифицированных рабочих, чьи интересы и взгляды они по-прежнему выражали. Советские профсоюзы не были чужды этой традиции и проявили упорное сопротивление принятию в свои ряды безработных²⁸. В 1927 г. в Китае Лозовский познакомился с совершенно другими профсоюзами, основанными не на индивидуальном, а на коллективном членстве, фонды которых пополнялись не за счет взносов рабочих, а за счет налога на предпринимателей²⁹. Когда в декабре 1927 г. на XV съезде российской партии Мельничанский отвечал Лозовскому, то за его странно настойчивыми утверждениями о том, что входящие в Профинтерн профсоюзы добьются успеха только при соблюдении того принципа, «что каждый отдельный член профсоюза должен принимать самостоятельное участие в своей организации, платить членские взносы»³⁰, казалось, скрывался страх перед тем, что Лозовский может захотеть ввести в Европе под эгидой Профинтерна этот новый тип профсоюзов. Это был беспочвенный страх.

Тем не менее правдой было то, что задача Профинтерна, как ее понимал Лозовский, заключалась в том, чтобы пробуждать потенциальное классовое сознание в массах неорганизованных рабочих. Она соответствовала появлению в некоторых капиталистических странах значительного числа неквалифицированных рабочих и безработных, недостаточно охваченных существующими профсоюзами. Такое положение в какой-то мере было аналогично ситуации в Советском Союзе, где перед профсоюзами все больше и больше вставала задача включения в ряды пролетариата и в сами профсоюзы большой армии крестьян, завербованных в промышленность по пятилетнему плану³¹. Эти требования трудно было примирить с установившимися профсоюзными традициями, как их понимали на Западе, и представители оппозиции осуждали «демагогический романтизм в отношении неорганизованных рабочих» как впадение в детство³². Однако проблема была достаточно реальной, и это очень помогало Лозовскому в борьбе против этих традиций, которую он вел от имени Профинтерна.

Агрессивные и бескомпромиссные взгляды Лозовского еще не пользовались широким признанием. Когда собрался IX пленум ИККИ, была создана комиссия по профсоюзам, в которой 12 фев-

раля 1928 г. развернулась острая дискуссия. Как обычно, протокол заседания комиссии опубликован не был, что именно сказал Лозовский, неизвестно. Но о содержании его выступления можно судить по его статье «Итоги и перспективы единого фронта и единства», написанной 2 февраля 1928 г. и вскоре после этого опубликованной в журнале Коминтерна. Лозовский заявлял, что единый фронт и единство «не имели своей задачей затушевывать имеющиеся разногласия или найти среднюю линию между реформизмом и коммунизмом», а стремились утвердить «независимость рабочего класса от буржуазии» — в марксистской терминологии, его превращение в «класс для себя». Он попробовал подойти к вопросу о забастовках, приведя в пример забастовку британских горняков в 1926 г. и недавние забастовки в Германии. Когда профсоюзные лидеры предали интересы рабочих, могло ли кому-нибудь прийти в голову, что рабочие «не имели права выступить и забастовать» вопреки воле своих вождей? Это было между формальным правом и интересами рабочего класса. Функция легальности должна быть отброшена:

«Борьба за руководство в профсоюзах есть вопрос силы, а не профсоюзного права. Это означает, что не нужно питать иллюзий о возможности завоевать профсоюзную верхушку... Реформистская профсоюзная верхушка так связала свою судьбу с буржуазным государством, что сама она будет свергнута вместе с ним».

Лозовский потребовал «положить конец абстрактным метафизическим разговорам на тему об едином фронте и решительно покончить с тактикой «единства ради единства». Независимо от метода целью было **«завоевание масс»**³³.

Эти взгляды не остались в комиссии без возражений. Тольятти подверг уничтожающей критике амбициозные проекты Лозовского в выступлении, которое Лозовский безуспешно пытался несколько раз прервать. Тольятти был согласен с поворотом влево, но считал, что «мы должны сделать этот шаг вместе с массами». Он был против «стачечной стратегии» Лозовского и против тактики, ведущей к исключению коммунистов из реформистских профсоюзов. Повсеместное создание новых профсоюзов означало раскол движения, лозунг «организация неорганизованных» не должен применяться таким способом, который несовместим с борьбой за единство. Профинтерн должен бороться за «солидарность масс», направлять экономическую борьбу рабочего класса, организовывать новые профсоюзы на базе предприятия и продолжать борьбу за единство. Эмбер-Дро, известный как верный помощник Бухарина, был сдержаннее, но не скрывал своей оппозиции политике, которая повсюду натравливала бы Красные Союзы на реформистские профсоюзы и таким образом раскалывала бы и ослабляла профсоюзное движение³⁴. Тельман продемонстрировал сдержанность и не преминул согласиться с Бухариным. Но он выразил радость по поводу того, что со времени принятия резолюций по профсоюзам на VI и VII пленумах ИККИ произошел

«значительный прогресс». Большую часть своего выступления он посвятил «правым уклонам» в КПГ³⁵.

На пленарном заседании Лозовский оставался в тени — верный признак того, что его взгляды не получили официального признания. Представление доклада по профсоюзам было доверено осторожному и нейтральному Эмбер-Дро. Доклад был образцом тактичности и двусмысленности; официальное мнение о призыве Лозовского к применению более агрессивной тактики оставалось неопределенным. Эмбер-Дро сказал, что можно заметить «полевение масс и рост симпатий к коммунистам в профсоюзном движении». Как революционная фраза, так и оппортунистическая тактика, «взятая взаймы у реформистов», были резко осуждены. Осуждена была и тактика раскола: «было бы не просто ошибкой, но преступлением призывать революционные элементы выходить из реформистских организаций и создавать самостоятельные революционные организации». И все же — здесь были сделаны уступки Лозовскому — крах Англо-русского комитета стал символом изменения в ситуации за последние два года: реформистские вожди сражались теперь на стороне буржуазии против Советского Союза. На массовое исключение коммунистов из реформистских профсоюзов нельзя было отвечать простой пассивностью или повернувшись спиной ко всему профсоюзному движению. С другой стороны, «слишком поспешно создавать новую профсоюзную организацию» было также нежелательно. Организация неорганизованных рабочих представляла собой существенную задачу коммунистов, но они должны были решать ее «как борцы за единство профсоюзного движения». Наконец, важна была сама организация забастовки. И все же в принципе отказываться от забастовок, проводимых для удовлетворения повседневных требований, в пользу всеобщей забастовки не рекомендовалось³⁶.

В резолюции, значительно более краткой и резкой, чем доклад Эмбер-Дро, больше была заметна властная рука Лозовского, и, вероятно, эта резолюция явилась результатом упорной закулисной торговли. В ней сразу же поднимался вопрос о стачках: утверждалось, что с ростом концентрации капитала «стаечная борьба имеет тенденцию быстро принимать политический характер, при котором силы пролетариата сталкиваются с силами буржуазного государства». Это означало «мобилизацию масс». Между тем «поправление социал-демократических политиков и вождей профессиональных союзов» способствовало выделению роли забастовок как формы «широкой мобилизации масс», направленной *«против принудительного арбитража, против социал-демократической верности тарифному договору и, как общее правило, за краткосрочность тарифного договора»*. Каждая забастовка должна быть *«ареной борьбы за руководство между коммунистами и реформистами»* — важный боевой клич в новой философии стачек, — но все это имело целью «завоевание масс». С другой стороны, коммунисты не должны «быть всегда, при всяких услови-

ях, за немедленную забастовку»: делалось предупреждение против «злоупотреблений лозунгом всеобщей забастовки». В остальном резолюция была выдержана в новом, более резком тоне. О вопросе об исключении говорилось в той же неясной форме, что и в докладе Эмбер-Дро. Однако также прозвучала и предупреждающая нотка:

«...стремление оставаться в рядах профессионального союза *никогда* не должно у коммуниста вести к отказу от активной революционно-политической работы в профессиональных союзах». Делавшийся прежде акцент на единый фронт и работу в реформистских профсоюзах теперь исчез. Но не было провозглашено никакой особой новой линии. Снова подчеркивалась необходимость организации как безработных, так и до тех пор неорганизованных рабочих. О формах же, которые должна была принять эта организация, скромно умалчивалось. Лишь в Соединенных Штатах, где «подавляющее большинство рабочих» не были организованы в профсоюзы, коммунисты получили указание «по собственному почину организовать профессиональные союзы в тех отраслях производства, в которых рабочие совсем или почти совсем не организованы». В заключительном требовании «большой гибкости в проведении революционной тактики» предусматривались почти любые обстоятельства ³⁷.

Когда Исполнительное Бюро Профинтерна готовило свой доклад для предстоящего конгресса Профинтерна, который должен был состояться через месяц, оно выдержало его в более осторожном и даже пессимистическом тоне. В разделе о событиях в Великобритании и Китае делалось признание, что со времени III конгресса Профинтерна в 1924 г. «власть буржуазии значительно укрепилась» — редкое признание для официального высказывания того времени, но утешение находили в том, что «временная приостановка борьбы в подавляющем числе случаев есть только состояние вооруженного перемирия» ³⁸.

IV конгресс Профинтерна проходил с 17 марта по 3 апреля 1928 г. Он был многочисленный: присутствовало не менее 421 делегата из 47 стран, тогда как на III конгрессе, в 1924 г., было 311 делегатов из 39 стран. Шире, чем раньше, были представлены Азия, Африка и Латинская Америка ³⁹. Борьба между правыми, которые с разной степенью упорства цеплялись за традиции единого фронта, и левыми партиями ради достижения ближайших целей, в особенности, в профсоюзном движении, и радикальными «левыми», которые видели в социал-демократах своих опаснейших врагов, эта борьба скрытно, но постоянно проявлялась в проходивших на конгрессе прениях. Передавая конгрессу приветствие ИККИ, Эмбер-Дро осторожно склонялся к консервативной стороне:

«...защита повседневных интересов рабочего класса отнюдь не является реформистским уклоном, а есть, наоборот, единственный правильный путь» ⁴⁰.

В длинной приветственной речи Томский обратил внимание на различия между рационализацией в капиталистических странах и в Советском Союзе и заявил, что угрозы в адрес Советского Союза, включая «блокаду или полублокаду», должны отражаться «при поддержке всех сознательных рабочих Западной Европы и при несомненном сочувствии десятков миллионов угнетенных народов Востока». В одном единственном предложении он слегка намекнул на то, что служило яблоком раздора:

«...экономическая борьба рабочих не способна сама по себе привести рабочих из царства капитализма в царство свободы и от капитализма к социализму»; «экономическая борьба... это путь к завоеванию масс».

Однако он не поднял вопроса о едином фронте и громко доказывал верность советских профсоюзов Профинтерну ⁴¹.

Затем Лозовский выступил с основным докладом об «Итогах и очередных задачах международного профдвижения» ⁴². Он не проявил большого желания навязывать спорные вопросы. Он повторил анализ стабилизации капитализма, который был всем хорошо знаком уже два года, и остановился на возобновившемся наступлении капитала на рабочий класс и профсоюзы — в Великобритании и Соединенных Штатах Америки, а также в фашистских странах — и на полевении рабочего движения, к которому это должно привести. Он красноречиво говорил на избитую тему о роли социал-демократов и реформистов как союзниках буржуазии. Затем он несколько неловко перешел к обсуждению вопроса о едином фронте, заумно и беспомощно стараясь объяснить, что «многие товарищи» создали себе фетиш из единого фронта, не понимая, что «это, с одной стороны, метод завоевания масс, а с другой — один из важнейших методов борьбы против реформизма». По вопросу «единства» с Амстердамским интернационалом, который обвиняли в «мании величия» за его претензию на «монополию всего мирового профдвижения» и называли «орудием капиталистов», Лозовский повторил уклончивые аргументы, отслужившие свою службу еще четыре года назад ⁴³. Он снова и снова подчеркивал необходимость мобилизовать растущий революционный подъем масс против их лидеров. Его выступление заканчивалось мелодраматическим призывом:

«На фабрики, на заводы, в массы!»

Лозовский старался выражаться очень осторожно, но создавалось впечатление, что он списал за безнадежностью дальнейшее сотрудничество с реформистскими профсоюзами и что прежде его оптимизм заставлял его недооценивать, насколько цепко эти профсоюзы продолжали удерживать рабочих ⁴⁴.

На протяжении всей работы конгресса в центре основного конфликта находились германская и британская делегации, представлявшие две главные страны, где профсоюзное движение не было расколото и где политика единого фронта получила самое

широкое толкование. Как выступавший от британской делегации Хорнер, так и член германской делегации Геккерт, прикрываясь вежливым принятием в принципе взглядов Лозовского, продолжали считать, что реформистские профсоюзы удерживают за собой большую часть рабочих, отказывались рассматривать их как простое орудие в руках капиталистов и подчеркивали важность работы в них и с ними⁴⁵. С другой стороны, французский делегат Монмуссо придерживался мнения, что время, когда Унитарная Конфедерация Труда могла с пользой для дела предлагать Всеобщей Конфедерации Труда создать единый фронт, прошло. Он допускал, что «наша основная слабость — это недостаточная связь с массами», и признавал опасность, таящуюся в «пассивности и разочаровании»⁴⁶. Одна только норвежская делегация избежала раскола благодаря тому, что отказалась присоединиться как к Амстердаму, так и к Профинтерну. Однако эта откровенная независимость слабо удовлетворяла Москву⁴⁷. В последний раз выступая с официальной коммунистической платформы, Брандлер сделал безуспешную попытку отмежеваться как от руководства КПГ, так и от правых⁴⁸.

Прения приняли более сенсационный оборот, когда выступил член Исполнительного Бюро Профинтерна от Испании Нин. Он занимал значительно более левые позиции, чем все остальные делегаты, выступившие на конгрессе, и предвидел многое из того, что год спустя стало официальной линией. Его взгляды были, пожалуй, сродни взглядам Лозовского, хотя сам Лозовский и не мог бы еще их выразить в это время. Нин допускал, что «в перво-классных капиталистических странах» — Германии, Чехословакии и Франции — «мы не только не сделали крупных успехов, но даже пошли назад». Однако он не делал тех выводов, какие сделали Геккерт и другие, предпочитавшие «политику пассивности, политику невмешательства и созерцания». Напротив, тезисы Лозовского представляли собой «резкий поворот в нашей тактике... поворот налево, поворот вполне определенный, вполне окончательный». Нин осудил любые попытки «ослабить нашу критику левого движения внутри Амстердама» и рассматривать революционные призывы как приветствие на пути к какому-либо абстрактному «Единству с прописной буквы». Недостаточно преследовать Вальхера за то, что представляло собой «определенную, недвусмысленную тенденцию в пользу ликвидации Профинтерна». Эта же самая тенденция прослеживалась в Чехословакии и во Франции, так же как и в Советском Союзе, где «многие руководящие деятели ВЦСПС выступали определенными сторонниками ликвидации Профинтерна и безоговорочного присоединения русских профсоюзов к Амстердамскому интернационалу». Когда ему возразили, он добавил, что «...у вас хватило хитрости не закрепить этого в резолюциях», но что он «достаточно хорошо знает все эти внутренние истории».

Отсюда он перешел к атаке на советские профсоюзы вообще.

Рабочие «вовсе были устранены от производства». Налицо был «полный отрыв профсоюзов от рабочей массы» и существовала угроза «отсутствия профсоюзной демократии и отстранения рабочей массы от дела социалистического строительства». В заключение он повторял, что тезисы Лозовского «указывают правильный путь»⁴⁹. Примечательно, что Нин был на конгрессе единственным, кто поднял вопрос о шахтинском скандале, о котором стало известно несколькими днями раньше⁵⁰ и который послужил сигналом для закручивания гаек почти во всех сферах политики.

На выступление Нина резко отреагировал председатель советского союза металлистов Козелев. Он сказал, что Нин «добросовестно выполнил директиву Троцкого и других оппозиционеров», что обвинение в стремлении ликвидировать Профинтерн было «ложью, взятой из того же арсенала троцкистской оппозиции». Однако это столкновение обнажило ту трещину, которая до сих пор тщательно скрывалась. Резким контрастом Нину прозвучало заявление Козелева о том, что тезисы Лозовского «не открывают никаких новых Америк и не содержат никакого „нового курса“ в профдвижении».

Затем он вернулся к тому, что, вероятно, собирался сделать в своем выступлении, и накинулся на Геккерта, у которого, по словам Козелева, вырвался «вздых облегчения», когда советские делегаты внесли поправку к тезисам, подчеркнув «задачу — отвоение масс внутри реформистских союзов». Это также, объяснил Козелев, не представляло собой «резкого поворота, новой эры, «нового» в Профинтерне». Он долго говорил об отклонениях в профсоюзной политике КПГ и оправдывал затянувшиеся и безуспешные переговоры российского союза металлистов с Интернационалом горняков в Берне. Наконец, он отметил «отсталость психологии широких рабочих масс» и силу «традиций», особенно в Германии и Великобритании. Он обвинил Хорнера в том, что тот платит дань профсоюзной традиции и говорит, что британские коммунисты хотят завоевать профсоюзы «на основании устава». Хорнер немедленно отвел эти обвинения⁵¹. Козелев явно старался показать, что Профинтерн избрал спокойный средний курс, что ничего не изменилось и, главное, что не предполагается никакого поворота влево.

После этой перепалки зрения не могли уже продолжаться без колкостей. Крупный советский профсоюзный руководитель и редактор газеты «Труд» Яглом выступил с яростными нападками на Нина, которого он, подобно Козелеву, заклеил как сторонника оппозиции. Он оградил себя, высказав также критику в адрес «правого уклона», назвав поименно Вальхера и Брандлера. Но он из кожи лез вон, превознося Томского, и общий тон его выступления ставил его в один ряд с правыми в вопросе о сотрудничестве с реформистскими профсоюзами⁵².

Заключительное слово Лозовского представляло собой мастер-

ское упражнение в замазывании трещин, которые выявились в ходе прений. Он защищал себя против обвинений в пренебрежении работой в реформистских профсоюзах и поощрении тактики раскола. Он избежал ответа на вопрос, несут ли его тезисы что-либо новое в политике: каждому конгрессу приходится искать новые пути решения новых проблем. Он иронически отозвался о брандлеровской «программе действий» — Брандлера можно было атаковать без риска — и осудил его лозунг рабочего контроля над производством. Он мягко упрекнул Нина, который уже шесть лет работал в Советском Союзе и не должен был бы так выступать, за его уничтожающую атаку на советские профсоюзы. Он не ответил прямо на обращенное к нему предложение Яглома разъяснить, что переговоры советских профсоюзов с Амстердамом были предприняты «в полном согласии и в соответствии с решениями и постановлениями Профинтерна». Однако он процитировал письмо Центрального Комитета от 14 января 1926 г., где решительно отвергались «контрреволюционные сплетни о якобы предполагаемом вхождении профсоюзов в Амстердамский интернационал»⁵³.

Когда редакционная комиссия вернула тезисы, Лозовский сказал, что усилены были те разделы, в которых говорится о «сращении, которое происходит и произошло между реформистской профбюрократией, буржуазным государством и предпринимательскими организациями»; «о работе сторонников Профинтерна в реформистских союзах» (надо полагать, в ответ на советскую поправку) и «об укреплении революционных профсоюзов» в странах, где движение было расколото⁵⁴. Намек на необходимость перемены фронта со времени состоявшегося в 1924 г. III конгресса Профинтерна прозвучал в тезисах в утверждении о том, что «за последние годы» лидеры реформистских профсоюзов заняли антирабочую позицию и превратились в «непосредственное орудие капиталистических организаций»; Амстердамский интернационал стал «орудием капиталистов». В то время как III конгресс осудил «сектантские попытки организовать единый фронт только „снизу“», IV конгресс заявлял, что «основным лозунгом должен быть единый фронт снизу». Тема «полевения масс» была взята у IX пленума ИККИ. Несмотря на то что лидеры повернули вправо, массы продвинулись влево; в этом утверждении прозвучала революционная нота. Конкретные указания, однако, давались осторожно. Неорганизованные рабочие должны привлекаться в революционные профсоюзы, а независимые революционные профсоюзы должны укрепляться. Однако в странах, где в тот момент профсоюзное движение не было расколото, «центральной задачей» было «завоевание реформистских союзов». Что требовалось, так это «единый фронт рабочих всех направлений, единство в действии, в борьбе против капитала». Это тем не менее не означало — как это иногда толковалось во Франции, Чехословакии и Германии — «единства во что бы то ни стало». Это означало

«единый фронт снизу, непосредственно в предприятиях, в низовых звеньях реформистских профсоюзов». Заключительной «программой действий» было тактичное совмещение требований насущных и революционных, с упором на первые⁵⁵. Для того чтобы заниматься делами отдельных партий, было создано не менее 12 комиссий⁵⁶, и, помимо общих тезисов, конгресс принял резолюции о профсоюзном движении в Великобритании, Германии, Нидерландах, Индии, Ирландии, Соединенных Штатах Америки, Франции и Чехословакии⁵⁷.

Следуя директивам, содержащимся в резолюции IX пленума ИККИ, конгресс уделил большое внимание стачечной политике. В своем основном докладе Лозовский отметил, что благодаря концентрации капитала современная забастовка становилась «более чем когда бы то ни было настоящей войной»; забастовка шахтеров была более важным событием, чем Садова и Цусима. На забастовки нельзя больше смотреть как на чисто экономическую борьбу: «Надо изучить соотношение сил рабочего класса и буржуазии, соотношение сил внутри рабочего класса».

Необходимо рассматривать каждую забастовку в отдельности. Латинские страны в особенности были предупреждены против недобдуманного объявления всеобщей забастовки, к которой рабочие были не готовы. Такие «уклончики французского типа» были отнесены за счет «анархо-синдикалистских остатков». Противоположные «уклоны немецкого типа», когда с объявлением забастовки выжидают до тех пор, пока к этому не будет готов профсоюзный аппарат, приписывались «фетишизму и социал-демократическим остаткам»⁵⁸. В ходе прений французский делегат отверг обвинение, по-видимому, направленное в адрес Унитарной Конфедерации Труда, в объявлении забастовок, которые недостаточно хорошо подготовлены⁵⁹.

В разделе главной резолюции, посвященной забастовкам, который был усилен редакционной комиссией⁶⁰, повторялось, «что стачка это та же война и что в войне требуется величайшее напряжение всех сил и ясность цели». Сторонникам Профинтерна особо предписывалось «проводить забастовки без одобрения и вопреки желанию реформистских лидеров». Таким образом претворялась на практике кардинальная директива IX пленума ИККИ — превратить забастовку в *«арену борьбы... между коммунистами и реформистами»*. Однако снова прозвучали предупреждения против поспешных действий, и раздел заканчивался обоим остроумным наставлением:

«Сторонники Красного Профинтерна должны постоянно помнить, что... нужно вести систематическую и упорную борьбу за завоевание большинства рабочих, объединение реформистскими союзами, а также за укрепление самостоятельных революционных организаций»⁶¹.

Лозовский атаковал реформистов за поддержку принудитель-

ного арбитража в промышленных диспутах, который представлял собой попытку «подчинить классовое движение пролетариата буржуазным судам». Он заметил колебание в этом вопросе в рядах КПГ⁶². Конгресс принял специальную резолюцию, осуждающую принудительный арбитраж как механизм, используемый *предпринимателями* и капиталистическими правительствами, который они по тайному сговору с реформистскими лидерами противопоставляют обострению классовой борьбы и который можно сравнить с фашистскими атаками на права рабочих⁶³.

Делегат Великобритании привлек внимание к тяжелому положению, в котором находились «Интернационалы по производствам» и «Международные Секретариаты по производствам». В своем докладе в ноябре 1926 г. Лозовский утверждал, что Интернационалы «играли совсем незаметную роль» и представляли собой лишь «информационные бюро», но признавал при этом, что большая их часть настроена враждебно по отношению к Профинтерну⁶⁴. Из 32 Интернационалов по производствам только Международный унион пищевиков и Интернационал работников просвещения входили в Профинтерн⁶⁵. В остальных безраздельно царит Международная федерация профессиональных союзов, которая на своей конференции в Париже в августе 1927 г. изменила уставы таким образом, чтобы преградить доступ в свои профсоюзы Красным Союзам даже в тех случаях, когда этого хотело большинство их членов⁶⁶. Исходя из этой малообещающей ситуации, IV конгресс Профинтерна пересмотрел роль Международных Комитетов Пропаганды (МКП), 17 из которых были перечислены в докладе Исполнительного Бюро Профинтерна, представленном конгрессу, хотя в нем признавалось, что не все они имеют формальный статус и что большая часть из них функционирует всего лишь в нескольких странах⁶⁷. На конгрессе была сделана попытка ввести их в общее русло борьбы за более агрессивный курс. Докладчик вспомнил, что их полное официальное название было «Международные комитеты пропаганды и действия», и высказал мнение о том, что их следовало бы «превратить главным образом, в Комитеты действия». МКП транспортных рабочих и горняков были выделены для похвалы, и они, по-видимому, были наиболее действенными. Комитет текстильщиков мало что сделал⁶⁸.

В резолюцию по основному вопросу был поспешно вставлен параграф об МКП, в котором предлагалось трансформировать их в «организующие и руководящие органы экономической борьбы рабочих соответствующих производств»⁶⁹. Конгресс также принял специальную резолюцию по МКП. Эта последняя, очевидно, не была опубликована, но большая ее часть, содержащая призывы к более энергичным действиям, вошла в качестве раздела в резолюцию по организационным вопросам⁷⁰. Неопубликованная резолюция включала, однако, один пункт, не вошедший в этот раздел: призыв Международных Комитетов Пропаганды транспортных рабочих, металлистов и горняков к проведению особенно ин-

тенсивной пропаганды против «военных планов империализма»⁷¹.

Конгресс посвятил большую часть двух заседаний вопросу о молодых рабочих. Были заслушаны доклады делегатов Германии и Франции и еще несколько выступлений. Признавалось, что прежде этому вопросу не уделялось внимания. Профинтерн создал соответствующую комиссию только в мае 1927 г.⁷² Состоявшийся месяц спустя VII пленум ИККИМ принял пространную резолюцию о капиталистической рационализации и ее пагубных последствиях для молодых рабочих⁷³ и в следующем году вернулся к этому вопросу, сделав на него новый упор. Было сказано, что капиталистическая рационализация «повышает роль» рабочих-подростков. Участие в забастовках рабочих-подростков и учеников имело «решающее значение». К Союзам молодежи обращались с призывом оказывать поддержку профсоюзным комиссиям по подростковому труду в тех странах, где они существовали, и призывать к их образованию там, где их еще нет⁷⁴. Главным яблоком раздора на конгрессе был вопрос об участии молодых рабочих в забастовках. Некоторые старомодные профсоюзы выступили против этого. По их словам, они не хотели поощрять противоречивые требования, исходящие от подростков. Польский делегат заметил, что на польских текстильных фабриках дети начинают работать с десяти лет, а китайский делегат сказал, что в Шанхае работать начинают с семи-восьми лет⁷⁵.

В резолюции конгресса горячо поощрялись забастовки молодых рабочих в поддержку своих требований, которые, как было отмечено, происходят все чаще и чаще. В резолюции отмечалось также, что в Азии большую часть пролетариата составляют подростки и дети, и была подтверждена резолюция, принятая в июне 1927 г. профсоюзной конференцией стран бассейна Тихого океана. В резолюции конгресса настаивалось на том, что каждый профсоюз, входящий в Профинтерн, должен иметь молодежную секцию, и каждая национальная профсоюзная федерация, так же как и Исполнительное Бюро Профинтерна в Москве, — свой молодежный секретариат⁷⁶. Знаменательно, что на конгрессе не прозвучало никакого упоминания о КИМе или о резолюции пленума ИККИМ, принятой в июне 1927 г.⁷⁷.

Никто на конгрессе не проявил большого интереса к работе с крестьянами, но была создана комиссия, которая должна была заняться этим вопросом. Председатель советского профсоюза сельскохозяйственных рабочих Анцелович получил десять минут для доклада на эту тему на пленарном заседании. Он подчеркнул растущее значение наемных рабочих в деревне, положение которых (везде, кроме Советского Союза) ухудшилось, и предложил резолюцию, которую приняли без обсуждения. В ней содержалась программа действий, совершенно невыполнимо детализованная, и требование, чтобы Исполнительное Бюро Профинтерна действовало совместно с Крестинтерном и с Международным комитетом пропаганды сельскохозяйственных рабочих (организация,

о которой нигде больше, по-видимому, вообще не упоминается)⁷⁸. Резолюция оставалась на бумаге⁷⁹.

Одно заседание было посвящено обсуждению вопроса о фашизме, поднятого французским делегатом Монмуссо. Лейтмотивом его выступления было то, что фашизм нельзя уже рассматривать как специфически итальянское явление; его надо рассматривать как инструмент временной стабилизации капитализма и наступления на рабочий класс. Выступавший, по-видимому, колебался между двумя противоречивыми взглядами. Коль скоро реформистские лидеры действуют в союзе с буржуазией, на них, следовательно, можно смотреть, как на фашистов. Другие, однако, считают, что реформистские лидеры не толкают буржуазию на встречу фашизму и их нельзя рассматривать как фашистов. Монмуссо указал, что в отличие от фашистских профсоюзов социал-демократические профсоюзы — это массовые организации, и провел старое различие между массами и реформистскими лидерами⁸⁰.

Польский делегат попытался дать более глубокий анализ. В Польше фашизм пришел к власти «не в непосредственной борьбе против революционного рабочего класса, а под лозунгом борьбы с реакцией». Это позволило ему завоевать поддержку мелкой буржуазии; были сохранены даже парламентские формы. Социальную основу польского фашизма составили буржуазия, помещики, зажиточные крестьяне и «верхние слои городской мелкой буржуазии». Вывод был сделан радикальный. Под маской фашизма «монополистический капитализм стремился разбить рабочее движение посредством овладения его организациями, овладения профсоюзами и вытеснения из них революционных элементов».

Болгарский делегат Димитров, который после того, как его в 1923 г. выслали из Болгарии, работал в Коминтерне и Профинтерне, охарактеризовал фашизм как «последний фазис классового господства буржуазии» и сказал, что в странах Юго-Восточной Европы, где никогда не было действительно буржуазно-демократической революции и где буржуазия была еще слабой, фашизм навязывался сверху государственной властью⁸¹.

В длинной и подробной резолюции о фашизме, которая, как было сказано, «согласована с итальянской, польской и болгарской делегациями» и представителями других стран, в которых фашистская диктатура господствует⁸², Болгария, Испания, Португалия, Литва, а также Италия и Польша упоминались как государства с фашистским правлением и утверждалось, что фашистские методы якобы применяются против революционного движения рабочих в большинстве других европейских стран. Лига наций и Международное Бюро Труда осуждались как союзники фашизма. Там, где «фашистским профсоюзам удалось... сгруппировать

в своих рядах рабочих», сторонников Профинтерна призывали вести работу в этих профсоюзах для сплочения рабочих на борьбу против их лидеров. В специальном разделе, посвященном Италии, выражалось сомнение относительно того, что в ней может быть применена подобная тактика⁸³.

Отдельные резолюции были приняты по Движению меньшинства в Великобритании, по специфическим проблемам германского профсоюзного движения и по задачам, стоящим перед Унитарной Конфедерацией Труда во Франции⁸⁴.

Геллер со старых, избитых позиций доложил о профсоюзном движении в колониальных и полуколониальных странах. Империализм был представлен как борьба за рынки, за сырье и за капиталовложения. Наблюдавшийся в последнее время спад в иностранных капиталовложениях в Китае и Индии объяснялся «разными причинами», в том числе ростом капиталовложений в Африке. Полемика по деколонизации, разгоревшаяся спустя четыре месяца на VI конгрессе Коминтерна, еще не началась. Всеобъемлющий обзор положения дел в Азии и на Ближнем Востоке заканчивался лозунгом: «Пролетарии Запада и угнетенные народы Востока, объединяйтесь!»⁸⁵. После доклада была принята соответствующая резолюция, но в ней содержался дополнительный раздел, посвященный Латинской Америке⁸⁶.

Уже теряющему терпение конгрессу предстояло еще обсудить ирландский вопрос. Революционная Ирландская рабочая лига, которую возглавлял Ларкин, входила в Профинтерн. На VII пленуме ИККИ в ноябре 1926 г. она была признана единственной секцией Коминтерна в Ирландии и ей было дано указание как можно скорее преобразоваться в коммунистическую партию⁸⁷. Сам Ларкин несколько раз бывал в Москве. Однако возникло соперничество между лигой и значительно более крупным и старым Рабочим союзом Ирландии, входившим в движение британских тред-юнионов. Эта организация не имела определенной политической платформы и включала левое крыло, которое можно сравнить с Движением меньшинства, но в отличие от Ирландской рабочей лиги она поддерживала отношения с правительством Ирландского свободного государства. На пленуме Исполнительного Бюро Профинтерна в 1926 г. между Ларкиным и представителем британского Движения меньшинства Гарди произошел обмен горькими взаимными упреками, который продолжался на страницах печати. Глава ирландской делегации на IV конгрессе Профинтерна Карней был в боевом настроении. Он сделал заявление, по-видимому, равносильное декларации, о выходе Ирландской рабочей лиги из Профинтерна, и в своем выступлении на конгрессе резко атаковал Хорнера и Гарди из британской делегации, а также Лозовского. Гарди ответил несколько более сдержанным заявлением от имени британской делегации⁸⁸. После этого ирландская делегация смягчилась и информировала конгресс, что

сообщения о предстоящем выходе Ирландской рабочей лиги из Профинтерна были основаны на недоразумении⁸⁹.

Созданная под тактичным председательством австрийского делегата Райана комиссия целую неделю разрабатывала согласованный проект резолюции. Ирландская рабочая лига признавалась в нем как «первый ирландский союз, примкнувший к Профинтерну», но ей было дано указание провести кампанию в других профсоюзах с целью образования «революционных групп», которые будут поддерживать отношения непосредственно с движением меньшинства в Великобритании. Основы сотрудничества между Рабочей лигой и этими группами должны быть утверждены на «неофициальной конференции». Камнем преткновения оказалось данное Рабочей лиге указание действовать в соответствии с тактикой фронта по принятию Профинтерном модели проведения кампании, что требовало единства с официальной профсоюзной организацией в Дублине. При рассмотрении проекта в комиссии большинство членов ирландской делегации возражало против этого пункта, и в окончательном варианте резолюции этот пункт остался открытым для дальнейшего обсуждения⁹⁰. Ирландский вопрос продолжал осложнять атмосферу, и на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. снова раздавались жалобы на отсутствие внимания, и Карней выступил с еще одной сердитой речью, которая, однако, не вызвала заметной реакции⁹¹.

Взаимный и неразрешимый конфликт между руководителями советских профсоюзов и Профинтерном создал атмосферу неуверенности и колебаний, отразившись на результатах IV конгресса. Призыв к более агрессивным действиям содержался в выступлениях Лозовского и в резолюциях конгресса. Однако он был уравновешен и смягчен благодаря тому, что другие делегации и другие члены советской делегации высказывали гораздо более скромные пожелания. Резолюция, чреватая большими последствиями, казалось, ответила на все возражения и удовлетворила все вкусы. За ее единогласное принятие заплатили нелегким и двусмысленным компромиссом. Тем не менее, хотя не было принято никакого формального решения и не предписывалась никакая новая линия, общий тон обсуждения не оставлял сомнений в том, что конгресс ослабил сопротивление правых и дал курс на более агрессивную политику, которая углубит разрыв между революционерами и реформистами, между коммунистами и международном профсоюзном движением и его социал-демократическими лидерами.

Впоследствии Лозовский рассказывал, как «нащупывали новую тактику, новые методы борьбы», как «на IV конгрессе Профинтерна мы оформили директивы IX пленума ИККИ — всеми силами самостоятельного руководства экономической борьбой без и против реформистских союзов» — и как VI конгресс Коминтерна «подтвердил наши решения»⁹². Это было одностороннее, но справедливое описание хода событий. Звезда Томского закатывалась. По одним сведениям, он решился на то, чтобы бросить открытые

вызов Лозовскому в Профинтерне, и потерпел поражение в Политбюро⁹³. Тем не менее прошел год, прежде чем на X пленуме ИККИ в июле 1929 г. Лозовский смело заявил, что на IV конгрессе Профинтерна и VI конгрессе Коминтерна был осуществлен «резкий поворот», который оказался «идеологически неприемлемым» для Яглома и Томского⁹⁴.

В период работы IV конгресса Профинтерна была опубликована сводка, в которой приводилось подробное перечисление его сторонников — действительных и потенциальных, — разбитых на три категории. Первая категория, куда были включены профсоюзные организации, непосредственно входившие в Профинтерн, насчитывала 13 862 тыс. членов профсоюзов. Большую часть из них составляли члены советских и китайских профсоюзов (10 млн. 248,8 тыс. и 2 млн. 800 тыс. соответственно). Следующей по численности была французская Унитарная Конфедерация Труда (525 тыс.). В эту категорию входили также федерация Красных Союзов Чехословакии (196 тыс.) и такие организации, как Ирландская рабочая лига (18 тыс.) и бельгийская организация «Шевалье дю травай» (8 тыс.). Вторая категория состояла из «революционных меньшинств», которые, хотя и принадлежали к группе профсоюзных организаций, не входивших в Профинтерн, но сами поддерживали отношения с Профинтерном. 2874 тыс. членов профсоюзов в этой категории включали меньшинства в Германии (1 млн. — явно по оценочным данным, так как формально организации меньшинств не существовало), Великобритании (800 тыс. — число членов Национального движения меньшинства), Японии (600 тыс.), Соединенных Штатах Америки (250 тыс.), Австралии (130 тыс.), Польши (100 тыс.), Чехословакии (70 тыс.) и Франции (60 тыс.). Третья категория симпатизирующих организаций, из-за полицейских репрессий не имевших возможности поддерживать официальные отношения с Профинтерном, насчитывала 368 230 членов профсоюзов. Сюда входили такие страны, как Япония (39 тыс. членов организации Хиогикай), Италия (10 тыс.), Болгария (8 тыс.) и Польша (8 тыс.). Общее число во всех трех категориях было раздуто за счет включения данных по профсоюзам Латинской Америки, статус которых был сомнительным, а иногда и вымышленным; большая доля других приведенных цифр была основана не более чем на догадках⁹⁵.

В некоторых ключевых странах, особенно во Франции и Чехословакии, разрыв между коммунистами и некоммунистами в профсоюзах зашел так далеко, что создавались соперничающие организации, существовавшие более или менее непосредственно под эгидой Профинтерна и зависимые от него. В других государствах (особенно в Великобритании, Германии и Соединенных Штатах) коммунисты всегда составляли лишь незначительное меньшинство в профсоюзном движении или были только помехой официальному руководству. В странах, где профсоюзы были официально запрещены или подвергались преследованиям,

Профинтерн поощрял создание нелегальных профсоюзов и субсидировал их, хотя и редко добивался значительных успехов. Наконец в Китае, на Ближнем Востоке и в нескольких латиноамериканских странах профсоюзы, создаваемые как коммунистами, так и некоммунистами, получали благословение Профинтерна. Однако эти организации мало походили на профсоюзы западных капиталистических стран. Систематизировать все эти разнообразные и часто непрочные организации в зависимости от их отношения к Профинтерну было задачей для Дон-Кихота, и статистика Профинтерна представляла собой нечеткую смесь реальности и фантазии.

ГЛАВА 70

VI КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА

VI конгресс Коминтерна превосходил предшествовавшие ему конгрессы как по длительности работы, так и по числу делегатов. С 17 июля по 1 сентября 1928 г. состоялось 46 заседаний. 16 из них заняли предварительные переговоры и основной доклад Бухарина «Международное положение и задачи Коминтерна», 7 — прения по вопросу об угрозе империалистических войн, 5 — программа Коминтерна, 12 — колониальный вопрос и 6 — положение в российской партии, организационные вопросы и заключительная процедура. Зарегистрировалось 532 делегата, из которых 381 — с правом решающего голоса¹. Заседания были перенесены из традиционного места встреч в Кремле в Колонный зал Дома Союзов — самый большой зал в Москве². Выступавшие говорили, пожалуй, на большем числе языков, чем на предыдущих конгрессах, но основные докладчики, в том числе Бухарин, выступали на немецком языке, хотя полные протоколы велись на русском³.

Вопрос о работе предстоящего конгресса стоял на повестке дня состоявшегося с 4 по 12 июля 1928 г. пленума Центрального Комитета партии, где, несмотря на настоятельные предупреждения о правой опасности, было решено предоставить проведение конгресса одному Бухарину⁴. Похоже, что значительную часть времени на пленуме заняло обсуждение программы Коминтерна⁵. Накануне открытия конгресса основные пункты его повестки дня были опубликованы в специальном заявлении ИККИ. Они были следующими: первый вопрос — недолговечность так называемой «стабилизации» капитализма и переход партий — членов Коминтерна к наступательной тактике, второй — программа Коминтерна, третий — военная опасность, четвертый — национальный и колониальный вопросы, пятый вопрос — социалистическое строительство в СССР⁶. В передовой статье газеты «Правда» излагались эти пять вопросов, которые предстояло обсудить конгрессу. Особый упор — как на жизненно важный — делался на первый вопрос, то есть на **«обострение борьбы против социал-демократии»**⁷. Конгресс открылся докладом Бухарина по первому вопросу, который в определенном смысле доминировал над всеми остальными. Однако все вопросы переплетались, и к ним постоянно возвращались выступавшие делегаты. По второму, третьему и чет-

вертому вопросам были сделаны отдельные доклады и состоялись прения. Обсуждение дел в Советском Союзе ограничилось докладами Варги и Мануильского и осуждением оппозиции целым рядом зарубежных делегатов.

Несмотря на то что существовало много споров об отдельных деталях, главные направления, которым надлежало следовать конгрессу, были четко определены. С исключением оппозиции была ликвидирована опасность раскола внутри российской партии. О многочисленных письмах в адрес конгресса от сосланных членов оппозиции массе делегатов было неизвестно⁸. От зарубежных партий не ожидалось серьезные возражения ни по одному крупному вопросу. Тем не менее атмосфера на конгрессе была нелегкой. Заметили, что уже на протяжении нескольких недель Бухарин часто не бывал в служебных помещениях Коминтерна, и, хотя работа над программой и занятость в связи с подготовкой конгресса служили ему каким-то извинением, чувствовалось, что он старается уклониться от дела, в котором он больше уже не был полным хозяином⁹. Хотя Сталин, возможно, еще не знал о его тайном посещении Каменева, но Бухарин раскрыл свои карты на пленуме Центрального Комитета, состоявшемся накануне конгресса, и Сталин отомстил таким способом, который открыто подрывал авторитет Бухарина, настояв на внесении обширной поправки в проект доклада, подготовленный Бухариным и разосланный делегатам¹⁰. Положение было под контролем. Сталин мог спокойно удалиться на обычный отдых на юге, оставив Молотова контролировать и сдерживать Бухарина. Еще до того, как конгресс закончил свою работу, главные зарубежные делегаты прекрасно знали, что Бухарин не оправдал доверия партийного большинства и только номинально представляет линию партии. Непрочность положения Бухарина и неизвестность относительно того, чем это кончится, отражались на всей работе конгресса¹¹. Говорят, Тольятти назвал конгресс «скучным и грустным парадом лояльности», на котором «нельзя говорить правду о самых важных и насущных вопросах»; даже русские «оставляют такое ощущение, что конгресс для них тяжкая ноша, от которой они не могут избавиться». Торез жаловался на преданность Бухарина доктрине о возможности построения социализма в одной стране и говорил о тяжелой обстановке и недостаточной информированности среди зарубежных делегатов¹².

Главной целью партийного руководства было подтвердить и завершить тот поворот влево, который наметился в Коминтерне пятью месяцами ранее, на IX пленуме ИККИ. Для этого требовался пересмотр официального взгляда на положение и перспективы современного капитализма. Первоначальным оптимистическим оценкам перспектив европейской или мировой революции давно уже пришлось на смену более трезвое признание частичного и временного выздоровления капиталистической системы¹³. Уже после IX пленума ИККИ, состоявшегося в феврале 1928 г. один из

последователей Бухарина писал в партийном журнале, что «в корне неправильно, вредно тактически и грубо ошибочно теоретически» полагать, что западный капитализм находится на грани гибели¹⁴. Однако после ликвидации оппозиции, в условиях, когда в Коминтерне происходил поворот влево, такой умеренно-выжидательный взгляд на перспективы капитализма стал нетерпим, и Сталин, делая обзор международного положения накануне VI конгресса назвал «противоречия, которые назрели... в лагере империалистов», наиболее примечательным событием из тех, что произошли после предыдущего конгресса, состоявшегося в 1924 г.¹⁵. Накануне конгресса в статье, опубликованной в журнале Коминтерна и озаглавленной «Под знаком резкого классового размежевания», Реммеле на примере волны забастовок, а также результатов последних выборов (особенно в мае 1928 г. в Германии) показал рост силы и влияния коммунистических партий в Европе¹⁶. В передовой статье «Правды», опубликованной в день открытия конгресса, перечислялись рабочие восстания, которые произошли со времени предыдущего конгресса, в 1924 г., и в заключение отмечалось **«обострение борьбы против социал-демократии»**¹⁷.

Когда открылся конгресс, в доклад Бухарина о международном положении уже были внесены изменения в свете высказанных Сталиным критических замечаний¹⁸. Осторожные и теперь консервативные взгляды Бухарина заставили его отклониться от требований линии партии, в частности по четырем пунктам. Во-первых, согласно первоначальному тексту его доклада капиталистическая стабилизация продолжалась; во-вторых, говоря о борьбе против социал-демократии, он не отменил тот факт, что борьба эта распространялась и на так называемую левую социал-демократию; в-третьих, осуждая правый уклон в коммунистических партиях, он не указал на необходимость борьбы против маневров тех, кто стоял на позициях «примиренчества», в-четвертых, он не счел нужным сказать о том, что в коммунистических партиях необходима «железная дисциплина»¹⁹. Доклад, в который Бухарин внес эти поправки, занял два заседания, а прения продолжались две недели. Бухарин приложил все силы — как он сделал это и шесть месяцев ранее на партийном съезде²⁰ — к тому, чтобы доклад соответствовал требованиям новой линии. Он выделил *«три периода послезоедного развития»*: первый — период «острого революционного кризиса», с 1917 г. по 1921 г.; второй — период «восстановления производительных сил капитализма», с 1921 г.; и третий — только начавшийся период «капиталистической реконструкции», совпадающий с «ростом сил, противостоящих капитализму, и наиболее быстрым развитием внутренних его противоречий». Он подробно и долго говорил о капиталистических противоречиях этого периода. Именно сами успехи капитализма (улучшение технологии, рационали-

зации и т. д.) углубляли его противоречия. Бухарин повторил утверждение, что «британо-американский антагонизм служит в настоящее время осью всех противоречий между капиталистическими государствами». Если капиталистическая стабилизация и «создает экономическую опору для социал-демократии», то правда и то, что «противоречия стабилизации создают почву для развития коммунистических партий»²¹. Тактическая линия, которая требовалась для проведения новой политики, состояла в «целиком антагонистической по отношению к социал-демократам ориентации». Она должна была применяться на всех уровнях, как выразился Бухарин, «от производственной ячейки до Лиги наций». Это был «курс на взрыв буржуазной государственной власти, курс на революцию». На V конгрессе отрицалось всякое намерение отказаться от тактики единого фронта, но единый фронт должен был осуществляться «в большинстве случаев... снизу». Что касается Коминтерна в целом, то «центральную опасность» теперь представлял «правый уклон»²².

Прения отличались тем, что в них было больше прямых и косвенных намеков, чем откровенных высказываний. Открыто нападать на Бухарина было нельзя. Однако мелкие уколы были, по-видимому, в порядке вещей. Мерфи, занимавший в английской делегации крайнюю позицию, критиковал Бухарина за то, что упор, который тот делал на «стабилизацию» во втором и третьем периодах, был односторонним и нереальным²³. Среди американских делегатов не было единого мнения относительно настоящего положения и перспектив американского капитализма, и часть из них была на стороне Бухарина, а часть — против²⁴. Делегат Великобритании Ганнингтон упрекнул Бухарина за то, что тот не говорил о безработице (в докладе упоминалось о ней только один раз, мельком), и посвятил этому вопросу все свое выступление. Он сказал, что пренебрежение ведением работы среди безработных «является весьма серьезной ошибкой со стороны Коммунистического интернационализма»²⁵.

Варга в своем ежегодном отчете Коминтерну об экономическом положении в 1927 г. назвал этот год «лучшим послевоенным годом для капиталистов»²⁶. Теперь он уточнил этот благоприятный отзыв, подвергнув критическому анализу «технологический переворот», вытекающий из технического прогресса, рационализации и увеличения основного капитала за счет повышения интенсивности труда. Это создало «для капиталистов» временную «блестящую конъюнктуру вопреки громадной массовой безработице». По мнению Варги, Бухарин оценивал положение, не делая выводов; ошибка в докладе, выразившаяся в пренебрежении к вопросам безработицы, должна быть исправлена²⁷.

Тельман заявил, что делегация Германии «совершенно согласна с основной линией» доклада Бухарина в том виде, в каком он

был одобрен делегацией российской партии, но на политической комиссии внесет ряд поправок, необходимых для «заострения общей оценки положения» и привлечения внимания к «роли левого крыла социал-демократии». События, которые произошли за четыре года, истекшие после последнего конгресса Коминтерна — всеобщая забастовка в Великобритании, китайская революция, волна забастовок, венское восстание, кампания в связи с процессом Сакко и Ванцетти, — продемонстрировали «рост противоречий капитализма в период относительной стабилизации». В своем длинном выступлении Тельман много — косвенно или прямо — говорил о хорошо известных разногласиях в КППГ. Однако в заключение, под гром аплодисментов, он заявил, что «капиталистическая стабилизация гниет» и что «назревает новый период революционного подъема»²⁸.

Ломинадзе подтвердил наличие «обострения и развития противоречий капиталистической стабилизации». Осудив остальных своих врагов справа, он затем с помощью цитат из произведений Маркса стал опровергать мнение Варги о связи безработицы с ростом основного капитала. Он довольно снисходительно оправдывал Бухарина на том основании, что Бухарин говорил исключительно о Соединенных Штатах Америки²⁹. Выступавший в качестве члена британской делегации под именем Беннета Петровский обвинил Варгу в преукрашивании экономических перспектив Великобритании³⁰.

Легкой и популярной темой было осуждение социал-демократов. Член секретариата Коминтерна Васильев обнаружил источник слабости в «недостаточно активной борьбе с социал-демократическим прошлым компартий»³¹. Никто из присутствовавших открыто не возразил против этого взгляда. Однако Мюнценберга, хотя он тоже призывал к «беспощадной борьбе с социал-демократами», беспокоило то обстоятельство, что работа во вспомогательных организациях, не являвшихся исключительно или явно коммунистическими — таких, как МОПР и Межрабпом, — может рассматриваться как ««полуменьшевистский уклон», и он нерешительно доказывал, что такая работа «не имеет ничего общего с «оппортунистической политикой» или «правым» уклоном»³². Остальные делегаты, особенно делегаты Великобритании и Германии, активно работавшие в профсоюзах, видимо, с опаской смотрели на политику, в соответствии с которой некоммунистические радикальные левые считались бы непримиримыми врагами.

Вопрос о профсоюзах не стоял на повестке дня конгресса, и в своем основном докладе Бухарин, чувствуя себя не очень уверенно в этом вопросе, высказал о нем несколько странно неуверительных соображений: «...авторитет наших работников как политических вождей» в профсоюзах растет; с другой стороны, «специфический авторитет их как профработников, как хороших руководителей стачечного движения» невелик. Рабочие-коммунисты не умеют установить «правильные отношения» с некоммунистами,

потому что слишком полагаются на приказ, а не на убеждение. Это была критика консервативных позиций. И в то же время некоторые коммунисты в профсоюзах «так сжились с социал-демократическими методами, что не выполняли директив партии», и вместо того, чтобы осуществлять «руководящую роль в стачечном движении», не проявляли нужной инициативы³³.

Никто больше не высказался в прениях по этому вопросу, кроме Лозовского, который представил свою собственную версию того, что произошло на IV конгрессе Профинтерна. Он сорвал покров с тех радикальных перемен в политике, которые на конгрессе скромно скрывались под неясными формулировками. Он признал и даже похвастал тем, что его решения противоречили решениям III конгресса, состоявшегося в 1924 г., — теперь было другое время. В числе новых линий, принятых конгрессом, он назвал следующие: обострение борьбы против реформистских профсоюзов и Амстердамского интернационала, единый фронт, «главным образом снизу», руководство экономической борьбой (то есть забастовками) наперекор официальной профсоюзной бюрократии и настойчивость в стремлении придать ей политический характер, поощрение деятельности Красных Союзов в тех странах, где уже существует раскол в движении, и энергичный протест против исключения коммунистов из реформистских профсоюзов. Лозовский еще раз подчеркнул значение независимой стачечной борьбы, возглавляемой коммунистами, работающими в профсоюзах. Лозунг «„Zwingt die Bonzen“ („Заставьте профбюрократов руководить стачкой“)», как говорят, предложенный несколькими немецкими коммунистами (и означавший нажим на реформистских профсоюзных вождей), был осужден как «лозунг пассивного выжидания, а не активной мобилизации масс». Неудача в выполнении решений IV конгресса Профинтерна означала бы оказание поддержки «правым ликвидаторским тенденциям, которые имеются, правда, в небольшом количестве, в наших собственных рядах»³⁴. Позже, в более агрессивном выступлении по программе, Лозовский назвал реформистские профсоюзы «школами капитализма» и «продолжением буржуазного государства внутри рабочего класса»³⁵.

Вопрос о фашизме оставался на конгрессе где-то на заднем плане. На первом заседании по предложению делегата Великобритании была одобрена декларация, осуждающая итальянский фашизм. В ней без доказательств утверждалось, что «фашистский режим лихорадочно готовится к войне»³⁶. Во вступительной речи, перед тем как делать свой доклад, Бухарин мимоходом отозвался о Польше как о «фашистском государстве»³⁷. Однако в более широком плане фашизму было уделено мало внимания в последовавших затем прениях. Тельман поставил реформизм на одну доску с фашизмом как «два метода подавления рабочего класса» и говорил о «развитии реформизма в направлении социал-фашизма»³⁸.

Тольятти — единственный, кто не мог избежать выступления по этому вопросу, — нашел выход из положения. Накануне конгресса он поместил в «Правде» подробный анализ сложившейся ситуации³⁹; теперь он повторил его в несколько приглушенных тонах. В Италии экономический кризис «несколько приостановился в своем развитии»; режим получил иностранный капитал, оказал давление на рабочих и «помог буржуазии яснее осознать свои интересы». Фашизм — это «наиболее последовательная и законченная форма реакции». Но не единственная. Сказав, что он разделяет взгляд на социал-демократию как на самого опасного врага, Тольятти отказался поставить знак равенства между ею и фашизмом. Между социал-демократией и фашизмом существовали идеологические связи, и первая иногда пользовалась фашистскими методами. И все же между ними имелись «глубокие различия». Фашизм — это «движение мелкой и средней буржуазии, возглавляемой крупной буржуазией и аграриями», в то время как социал-демократия уходила корнями в «широкие рабочие массы». Тольятти умудрился прийти к заключению, что «основная задача», стоящая перед коммунистическими партиями, — это «наиболее ожесточенная борьба с социал-демократией». Однако он находил применение этому лозунгу скорее во французской и германской партиях, чем в итальянской⁴⁰. В Италии и Польше становилось все более нереальным предлагать коммунистам смотреть на социал-демократов как на своих главных врагов.

Затем Тольятти перешел на еще более зыбкую почву партийной дисциплины. Этот вопрос мало обсуждался в прениях, несмотря на то, что Мэрфи, желая на сей раз заслужить похвалу начальства, заметил, что «действительное же руководство мировой революцией еще не достаточно сосредоточено в Коминтерне» и что пора превратить Коминтерн в «международную коммунистическую партию»⁴¹. Тольятти выдвинул принцип «образования руководящего центра партии», которое «должно протекать на основе определенной политической линии и открытой политической борьбы», и продолжал: «Мы должны признать, что в некоторых случаях этому правилу не следовали и заменяли его беспринципной борьбой и компромиссами между группами». Затем, напомнив слова умирающего Гёте — «Больше света!», — заключил: «Авангард пролетариата не может бороться в темноте. Ядро революции не может быть сформировано в условиях беспринципной фракционной борьбы».

Наконец он призвал к тому, чтобы проявлять осмотрительность, прежде чем переносить внутрипартийную политическую борьбу «в плоскость организационных мероприятий», то есть исключать людей из партии⁴². Тольятти ясно дал понять, что его замечания, хотя и сформулированные в самых общих выражениях, подсказаны текущим кризисом в КПГ⁴³. Другие выступавшие не развивали затронутые вопросы, но этих замечаний было доста-

точно, чтобы понять, что в то время Тольятти, подобно Бухарину, был далеко не восторженным сторонником поворота в Коминтерне влево.

В своем ответе на выступления в прениях Бухарин ограничился тем, что повторил свои выводы, сделав значительно больший упор на противоречия и революционный потенциал, заложенные в третьем периоде. Он выделил «различные типы безработицы» в различных странах, например в Великобритании и Соединенных Штатах Америки. Однако все эти формы были выражением противоречий капитализма, и их можно было использовать «в целях обострения классовой борьбы». Бухарин закончил свое выступление горячим призывом к Коминтерну «сомкнуть свои ряды для революции, для гражданской войны, для победы диктатуры пролетариата»⁴⁴.

Принятая в конце работы конгресса развернутая резолюция открывалась темой о трех периодах. Третий период характеризовался тем, что как в экономике капитализма, так и в экономике СССР был одновременно превышен довоенный уровень, и отсюда следовало катастрофическое заключение:

«Этот третий период... делает неизбежной новую полосу империалистических войн между империалистическими государствами, их войн против Союза Советских Социалистических Республик, национально-освободительных войн против империализма и интервенций империалистов, гигантских классовых битв... Этот период неизбежно ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации к дальнейшему расшатыванию капиталистической стабилизации и к резкому обострению общего кризиса капитализма».

Отожествление социал-демократов со злейшими врагами коммунистов прочно закрепилось. Социал-демократы выступали «в роли последнего резерва буржуазии, как буржуазная „рабочая“ партия». В разделе, относящемся к профсоюзам, говорилось о «провокации со стороны реформистов», которые во многих странах «форсируют исключение коммунистов (и левых вообще) из профсоюзных организаций». Если не будут предприняты энергичные действия, то это может кончиться изоляцией коммунистов «от всей массы профессионально-организованных пролетариев». Совершенно необходимо «вести решительную борьбу с раскольнической политикой Амстердамского интернационала и его национальных секций». Революция призывала также «обратить особое внимание на *тщательную подготовку* стачек», а также на *«их умелое проведение»*. Провозглашалось, что *«...каждая стачка должна быть ареной борьбы за руководство между коммунистами и реформистами»* и что забастовки в подходящий момент следует организовывать «против воли реформистской профсоюзной бюрократии». Не говоря прямо о создании новых профсоюзов, в резолюции провозглашался лозунг «организации *неорганизованных*». В коротком разделе о фашизме резолюция обращалась к теме

V конгресса, и в ней разъяснялось, что «идеология классового сотрудничества, эта официальная идеология социал-демократии, во многих пунктах соприкасается с идеологией фашизма». В ней также отмечалась угроза миру со стороны «фашистской диктатуры в Польше и Италии». После подробного разбора положения дел в отдельных партиях прозвучал призыв к «укреплению пролетарской дисциплины», необходимой для того, чтобы пролетариат мог противостоять «всем силам, мобилизуемым империализмом», и после провозглашения требования «большей внутренней демократии», шло заключение:

«Это не только не исключает, но предполагает всемерное укрепление внутривнутрипартийной дисциплины, безусловное подчинение меньшинства большинству, безусловное подчинение нижестоящих органов, а равно и других партийных организаций руководящим партийным центрам и всех секций Коммунистического Интернационала его Исполнительному Комитету»⁴⁵.

Второе место в повестке дня занимала другая главная забота Советского Союза в те годы — опасность войны, неразрывно связанная с тертым периодом. В резолюции конгресса по основному докладу говорилось о «проблеме борьбы с надвигающейся империалистической войной» как одной из «главных международных задач коммунистического движения в настоящий момент»⁴⁶, а на конгрессе состоялось продолжительное и сумбурное обсуждение мер, которые должны быть приняты коммунистическими партиями. После того как в мае 1927 г. VIII пленум ИККИ сделал заключение по поводу военной опасности⁴⁷, международная перспектива изменилась. Угроза войны не была ликвидирована. Невыбежность войны при капитализме оставалась одним из большевистских кредо. Непосредственная угроза войны стала постулатом советской политики и содержанием пропаганды, направленной на внушение необходимости проявлять решительность и бдительность по отношению к потенциальным врагам внутри страны и за ее пределами.

На XV съезде российской партии в декабре 1927 г. Бухарин повторил «центральный лозунг», выдвинутый на VIII пленуме ИККИ, о «защите русской и китайской революций»⁴⁸. Накануне VI конгресса Коминтерна в июле 1928 г. Сталин мог еще говорить об «опасности новых империалистических войн и интервенций» как об «основном вопросе современности»⁴⁹. На заседании латинского секретариата во время конгресса Эмбер-Дро старался убедить делегатов от ФКП в том, что «осью работы партии, как и борьбы Коминтерна в целом, является вопрос об опасности войны»⁵⁰. А газета «Известия» в период работы конгресса отметила годовщину начала войны в августе 1914 г. статьей «Между двумя войнами», в которой читателям напоминали «не столько о бывшей войне, сколько о будущей войне»⁵¹.

Однако разгром рабочих и крестьян в Китае силами националистов затруднял рассмотрение империалистической интервенции

как единственной и главной опасности, а в Европе отказ других государств последовать примеру Великобритании и разорвать отношения с Советским Союзом делал угрозу совместного военного нападения менее вероятной. Тем не менее угроза, которую представляли более мелкие страны, расположенные на западных рубежах Советского Союза и подстрекаемые Францией и Великобританией, не была забыта. И все же внимание на мировой арене было по-прежнему приковано к острому спору о разоружении морских сил, разгоревшемуся между Великобританией и Соединенными Штатами на конференции трех держав в Женеве в июле — августе 1927 г., и разногласия между империалистическими державами были более очевидными, чем перспектива их совместных действий против Советского Союза.

Докладчику по этому вопросу на конгрессе Беллу не трудно было увидеть «симптомы близости войны» в противоречиях и соперничестве между капиталистическими государствами: англо-американское соперничество («основное противоречие в лагере империалистов»), соперничество между Великобританией, Францией и Италией, между Францией, Италией и Югославией, между Великобританией, Францией и Германией и между Соединенными Штатами, Японией и Великобританией на Тихом океане⁵². Вслед за ним выступили по крайней мере четыре содокладчика — Гриеко, Шнеллер, Ловстон и Барбе. Однако после жарких споров во время прений по докладу Бухарина, которые тянулись четыре дня, трибуна для выступлений по вопросу об опасности войны была предоставлена второразрядным делегатам, и эти дискуссии оказались чем-то вроде антиклимакса.

Это была старая тема. Несколькими месяцами ранее в порыве откровенности Лозовский писал, что «довольно широкие слои рабочих не верят в возможность в ближайшее время войны» и что резолюция VIII пленума ИККИ об опасности войны, принятая в мае 1927 г., была «вряд ли известна широким кругам профработников»⁵³. Накануне конгресса в статье, помещенной в журнале КПГ, признавалось, что кампания против войны «не убеждает массы и воспринимается ими как преувеличение, проявление нервозности и истерии». После VIII пленума ИККИ велась интенсивная пропаганда, «но позднее она была ослаблена, словно поняли, что опасность войны вначале была преувеличена»⁵⁴. Выступая в прениях по докладу Бухарина, Тольятти заметил, что создается впечатление, будто «все это больше делается, чтобы отдать дань принятым тезисам, чем в силу действительного осознания неизбежности войны»⁵⁵. Во время обсуждения этого вопроса в комиссии Васильев, выступая в качестве представителя ИККИ, жаловался на то, что мало делается для проведения в жизнь резолюции VIII пленума ИККИ об опасности войны. Он сказал, что якобы немецкие рабочие довольствуются тем, что верят, будто «Лига наций имеет достаточно влияния и силы для того, чтобы предотвратить опасность войны», и заявил, что «специальный аппарат

по работе в армии во всех партиях очень слаб»⁵⁶. Белл имел некоторые основания жаловаться в своем заключительном слове на то, что большинство делегатов, принявших участие в прениях, «повторили ряд общих месг» или обсуждали второстепенные вопросы⁵⁷. Прения оживились только тогда, когда в самом конце вмешался Ярославский и поднял спорный вопрос о работе партий в вооруженных силах капиталистических государств.

Этот вопрос имел долгую историю. В сентябре 1917 г. в статье «Марксизм и восстание», написанной с целью разграничения марксизма и бланкизма, Ленин в первую очередь говорил о необходимости того, чтобы народ созрел для революции:

«Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс... Восстание должно опираться на *революционный подъем народа*». Однако, продолжал он, переходя в более практическую плоскость, после «корниловщины» в Советах Москвы и Петрограда у них имеется большинство «среди рабочих и солдат столицы»⁵⁸. Развал дисциплины и ослабление верности войск сначала на фронте, а затем в столицах были главным фактором в победе революции. Роль большевиков в этом процессе по понятным причинам в то время не слишком рекламировалась. Но несмотря на то, что после свершения революции их роль широко пропагандировалась и стала известным фактом в истории партии, пример этот не вдохновлял молодые и борющиеся коммунистические партии в Западной Европе, и советские руководители, похоже, боялись поднимать этот вопрос. Одно из немногих ленинских упоминаний об этом находим в продиктованной по телефону записке, адресованной членам Политбюро в феврале 1922 г.; вызвано оно было голосованием одного немецкого профсоюза в пользу «забастовки против войны»:

«...только заранее подготовленная и испытанная революционная партия с хорошим нелегальным аппаратом может успешно провести борьбу против войны, причем средством борьбы является не забастовка против войны, а образование революционных ячеек в воюющих армиях, подготовка их для проведения революции»⁵⁹.

Принятые в 1920 г. «двадцать одно условие» требовали от входящих в Коминтерн партий «особенной необходимости настойчивой систематической пропаганды в войсках», а «там, где эта агитация запрещается исключительными законами, она должна производиться нелегально». Далее от партий требовалось «вести систематическую агитацию в своих войсках против всякого угнетения колониальных народов»⁶⁰. Если верить Троцкому, то в 1924 г. военно-научное общество приступило к изучению искусства ведения гражданской войны, которое, однако, не было доведено до конца из-за возражений со стороны Коминтерна, видимо, выдвинутых по той причине, что оно ассоциировалось с Троцким⁶¹.

Из существующих материалов о неудачных коммунистических восстаниях в Болгарии и Германии в 1923 г. и в Эстонии

в 1924 г.⁶² не явствует, что инфильтрация в национальные армии этих стран сыграла какую бы то ни было роль в их планировании и подготовке. Вопрос этот, похоже, не поднимался в документах Коминтерна за данный период. В Великобритании публикация в коммунистическом еженедельнике «Уоркерз уикли» призыва к солдатам не «поворачивать ружья против своих товарищей-рабочих»⁶³ вызвала острое замешательство и угрозы преследований. С призывом к британским войскам не стрелять в английских рабочих обратился за два месяца до всеобщей британской забастовки некоммунист Ленсбури, но тогда крупнейшая забастовка шахтеров уже представлялась неизбежной⁶⁴. Всеобщая забастовка провалилась из-за внутренней слабости, а забастовка шахтеров так и не приняла революционного размаха. Отношение войск не оставляло сомнений, и одно из редких упоминаний о нем в многотомной литературе Коминтерна, посвященной забастовкам, находим в принятой несколько месяцев спустя резолюции VIII съезда КПВ, где с сожалением отмечается, что «...капиталистическое государство черпает огромную силу благодаря тому, что рабочие, находящиеся в рядах армии, сохраняют ему верность. Одна из задач рабочего движения состоит в том, чтобы нести чаяния рабочих в войска и разъяснять им, в чем заключается их долг по отношению к рабочему классу»⁶⁵. Вопрос этот был поднят в более конкретной форме в связи с принятым в конце года решением английского правительства ответить на угрозу наступлений армий китайских националистов усилением британского гарнизона в Шанхае. 28 января 1927 г. ИККИ выпустил воззвание, в котором осуждались империалистические замыслы в Китае, но он не пошел дальше призыва мобилизовать «все организации, которые могут помешать посылке вооруженных сил против китайского народа»⁶⁶. Как общая резолюция VIII пленума ИККИ, принятая в мае 1927 г., так и специальная резолюция по Китаю содержали ненавязчиво включенные длинные перечни то, что было бы желательно сделать для проведения кампании против войны, призывы работать в армии и на флотах⁶⁷.

Несмотря на то что на протяжении всего этого времени проявлялось нежелание поднимать в официальных публикациях и заявлениях Коминтерна вопрос о деятельности молодых коммунистов⁶⁸, на них возлагалось все больше надежд. На встрече в Москве в июне 1927 г. Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала Молодежи (ИККИМ) заслушал доклад французского делегата и принял резолюцию о «практических задачах и методах работы в армии»⁶⁹. В декабре 1927 г. на XV съезде российской партии Шацкий утверждал, что половина, если не три четверти всей «антимилитаристской работы», проводимой в империалистических армиях, должна быть доверена союзам молодежи⁷⁰. Два месяца спустя VIII пленум ИККИМ заявил, что союзы молодежи добились «больших успехов в борьбе против военной опасности и в работе в армиях, и на флотах»⁷¹. В мае

1928 г. на VIII съезде советского комсомола Шацкий объяснял, что особенно важно проникать в вооруженные силы Франции, Великобритании, Германии и Соединенных Штатов Америки и что молодые коммунисты не должны избегать вступать даже в добровольческие армии:

«Мы должны входить в добровольческую армию не только одиначками, но посылать туда большие группы людей для работы по их разложению, для работы по революционизированию молодых рабочих, которые там есть»⁷².

Нет, однако, никаких свидетельств того, что такая тактика принесла существенные успехи. Горячие головы требовали от партии более решительных действий. Как заметил один писатель в журнале КПП: «Коммунистические партии работают везде, где есть рабочие: в рабочих кварталах, на фабриках и заводах, в деревнях. У них нет оснований делать исключение для казарм и военных кораблей, где одетые в форму рабочие и крестьяне живут в исключительно тяжелых условиях»⁷³.

Тем не менее на IV конгрессе Профинтерна, состоявшемся в марте 1928 г., этот вопрос не затрагивался, за исключением того, что в дополнительной резолюции, внесенной транспортниками, металлистами и горняками, содержался туманный призыв противостоять «военным планам империализма»⁷⁴. Казалось, что и на VI конгрессе Коминтерна повторится то же самое, пока Ярославский вновь непосредственно не поднял эту тему под самый конец поверхностных прений по вопросу об опасности империалистической войны, по которому от российской партии выступил он один.

В проекте резолюции одобрялся лозунг «солдатских советов», но, очевидно, только с тем, чтобы он использовался в непосредственно революционной ситуации, и добавлялось, что «к наемным войскам в большинстве случаев нельзя будет применить лозунг солдатских советов». То, что из-за такой оговорки исключалось применение этого лозунга к «добровольной армии Великобритании», вызвало протест британского делегата⁷⁵.

В своем, по-видимому, заранее подготовленном выступлении Ярославский не высказывался по этому взрывоопасному вопросу. Но он пожаловался, что «большевистская работа в армии и во флоте» начиная с 1902—1903 гг. и ее конечный вклад в победоносную революцию «недостаточно изучены». И, довольно неожиданно, наиболее непосредственный вывод, вытекавший отсюда, был сделан в отношении Германии. В КПП имелся свой Союз красных фронтовиков, однако этого было недостаточно: требовалось серьезное изучение «работы в существующей в Германии государственной армии». Вообще следовало не только вести агитацию и пропаганду, но «создать такую организованную силу в армии, которая в нужный момент могла бы увлечь за собой... рабочие массы»⁷⁶.

Несмотря на то что мысль эта была не очень точно сформулирована, с платформы Коминтерна никогда не звучало такого не-

двусмысленного и откровенного признания. В заключительном слове Белл не упомянул о выступлении Ярославского, кроме второстепенного вопроса о пропаганде среди цветных военнослужащих⁷⁷.

Проект развернутых тезисов был теперь передан на рассмотрение в большую и представительную комиссию⁷⁸. Когда Белл наконец представил его на одобрение на пленарном заседании конгресса, он объяснил, что проект был сокращен, чтобы избежать повторов, и были пересмотрены некоторые частные моменты⁷⁹. В окончательном тексте сочетались оба взгляда на угрозу империалистической войны. В нем подчеркивались «противоречия между империалистическими державами в борьбе за рынки» и одновременно по-прежнему утверждалось, что «главный фронт политики всех империалистических держав все более открыто направляется против Советского Союза и китайской революции». Вслед за резолюцией, принятой на VIII пленуме ИККИ, в развернутых тезисах проводилось различие между тремя разными типами войн, каждый из которых предъявлял свои требования пролетариату: войны между империалистическими государствами, национально-освободительные войны, которые ведут угнетенные народы, и войны, ведущиеся против пролетарской революции и пролетарского государства. Что касается двух последних категорий, то долг пролетариата и коммунистических партий в таких войнах был очевиден. Что касается войн между империалистическими государствами, то их роль была суммирована в знаменитом призыве Ленина превратить империалистическую войну в войну гражданскую.

Тезисы гласили: «Коммунисты не отделяют борьбы против войны от классовой борьбы, рассматривая ее как часть общеклассовой борьбы пролетариата, направленной к свержению буржуазии».

Мораль, однако, была не совсем ясна. Если капитализм делает войну неизбежной и если война между империалистическими государствами ускорит приход пролетарской революции, трудно было понять, почему перспектива такой войны должна пугать и почему ей надо сопротивляться. И тем не менее обвинение, что коммунисты «поощряют империалистические войны с целью ускорить революцию», отвергалось в тезисах как бессмысленная клевета. Никто из выступивших в прениях не приветствовал такой перспективы, кроме — завуалированно — итальянского делегата Таски, который при обсуждении программы рискнул выразить надежду, что «нынешний период между двумя большими мировыми войнами явится вместе с тем периодом между двумя большими революциями, между той, которая в 1917 году победила на одной шестой части земного шара, и той, которая освободит остальную часть земного шара от кровавого разложения капитализма»⁸⁰.

В тезисах подобные предсказания не делались. Пацифистские иллюзии относительно возможности мира и разоружения в том виде, в каком они распространялись Лигой наций, были решительно разоблачены, и ответственность за них возлагалась на социал-

демократов; коммунисты не могли быть против войны как таковой. Была проявлена некоторая изобретательность при проведении различия между советскими предложениями о полном разоружении, выдвинутыми в Женеве, и лицемерной пропагандой империалистических держав. Большое внимание было уделено различию в том, как пролетариату следовало относиться к армии в империалистических и пролетарских государствах. В тезисах содержалась — должно быть, добавленная или переделанная комиссией — несколько сумбурно изложенная рекомендация вести пропаганду против бесправного положения солдат «не только внутри армии, но также вне ее — в парламентах, на массовых митингах и т. д.». Для этого требовалось «точное знакомство с армией, с условиями службы» и, кроме того, уметь «учитывать моральное состояние армии и политическое положение страны в каждый данный момент»⁸¹.

Заключение по «солдатским Советам» представляло собой, несомненно, результат обдуманного и тщательного редактирования:

«Революционная работа в армии должна быть увязана с общим революционным движением масс пролетариата и крестьянской бедноты. При наличии непосредственно революционной ситуации, когда заводской пролетариат приступает к созданию Советов, лозунг солдатских Советов приобретает актуальное значение и способствует смычке солдатской массы с пролетариатом и крестьянской беднотой в борьбе за власть».

«И в наемных войсках коммунисты будут — где это позволят им условия — организовывать солдатскую массу под лозунгом солдатских Советов и мобилизовывать ее на борьбу против генералитета и буржуазии»⁸².

Сомнительно, чтобы эти тезисы являлись хорошим практическим руководством для коммунистических партий. Но каждый их раздел был четко направлен на то, чтобы расширять классовую борьбу и непреодолимую пропасть между коммунистами и империалистами. К этим развернутым тезисам прилагалась краткая резолюция, в которой содержался призыв к центральным комитетам всех коммунистических партий — готовиться к «международному дню борьбы» как к части кампании «против империалистической войны и в защиту Советского Союза»⁸³.

После пяти заседаний, посвященных обсуждению программы Коминтерна⁸⁴, конгресс приступил к четвертому пункту повестки дня — обсуждению колониального вопроса. Конгресс работал теперь уже месяц, и в течение следующей насыщенной недели было проведено не менее 12 заседаний. Бухарин, поглощенный работой над программой, не появлялся. Председательствовал Куусинен, и он представил пространный доклад «О революционном движении в колониальных и полуколониальных странах». С содокладами выступили Тольятти (о роли коммунистических партий в капиталистических странах-метрополиях), делегаты Индонезии, Индии и

Китая (каждый по своей стране) и Эмбер-Дро (по Латинской Америке). Такой тщательно разработанный порядок контрастировал с поверхностным рассмотрением этого вопроса на V конгрессе Коминтерна, состоявшемся четырьмя годами ранее⁸⁵. В то время национальный вопрос занимал Европу в значительно меньшей степени. Вопреки прецеденту, созданному на предыдущих конгрессах, колониальный вопрос рассматривался отдельно от вопроса о национальных меньшинствах в европейских странах, который фигурировал только в прениях по программе⁸⁶. В докладе Куусинена как видно из его названия, речь шла только о неевропейском мире.

Прения по докладу были самыми оживленными и самыми бесплодными на конгрессе. Куусинен был знающим и опытным работником, но не отличался высоким интеллектуальным уровнем или силой личных убеждений. Он выступал по сырым материалам и к тому же в то время, когда еще не была выработана твердая линия партии и еще не были разрешены пресловутые споры между лидерами. Признавалось, что существуют различия в положении и революционных возможностях в различных колониальных странах. Тем не менее на конгрессе лежала обязанность провозгласить принципиальные директивы, годные для всех. До начала конгресса в Коминтерне не господствовал взгляд, что в колониальных и полуколониальных странах революция все еще находится на буржуазно-демократической стадии и что ближайшая задача коммунистических партий в этих странах заключается в том, чтобы оказать поддержку национальной буржуазии в ее борьбе против империалистического господства. В Китае предательский отказ от дела революции со стороны Чан Кайши и большей части национальной буржуазии вызвал замешательство и повлек за собой некоторое изменение доктрины. И все же по-прежнему утверждалось, что китайская революция носит буржуазно-демократический характер. Нельзя было также рассматривать китайские события как типичные.

Когда Куусинен представил конгрессу свой доклад, он совершенно не затронул теоретических проблем буржуазно-демократической революции в колониях. Он отменил вопрос о Китае на том основании, что об этом уже много говорилось, и больше половины своего выступления посвятил Индии — классической колониальной стране, где в не слишком далеком будущем можно было ожидать возникновения «глубокого революционного кризиса»⁸⁷. Индийский вопрос вызвал на конгрессе больше всего разногласий. По мнению большинства индийских и британских коммунистов, рост национальной капиталистической промышленности в Индии — процесс, получивший название «деколонизация», — создавал основанные на общем интересе связи между индийскими и британскими капиталистами, заставлявшие первых покидать революционный лагерь.

По существу, это был тот же аргумент, который Рой выдвигал

против точки зрения Ленина в знаменитом споре на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. и из которого вытекало существование близкой параллели между китайской и индийской ситуациями. Однако этот взгляд вызвал сильные возражения в Коминтерне. В решении отказаться от союза с национальной буржуазией не было бы также большого смысла в менее развитых странах Азии или Латинской Америки, где движение национальной буржуазии имело лучшую революционную перспективу, чем восстание пролетариата. В этих условиях крайне трудно было выработать последовательную единообразную политику. Как прагматично заметил китайский делегат Чен-Куанг, единственный смысл обсуждения заключается в том, чтобы определить степень революционности или продажности национальной буржуазии⁸⁸.

В докладе Куусинена поднималось мало принципиальных вопросов, и он не претендовал на какие-либо политические новшества. В нем не было сказано ничего в поддержку того мнения, что китайский прецедент оправдывает пересмотр политики в других странах. В нем предсказывалось, что в Индии «реформистская буржуазия или часть ее в острой революционной ситуации сначала примкнет к национально-революционному лагерю и таким образом некоторое время будет играть объективно-революционную роль». Поэтому было бы «ультралевой ошибкой» ставить знак равенства между «национал-реформистами» (видимо, это был новый термин) в Индии или Египте и «господствующим контрреволюционным блоком империалистов и феодалов». Несмотря на имевшиеся отдельные инциденты, свараджисты в Индии не в пример Гоминьдану «еще не предали национально-освободительной борьбе»:

«Коммунисты должны на этой стадии сосредоточить главный огонь не против них, не против национальной буржуазии, а против нынешнего непосредственного главного врага, против господствующего империалистически феодального блока»⁸⁹.

Большинство тех, кто выступал в этих продолжительных прениях, последовали примеру содокладчиков и ограничились обсуждением проблем, касающихся их собственных стран. Однако несколько крупных деятелей выступили с критикой генеральной линии, предлагавшейся в докладе. Среди явных сторонников более радикального курса были представитель КИМ Шюллер, который высказал мнение, что полагаться на «объективно-революционную роль» национальной буржуазии означало бы повторять ошибку китайской коммунистической партии, и Ломинадзе, который в этот период не упускал возможности показать себя врагом национальной буржуазии и доказывал, что сотрудничество с ней являлось теперь «законченной полосой в развитии»⁹⁰.

Однако глубже всех проблемы, связанные с этим беспокойным вопросом, затронул Лозовский, перенес на восточную арену свою концепцию независимого коммунистического проникновения в про-

фессиональные союзы и свое отрицание любого союза с реформистами. Осуждая теорию «деколонизации колоний», он полностью признавал наличие процесса индустриализации в Китае и Индии и роста «капиталистических отношений», возражал против того, чтобы рассматривать эти страны как «аграрный тыл», и заявил, что такие «политические лозунги», как диктатура пролетариата и крестьянства, к ним не применимы. Он допускал, что в разных колониальных странах условия не одинаковы и что ситуации в Индии и Китае не параллельны. Но он резко критиковал тот раздел доклада, в котором защищались свараджисты и в котором индийским коммунистам не рекомендовалось сосредоточивать свой огонь против национальной буржуазии. Он также доказывал, что главная задача заключается в создании «рабочих независимых организаций»⁹¹. Лозовский был одним из тех немногих делегатов конгресса, которые, по-видимому, сознательно и намеренно старались повернуть политику Коминтерна влево, и его усилия привели к существенным изменениям проекта развернутой резолюции. Формулировка того раздела, который он особенно резко критиковал, была заменена более длинной и сложной.

В новом варианте проекта резолюции говорилось, что революция в колониальных странах — это буржуазно-демократическая революция, которая «органически связана с *национально-освободительной борьбой* против империалистического порабощения», но это также такая революция, которая знаменует собой «подготовку предпосылок пролетарской диктатуры и социалистической революции». Такие партии, как Свардж в Индии или Вафд в Египте, представляли «оппозицию... реформистскую и соглашательскую». Тем не менее они имели определенную важность:

«Национальная буржуазия не имеет значения силы, борющейся против империализма. Но эта буржуазно-реформистская оппозиция имеет свое реальное, специальное значение — и притом как отрицательное, так и положительное — для развития революционного движения, поскольку она вообще обладает массовым влиянием».

Она может затормозить это развитие, удерживая массы от революционной борьбы. С другой стороны, она может ускорить «процесс политического пробуждения широких трудящихся масс»⁹². Если это загадочное заявление рассматривать в качестве инструкции необученным коммунистическим партиям колониальных стран, то оно оставляет желать лучшего.

Двусмысленную позицию национальной буржуазии легче было объяснить, разбив эту буржуазию на две части — крупную капиталистическую буржуазию и мелкую, представленную крестьянами, торговцами, ремесленниками и интеллигенцией. Элементы этого деления присутствовали в революционном блоке рабочих и крестьян под руководством пролетариата. В странах с преобладающим крестьянским населением и с незначительным в количест-

венном отношении пролетариатом для предания смысла революционной политике и идеологии требовалась какая-нибудь подобная теория. Она была заложена в призыве Сталина в 1925 г. к созданию в Индии такого блока против «соглашательской части этой буржуазии»⁹³.

В Китае первоначальный блок с национальной буржуазией в целом, который нашел свое выражение в союзе с Гоминьданом после того, как в ноябре 1926 г. пленум ИККИ провозгласил лозунг аграрной революции, и после того, как в апреле 1927 г. Чан Кайши изменил делу революции, был заменен блоком с мелкой буржуазией в форме неудавшегося союза с левым Гоминьданом. Этот пример также показал, как опасно доверять революционным наклонностям мелкой буржуазии.

Перспективы в Индии, казалось, были менее безнадежными. В отчете ИККИ VI конгрессу, в разделе, посвященном Индии, неожиданно обнаруживалась симпатия к «мелкой буржуазии и интеллигенции», которые проявляли признаки желания выйти из-под руководства национальной буржуазии и образовать подлинное «левое крыло»⁹⁴. И, хотя когда Куусинен делал свой доклад, он опустил вопрос о мелкой буржуазии. В напечатанном тексте доклада содержалось удивительно решительное заявление по этому вопросу: «В общем, всю мелкую буржуазию как класс мы можем на первом этапе буржуазно-демократической революции в этих странах оценивать как движущую силу революции наряду с пролетариатом»⁹⁵.

Обсуждение породило у многих недоумение. Инакомыслящий индийский делегат Тагор с жаром доказывал, что «мелкобуржуазные элементы в стране, которые были пролетаризированы, иногда являются более революционными, чем сам пролетариат», и что «мелкобуржуазная интеллигенция, городская мелкая буржуазия будут играть определенную роль в революционном движении в колониях» и в формировании антиимпериалистического фронта⁹⁶. Ломинадзе, напротив, жаловался на то, что Куусинен «всю мелкую буржуазию колоний огульно зачисляет» в революционные силы, и яростно отрицал, что городская мелкая буржуазия может играть такую роль⁹⁷.

Вопрос об аграрной революции подробно не обсуждался. Только Шюллер заявил, что китайская коммунистическая партия «просмотрела поворотный пункт революции, не развернув во время аграрной революции», да еще единственный делегат из Персии высказал малоприятное мнение о том, что, когда наступит момент, мелкая буржуазия точно так же предаст аграрную революцию, как и крупная⁹⁸.

И все же за кулисами многие склонялись к широкому толкованию единого фронта, и в окончательном тексте развернутой резолюции был отражен сочувственный подход при обсуждении роли мелкой буржуазии, который отсутствовал в первоначальном проекте. В нем теперь говорилось, что национальная буржуазия неод-

народна: надо проводить различие между теми, кто перешел в лагерь империалистов («так называемая *компрадорская* буржуазия»), и «национал-реформистами», адептами «нейтральной» позиции. Роль *«мелкой буржуазии»* в этих колониальных и полуколониальных странах — ремесленников, *«мелкобуржуазной интеллигенции»*, студенчества и пр.» и городской бедноты — «относительно велика». Между тем *«крестьянство»* наряду с пролетариатом и в качестве его союзника является движущей силой революции».

Однако дальше в резолюции высказывалось резкое предупреждение против «неправильной оценки характера и роли мелкобуржуазных партий», которые «связаны с национальной буржуазией». В особенности «мелкобуржуазная интеллигенция, возглавляющая эти партии», являлась «представительницей *капиталистического развития* своей страны». Как только вставали вопросы об аграрной революции и диктатуре пролетариата, революционный характер этих партий исчезал.

Бесконечно длинная резолюция по этому вопросу, так же как и по другим вопросам, представляла собой компромисс, при котором скорее замазывались, чем прояснялись теоретические и практические вопросы. После того как Куусинен не очень откровенно представил изменения, внесенные программной комиссией в проект резолюции, она была единогласно принята в последний день работы конгресса ⁹⁹.

Удивительно мало внимания на конгрессе было уделено отношениям между партиями стран-метрополий и партиями, действующими на колониальных и полуколониальных территориях. Катаяма зачитал краткое назидательное вступление, в котором отмечался неудовлетворительный характер этих отношений и порицалась «халатность» со стороны КПВ в отношении Индии и аналогичное отношение нидерландской и американской партий к Индонезии и Филиппинам ¹⁰⁰. Алжирский делегат говорил о проблемах создания независимой алжирской партии под национальным руководством, которые были решены в истекшем году ввиду «тесного сотрудничества» с Французской коммунистической партией и благодаря ее помощи ¹⁰¹. Но это был единственный такой случай. Индийский делегат Тагор в ходе прений по программе протестовал против положения проекта, в котором говорилось о том, что «колониальное движение пролетариата должно находиться под руководством революционного пролетарского движения в соответствующих империалистических странах-метрополиях» ¹⁰².

В длинной резолюции конгресса по колониальному вопросу кратко отмечалось, что отношения между коммунистическими партиями и профессиональными союзами стран-метрополий и революционными организациями в колониях «за исключением немногих случаев не могут считаться достаточными», но содержался только обычный призыв к установлению «тесных, регулярных и постоянных связей с революционным движением в колониях» ¹⁰³. Больше никакого внимания этому вопросу на конгрессе уделено не было,

за исключением того, что к Уставу Коминтерна была добавлена статья, в которой содержалось требование того, что «секции, входящие в Коммунистический Интернационал, в особенности секции метрополий и их колоний, а равно секции соседних друг с другом стран, должны поддерживать тесную организационную и информационную связь»¹⁰⁴.

Когда закончились прения по основным вопросам об интернациональных задачах Коминтерна, о военной опасности, о программе и о колониальном вопросе, конгрессу предстояло решить еще одну задачу — одобрить политику российской партии и осудить исключенную из нее оппозицию. 22 августа 1928 г. Варга и Мануильский выступили с докладами об экономическом и политическом положении СССР, и на следующий день делегаты зарубежных партий один за другим и в одинаковых выражениях безоговорочно осудили оппозицию¹⁰⁵. Затем конгресс прервал свою работу на несколько дней, несомненно, чтобы окончательно доработать резолюции. Они были, как и положено, одобрены на двух заключительных заседаниях, которые состоялись 29 августа и 1 сентября 1928 г.

Кроме резолюций по основным вопросам, конгресс на последнем этапе своей работы принял резолюцию по МОПРу¹⁰⁶, резолюции об исключении «еретиков» из немецкой и французской партий¹⁰⁷ — до резолюции об оппозиции в российской партии — и резолюцию о подтверждении решения о приеме в Коминтерн партий Кореи, Кубы и Ирландии и о принятии партий Новой Зеландии, Парагвая, Колумбии и Эквадора¹⁰⁸. Был также одобрен ряд поправок к Уставу Коминтерна, принятому на V конгрессе в 1924 г., в большинстве случаев внесенных с тем, чтобы оформить принятые ранее решения или уже утвердившуюся практику. В соответствии с этими поправками было сформулировано требование создания партийных фракций в непартийных международных организациях, таких, как Профинтерн, МОПР и Межрабпом, упразднился пост Председателя Коминтерна, учреждались постоянные бюро Коминтерна в зарубежных странах, и партиям вменялось в обязанность подчиняться их решениям. Административные функции ИККИ, который теперь не должен был собираться чаще, чем один раз в два года, передавались его Президиуму и упразднился институт «расширенных пленумов ИККИ». Наконец, в этих поправках содержался призыв к более тесным отношениям между партиями, и особенно между партиями в колониальных странах и их метрополиях¹⁰⁹. Конгресс также одобрил новую программу Коминтерна¹¹⁰.

В своем заключительном выступлении Бухарин говорил о разнообразной работе, проделанной конгрессом и его необычайной продолжительности, о которой он отзывался, как о «долгом парламенте» революционного коммунизма». Он, очевидно, чувствовал понижение в собственном статусе и избегал всех полемических вопросов. В заключение он огласил текст манифеста, который должен был быть опубликован от имени конгресса: «Ко всем

рабочим мира, ко всем трудящимся крестьянам, к угнетенным народам колоний, к солдатам и матросам капиталистических армий». При перечислении капиталистических государств манифест впервые отдавал честь первого места Соединенным Штатам Америки, «у морских ворот которых стоит статуя Свободы». В нем красноречиво говорилось о предательстве социал-демократами «классовых интересов пролетариата», и в его заключительных лозунгах яснее, чем в длинных и аргументированных резолюциях, появилась новая ориентация в политике Коминтерна:

«Против социал-демократического единства с буржуазией — за классовое единство пролетариев!

Против реформизма и фашизма — за пролетарскую революцию!»¹¹¹.

Это было последнее появление Бухарина на трибуне Коминтерна в качестве уполномоченного представителя российской партии в Коминтерне.

После окончания работы конгресса Бухарин 5 сентября 1928 г. выступил со своим обычным докладом перед московской партийной организацией, а двумя днями позже Молотов сделал доклад перед партийной организацией Ленинграда. Бухарин значительно больше говорил о том, чем занимался он сам, то есть о программе, однако доклады существенно один от другого не отличались ни по содержанию, ни по тону. Каковы бы ни были первоначальные сомнения Бухарина, теперь он искренне поддерживал новую линию. Он отметил **«особую форму»** общего кризиса капитализма, которую тот приобрел со времени V конгресса, состоявшегося в 1924 г., и зачитал всю длинную резолюцию конгресса о «третьем периоде». Он говорил об опасности войны и о необходимости **«обострения борьбы с социал-демократией»** и приходил к заключению, что **«центральной, главной и решающей опасностью внутри Коминтерна является сейчас правая опасность»**. Он закончил свой доклад вынесением рутинного осуждения троцкистской оппозиции и поддерживающим ее зарубежным группам¹¹².

В пространных тезисах о результатах конгресса, которые распространялись ИККИ, конгресс приветствовался как «заря нового периода», характеризующегося обострением всех текущих противоречий, — между самими империалистическими государствами, между ними и СССР, между капиталом и трудом, а также между капиталистическими державами и колониальными и полуколониальными странами. Поворот влево, кампания по искоренению правого уклона в зарубежных партиях и, главное, разоблачение социал-демократии как заклятого врага коммунизма и союзника, и орудия реакции — все это были существенные составные части новой политики. Социал-демократические партии являлись «агитпропом для империализма и участниками в подготовке войны против Советского Союза»¹¹³.

До тех пор пока советских руководителей продолжала занимать борьба против правого уклона в российской партии, отход от этой

линии, по-видимому, был немислим. Но тем не менее правда и то, что VI конгресс властно подтвердил решимость навязать партиям, входящим в Коминтерн, единую политику и единую тактику и что эта решимость, в результате которой грубо попирались различные местные требования, ломались устоявшиеся отношения и традиции, привела к созданию партий, чья неукоснительная верность Москве мешала им привлечь к себе рабочих в их собственных странах. Политика большевизации, провозглашенная на V конгрессе Коминтерна в 1924 г., была доведена до своего логического завершения.

ГЛАВА 71

ПРОГРАММА КОМИНТЕРНА

V конгресс Коминтерна завещал своему преемнику проект программы и VI пленум ИККИ, собравшийся в 1926 г., создал постоянную комиссию с тем, чтобы подготовить его к дальнейшему обсуждению на VI конгрессе Коминтерна¹.

В проекте программы, принятом в 1924 г., было четыре раздела. Первый был посвящен марксистскому анализу растущих противоречий капитализма, концентрации капитала и капиталистической эксплуатации колоний. Отмечалось, что за победой социализма в СССР последовали поражения революций в Финляндии, Баварии и Венгрии (фиаско 1923 г. в Германии не было упомянуто), однако теоретические выводы из этой задержки в осуществлении мировой революции не делались. Социал-демократия, пацифизм и фашизм — все они были названы орудиями буржуазии.

В очень кратком втором разделе говорилось о конечных целях коммунистического общества. Третий раздел был посвящен борьбе за свержение буржуазии и переходному периоду: вопросу о военном коммунизме, нэпу и сосуществованию различных экономических систем. В нем также разбирались вопросы о роли рабочего класса, крестьянства и мелкой буржуазии в этот период, борьбы против религии и провозглашался принцип самоопределения зависимых народов.

Последний раздел, озаглавленный «Путь к диктатуре», был посвящен партийной стратегии и тактике. Было заявлено, что единый фронт и лозунг рабоче-крестьянского правительства «входят важнейшей составной частью в тактику компартий на весь предреволюционный период». Оказание поддержки Советскому Союзу являлось «крупнейшим орудием организации в руках международного рабочего класса», и коммунистические партии призывались к тому, чтобы подчиняться «международной классовой дисциплине» Коммунистического Интернационала².

Из-за длительной задержки в созыве VI конгресса назначенная VI пленумом ИККИ комиссия оказалась мертворожденной. К 1928 г. проект программы, принятый в 1924 г., стал казаться слишком простым и чисто теоретическим, мало принимающим в расчет текущие политические реальности и разногласия. Поворот в международных отношениях в Европе поставил Советский Союз

лицом к лицу с новыми опасностями. Китайская революция вскрыла огромные потенциальные возможности революционного движения в колониальных и полуколониальных странах. Рост напряженности внутри Советского Союза требовал от Коминтерна проведения более энергичной и более наступательной политики. 9 мая 1928 г., перед самым началом работы конгресса, ИККИ создал новую комиссию, которая 25 мая одобрила переработанный проект программы, заменивший проект 1924 г.³

Переработанный проект лишь местами напоминал прежний документ. Бывший первый раздел разбили на две части. Первая часть содержала пересмотренный анализ противоречий капитализма, причем делался особый упор на империализм — «наивысшую фазу в развитии капитализма» — как на решающий фактор. Во второй части после заявления о наличии «общего кризиса капитализма» содержались нападки на «международную социал-демократию всех оттенков», включая Второй и Амстердамский интернационалы и фашизм, который «выступает» «наряду с социал-демократией». В то время как противоречия капитализма выстраивают в боевом порядке друг против друга *«лагерь империалистических государств»* и *«диктатуру пролетариата СССР»*, возникают также противоречия внутри капиталистического сектора, в особенности между американским и европейским (особенно британским) капитализмом, и между метрополиями и колониальными и полуколониальными странами.

В третьем разделе, посвященном конечным целям коммунизма, с небольшими различиями (здесь наблюдалось наибольшее соответствие между двумя проектами) воспроизводился второй раздел старого проекта. К нему, однако, был добавлен параграф, в котором разъяснялось, что победа коммунизма предполагает временное существование «низшей стадии» его развития — стадии социализма, при которой еще допускалось распределение по труду, а не по потребностям, а также различия между умственным и физическим трудом и между городом и деревней.

В остальном пересмотренный проект весьма существенно отличался от своего предшественника. Его четвертый и пятый разделы заменили собой третий раздел проекта 1924 г. о переходном периоде. Здесь перечислялись основные социальные и экономические меры, осуществленные советским режимом, и их рекомендовали в качестве примера для других диктатур пролетариата, которые еще будут установлены. Предусматривались различные варианты. В государствах с высоким уровнем развития капитализма («Соединенные Штаты Америки, Германия, Англия и т. д.») диктатуру пролетариата и широкомасштабную экспроприацию средств производства можно было провозгласить в качестве ближайшей цели. В странах со средним уровнем развития капитализма, где сохранились еще «значительные остатки полуфеодалных отношений в сельском хозяйстве» («Россия до 1917 г., Польша и т. д.»), пролетарская революция может содержать также и буржуазно-

демократические требования. Здесь существенную роль играла аграрная революция, и следовало принимать в расчет мелких производителей.

В колониальных и полуколониальных странах («Китай, Индия и т. д.»), где преобладали «феодално-средневековые отношения» и промышленное развитие не достигло еще уровня, достаточного для «самостоятельного социалистического строительства», переход к диктатуре пролетариата должен будет пройти через ряд подготовительных ступеней, которые будут представлять собой установление «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства».

В пятом разделе анализировалось значение СССР для международной социалистической революции — тема, которая поднималась и в старом проекте, но которая теперь была разработана шире.

Шестой, и последний, раздел о «стратегии и тактике Коммунистического Интернационала» был полностью изменен. Он начинался теперь с критики всех других, так называемых рабочих движений, таких, как анархизм, синдикализм, фабианство и гильдейский социализм, которые «сходятся с *социал-демократией*, этим главным врагом пролетарской революции». Ту же роль играли сунятсизм в Китае и гандизм в Индии. Там, где поднимается революционная волна, партии должны вести пролетариат «в прямую атаку на буржуазное государство». Там, где это условие отсутствует, партия должна спланировать рабочих и беднейшее крестьянство в борьбе за частичные требования. В этой ситуации «важнейшей составной частью в тактике коммунистической партии *на весь предреволюционный период*» становилась тактика единого фронта (выражение, заимствованное из старого проекта). В заключительной части проекта программы обращалось внимание на опасность империалистических войн и содержался призыв ко всем коммунистическим партиям принять согласованные меры для их предотвращения.

Проект программы получил необычайно широкое освещение в печати ⁴ и широко обсуждался. Между 14 июня и 3 июля 1928 г. «Правда» опубликовала пять «Дискуссионных листков» — каждый размером с одну газетную полосу, — содержащих замечания, многие из которых поступили от членов зарубежных партий, по различным пунктам программы. Варга попытался возобновить старый спор о военном коммунизме и нэпе, доказывая, что первый был нормой, а второй — исключительной мерой. Ему отвечал Кузьмин, защищавший нэп как необходимое условие связи с крестьянством ⁵. Венгерский член Секретариата Мадьяр, прежде работавший в Китае, жаловался, что в проекте уделено недостаточно внимания национальному вопросу, особенно в европейских странах ⁶. В последнем «Дискуссионном листке» Цеткин обрушилась с критикой на отождествление социал-демократии с фашизмом и, как можно было понять, на фактический отказ от единого фронта ⁷.

На пленуме Центрального Комитета партии, состоявшемся 5 июля 1928 г., Сталин отверг все основные критические замечания относительно формы и содержания проекта и предложил лишь, чтобы Программная комиссия конгресса ограничилась внесением стилистических поправок⁸. ЦК ВКП(б) в принципе одобрил проект программы, но попросил членов Центрального Комитета выступать с «предложениями текстуальных изменений» на конгрессе⁹.

Собравшись 17 мая 1928 г., конгресс назначил для подготовки окончательного проекта большую Программную комиссию, в которой были представлены почти все делегации¹⁰. Первый раз комиссия встретилась 31 июля 1928 г., и в течение августа состоялось 13 заседаний¹¹. Ее работа была прервана по причине обсуждения программы на пяти пленарных заседаниях конгресса, состоявшихся с 9 по 14 августа. Это обсуждение началось и закончилось большими выступлениями Бухарина, который получил полную возможность продемонстрировать свою компетентность. За исключением Лозовского в обсуждении не принял участие ни один даже второразрядный по советской иерархии деятель. Программа была снова возвращена в комиссию, где для выработки окончательного текста была назначена небольшая редакционная комиссия в следующем составе: Бухарин, Молотов (несомненно, в качестве сторожевого пса Сталина), Скрыпник и представитель КППГ. Секретарем был назначен Эмбер-Дро¹². 1 сентября 1928 г., на последнем пленарном заседании, окончательный текст программы был представлен Бухариным на утверждение конгресса и был принят без дальнейшего обсуждения под аккомпанимент пения Интернационала¹³.

В своей окончательной редакции программа представляла собой смесь старой и новой. Острый спор разгорелся по давнему и трудному вопросу о значении «военного коммунизма» и его отношении к нэпу. В проекте программы от 25 мая 1928 г. обходились прежние разногласия, и от военного коммунизма в качестве «организации рационального потребления в целях обороны при падении производительных сил страны» отказывались. Несмотря на то что военный коммунизм в значительной мере способствовал подавлению сопротивления враждебных слоев населения, он «не может быть тем не менее рассматриваем как система «нормальной» хозяйственной политики диктатуры пролетариата».

В Программной комиссии Варга оспаривал этот взгляд, утверждая, что военный коммунизм является важным и нормальным элементом в процессе установления диктатуры. Бухарин язвительно ответил, что такой взгляд лежал в основе ошибок венгерской революции в 1919 г., которая потерпела поражение в результате того, что не были удовлетворены требования крестьянства и мелкой буржуазии города. И Бухарин, и Варга вынесли свой спор на пленарное заседание конгресса, и Бела Кун в кратком заявлении выразил согласие с Бухариным¹⁴. В окончательном тексте

программы этот пункт остался как был. Утверждая универсальную применимость такой меры, какой был нэп, Бухарин сказал в заключение, что «известное сохранение рыночных отношений будет необходимо во всех других странах»¹⁵.

Господствующей и навязчивой темой программы была тема «частичного, временного, гнилого» характера стабилизации капитализма и полевения масс, и отмечалось «абсолютное ухудшение положения рабочего класса даже в ряде развитых капиталистических стран».

В программе шли разглазствования и об империализме как о современном этапе загнивающего капитализма, и о революционной роли колониальных и полуколониальных стран. «Революционный процесс в колониях» объявлялся «выражением глубокого общего кризиса капитализма». Категория «колониальных и полуколониальных стран (Китай, Индия и т. д.)», как она была представлена в проекте программы от 25 мая 1928 г., в окончательном варианте была расширена и в нее вошли «зависимые страны (Аргентина, Бразилия и пр.)». Выделялась также новая категория «еще более отсталых стран (например, в некоторых частях Африки)». Здесь почти не было наемных рабочих, превалировал племенной образ жизни, и имперское правление осуществлялось главным образом в форме военной оккупации. Единственные цели, которые могут быть провозглашены в отношении этих стран, — это национальная независимость и национальный подъем.

Революционное значение строительства социализма в Советском Союзе, его интернациональный долг в отношении революции и долг международного пролетариата по отношению к СССР — эти темы были разработаны в специальном разделе (раздел V) и затем вкупе с настойчивыми утверждениями о существовании опасности нападения со стороны империалистических держав повторялись в нескольких пунктах программы.

Когда в ходе обсуждения программы перешли к вопросу о национальных меньшинствах в Европе¹⁶, возникло острое и знаменательное столкновение между двумя чехословацкими делегатами — Рейманом и Хоразом. Первый жаловался на пренебрежение к национальному вопросу, который «на территории капиталистических стран... играет чрезвычайно большую роль». Второй, сознавая, какую опасность может представлять этот вопрос для его страны, повел атаку на Скрыпника, обвинив его в оправдании «вооруженной борьбы за национальное самоопределение» со стороны национальных меньшинств: «Вооруженная борьба в том смысле, что польские коммунисты будут стоять во главе угнетенных [поляками] украинцев и белоруссов, невозможна». Он ссылаясь на авторитет Ленина и высказывал мнение, что пролетарская партия «стремится к созданию возможно более крупного государства» и что «рабочие подавляемой нации» должны бороться «за единство с пролетариатом господствующей национальности». Он хотел, чтобы эти принципы были записаны в программе. Этот взгляд,

хотя он и подкреплялся косвенной ссылкой на пример национальностей в Советском Союзе, подвергся решительному осуждению со стороны Скрыпника¹⁷.

Бухарин не стал касаться этого вопроса, во всяком случае во время широкого его обсуждения. Однако в программу был включен короткий новый раздел о «национальном и колониальном вопросах», который призывал как к «полному самоопределению, т. е. самоопределению вплоть до государственного отделения», так и к «добровольному объединению и централизации военных и экономических сил всех освободившихся от капитализма народов для борьбы против империализма и строительства социалистического хозяйства»¹⁸.

Аграрный раздел программы вызвал острую полемику по вопросу о национализации земли. В тезисах по аграрному вопросу, принятых II конгрессом Коминтерна в 1920 г., Ленин, говоря о положении мелких и средних крестьян-землевладельцев, прямо заявил, что «о немедленной, полной отмене частной собственности пролетарской властью в большинстве капиталистических государств не может быть и речи»¹⁹. В проекте программы, разработанном в мае 1928 г., Бухарин повторил это положение в отношении «наиболее развитых капиталистических стран, где принцип частной собственности успел глубоко укорениться среди широчайших слоев крестьянства»²⁰.

Однако с 1920 г. многое изменилось. В ноябре 1926 г. VII пленумом ИККИ был провозглашен лозунг аграрной революции в Китае, а в разделе проекта программы, касающемся колониальных и полуколониальных стран, фигурировал, не вызывая возражений, лозунг «национализации всей земли»²¹. Более того, в Москву набирали силу все более левые взгляды на советскую аграрную политику. Накануне конгресса руководитель колхозного движения Карпинский, известный поборник коллективизации сельского хозяйства, поместил в коммунистическом журнале статью, в которой подверг резкой критике аграрный раздел проекта программы, и едко заметил, что в наиболее развитых капиталистических странах «нет или почти нет крестьянства». Он доказывал, что «Коминтерну нет никаких оснований отказываться от полной и немедленной национализации всей земли». Крупные поместья со всеми постройками и инвентарем должны быть конфискованы и превращены в государственные совхозы. Небольшие участки земли, обрабатываемые мелкими и средними крестьянскими хозяйствами, не должны подвергаться конфискации, и эти хозяйства должны получать помощь, а в случае необходимости и дополнительную землю из государственного фонда. Помимо такой помощи, пролетарская диктатура должна оказывать **«преимущественную поддержку и поощрение кооперированным коллективным хозяйствам»**²².

Никаких протоколов обсуждения этого вопроса в Программной комиссии конгресса опубликовано не было. Но известно, что французский делегат Рено Жан предложил несколько смягчить места,

относящиеся к национализации земли и гегемонии пролетариата по отношению к крестьянству, и в более сильных выражениях подтвердить право собственности крестьянских хозяйств на принадлежащую им землю. На пленарном заседании его резко критиковал Сема́р²³. С другой стороны, Денгель выступил в поддержку полной национализации и утверждал, что раз будет запрещена купля и продажа земли, то признание права собственности на землю — это иллюзия²⁴. Бухарин признал, что «многие члены Программной комиссии» были согласны с Рено Жа́ном — возможно, это был намек на его собственное мнение. Однако он, не впадая ни в одну, ни в другую крайность, избежал критики с обеих сторон²⁵.

Текст проекта был одобрен с незначительными изменениями в формулировках. Осторожная консервативная нотка была усилена признанием того, что «мелкие индивидуальные хозяйства» могут только постепенно быть втянуты в «общую социалистическую организацию производства и распределения» и что «всякая насильственная ломка их хозяйственного уклада и принудительное их коллективизирование привели бы лишь к отрицательным результатам»²⁶.

Вопрос об отношении крестьянства к пролетариату и о роли обоих в грядущей резолюции также вызвал у составителей программы значительные затруднения. Сема́р вспомнил, что в 1924 г. V конгресс одобрил лозунг о «рабоче-крестьянском правительстве» в качестве синонима диктатуры пролетариата, и высказал пожелание, чтобы он был включен в программу²⁷. Скрыпник привел данное Лениным определение диктатуры пролетариата как «особой формы классового союза» между пролетариатом и «многочисленными непролетарскими слоями трудящихся — мелкой буржуазией, мелкими хозяйчиками, крестьянством, интеллигенцией и т. д.» — и предложил включить его в программу²⁸. Оба предложения были молчаливо отвергнуты.

Сложный вопрос о фашизме и об отношении к нему социал-демократии, слегка затронутый в ходе прений по докладу Бухарина, был более досконально обсужден в прениях по программе. В проекте программы, в контексте осуждения социал-демократии, последнюю объединяли с фашизмом, ставя их на одну доску как агентов буржуазии²⁹. Что именно говорилось в Программной комиссии конгресса, неизвестно, однако кое о чем можно догадаться на основании того, как проходило обсуждение программы на пленарных заседаниях.

Бухарин отметил, что в Программной комиссии состоялись «весьма подробные и... весьма интересные прения» по вопросу о связи между социал-демократией и фашизмом, оставив свои собственные замечания до своего заключительного выступления³⁰. Выступавший от имени КПГ Денгель, полный решимости привлечь должное внимание к этому вопросу, пожаловался, что в проекте программы не высвечена «роль фашизма в процессе дальнейшего развития монополистического капитализма», и заявил, что в Гер-

мании и Великобритании наблюдается «переход... к социал-фашистским методам» и что «идеологически сближение реформизма с фашизмом осуществилось уже давно»³¹.

Несколько делегатов, особенно делегаты Польши, Соединенных Штатов Америки и Великобритании, оспаривали точку зрения, что фашизм представляет собой специфическое явление, присущее не до конца развитым капиталистическим странам (особенно, не имеющим колоний), которые прибегают к фашистским методам в качестве альтернативы методам, доступным лишь высоко развитым странам, а именно методам сворачивания социал-демократии и вовлечения ее в коалицию с буржуазией. Британский делегат отверг заявление лейбористской партии о том, что в Великобритании не существует почвы для возникновения фашизма³².

По-видимому, среди делегатов господствовало мнение, что фашизм — это явление, присущее всем развитым странам, где все репрессивные меры, используемые диктатурой буржуазии — от парламентской системы до прямого насилия, — носят фашистский характер. Однако Семар отметил, что фашизм — это не единственная форма реакции; не следует отождествлять его со «всякой реакционной ситуацией и всякими реакционными проявлениями»³³.

Тщательно подбирая выражения, Бухарин подвел итоги. Он решительно отверг ту точку зрения, что фашизм присущ только странам с неразвитой или отсталой экономикой, однако в остальном постарался отразить приемлемое для всех мнение. Умело используя теоретические доводы, он утверждал, что реформизм, как и более ранний немецкий «ревизионизм», это специфическая, вышедшая на поверхность порода рабочего класса, которая «выкристаллизовывается из резервуара пролетаризируемого крестьянства, пролетаризируемого среднего городского сословия», и поэтому сохраняет «мелкобуржуазные черты».

Бухарин высказал мнение, что подлинный критерий, определяющий применение фашистских методов, заключается не в степени развития каждой конкретной страны, а в том, насколько в ней уже расшатана капиталистическая стабильность. Фашистские тенденции заложены в социал-демократии. Бухарин даже употребил, с существенными оговорками, спорный термин «социал-фашистские»: «Во-первых, вне всякого сомнения, социал-демократии свойственны социал-фашистские тенденции. Во-вторых, это — тенденции, а не завершившийся процесс».

Бухарин приходит к выводу, что было бы неразумно «валить социал-демократию в одну кучу с фашизмом»: коммунисты могут обращаться к рабочим — социал-демократам или в низовые социал-демократические организации, но не к фашистским организациям. Именно это говорил Тольятти на одном из предыдущих пленарных заседаний конгресса. Однако Бухарин привел доводы, к которым в скором времени прибегли, чтобы стереть это различие³⁴.

В результате этого обсуждения в проект программы были внесены лишь незначительные изменения. В окончательном тексте по-прежнему проводилась параллель между фашизмом и социал-демократией: «Наряду с социал-демократией, при помощи которой буржуазия подавляет рабочих или усыпляет классовую бдительность, выступает *фашизм*».

Отмечалось, что фашизм, пользуется такими методами, как «антисемитизм, частичные вылазки против ростовщического капитала, возмущение парламентской «говорильней», и что «комбинация социальной демагогии, коррупции и активного белого террора наряду с крайней империалистической агрессивностью в сфере внешней политики являются характерными чертами фашизма». В то же самое время: «Приспосабливаясь к изменению политической конъюнктуры, буржуазия использует и методы фашизма, и методы коалиции с социал-демократией, причем сама социал-демократия в моменты наиболее для капитализма критические нередко играет фашистскую роль»³⁵.

Наконец, заключительный раздел программы, где говорится о мерах борьбы с угрозой империалистической войны против Советского Союза, которые в проекте ограничивались провозглашением соответствующих лозунгов с робким упоминанием об «обязательном сочетании легальных и нелегальных методов работы», был усилен включением в него — несомненно, в результате вмешательства Ярославского — специального требования «организационной работы среди армии и флота».

Программа, во вступлении к которой о Коминтерне говорилось, как о «единственной и централизованной международной партии пролетариата», заканчивалась призывом крепить «*международную классовую дисциплину*», важнейшей предпосылкой которой является строжайшая международная дисциплина коммунистических рядов, подразумевающая «безусловное выполнение всеми коммунистами решений руководящих органов Коммунистического Интернационала»³⁶.

Программа была принята на последнем заседании конгресса 1 сентября 1928 г.³⁷. Главным чувством, пожалуй, было чувство облегчения, что период вызревания, наконец, завершился. Программа была слишком многословной, в ней было слишком много компромиссных формул по ключевым вопросам и, главное, в ней уделялось слишком много внимания текущим политическим разногласиям, чтобы она производила впечатление очень значительного документа. Троцкий, который представил конгрессу длинный список критических замечаний по проекту программы, отвергал окончательный вариант как «противоречивый и эклектический, и главным образом потому, что он основывается на враждебном интернационализму принципе социализма в одной стране»³⁸. Германский делегат восторженно хвалил ее за то, что в отличие от проекта 1924 г. она звала к действию; он предложил назвать ее «программой-манифестом»³⁹. В ней, бесспорно, уделялось больше

внимания текущим вопросам, которые затрудняли коммунистов и иногда приводили к расколам в партиях. Однако программа не много дала в плане их прояснения.

Долг, состоявший в том, чтобы обеспечить Коминтерн программой, был выполнен. Ее сдали в архив, и она ни разу, или почти ни разу, не потребовалась ни партиям, ни центральным органам в Москве.

УЖЕСТОЧЕНИЕ НОВОЙ ЛИНИИ

В течение зимы 1928/29 г. старая традиция единого фронта с левыми движениями в других странах — которую теперь презрительно окрестили единым фронтом «сверху» — все еще вела арьергардные бои против новой линии, выражавшейся в неуклонном и бескомпромиссном наступлении на социал-демократов и других левых в политических партиях и профсоюзах. События отчасти оправдали, отчасти опровергли то, что говорилось на VI конгрессе Коминтерна относительно опасности империалистической войны и перспектив революции. Уже можно было различить признаки грядущего мирового экономического кризиса. На Дальнем Востоке сеялись семена будущих войн. Однако перспектива войны в ближайшем будущем, особенно войны против Советского Союза, или войны между Великобританией и Соединенными Штатами Америки — две перспективы, которые преследовали воображение советских руководителей и которыми в значительной мере вдохновлялась советская пропаганда, — меркли на глазах.

Длительная напряженность в отношениях между Советским Союзом и Великобританией явно ослабла¹. Советские политики приветствовали и поощряли этот процесс, помимо прочих причин еще и потому, что это способствовало успешному проведению в жизнь пятилетнего плана, который начал в тот период доминировать в их сознании над всем остальным. Ожидавшаяся победа лейбористской партии на предстоящих всеобщих выборах открывала более благоприятные перспективы, чем те, которые существовали на протяжении всего пребывания у власти консервативного правительства, начиная с 1924 г. V Всесоюзный съезд Советов, состоявшийся в мае 1929 г., имел возможность поздравить себя с тем, что «агрессивные попытки капиталистических государств... не увенчались успехом» и что в Великобритании и Соединенных Штатах Америки «усилилось течение, ориентирующееся на развитие экономических связей с Союзом ССР». И все же, до тех пор пока напряженность в отношениях между капиталистическими странами еще таила в себе опасность войны и продолжались «непрекращающиеся враждебные выступления против Союза ССР», необходимо было «принимать меры к укреплению обороноспособности страны»². Несколько недель спустя с образованием лейбористско-

го правительства появилась уверенность в том, что дипломатические отношения между СССР и Великобританией будут восстановлены.

Накануне мирового экономического кризиса, к тому моменту, когда был официально одобрен пятилетний план борьбы за коллективизацию советских крестьян, в отношениях Советского Союза с западными странами было достигнуто частичное ослабление напряженности.

Эти достижения могли бы предоставить растущие возможности для завоевания поддержки с помощью непартийных левых организаций западных стран. В данном же случае крупнейший антифашистский конгресс, состоявшийся в Берлине в марте 1929 г.³, оказался последним успешным мероприятием такого рода, проведенным по инициативе и при поддержке московского руководства. Осень, наступившая после окончания работы VI конгресса Коминтерна в начале сентября 1928 г., была напряженным и критическим периодом в борьбе против оппозиции — борьбе, которую Сталин вел на два фронта⁴. Этот период был отмечен добровольным или вынужденным уходом Бухарина, который по возвращении из отпуска в начале ноября 1928 г. перестал бывать в служебных помещениях Коминтерна и заниматься его делами⁵. Он не играл никакой роли в последовавших один за другим кризисах в германской, британской и американской партиях. Все эти кризисы стояли в более или менее прямой связи с провозглашением новой линии в Коминтерне и характеризовались острейшими разногласиями между национальными партийными лидерами, причем исход этих кризисов был связан с тем, что будет происходить в Москве.

В этой сумятице на любое движение в направлении сотрудничества или примирения моментально навешивался ярлык правого уклона, и оно пресекалось посредством проведения двух кампаний, все больше и больше сливавшихся в одну: кампании осуждения западных социал-демократов и прочих левых как агентов капитализма и кампании осуждения западных государств вообще как империалистических, занятых подготовкой войны против Советского Союза.

Кампания, направленная против социал-демократии, сосредоточилась теперь на профсоюзах и черпала новый импульс в партийной борьбе, проходившей в Москве. Первым открытым ударом по правому уклону в российской партии было изгнание Томского и его сторонников из руководства советскими профсоюзами в ходе VIII съезда советских профсоюзов, который состоялся в декабре 1928 г.⁶. Томский посвятил заключительную часть своего доклада на съезде международным делам, упомянув в традиционных выражениях о развале Англо-русского комитета единства, о конгрессе друзей СССР, о Лиге по борьбе с империализмом. Он также похвастался тем, что советские профсоюзы собрали пять миллионов рублей в стачечный фонд и готовы были помочь бастующим в любой части света⁷.

Отчетный доклад Лозовского о работе Профинтерна был сделан в гораздо более кричащих тонах. Он без конца говорил о военной опасности, о проходящих во всем мире забастовках, которые *«знаменуют собой начало новой революционной волны»*, и усматривал признаки правого уклона даже внутри Профинтерна⁸. В качестве делегатов братских британской и французской партий выступили Поллит и Монмуссо. Первый заявил, что *«объективное положение в Англии, безусловно, революционное»*⁹. В единодушно принятой по отчетному докладу Лозовского резолюции содержался призыв к созданию стачечных комитетов, организации в профсоюзы неквалифицированных рабочих и вовлечению таких рабочих в борьбу против капитализма, а также требование не делать *«никаких уступок открытым и скрытым реформистским тенденциям в рядах Профинтерна»*¹⁰.

Однако главным событием на съезде было смещение с занимаемых постов тех руководителей советского профсоюзного движения (верных последователей Томского), которые до сих пор составляли внутри движения самый мощный источник сопротивления агрессивной международной политике, проповедовавшей Лозовским на IV конгрессе Профинтерна и VI конгрессе Коминтерна.

Лозовский принялся за укрепление своей победы. Во второй половине января 1929 г. Исполнительное Бюро Профинтерна провело в Берлине конференцию специально с целью рассмотрения вопроса о стратегии и тактике забастовок. По какой-то причине распространялись слухи, будто конференция проводится в Страсбурге, хотя обоснованный страх перед французской полицией, вероятно, удержал бы Лозовского и других деятелей Профинтерна от проведения ее на французской земле¹¹. На конференции присутствовали представители Германии, Франции, Великобритании, Бельгии, Австрии, Венгрии и Польши. Подробные протоколы заседаний конференции не публиковались. Однако в меморандуме, подписанном совместно Таннером и Поллитом и распространенном внутри Национального движения меньшинства во время работы конференции, доказывалась *«необходимость проводить гибкую забастовочную политику, не впадая в ошибку игнорирования обстоятельств и традиций данной страны»*, а также, если начнется забастовка, *«попытаться вызвать раскол в бюрократии, убедив некоторые или все тред-юнионы превратить забастовку в официальную»* — это была та самая политика действий через реформистских лидеров, которая являлась полярной воинственному подходу Лозовского¹². Представляется маловероятным, чтобы возглавляемая Таннером британская делегация на конференции легко и искренне согласилась со взглядом большинства, поддержавшего Лозовского, и хотя длинная резолюция конференции, по-видимому, была принята единогласно, в ходе ее обсуждения, очевидно, про-являлись некоторые разногласия¹³.

В резолюции, озаглавленной *«Резолюция международной конференции по вопросам стачечной тактики»*, принятой после докла-

дов Эккерта и неназванного польского делегата, выдвигались такие лозунги, как: «Не надейтесь на профбюрократов», «Возьмите свою судьбу в собственные руки» и «Готовьтесь к борьбе, иначе будете разбиты». В резолюции содержалось требование создания независимых, избранных демократическим путем стачечных комитетов и подчеркивалась необходимость в «дружинах самообороны». Следовало признать, что в развитых капиталистических странах, где буржуазия и реформисты стремились к «замене стачек обязательным арбитражем», «каждая стачка приобретает политический характер».

Предписание о том, чтобы элементом стачечной борьбы обязательно было «усиление кампании против подготовки войны, направленной против Советского Союза», служило напоминанием о постоянной тревоге советских руководителей. Несмотря на то что каждый пункт резолюции дышал враждебностью к социал-демократическим профсоюзам, в заключение еще раз говорилось, что «проблема работы в реформистских профсоюзах остается во всей своей силе согласно постановлению IX пленума ИККИ, IV конгресса Профинтерна и VI конгресса Коминтерна»¹⁴.

В статье Лозовского, посвященной конференции и опубликованной в журнале Профинтерна, подчеркивался главный вывод о том, что «реформистский профсоюзный аппарат стал частью буржуазного государства, имеющей особые функции по срыву забастовок». Конференция «подходила к стачке, как к разновидности войны», и предписывала «борющейся пролетарской армии те оборонительные и наступательные действия, которые способны ей обеспечить максимальный успех в бою». Однако Лозовский также отметил, что конференция не приняла решения по неорганизованным рабочим, так как «этот вопрос должен быть еще специально обсужден в Профинтерне и Коминтерне». Он продолжал: «Вопрос этот новый, вопрос сложный, требующий основательной дискуссии, и поэтому конференция поступила правильно, не вынося никакого решения по этому вопросу»¹⁵.

В статье одного из деятелей Профинтерна, помещенной в английском издании журнала Профинтерна и содержавшей отчет о конференции, автор, не упоминая саму конференцию, раскрывает источник сопротивления настойчивым требованиям Лозовского в отношении вовлечения в профсоюзы неорганизованных рабочих: «Большинство наших английских товарищей считают, что вне рядов профсоюзного движения очень мало активных рабочих, что для национального движения меньшинства было бы опасно принимать в свои ряды тех рабочих, которые пока еще не принадлежат ни к какому тред-юниону. Ошибочность такого подхода можно видеть на примерах Франции, Германии, Польши и Чехословакии»¹⁶. Британское профсоюзное движение еще в большей степени, чем французское и немецкое, имело внутренние движущие силы, которые позволяли ему не уступать давлению со стороны Профинтерна и Коминтерна и не перестраиваться по советскому образцу.

Однако Лозовский был не таким человеком, который отступает при мелком поражении. Он продолжал борьбу в комиссии по профессиональным союзам, созданной для подготовки к X пленуму ИККИ. Комиссия собиралась дважды — в феврале и мае 1929 г., и на обоих заседаниях Лозовский выступил с полемическими речами. На первом заседании его основной мишенью оказался Пятницкий, который старался доказать, что в результате состоявшихся в 1928 г. конгрессов Профинтерна и Коминтерна ничего не изменилось, и который продолжал настаивать на хорошо известных призывах работать в существующих профсоюзах: «Стройте ячейки, завоевывайте фабзавкомы, завоевывайте союзы». Что изменило ситуацию, заявил Лозовский, так это предательство социал-демократов, и он призывал рабочих **«выступать против штрейкбрехерского аппарата реформистских профсоюзов»**.

Лозовский посвятил большую часть своего выступления вопросу об организации неорганизованных рабочих, который он впервые поднял за год до этого, на IV конгрессе Профинтерна. Вопрос этот стал теперь безотлагательным в связи, во-первых, с рационализацией, в результате которой в промышленности выросло число неквалифицированных рабочих и женщин-работниц, по большей части неорганизованных, и, во-вторых, в связи с ростом безработицы. Лозовский привел слова Розы Люксембург о важной роли, которую неорганизованные рабочие играют в забастовках, и о необходимости мобилизовать их на борьбу. В таких странах, как Франция и Чехословакия, где уже существуют революционные профсоюзы, входящие в Профинтерн, эти профсоюзы должны привлекать неорганизованных рабочих в свои ряды. В странах, где профсоюзное движение еще не расколото, может возникнуть необходимость в новых революционных профсоюзах. В порыве красноречия Лозовский воскликнул, что «...та часть рабочего класса, которая организована в реформистских профсоюзах и идет за реформистским руководством, и есть наиболее сознательно реакционная часть рабочего класса». Он несколько смущенно защищался против обвинений в том, что он проповедует массовый «уход» из существующих профсоюзов. Неорганизованных рабочих, не вступающих в профсоюзы, можно было бы вовлекать в такие организации, как Межрабпом или Союз красных фронтовиков (Лозовский прежде всего имел в виду Германию). **«Дело заключается в том, чтобы под любой фирмой, под любым названием организовать десятки тысяч неорганизованных рабочих»** ¹⁷.

Британский делегат Белл признал, что рабочие в Великобритании страдают от «некоторого комплекса ремесленного союза» и что члены тред-юнионов иногда действуют без учета интересов неорганизованных рабочих. Он осторожно поддержал Лозовского против Пятницкого, но протестовал против заявления Лозовского о том, что социал-демократические профсоюзы представляют собой «самые отсталые и самые реакционные разряды рабочего класса» ¹⁸.

Дебаты продолжались на следующем заседании комиссии, состоявшемся в мае 1929 г. На этот раз Лозовский избрал своей главной мишенью Гусева, который утверждал, что непозволительно превращать профсоюзы в «органы, руководящие массовыми политическими и экономическими выступлениями», и что свержение буржуазного правительства не входит в их функции. Лозовский это яростно отрицал. Гусев возражал против создания новых профсоюзов. Лозовский считал, что «высказываться **вообще против новых союзов**» — значит противоречить решениям IX пленума ИККИ и IV конгресса Профинтерна. В тезисах, которые комиссия представит на рассмотрение X пленума ИККИ, должен быть сформулирован «вопрос о том, что профсоюзы имеют или не имеют своей задачей низвержение власти буржуазии»¹⁹. Острота, с которой велась эта полемика, свидетельствует о том, что у Лозовского были еще в партии сильные противники.

Какие бы колебания ни вызвала стремительная атака Лозовского на профсоюзы, в пропаганде, исходящей из Москвы, доминировали две неразлучные темы — предание анафеме социал-демократов и левых радикалов и поднимающаяся революционная волна. В опубликованной в феврале 1929 г. статье, которая была, очевидно, одобрена руководством, Мануильский осуждал правых за желание сотрудничать с социал-демократами на основе «вращения в революцию» и старался извлечь чувство революционного оптимизма из малообещающей ситуации: ««Потерпевшая поражение» китайская революция и «потерпевшая поражение» всеобщая забастовка в Англии в конечном итоге способствовали... разложению капиталистической системы в гораздо большей степени, чем фактор поражения пролетариата мог бы способствовать капиталистической стабилизации»²⁰.

2 марта 1929 г. ИККИ выпустил воззвание «Боевой призыв» в связи с десятой годовщиной Коминтерна, в котором снова звучали знакомые революционные темы. В 1917 г. русские рабочие показали, как надо «бороться против империалистической войны», как она может быть превращена в гражданскую войну, и свергли власть капитала. Они показали пример:

«В Европе и Азии, в Америке и Африке — везде и всюду поднимались угнетенные классы против угнетателей, против организаторов империалистической бойни».

«Иллюзии насчет прочности капитализма» были разрушены. Социал-демократия была разоблачена как «верная опора» буржуазии, и установленная на VI конгрессе Коминтерна связь между «реформизмом и фашизмом» была осторожно подтверждена. «Угнетенные классы всего мира» были готовы к новой революционной волне, направленной «против капиталистической эксплуатации», «против империалистического гнета», «против диктатуры буржуазии» так же, как и «против реформизма и фашизма»²¹.

В длинных и подробных тезисах, выпущенных по этому же случаю Агитпропом ИККИ, напоминалось, что Коммунистический

Интернационал «вырос и окреп в борьбе против социал-демократии», и по ходу осуждения фашизма говорилось о «сочетании метода фашизма с методом коалиции с социал-демократией в целях борьбы против наступательного хода революции»²². В специальном номере «Правды» за 3 марта 1929 г. были помещены приветствия от основных зарубежных коммунистических партий и статьи таких коминтерновских знаменитостей, как Бела Кун, Лозовский, Гусев, Теодорович, Кашен и Рейнштейн — делегат I конгресса, — а также статья Зиновьева об исторических предшественниках Коминтерна. На следующий день состоялось торжественное собрание, на котором главным оратором был, по-видимому, Куусинен²³. Поражало на этом собрании то, что на нем отсутствовал Бухарин и даже не было упомянуто его имя.

Тема десятилетия Коминтерна энергично муссировалась в течение всего лета 1929 г. Агитпроп ИККИ опубликовал тезисы по случаю празднования 1 Мая, которые начинались воспоминанием о провозглашении Вторым Интернационалом дня 1 Мая «международным пролетарским днем», что произошло сорока годами ранее. Длинный исторический очерк заканчивался осуждением «кровавой бани», устроенной 1 Мая в Варшаве «польскими социалистическими полицейскими-мясниками». Наконец прозвучала и наступательная нотка. Коммунисты должны бороться «за право выйти на улицы, за право на забастовки», и их заверили, что их боеспособность возросла²⁴.

Не прошло и нескольких дней после опубликования этих воззваний, как берлинская полиция, во главе которой стоял социал-демократ, расстреляла первомайскую демонстрацию рабочих-коммунистов, проводившуюся вопреки запрещению полиции; было убито 25 рабочих. Эта трагедия заставила «Правду» настаивать на «необходимости самого решительного заострения борьбы против социал-демократии» и обратиться к «железной логике развертывающейся классовой борьбы»²⁵. МОПР выпустил воззвание от имени «жертв белого террора и фашизма»²⁶.

16 мая 1929 г. в Берлине открылась конференция представителей 13 коммунистических партий западных капиталистических стран для подготовки к международному дню протеста против войны, проведение которого было намечено на 1 августа 1929 г. Работа конференции началась с протеста против первомайского побоища в Берлине, которое конференция относила на счет «вооруженной до зубов социал-фашистской полиции» и «империалистов и их социал-демократических сообщников», ссылаясь на «кровавый удар, нанесенный социал-фашистами»²⁷. Термин «социал-фашизм», которым заклеили сотрудничество социал-демократов с «фашистской» буржуазией, с тех пор прочно вошел в ругательный словарь Коминтерна²⁸.

Однако кампания против социал-демократов и борьба за то, чтобы вырвать из их рук руководство профсоюзным движением, хитро переплетались в пропаганде Коминтерна с кампанией, на-

правленной против империалистических поджигателей войны и отчасти затмевались последней. Тем не менее трудности, заложенные в попытке сочетать эти две кампании, обнаружились в любопытной интерлюдии в начале 1929 г. В ноябре 1928 г. Международная женская лига за мир и свободу — левая организация с сильными пацифистскими настроениями — объявила, что 5—6 января 1929 г. она намерена провести во Франкфурте конференцию протеста против использования в войне отравляющих газов, на которую просила прислать своих делегатов Профинтерн, Межрабпом, Лигу по борьбе с империализмом и Международный анти-милитаристский союз в Нидерландах. На проходившем в декабре 1928 г. в Москве VIII съезде советских профессиональных союзов Лозовский говорил об этой запланированной конференции, как о признаке того, что среди буржуазии растет страх перед войной. Он сообщил, что вопрос о советском участии еще не решен, и иронически добавил: «Конечно, мы могли бы предложить кое-какие выводы, но не будем их пугать»²⁹.

Когда подошло время открытия конференции, все приглашенные организации оказались представлены. Это было очень бурное собрание, так как коммунистам и некоммунистам оказалось трудно найти общий язык. Выступления нескольких ораторов вызвали смешанную реакцию. Криками заставили замолчать немецкую делегатку-коммунистку, которая доказывала, что «капиталистическая сила должна быть уничтожена силой» и что раз некоторые государства уже вооружают женщин, то женщины-коммунистки должны применять то же оружие.

Делегат советских профсоюзов Чернышева, выступавшая от имени пяти миллионов работниц Советского Союза, заявила, что их делегация, которая обнаружила подлинный характер конференции только после того, как она прибыла во Франкфурт, решила не принимать участия в прениях, но сделать заявление для печати. В заключение она сказала, что конференция, подобная этой, «не может спасти нас от войны» и что покончить с опасностью войны в мире можно будет лишь тогда, **«когда рабочие классы вступят на ту же дорогу, на которую вступили русские рабочие и крестьяне, чтобы покончить с империалистической войной».**

Отличавшийся разносторонностью взглядов Мюнценберг также выступил с заявлением, под которым он собрал 14 подписей и которое сводилось к тому, что обсуждение газовой войны «не является серьезной мерой борьбы против угрожающей войны», а, скорее, отвлекает внимание от махинаций поджигателей войны. Войну можно предотвратить не «резолюциями незначительных, хотя бы и созданных с благими целями конференций», а только с помощью «всех средств революционной борьбы рабочего класса»³⁰.

Едва ли организаторы конференции могли рассматривать сторонников подобных взглядов иначе, как лишь беспокойный элемент, и едва ли они искали сотрудничества с ними в будущем. По единому фронту был нанесен еще один удар. Кампания против

войны стала еще одной разделяющей силой в отношениях между коммунистами и другими левыми партиями.

Постоянный упор на опасность империалистической войны, доминировавший в это время в пропаганде Коминтерна, имел и свои собственные аномалии. Угроза войны против Советского Союза, казавшаяся реальной и не отвратимой летом 1927 г., уже к моменту проведения в июле 1928 г. VI конгресса Коминтерна начала ослабляться и воспринималась со скептицизмом и индифферентностью³¹. Еще год спустя эта опасность проявлялась лишь в местных столкновениях на Дальнем Востоке, которые людям западного мира представлялись далекими и незначительными. Для большинства коммунистов за пределами Советского Союза уверенность в неизбежности войны как результата развития империализма уже не означала, что это предсказание должно исполниться автоматически и быстро. Как выразился в апреле 1929 г. делегат VI конгресса Коминтерна от Французской коммунистической партии, «все исходные предпосылки для мировой войны налицо», но «лозунг о том, что она грянет вот-вот, можно считать просто символом»³².

Тем не менее в кругах Коминтерна этот символ превратился в навязчивую идею. По мере того как сама опасность отодвигалась в будущее и пропаганда теряла первоначальное правдоподобие и безотлагательность, тон ее становился все более резким и скрипучим. Традиционное первомайское воззвание было посвящено исключительно военной опасности: международная обстановка, «как накануне 1914 г., пахнет порохом новых войн». Снова «класс стоит против класса». Вспоминали предательство Второго Интернационала в 1914 г. Те, чьи жизни были принесены в жертву этому «обману», к сожалению, не спасли грядущие поколения от новых войн: они проложили путь к войне, последствия которой будут еще ужаснее, — «войне за мировую гегемонию между С.-А. Соединенными Штатами и Англией». Возникал образ будущей войны, в которой «Тихий океан готовится стать кровавым океаном».

В воззвании говорилось: «В капиталистических сумерках ближайших лет надвигается такая катастрофа, перед которой бледнеет война 1914 г. с ее массовым уничтожением людей. Под ударами новейшей техники истребления, газовой войны, будут лежать кладбищами мертвые города в тылу войны, разница между фронтом и тылом будет стерта». Воззвание завершалось призывом к массам провести «международный день борьбы против империалистической войны», провозглашенный VI конгрессом Коминтерна и запланированный на 1 августа 1929 г.³³.

В первомайских тезисах Агитпропа навязывалась связь между двумя избитыми темами: «Борьба против фашизма и социал-демократии — это составная часть борьбы против империалистической войны в защиту Советского Союза»³⁴. И на конференции, проведенной 16 мая 1929 г. в порядке подготовки к «международ-

ному дню» протеста против войны, также не была забыта параллельно проводимая кампания против социал-фашистов³⁵.

Нерекламировавшаяся, но широко известная опала Бухарина, который подвергся жестокой критике в резолюциях Политбюро от 28 февраля 1929 г. и на пленуме Центрального Комитета партии 23 апреля 1929 г.³⁶, оставляла впечатление еще большей нереальности от работы Коминтерна в этот период. И в такой атмосфере неуверенности велась подготовка к X пленуму ИККИ, намеченному на 3 июля 1929 г. Мануильский написал длинную статью о предстоящем пленуме, где критиковал «политический импрессионизм», который всегда готов найти «новые черты» и «новые этапы». Он предупреждал против «попыток пересмотра правыми и примиренцами» выводов VI конгресса Коминтерна по вопросу о так называемой «стабилизации капитализма» и снова утверждал, что «организованный» капитализм — это загнивающий капитализм. Он приветствовал «полевение масс», отвергал такое толкование единого фронта, которое было принято III конгрессом Коминтерна в 1921 г., осуждал «левую» социал-демократию как «самую опасную, вредную разновидность реформизма» и требовал «ликвидации фракционных группировок» в коммунистических партиях. По существу, он не добавил ничего к тем установкам, которые за год до этого были даны VI конгрессом, кроме того, возможно, что он сделал новый акцент на борьбу против «правых и примиренцев» во всех партиях³⁷.

Когда открылся пленум, по поводу отсутствия Бухарина ничего не было сказано, и стала ясна тактика представителей партии. Снова и снова настаивая на необходимости усиления классовой борьбы между капиталом и трудом, при наличии империалистического угнетения колоний, и на существовании угрозы империалистических войн, они изобличали никчемность политики компромисса, выделяли коммунистов как единственную подлинно революционную партию и осуждали социал-демократов как злейших врагов. И таким подходом они осторожно прокладывали путь к осуждению Бухарина. Эти две цели были взаимосвязаны. Бухарин сопротивлялся — хотя слабо и непоследовательно — сдвигу Коминтерна влево и применению методов железной дисциплины к зарубежным коммунистическим партиям. Акцент на новую политику логически совпал с его падением.

С уходом со сцены Бухарина ИККИ, по-видимому, лишился центрального управления³⁸. Распространенный заранее проект тезисов основного доклада о международном положении и задачах Коминтерна был поделен на два основных доклада, сделанных Куусиненом и Мануильским.

Куусинен резко порицал тенденцию переоценивать потенциальные возможности, заложенные в техническом развитии и рационализации при капитализме, и утверждал в противоположность Варге, что капиталистическая рационализация приводит к «абсолютному ухудшению в положении рабочего класса».

По мере увеличения противоречий капиталистического общества буржуазное классовое правление будет все чаще и чаще принимать открыто фашистские формы, и это будет делаться при поддержке социал-демократов («социал-фашизм»). Это будет способствовать все большему и большему полевению рабочих и создавать условия для «пролетарского наступления». Он вывел соотношение между социал-демократией и фашизмом и тем, что обозначалось популярным теперь выражением «социал-фашизм», который «вырастает из реформизма» и социал-демократии: «Цели фашистов и социал-демократии * одни и те же, разница в лозунгах, а отчасти и в методах»³⁹.

Мануильский говорил о «наклонной кривой капиталистической стабилизации» и подтвердил, что «организованный капитализм — это капитализм гнивающий». Он разглядел «процесс радикализации рабочего класса» даже в Соединенных Штатах Америки и в Великобритании. Задача коммунистических партий, заявил он, состоит в завоевании на свою сторону широких масс рабочих и подготовке к захвату власти. Он похоронил единый фронт, дав такое, обычное для него, определение: «Тактика единого фронта не есть ни коалиция с социал-демократией сверху, ни политика соглашений с ее функционерами внизу. Это есть непосредственная апелляция компартий к рабочей массе, к рабочим социал-демократам и беспартийным, к организованным и неорганизованным».

Мануильский закончил речь превратившимся теперь в ритуал осуждения социал-демократов и правых «оппортунистов», а также «примиренцев» в коммунистических партиях, которые их поддерживали. Он грубо атаковал Таску (под его тогдашним псевдонимом Серра), назвав его «Заратустрой примиренчества», но никаких других имен не называл⁴⁰.

Выступавшие в прениях пели с голоса докладчиков. Варга, чей авторитет, несмотря на некоторую критику слева, еще признавался на VI конгрессе Коминтерна⁴¹, незадолго до пленума писал, хотя и с некоторыми осторожными оговорками, об «улучшении деловой структуры в странах высоко развитого капитализма» в первой четверти 1929 г.⁴². Теперь его за это подозревали в сочувствии Бухарину. Он, Пеппер, Эмбер-Дро, Эверт, Ловстон и Таска были названы с разной степенью неодобрения раскольниками.

Эти ни к чему не ведущие прения тянулись несколько дней. Варга пытался изо всех сил примирить свою совесть экономиста с партийной линией и готов был признать, что положение рабочих относительно ухудшилось — не абсолютно; объяснение, которое сильнее, чем когда-либо, подчеркивало тот факт, что кривая капиталистического производства идет вверх⁴³. Его соотечественник Бела Кун посвятил большую часть своего длинного выступления анализу социал-фашизма, заменившего реформизм в качестве

* В указанном источнике — «социал-фашистов». — *Прим. ред.*

орудия спасения капитализма в период, когда расшатывается капиталистическая стабилизация, и упрекал примиренцев за то, что они рассматривали парламентаризм и социал-демократию, с одной стороны, а фашизм и корпоративное государство — с другой, как «две принципиально различные системы». Всегда готовый выступить Мартынов охарактеризовал социал-фашистов как «идеологов рабочей аристократии»⁴⁴. Во время второго своего выступления, неоднократно прерывавшегося Белой Куном, Нейманом, Тельманом и Куусиненом, Варга оборонялся от их нападок. Варга первым из выступавших назвал имя Бухарина, напомнив, как на IV конгрессе Коминтерна в 1922 г., когда Бухарин возражал против включения в программу «переходных» требований, он потерпел поражение от Ленина и его единомышленников⁴⁵. А Ульбрихт яростно обрушился на «группу Бухарина, Эмбер-Дро и Эверта» и «товарищей, группирующихся вокруг Бухарина»⁴⁶. Большая часть выступавших, однако, удовлетворились неопределенной критикой в адрес правых и мелких деятелей в других партиях.

9 июля 1929 г., на 11-м заседании пленума, наконец появился Молотов и выступил с авторитетной речью, целью которой было сфокусировать прения. Накануне пленума в передовой статье партийного журнала прозвучала бескомпромиссная нота. В ней указывалось на «стачечную волну» и «рост недовольства и полевения масс», как среди рабочих, так и среди «угнетенного крестьянства» колониальных стран, и приводились слова Молотова о том, что «мы творим новую ступень международной пролетарской революции»⁴⁷.

Теперь в своем выступлении Молотов характеризовал «борьбу против правых и примиренцев», которая носила международный характер, как «основную черту в развитии Коммунистического Интернационала... после VI конгресса». Он назвал Эмбер-Дро, Серра, Мейера и Эверта преступниками и обвинил Варгу в том, что тот дошел до «оппортунистических заключений» и играет «реакционную роль». Он перешел затем к вопросу о полевении рабочего движения, о котором уже было заявлено на VI конгрессе, и определил наступление «нового революционного подъема», о чем свидетельствовали забастовки в Германии, Польше, Франции, Чехословакии и Индии. Целью должно быть «завоевание большинства рабочего класса» с помощью «массовой политической стачки» как самого эффективного оружия. Это означало борьбу против социал-демократии и социал-фашизма. Девизом должно быть «полное уничтожение правых, полное уничтожение оппортунизма».

В заключение он осудил «ряд видных товарищей из ВКП(б)» за то, что они проглядели «явную правооппортунистическую открыжку», приведя цитаты из заявления Бухарина от 30 января 1929 г., представленного в Политбюро, и из последующего совместного заявления Бухарина, Рыкова и Томского. Он подверг кри-

тике недавнюю статью Бухарина в «Правде» и говорил о «линии группы т. Бухарина», «совпадающей с правым уклоном». Впервые об уклоне Бухарина, Рыкова и Томского и их несогласии с Политбюро было сказано открыто и они были пригвождены к позорному столбу⁴⁸.

Делегаты более мелких партий, которые выступали в прениях после Молотова, не решались погрузиться в котел ссор российской партии. Что же касается Неймана и Тельмана, то они это сделали без колебаний. Нейман грубо разделал статью Бухарина, опубликованную в «Правде», осудил экономические взгляды Варги и крикливо закончил: «Мы пойдем вперед от оборонительных боев к контратаке, к наступлению и дальше к вооруженному штурму, к борьбе за Советскую власть».

Вслед за ним, в более умеренных тонах, выступил Тельман. Он бичевал Бухарина, Рыкова, Томского и Фрумкина, слегка затронул правых уклонистов в других партиях — в том числе соглашателей в КППГ, — однако отложил свои главные атаки до прений по вопросу о профсоюзах⁴⁹.

Миф, ставший теперь руководителем восточного отдела Секретариата ИККИ, возобновил начатые на VI конгрессе атаки на теорию деколонизации Индии. Эта теория, доказывал он, неизбежно приводит к заключению, что национальная буржуазия будет становиться более независимой и сильной и придет к столкновению с иностранными империалистами. Таким образом, эта теория является основой для тактики союза с национальной буржуазией. В результате такого полного пересмотра прежнего довода было мастерски снято затруднение, с которым столкнулся Куусинен, стараясь примирить отрицание этой теории с защитой бескомпромиссной левой политики⁵⁰.

Заключительные выступления Мануильского и Куусинена прозвучали гораздо резче, чем их доклады: оба сосредоточили огонь против Бухарина, его подлинных или мнимых сторонников и тех, кто ему сочувствовал. Мануильский осудил правых, соглашателей и отмачивающихся, произнес проповедь о социал-фашизме и резко критиковал колеблющихся в британской компартии. Вслед за ним в слегка менее воинственном духе выступил Куусинен. Он сказал, что лозунг «класс против класса» принадлежал Марксу, и заявил, что новая линия представляет собой просто «революционную классовую войну»⁵¹.

В основной резолюции по докладам Куусинена и Мануильского подчеркивались и особо выделялись заявления и предписания VI конгресса Коминтерна, состоявшегося в предыдущем году. Делался новый упор на противоречия капитализма: «... Несмотря на соперничество и ожесточенную борьбу внутри капиталистического лагеря, основное мировое противоречие между капиталистическим миром и Союзом Советских Социалистических Республик как двумя принципиально противоположными хозяйственно-политическими системами все более заостряется. Нападение империали-

стов на Союз Советских Социалистических Республик является главной опасностью».

Новыми событиями прошедшего года были приход к власти правительств, возглавляемых Социал-демократической партией в Германии и Лейбористской партией в Великобритании. Это давало дальнейшую возможность расценивать социал-демократию как главный оплот буржуазии и врага коммунизма и заклеить ее как «социал-фашизм». Было высказано твердое предположение, что массы рабочих, разочарованные тем, что произошло, стремительно движутся к революции и потоком будут вступать в коммунистические партии, если таковые будут осуществлять твердое руководство через «применение новых форм тактики единого фронта снизу». Вслед за осуждением правых в резолюции также отмечалось, что «примиренчество», выступавшее как трусливый оппортунизм, прикрывающее открытое ликвидаторство... внутри Коммунистического Интернационала, взяло на себя роль правых». «Примиренцев», которые не были названы поименно, призывали отмежеваться от «правых уклонистов» и подчиняться решениям Коминтерна⁵².

В атмосфере высокого напряжения, созданного выступлением Молотова, пространные выступления Тельмана и Лозовского открыли прения по вопросу о тактике в «экономической борьбе». Тельман считал 1928-й годом, когда пролетариат перестал пассивно реагировать на капиталистическое наступление и испытал «революционный подъем». Он описал, как коммунистические и социал-демократические профсоюзы борются за гегемонию в рабочем классе. Он приветствовал новую, введенную весной 1928 г. IX пленумом ИККИ и IV конгрессом Профинтерна тактику применения «единого фронта снизу» и лозунг «класс против класса», а также процитировал высказывание Ленина в поддержку политических революционных массовых забастовок. Он подробно остановился на уклонах в КППГ, а также в полную меру осудил «группу Яглома — Томского» в советских профсоюзах⁵³.

Лозовский главным образом постарался подчеркнуть «роль экономической борьбы в общей картине классовой войны» и перечислил четыре стадии этого процесса: экономическая забастовка, восстание и гражданская война. Он проанализировал различные виды забастовок и попытался вывести правила для их успешного проведения и руководства ими. Он видел в настоящей ситуации «повышенную политическую чувствительность широких рабочих масс». Нанося удары по правым уклонам и соглашателям во всех партиях, он обратился к основным вопросам организации неорганизованных в профсоюзы рабочих и более осторожно к вопросу о создании новых профсоюзов. Задача заключалась не в том, чтобы, как полагали правые, добиться руководства существующими профсоюзами, а в том, чтобы завоевать на свою сторону массы, возстановив их против реформистских лидеров. В его длинном докладе нашлось место и для того, чтобы рассказать о поражении

Томского и его сторонников на VIII съезде советских профсоюзов в декабре 1928 г., а также для того, чтобы осудить еретиков в профсоюзном движении в других странах⁵⁴.

Прения были бессистемными. Представитель КПВ Кемпбелл проявил некоторое беспокойство по поводу практических вопросов, связанных с организацией неорганизованных рабочих и созданием новых тред-юнионов, и считал формулы Лозовского «упрощенными и слишком схематичными»⁵⁵. До этого Лозовский подверг критике работника Профинтерна Смолянского за его опубликованную в партийном журнале статью «К профсоюзным проблемам „третьего периода“», в которой автор делал попытку провести различия между процессами подчинения профсоюзных аппаратов в фашистских и буржуазных государствах. Лозовский считал, что и в тех и в других профсоюзный аппарат является в одинаковой мере государственным аппаратом. Теперь Смолянский защищался, ссылаясь на то место резолюции IV конгресса Профинтерна, где «завоевание реформистских профсоюзов» характеризуется как «центральная задача сторонников Профинтерна», — единственный за все прения намек на то, что в самом Коминтерне еще жива была оппозиция Лозовскому⁵⁶. Тольятти хитро принял «генеральную линию тезисов», но большую часть своего продолжительного выступления посвятил трудностям их претворения в жизнь в отдельных странах. Он обвинил Лозовского в том, что тот «в своих статьях и даже в своем выступлении» ратовал за повсеместное создание новых профсоюзов и в том, что он, по-видимому, предпочитал «небольшое ядро активных рабочих» массовым профсоюзам — тенденция, которую он назвал «чистой воды анархо-синдикализмом»⁵⁷.

Проект резолюции, самой длинной на этом пленуме, был заранее подготовлен в профсоюзной комиссии ИККИ, и в ходе пленума в него был внесен ряд поправок⁵⁸. Отправной точкой проекта было признание «*нарастания* классовых противоречий и *расширения* фронта классовой борьбы». Самые острые выпады в резолюции были направлены против «социал-фашистской профсоюзной бюрократии» и против лозунга «хозяйственной демократии», названного «официальным лозунгом Амстердамского интернационала» и «международной программой штрейкбрехерства».

В резолюции отмечалась «все более увеличивающаяся активность *неорганизованных рабочих*» и содержалось требование «*вовлечения в профессиональные союзы — на базе платформы революционной оппозиции — левых рабочих и работниц из числа неорганизованных*» в тех странах, где не существовало независимого революционного профсоюзного движения. Коммунисты не могли быть «*принципиально против раскола профессиональных союзов*». Но и это не слишком ясное указание было еще больше затемнено двусмысленным разделом, в котором говорилось об условиях, оправдывавших образование новых профсоюзов. Заявлялось, что такая акция возможна «только на подъеме стачечной волны, только

там, где политическая борьба приобрела большую остроту, где значительные массы пролетариата уже поняли социал-фашистскую сущность реформистской профсоюзной бюрократии и когда эти массы активно поддерживают создание нового союза»⁵⁹.

Колебания в российской партии, а также оппозиция в крупных зарубежных партиях еще заставляли делать осторожные оговорки и мешали объявлению тотального наступления на социал-демократические профсоюзы. Лозовский пока еще не мог силой навязывать агрессивную политику, которую он старался проводить с начала 1928 г. Однако X пленум ИККИ в июле 1929 г. отметил новую веху на этом пути⁶⁰.

Больше на этом пленуме не было крупных прений. Однако два заседания — сразу после докладов Куусинена и Мануильского и до начала прений по основному вопросу — были посвящены докладу Барбе о подготовке к «международному дню» 1 августа. Ничего нового сказано не было. Барбе возмущался правительствами, потому что они мешают проводить демонстрации, но упрекал партии за недостаточно хорошую их подготовку. Делегаты от всех основных партий приветствовали его выступление в традиционных выражениях, за которыми иногда скрывался некоторый недостаток энтузиазма. Пятницкий вмешивался с указаниями и наставлениями. Барбе в заключительном слове критиковал многие партии за отсутствие конкретных приготовлений⁶¹.

В прениях по основному вопросу один из членов организационного отдела Секретариата, несмотря на то, что его неоднократно прерывал Тольятти, подверг критике Центральный Комитет Итальянской коммунистической партии, принявший в конце февраля 1929 г. резолюцию, в которой говорилось, что работа в армии «может, ввиду трудностей этой работы, вестись в ограниченных масштабах»⁶². В заключительной части своего ответа на прения Мануильский протестовал против слабого отклика со стороны партий на призыв к проведению «международного дня» и царящего в них «оборонного настроения». Примечательно, что в принятом в конце пленума воззвании содержались жалобы на «пассивность» «оппортунистических элементов» в этом вопросе⁶³.

В результате, несмотря на то что партии выполнили указания Коминтерна и выпустили воззвания и призывы, им не удалось поднять энтузиазм рабочих и даже членов своих собственных партий, и те демонстрации, которые состоялись, не произвели большого эффекта. Троцкий заранее доказал, что «последовательный распад Коминтерна» и «новый подъем социал-демократии» привели к ослаблению возможностей открытых революционных выступлений и что «красный день» 1 августа обречен на провал⁶⁴. На XI съезде Коммунистической партии Великобритании, состоявшемся в ноябре 1929 г., было отмечено, что в Англии «кампания по проведению международного Красного дня вскрыла все недостатки нашей партии — нашу изолированность от широких масс, отсутствие кор-

ней на фабриках и заводах, недооценку военной опасности и пацифистских иллюзий»⁶⁵.

Самой сенсационной резолюцией X пленума ИККИ была, однако, резолюция, в которой выносилось осуждение Бухарину на основании неопубликованной резолюции Центрального Комитета ВКП(б) от 23 апреля 1929 г. и подвергалась критике его статья, опубликованная в «Правде» 30 июня 1929 г. Этой резолюцией он отстранялся от дальнейшей работы в Коминтерне и исключался из числа членов Президиума ИККИ. Резолюция на открытом заседании не обсуждалась, и совершенно очевидно, была результатом жарких споров за кулисами. Реммеле представил ее в своем формальном выступлении на заключительном заседании для одобрения в принципе, оговорив, что некоторые ее места еще нуждаются в «переработке» в Политическом Секретариате. Она была опубликована только несколькими неделями позже⁶⁶.

Приговоры об исключении были также вынесены занимавшим видное положение инакомыслящим в других партиях. Эмбер-Дро, отказавшись от настойчивых предложений Мануильского и Куусинена выступить с ответом на нападки на него в ходе пленума, направил 15 июля 1929 г. письмо в ИККИ, в котором говорил о своей лояльности и «абсолютной дисциплинированности» в отношении решений Коминтерна и его органов даже тогда, когда они не совпадают с его «личным мнением». Тем не менее его выбросили из Президиума и из Политического Секретариата. Вскоре после этого под угрозой исключения из партии он подписал унижительное заявление, в котором признавал свои ошибки и то, что он стоял на «фракционных позициях» и обещал придерживаться линии партии «не только из чувства дисциплины, но и из глубокого убеждения в том, что это единственно возможная и потому единственно справедливая политика в существующей ситуации»⁶⁷.

В Коминтерне, как и в российской партии, падение и опала Бухарина совпали с переходом к более жесткой и бескомпромиссной политике и к железно насаждавшимся нормам подчинения. Эти перемены, если и не были непосредственно введены Сталиным, тем не менее соответствовали безжалостной решимости и мелочной подозрительности его характера. Такой поворот произошел не вдруг и не был связан с каким-либо конкретным событием. К тому времени, когда в 1924 г. V конгресс Коминтерна провозгласил «большевизацию» партий, сравнительная широта и многообразие Ленинского Коминтерна уже были подвержены эрозии⁶⁸. Промежуток в четыре года, прошедший до того, как был созван следующий конгресс Коминтерна — при жизни Ленина конгрессы собирались ежегодно, — явно показывал, что важные решения теперь принимались ИККИ и его Секретариатом, который был не чем иным, как иностранным отделом российской партии, скрывавшимся под тонкой вуалью интернационализма.

Процесс превращения многообразия партий в единое, унифицированное и дисциплинированное целое прогрессировал. Его подталкивал царивший в Москве страх перед тем, что сменявшие одна другую оппозиции в российской партии обзаведутся сторонниками в зарубежных коммунистических партиях — страх, который можно было заглушить, лишь настаивая на том, чтобы эти партии оказывали единодушную и безусловную поддержку советским руководителям в их борьбе против оппозиции и чтобы любой партийный деятель, отказывающийся от проявления такой лояльности, немедленно исключался бы из партии.

Таким образом, монолитный характер российской партии, который выработался в борьбе с оппозицией, распространялся на Коминтерн и отдельные входившие в него партии. В результате такого нажима, который складывался из поощрений, перемежающихся с исключениями, во всех основных партиях должна была быть создана группа лидеров, связанная с Москвой неразрывными узами как собственного интереса, так и лояльности, ибо любое неподчинение власти Коминтерна оказалось бы неподчинением их собственной власти. Начиная с 1929 г. в общем и целом в партиях поддерживалась дисциплина. Необходимости в открытом обращении за помощью в органы Коминтерна не было, а гласности и скандалов избегали. Партии больше не были независимыми организациями: они стали тем, чем они всегда были по названию — «секциями» Коминтерна, пользующимися строго ограниченной автономией.

При таком решении вопроса тем не менее оставалась дилемма, с которой Коминтерн столкнулся еще в 1920 г., когда его второй конгресс обсудил и навязал ему «двадцать одно условие» приема⁶⁹. Большевицкая концепция революции была интернациональной, и ее знаменосцем и проводником ее идей в жизнь должна была быть интернациональная организация. Второй Интернационал пришел к банкротству из-за неумения сделать свои решения обязательными для входящих в него партий и добиваться их выполнения. Нельзя было позволить, чтобы такая же оплошность омрачила перспективы Третьего Интернационала. Однако когда — также как это неизбежно произошло в условиях 20-х гг., — конгрессы и центральные органы Коминтерна стали все больше подчиняться доминирующему влиянию российской партии, а с обострением борьбы против оппозиции — советским партийным руководителям, эта дилемма приняла новую и более коварную форму.

Решения Коминтерна могли навязываться — и навязывались — партиям, но только ценой отчуждения все большего и большего числа рабочих в соответствующих странах, которые не откликались на казавшейся им своевольным, а иногда и просто неуместным диктат далекой и чуждой власти. Британская и американская партии оставались небольшими сектами, не имевшими массовых последователей, и у них становилось все меньше и меньше сторон-

ников. В Германии, Франции и Чехословакии массовые коммунистические партии сумели внести раскол в рабочее движение, но так и не сумели возглавить его. В конце 20-х годов они все еще вели войну против социал-демократов во все более и более неблагоприятных условиях. Укрепление нитей, которые привязывали партийных лидеров к Москве, повсеместно ослабляло их влияние на рядовых рабочих.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Вспомогательные организации, финансируемые и поддерживаемые Коминтерном, в которых для осуществления каких-либо определенных целей коммунисты сотрудничали с некоммунистами и которые, таким образом, косвенно способствовали достижению конечных коммунистических целей, достигли апогея в своем развитии в середине 20-х гг. Это было время, когда в международных отношениях еще продолжался период относительной разрядки, начавшийся в 1921 г., и когда в Москве еще была популярна политика единого фронта, которую толковали в самом широком смысле.

Климат общественного мнения постепенно менялся. Первые симптомы появлялись в различных контекстах и в различное время. Однако к 1927 г. в разгар напряженности внутри партии и международной напряженности в целом, а также в связи с обострением недоверия к социал-демократам и другим левым партиям, будущее вспомогательных организаций омрачилось. Взаимные упреки, которые бросали друг другу коммунисты и некоммунисты, входившие в состав левого движения в Германии, Великобритании, Франции и других европейских стран, достигли нового уровня обострения, и, хотя партийные лидеры испытывали друг к другу более враждебные чувства, чем рядовые члены партий, это создавало эффективную преграду на пути сотрудничества. Более того, по мере усиления кризиса Коминтерн, создавая в этих организациях коммунистические фракции, подчинявшиеся партийным инструкциям¹, все более настойчиво стремился лишить коммунистов — членов этих фракций всякой свободы действий, наставляя на том, чтобы они неуклонно выполняли меняющиеся директивы Москвы. Таким образом, когда в Коминтерне произошел поворот влево, вспомогательные организации перестали быть органами сотрудничества, а стали платформами, с которых коммунисты провозглашали свои бескомпромиссные доктрины и политику.

В течение некоторого, недолгого периода казалось, что создаваемые в целях решения какой-то конкретной задачи временные организации или «фронты» (в качестве наиболее удачного примера можно привести Лигу по борьбе с империализмом), в которых коммунисты, хотя и действовали активно за кулисами, предостав-

ляли центральную арену левым группам и партиям, могли служить более эффективной заменой постоянных вспомогательных организаций. Однако и они тоже вскоре подверглись тому же самому процессу эрозии. К концу 1929 г. от практики сотрудничества с некоммунистами в совместных организациях практически отказались, и вспомогательные организации, первоначально созданные для проведения в жизнь этой цели, потеряли свое значение.

а) Коммунистический Интернационал Молодежи (КИМ)

Отмеченный весной 1926 г. спад в молодежном коммунистическом движении² был отнесен в Москве за счет того, что движение было оставлено без внимания коммунистическими партиями. Однако оживление союзов молодежи в качестве независимой силы в то время, когда главная цель заключалась в мобилизации их поддержки для проведения кампании против оппозиции, представляло тяжелую задачу. В июле 1926 г. Президиум ИККИ принял резолюцию, призывающую партии оказывать этому движению больше поддержки и создавать группы и ячейки союзов молодежи везде, где существовали партийные группы и ячейки. В резолюции обращало на себя внимание отсутствие упоминания о КИМе³.

VI пленум Исполнительного Комитета КИМа (ИККИМ) открылся 10 ноября 1926 г., до начала работы VII пленума ИККИ⁴. Сделанный Шацкиным основной доклад был посвящен борьбе против оппозиции в ВКП(б) и ее союзников за рубежом. По-видимому, единственным, кто не соглашался с ним, был чешский делегат Михалец, который защищал декларацию оппозиции от 16 октября 1926 г. Он был последовательно осужден рядом выступавших, и в начале официальной резолюции смело провозглашалось, что после периода временного спада коммунистическое молодежное движение «теперь, несомненно, снова стоит на пути прогресса и консолидации». В этой резолюции оказалось много положений, впоследствии вошедших в резолюцию VII пленума ИККИ. В ней поименно осуждались Михалец и Вуйович. В ней благославлялась тактика единого фронта (особенно визиты в Советский Союз делегаций непартийной молодежи), но признавалось, что эта тактика иногда приводила к «грубым оппортунистическим ошибкам». В ней указывалось на «возрастающую военную опасность» и провозглашался лозунг: «Защитим Советский Союз от нападений империалистов! Советский Союз — это единственное отечество рабочих всего мира!»

Резолюция атаквала «капиталистическую рационализацию» и ее последствия. Наконец в ней выражалось сожаление в связи с тем, что июльское обращение Президиума ИККИ не встретило достаточного отклика и что отношения между партиями и союза-

ми молодежи остаются неудовлетворительными. Однако определение этих отношений оказалось несколько затруднительным:

«Расширенный пленум ИККИМ считает обязательным для всех секций КИМ признавать руководство партии и подчиняться партийной дисциплине. Только в тех случаях, когда линия той или иной партии отличается от линии или директив Коммунистического Интернационала или расходится с ними, Коммунистический союз молодежи не может и не должен в борьбе за большевистскую линию позволить себе оказаться связанным партийной дисциплиной (примером может служить то, что произошло в майские дни в Польше), помня, что подчинение дисциплине Коммунистического Интернационала более обязательно, чем подчинение дисциплине партии»⁵.

Тем не менее несколько дней спустя, выступая на VII пленуме ИККИ, Куусинен без особого энтузиазма говорил о достижениях КИМа и сетовал на то, что «наше юношеское движение в настоящее время обладает слишком ничтожной притягательной силой... среди беспартийной молодежи». Позже на том же пленуме представитель КИМа, не протестуя против этой критики, заявил о совершенной лояльности данной организации по отношению к Коминтерну и об осуждении ею оппозиции. В числе несогласных он назвал только Вуйовича и Михалеца, которые уже были осуждены⁶.

После затишья, наблюдавшегося в партийных делах в первые месяцы 1927 г., КИМ был быстро вовлечен в кризис, вызванный в апреле и мае китайской катастрофой и разрывом англо-советских дипломатических отношений. Еще в декабре 1926 г. Коммунистический союз молодежи Великобритании на своем конгрессе в Шеффилде объявил о поддержке китайской революции. Впоследствии он утверждал, что распространял листовки среди солдат и моряков, которые направлялись в Китай, и посылал агитаторов в порты, где они должны были грузиться⁷.

VII пленум ИККИМ проходил с 18 по 27 июня 1927 г. После того как Шацкий открыл пленум, Мануильский выступил с двухдневным докладом о результатах состоявшегося в предыдущем месяце VIII пленума ИККИ. В конце, как сообщалось, «оживленной дискуссии» Исполнительный Комитет единодушно принял резолюцию, в которой одобрялись выводы о международном положении, сделанные ИККИ, и выносилось осуждение Троцкому и Вуйовичу⁸. Затем последовал доклад Шюллера об опасности империалистической войны и еще один доклад — о «задачах и методах» работы в войсках, по которым была принята длинная резолюция, отличавшаяся некоторыми нюансами, — главным образом чувством личной причастности — от соответствующих заявлений Коминтерна.

В резолюции выражался протест *«против опасности империалистической войны и против милитаризма»*, а также *«против обязательного военного обучения молодежи»* как «части империали-

стической армейской системы». В ней цитировались слова Либкнехта о том, что «тот, кто имеет молодежь, имеет армию», и подчеркивалось значение *«практической и регулярной работы в армии и на флоте»*, но содержались предупреждения против пацифизма, которым, как говорили, был заражен американский союз молодежи.

Резолюция призывала КИМ к проведению «мощной и активной кампании солидарности с Советским Союзом и китайской революцией». Тактику единого фронта следовало применять в борьбе против империалистической войны и для защиты русской и китайской революций, однако в сочетании с разоблачением банкротства Социалистического интернационала молодежи и предательства социал-демократических вождей. Это означало, что объединенные комитеты молодежи могли создаваться на местах, на фабриках и заводах для привлечения «широких масс рабочих», но не в центральных организациях. Наконец, важно было создавать сильные организации «в центрах промышленности и в портах», но следовало загадочное добавление противостоять попыткам буржуазии «совсем загнать КИМ в подполье»⁹. Кажется, еще не было такого подробного публичного высказывания по этим вопросам.

VII пленум ИККИМ принял резолюцию о британском союзе молодежи, центральная задача которого в свете разрыва англо-советских дипломатических отношений заключалась в «выполнении своей роли организатора молодежи в борьбе против империалистической войны»¹⁰. Были приняты также резолюции по профсоюзному вопросу и по вопросу об образовании молодежи. По последнему вопросу были отвергнуты социал-демократические требования продления образования до 16 лет на том основании, что они представляют собой уловку, направленную на то, чтобы «скрыть» проблему безработицы и не допустить конкуренцию со стороны молодых рабочих. Образование должно быть продлено «до 16 лет и дольше», но оно должно осуществляться в школах при предприятиях и учащиеся должны получать плату¹¹.

Однако в то время, как ИККИМ и центральный аппарат КИМа функционировали с нормальной деловитостью в качестве младшего помощника Коминтерна¹², попытки вдохнуть новую жизнь в коммунистические союзы молодежи были менее успешны. Основной работой КИМа, помимо оказания помощи Коминтерну в деле разгрома и уничтожения оппозиции, была работа по привлечению молодежных организаций к активной поддержке проводимых Коминтерном кампаний, особенно кампании против империалистической войны¹³. Организовывались визиты в Советский Союз делегаций молодых рабочих¹⁴. Каждый год 1 сентября с речами и шествиями праздновался Международный день молодежи¹⁵. В таких вопросах, как безработица, забастовки и рационализация в капиталистических странах, КИМ действовал в качестве помощника Профинтерна¹⁶. Попытки содействовать тому, что-

бы союзы молодежи принимали более активное участие в беспартийных массовых организациях, не увенчались большим успехом, за исключением, пожалуй, спортивных организаций¹⁷. Однако, рассказывая в декабре 1927 г. на XV съезде партии о работе КИМа, Шацкий признал наличие «трудностей», в том числе уменьшение численности многих организаций и исчезновение некоторых из них¹⁸.

В этот период союзы молодежи распадались на три категории: 10 союзов функционировали легально в крупных странах, 16 находились в более мелких и отдаленных странах и лишь изредка давали о себе знать 17 союзов, в том числе все, работавшие в Азии, действовали в подполье. Приводились внушительные цифры, отражающие общее число членов всех союзов молодежи, кроме советского комсомола: 117 621 человек — в июне 1927 г., 95 200 — в декабре 1927 г. (уменьшение численности объяснялось репрессиями против китайского, итальянского, югославского и болгарского союзов молодежи) и 127 232 человека — в середине 1928 г.¹⁹.

В сгущающейся атмосфере кризиса и опасений, царившей в Москве, руководители КИМа явно чувствовали, что требуется больше работать. Как обычно, они относили неудачи за счет недостатков в организации, и в январе 1928 г. в Берлине была созвана международная организационная конференция КИМа. Тем фактом, что конференция проводилась в Берлине, отдавалось должное важности немецкого союза молодежи. Конференция обнаружила, что застой в росте числа членов союзов — общее явление; только шведский союз значительно вырос по численности. Для всех союзов молодежи была характерна огромная текучесть состава. Были приняты резолюции о совершенствовании методов привлечения новых людей, о необходимости периодического проведения организационных конференций и о принципе организации по ячейкам²⁰.

VIII пленум ИККИМ прошел вслед за IX пленумом ИККИ в феврале 1928 г. В принятой на нем резолюции по основному вопросу особо заявлялось о его приверженности решениям вышестоящего органа. Далее с различными акцентами эта приверженность подтверждалась поношением разгромленной оппозиции в российской партии, одобрением усиления борьбы против социал-демократии «в международном масштабе» и призывом к «усилению поддержки линии Коминтерна». В ней повторялись предыдущие высказывания об опасности империалистической войны и о работе в войсках, снова затрагивался вечный вопрос о профсоюзах и объявлялось о создании Восточно-Европейского бюро КИМа²¹.

Подобно пленуму ИККИ, пленум ИККИМ принял отдельные резолюции и о профсоюзах и о китайской революции²². Еще в одной резолюции одобрялась работа организационной конференции, состоявшейся месяцем ранее в Берлине, и выводы, к которым она пришла²³. Теперь, когда была разгромлена оппозиция и летом предстояло провести важные конгрессы Коминтерна и

КИМа, казалось, что конференция была будничным, повседневным делом. На VIII съезде комсомола, проходившем в мае 1928 г., Шацкий жаловался на то, что ИККИ «очень мало интересуется тем, что в КИМе происходит», и признавал, что комсомол принимает об этом постановления, но «этого недостаточно»²⁴.

Когда 17 июля 1928 г. собрался VI конгресс Коминтерна, КИМу была оказана особая честь: его главному делегату Шюллеру позволено было выступить с длинным докладом сразу после того, как Бухарин открыл конгресс докладом о работе ИККИ. Выступление Шюллера состояло из обычной смеси панегириков, критики, призывов и увещаний и не содержало ничего нового²⁵. В последовавших затем прениях делегат от ИККИ Васильев обратил внимание присутствующих на малый численный состав союзов молодежи и скептически отнесся к их притязаниям на то, чтобы считаться массовыми организациями. Тельман призвал вспомнить об «антимилитаристских традициях пролетарской молодежи и Коммунистического союза молодежи для борьбы с империалистической войной»²⁶. Хитаров официально объявило принятии делегацией КИМа тезисов Бухарина и заявил, что КИМ «всегда был одной из самых верных опор Коминтерна». Однако он энергично отвергал любое «ограничение нашей политической деятельности» и требовал для КИМа «права высказываться по отдельным партийным вопросам, выражать наше мнение, воспитывать в соответствующем духе наши союзы»²⁷. Несмотря на то что в прениях выступило несколько представителей союзов молодежи, Шюллер жаловался в своем заключительном слове на то, что ни один партийный руководитель, кроме Тельмана, не проявил никакого интереса к молодежному движению, которое он, со ссылкой на высказывание Ленина, назвал «массовой школой коммунизма»²⁸.

Резолюция конгресса по основному докладу призывала КИМ развивать и совершенствовать методы работы и вовлечения новых людей в союзы молодежи, а также называла в качестве его основных задач участие в массовых организациях, включая профсоюзы, и проведение «антимилитаристской работы». Вместе с тем знаменательно, что в резолюции содержалось предупреждение в адрес КИМа против «попыток узурпировать место партии в руководстве рабочим классом (так называемые авангардистские движения)»²⁹. КИМ и союзы молодежи не в меньшей степени, чем сами коммунистические партии, обязаны были подчиняться железной дисциплине сверху.

V конгресс КИМа собрался 20 августа 1928 г., когда еще не закончил свою работу VI конгресс Коминтерна. В передовой статье «Правды» и выражалась уверенность в том, что отправной точкой его работы послужат «рассмотренные уже Коминтерном важнейшие вопросы мирового и революционного движения»³⁰. После официального открытия, на котором выступили Хитаров, Бухарин и Тельман³¹, 28 августа начались регулярные заседания

конгресса, которые продолжались до 18 сентября 1928 г. Впечатление такое, что в прениях почти ничего нового сказано не было³². Бухарин еще раз появился на конгрессе 8 сентября 1928 г., чтобы выступить с докладом о VI конгрессе Коминтерна, который к тому времени закончил свою работу, и тут же была принята резолюция о том, что «решения конгресса Коммунистического Интернационала составят основу для работы и решений V Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала Молодежи и для деятельности всех его секций в будущем»³³.

Помимо длинной общей резолюции, охватившей большую часть поднимавшихся на конгрессе вопросов³⁴, были приняты «антивоенная» резолюция, резолюция по колониальному вопросу, резолюция о работе в профсоюзах и в области спорта. И, следуя примеру Коминтерна, конгресс принял новую программу и устав КИМа. Хитаров заключил работу конгресса заверениями о том, что «молодые солдаты коммунизма будут лучшими борцами против империалистической войны и лучшими защитниками Советского Союза и колониальных народов»³⁵.

В официальной истории КИМа признавалось, что за четыре года, отделявшие пятый конгресс от четвертого, союзы молодежи оказались не в состоянии «сплотить вокруг себя широкие массы молодых рабочих... и таким образом вовлечь их в борьбу за идеалы пролетариата». Заявление о том, что V конгресс «зарядил все секции Коммунистического Интернационала Молодежи новой энергией и направил их деятельность в область подлинно коммунистической массовой работы среди молодых рабочих», покоится на сомнительной основе³⁶.

На конгрессе мало говорилось об отношениях между союзами молодежи и коммунистическими партиями. Вопрос о том, тянулась ли цепочка указаний от ИККИ к молодежным организациям через ИККИМ или через партии, формально так и не был разрешен. Когда все стали петь с одного голоса, КИМ потерял свое значение. Тем не менее сам принцип был провозглашен в его уставе в бескомпромиссных выражениях:

«Политическая деятельность Коммунистического союза молодежи в стране подчиняется коммунистической партии данной страны. В случае разногласий Коммунистический союз молодежи выполняет решения Коммунистического Интернационала и Коммунистического Интернационала Молодежи и ставит интернациональную дисциплину выше национальной партийной дисциплины».

Верность принятым в Москве решениям была лейтмотивом конгресса. Примечательно, что, когда Коминтерну понадобилось воспользоваться британским и французским союзами молодежи и их руководителями для нанесения поражения упрямому так называемому правому крылу в руководстве британской и французской партий³⁷, он действовал непосредственно через отдельных лиц или соответствующие организации, КИМ был при этом успешно обойден.

Верность Коминтерну и его политике оставалась девизом КИМа. В своем традиционном первомайском воззвании в 1929 г. он отдавал приоритет политическим лозунгам («Долой империалистическую войну», «Защитим Советский Союз», «В поддержку колониальных народов» и «Долой социал-демократию») перед такими вопросами, как продолжительность рабочего дня, оплачиваемый отпуск и «равная плата за равный труд»³⁸. Однако реальности были менее утешительны. Борьба против уклона в российской партии и дискредитация Бухарина потрясли многие коммунистические партии, а эффект, оказанный на союзы молодежи, был еще разрушительнее даже там, где их руководители были завербованы для поддержки официальной линии. Даже советский комсомол не избежал потрясения³⁹.

Занавес над сложностями возникшей ситуации был приподнят на X пленуме ИККИ в июле 1929 г. Выступая от имени Президиума КИМа, Хитаров постарался утвердить свою независимость посредством необычайно острой критики в адрес Мануильского, которого он обвинил в недостаточно критическом отношении к правым. Затем, обратившись к делам КИМа, он пожаловался, что предыдущие ораторы говорили о нем «с улыбкой и с желанием как-нибудь нас уколоть». Он отверг теорию, которую, как говорили, проповедовали некоторые руководители Коминтерна во время VI конгресса, состоящую в том, что молодежное движение следовало бы «деполитизировать». Он напомнил о сильных колебаниях, наблюдавшихся в немецком союзе молодежи предыдущей осенью, и добавил, что «определенная неуверенность в отношении партийной линии» какое-то время сохранялась, хотя теперь — как он, по-видимому, считал — она была изжита. Тем не менее, закончил Хитаров убийственным признанием о том, что развитие союзов молодежи «отстает от событий» и что «их система работы и руководства является отсталой и в значительной мере социал-демократической»⁴⁰.

Пятничный обрушился на союзы молодежи, заявив, что ими не было сделано ничего для выполнения наказов VI конгресса Коминтерна и что с тех пор численность членов всех основных союзов упала. Он доказывал, что, хотя прием в союзы молодежи был «шире», чем в партию, так как молодых рабочих принимали «без всяких условий», новобранцы были молоды и неотягчены социал-демократическими традициями, так что КИМу было «легче прививать им коммунистические идеи». Какой-то делегат КИМа сетовал на «отсутствие массовых молодежных организаций»⁴¹. В резолюции пленума фигурировало короткое наставление союзам молодежи больше заниматься «работой в массах»⁴².

Неприятности, однако, тем не кончились. В сентябре 1929 г. было заменено все руководство беспокойного Коммунистического союза молодежи Германии. Два месяца спустя, во время следующего пленума ИККИМ, общее число членов во всех союзах, кроме комсомола, было менее 90 тыс. человек, или, по другому под-

счета, 72 тыс.⁴³. Дилемма, стоявшая перед многими зарубежными коммунистическими партиями, еще острее стояла перед союзами молодежи. Повсеместный массовый прием способствовал развитию широкого несогласия в мнениях. Настоятельное требование строгого единообразия препятствовало приему новых людей в союзы. Немногие из союзов молодежи отличались большой жизнеспособностью, и КИМу поневоле чаще приходилось сдерживать непокорных, чем побуждать молодежь к действиям.

б) Международная рабочая помощь

Британская всеобщая забастовка и забастовка горняков оказались вехой в деятельности Международной рабочей помощи (Межрабпом). Одна из главных функций этой организации заключалась в оказании помощи пострадавшим от крупных стихийных бедствий, таких, как голод в России и землетрясение в Японии, или бастующим рабочим, как, например, это было в Германии зимой 1923/24 г.⁴⁴. Всего через несколько часов после объявления всеобщей забастовки в Великобритании Центральный комитет Межрабпома в Берлине обратился ко всем членам организации с призывом оказать всякого рода поддержку бастующим. После поражения всеобщей забастовки помощь продолжала оказываться оставшимся теперь в изоляции горнякам⁴⁵.

12 сентября 1926 г., в пятую годовщину основания Межрабпома, Центральный комитет этой организации, который находился в Берлине, объявил, что из 40 млн. золотых марок (20 млн. руб., или 2 млн. фунтов стерлингов), собранных за пять лет ее существования, 11 млн. было собрано для британских горняков⁴⁶. В Чехословакии Межрабпом собрала для горняков 1 млн. крон, а во Франции — 47 млн. франков⁴⁷. Был опубликован список жертвований из различных районов Германии в общей сложности на сумму около 120 тыс. марок, почти половина из которых была собрана в Берлине⁴⁸. Британская секция Межрабпома сделала попытку действовать совместно с гуманитарными организациями, такими, как «Помощь друзьям» и «Фонд спасения детей», которые оказывали помощь безработным и их семьям деньгами, вещами и продуктами, и, по-видимому, отдельно сбором жертвований она не занималась.

Эти события укрепили уже существовавшие связи Межрабпома с профсоюзами⁴⁹. В числе профсоюзов, ставших коллективными членами Межрабпома, называли британские, южноафриканские, китайские и японские профсоюзы, а также профсоюзы Советского Союза. Такая организация дела позволила Мюнценбергу летом 1926 г. заявить, что общее число членов Межрабпома достигает 15 млн. человек и что ее секции имеются во всех странах Европы и Северной Америки, а также в Аргентине, Австралии, Южной Африке, Индии, Китае и Японии⁵⁰.

1927 г. был последним годом, когда совместные действия и совместные демонстрации коммунистов и сочувствовавших им левых могли еще проводиться в атмосфере взаимного доверия. Мюнценберг был вдохновителем и инициатором создания Лиги по борьбе с империализмом на ее конгрессе, собравшемся в Брюсселе в феврале 1927 г., хотя Межрабпом имела к ней лишь отдаленное касательство⁵¹. Межрабпом принимала активное участие в кампании против казни Сакко и Ванцетти в августе 1927 г.; в частности, в ее функции входила организация обращений известных деятелей науки и культуры во многих странах с призывами к милосердию и протестами против казни⁵².

Однако международная напряженность, которой отличался этот год, и в особенности все расширяющаяся пропасть между коммунистическими и реформистскими профсоюзами губительно сказались на том сотрудничестве, которое старался развивать Мюнценберг. Взаимное поливание друг друга грязью делало невозможным сотрудничество даже в конкретных и ограниченных целях. Те немногие радикалы, которые все еще старались перекинуть мост через эту пропасть, теряли доверие обеих сторон. Социал-демократические партии и реформистские профсоюзы наложили строжайший запрет на членство в МежрабпOME и МОПРе, и летом 1926 г. Мюнценберг хвастался, что Межрабпом — это «одна из тех организаций, которую больше всего ненавидят социал-демократы»⁵³.

Вместе с тем в Москве стало ощущаться некоторое недоверие к организации, которая благодаря предприимчивости Мюнценберга и его способности изыскивать денежные средства сохраняла такую независимость от контроля партии и Коминтерна, какой не пользовалась ни одна другая организация. В ноябре 1926 г. на VII пленуме ИККИ Куусинену пришлось защищать ее от неназванных товарищей, которые могли счесть ее «излишней»⁵⁴.

Сразу после празднования десятой годовщины революции 20—22 ноября 1927 г. в Берлине состоялся международный конгресс МежрабпOMA, открывший, по выражению Мюнценберга, новую «главу в истории» этой организации. На конгресс съехались делегаты примерно из 20 стран, включая негра-железнодорожника из Сьерра-Леоне и представителя гоминьдановских левых. Трех делегатам от советских профсоюзов было отказано в визах, и они не смогли прибыть. Председательствовал немецкий профессор Гольдшмидт, известный по брюссельскому конгрессу Лиги по борьбе с империализмом. Единственной выдающейся политической фигурой был, по-видимому, Ледебур.

Докладывая о достижениях МежрабпOMA за шесть лет, Мюнценберг сообщил об основной теме конгресса: «Наряду со старыми неизменными задачами у Международной рабочей помощи имеется новая и важная задача — серьезная революционная работа МежрабпOMA в социально-политической области». Что под этим подразумевалось, стало ясно в ходе прений по вопросу об

отношениях со Всемирной организацией помощи, незадолго до того учрежденной Лигой наций. Указывалось, это устав этой организации содержит статью, разрешающую ей вмешательство только с одобрения Лиги наций. Это было сочтено за доказательство того, что ее предполагаемый политический нейтралитет был просто фикцией. Один за другим выступавшие убеждали Межрабпом «нарушить монополию» буржуазных организаций помощи и подчеркивали ее политические цели. Цели эти получили определение в резолюции конгресса: «В противоположность буржуазным благотворительным организациям, «Армии спасения» и социал-демократической рабочей благотворительности Международная рабочая помощь — это пролетарская организация помощи, опирающаяся на широкие массы рабочих и имеющая одну цель — помогать рабочим в их великой экономической борьбе и в периоды массовой нужды и массовых бедствий и нищеты».

Акцент на оказание помощи бастующим рабочим был перенесен в резолюцию об отношениях с профсоюзами. Межрабпом является «не профсоюзом и не заменой профсоюза». Но то, что профсоюзы не сумели организовать финансовую помощь в периоды длительной экономической борьбы и заботиться о неорганизованных рабочих, доказывает, что профсоюзной борьбы недостаточно. Далее в резолюции говорилось: «Правильно оценивая этот факт, Международная рабочая помощь включила в свою программу мобилизацию финансовых и моральных ресурсов всех рабочих — что далеко выходит на рамки профсоюзной организации, — крестьян, интеллигенции и слоя мелкой буржуазии для поддержки такой экономической борьбы и гигантских забастовок».

В сообщении о визите интернациональной делегации Межрабпома в Советский Союз на празднования годовщины Октябрьской революции ярко освещались ее достижения и содержался призыв им следовать⁵⁵. Тельман написал восторженную статью, в которой призывал всех коммунистов вступать в Межрабпом и «изо всех сил поддерживать эту истинно пролетарскую вспомогательную организацию классовой борьбы»⁵⁶.

Эти воинственные жесты не спасли Межрабпом от нападков, когда линия Коминтерна резко свернула влево и социал-демократы были осуждены как злейшие враги коммунизма. В июле 1928 г. на VI конгрессе Коминтерна Мюнценбергу впервые пришлось перейти к обороне. В своем основном докладе Бухарин лишь по ходу дела упомянул о «сочувствующих нам организациях», но назвал только Крестинтерн и Лигу по борьбе с империализмом и признал, что последнюю есть за что покритиковать⁵⁷. Мюнценберг доказывал, что до сих пор Коминтерн всегда пропагандировал «массовую агитацию и работу в подсобных массовых организациях» — работу, которую некоторые товарищи теперь считали «полуменьшевистским уклоном или по крайней мере работой низшего ранга» и расценивали как «оппортунистическую политику» и «правый» уклон». Межрабпом и МОПР, «хотя и ор-

ганизации некоммунистические, но находящиеся под нашим влиянием», сами по себе не являлись массовыми организациями, как профсоюзы и кооперативы, но они представляли собой «узловые пункты». «Мы хотим, — воскликнул Мюнценберг, — возбудить интерес... среди миллионных масс индифферентных рабочих, не принимающих никакого участия в политической жизни». В этом отношении имеет значение также культурная деятельность Межрабпома: кинофильм «Броненосец Потемкин» посмотрели пять миллионов рабочих⁵⁸.

Межрабпом была включена в резолюцию по докладу Бухарина наряду с другими вспомогательными организациями, в которые коммунистов призывали вступать и которым они должны были оказывать поддержку и помощь. Однако в отличие от МОПРа она не была удостоена специально посвященной ей резолюции⁵⁹.

Летом 1928 г. климат в Москве уже не благоприятствовал не только широкому толкованию единого фронта, но и такой независимости, какую благодаря искренности удалось приобрести для себя Мюнценбергу. Коммунист по убеждению, Мюнценберг тем не менее чрезвычайно легко контактировал с людьми. Это качество уже не согласовывалось с настроением и политикой руководителей Коминтерна, и собственное положение Мюнценберга было подорвано. Штаб-квартира Межрабпома оставалась в Берлине. Однако после ноябрьского, 1927 г., конгресса там больше не проводились конференции этой организации, и большое значение, очевидно, приобрело ее московское отделение, возглавляемое верным работником Межрабпома и Коминтерна итальянским эмигрантом и старым большевиком по имени Мизано⁶⁰. И все же Мюнценберг еще не исчерпал своих талантов. Антифашистский конгресс в Берлине состоявшийся в феврале 1929 г.⁶¹, хотя номинально и был организован независимым комитетом, по-видимому, было его детищем, и в одной из своих резолюций конгресс отдал должное деятельности Межрабпома:

«В странах, где царит открытый террор, Международная рабочая помощь с ее многосторонними контактами и при ее интернациональной позиции может оказывать чрезвычайно важные услуги, поддерживая массовые забастовки и другие формы массовой борьбы, а также «легальные кампании», проводимые профсоюзными и другими рабочими организациями»⁶².

На XII съезде КПГ, состоявшемся в июне 1929 г., Мюнценберг выступил с решительной защитой своей позиции, которая, несомненно, нашла много сочувствующих среди тех, кто присутствовал на съезде:

«Есть ряд товарищей, которые говорят: «Имеется противоречие в том, что Вилли Мюнценберг стоит за левую линию партии и тем не менее руководит Международной рабочей помощью и подобными организациями, которые не придерживаются слишком левой политики». Эти люди либо очень глупы, либо очень по-

верхностны... Такая тактика единого фронта сможет осуществляться только в том случае, если сама партия постоянно проводит революционную линию. Чем больше мы работаем в профсоюзах, в кооперативах, в МежрабпOME и т. д., тем тверже и неуклоннее мы следуем линии партии»⁶³.

Мюнценберг не присутствовал на X пленуме ИККИ в Москве в июле 1929 г., и в ходе работы пленума никто, по-видимому, не упомянул о МежрабпOME. Однако пренебрежительные замечания Пятницкого о беспартийных организациях, очевидно, относились к ней. В такой же мере, как в отношении МОПРа, в отношении МежрабпOMA справедливо то, что Германия была единственной, за исключением Советского Союза, страной, где эта организация пользовалась поддержкой широких масс⁶⁴. В Германии Межрабпом через 18 провинциальных секретариатов проникла во все уголки страны, и ее культурная и пропагандистская деятельность велась постоянно⁶⁵. В других странах ей в лучшем случае удавалось время от времени вызывать интерес к конкретным кампаниям⁶⁶.

В Москве главную пользу от нее видели в то время в поддержке и поощрении забастовок, особенно благодаря влиянию, которое она оказывала на рабочих, не организованных в профсоюзы. Лозовский хотел, чтобы она сосредоточила свое внимание на вовлечении в профсоюзы неорганизованных рабочих, надо полагать, в тех странах, где или не существовало красных профсоюзов, или их деятельность не приносила результатов⁶⁷. Но в более ранний период своей деятельности Межрабпом была в значительной степени обязана исключительным успехом своей способности выступать в качестве беспартийной организации, объединяющей людей, симпатизирующих Советскому Союзу. Когда она лишилась этой способности и когда коммунисты и социал-демократы полярно разошлись в своем отношении к Советскому Союзу, Межрабпом превратилась в пустую шелуху, лишенную присущих ей первоначальной силы и энтузиазма.

в) Международная красная помощь (МОПР)

Подобно Межрабпому, Международная красная помощь (Международная организация помощи революционерам — МОПР) в первую очередь имела значение как средство привлечения сочувствующих делу пролетариата и советов из числа членов других партий. Нормально ее деятельность ограничивалась организацией кампаний протеста против актов угнетения и насилия в отношении рабочих, а также оказанием материальной помощи семьям заключенных.

Вторая международная конференция МОПР, в которой участвовало 72 делегата из 42 стран, состоялась в Москве с 24 марта по 5 апреля 1927 г. Первое заседание проходило в театре Мейер-

хольда, и после его окончания был показан спектакль по пьесе Третьякова «Рычи, Китай!». На конференции было заявлено, что общее число членов организации составляет 10 млн. человек, из которых 6 млн. были индивидуальными членами. Был избран Исполнительный комитет в составе 55 человек под председательством К. Цеткин. Ее заместителями были избраны Катаяма, Марти и Стасова⁶⁸.

В июле 1926 г., воспользовавшись приездом в Москву Ленсбери, было проведено заседание комитета, на котором Ленсбери рассказал о помощи, оказанной британской секцией (известной под названием «Международная помощь узникам классовой войны»), британским рабочим, находившимся в тюрьмах или бастовавшим, а также их семьям⁶⁹.

Одной из отличительных особенностей 1927 г. было то, что большое внимание уделялось Китаю. В начале марта 1927 г. МОПР выпустила прокламацию против «массового террора» иностранных империалистов в Шанхае. К сожалению, в это время еще была жива вера в «национально-революционные армии Кантона», которые готовили наступление на этот город⁷⁰. В связи с налетом на советское посольство в Пекине в апреле 1927 г. МОПР выразила протест против «варварского убийства 25 китайских коммунистов»⁷¹. В июле 1927 г. новое обращение было вызвано «белым террором» в Китае. В конце года МОПР снова протестовала против «потоков крови» и «массовых расстрелов», последовавших за кантонским восстанием⁷². 11 января 1928 г. в Москве был проведен митинг, организованный МОПР совместно с обществом «Руки прочь от Китая», на котором выступил Лозовский⁷³.

Однако международная озабоченность тяжелым положением британских горняков и судьбой китайской революции померкла — как указывал Пеппер в статье, помещенной в коминтерновском журнале⁷⁴, — перед громадной волной сочувствия и возмущения, которая была вызвана смертным приговором, вынесенным двум молодым американцам итальянского происхождения Сакко и Ванцетти. МОПР находилась в центре массовой кампании протеста против этого приговора, и в начале августа 1927 г. выпустила два воззвания к «рабочим и интеллигенции» мира⁷⁵. Возмущение этим приговором вдохновлялось не только — и, пожалуй, даже не в основном — коммунистами. Но партийная печать — причем в особенности в этой кампании выделялась «Юманите» — повсеместно осуждала американское правосудие: с жадностью моментально публиковались сообщения о протестах и демонстрациях, проводимых другими левыми партиями и группами во многих странах. Приведение приговора в исполнение 22 августа 1927 г.⁷⁶ вызвало два яростных протеста со стороны МОПР. Президиум ИККИ заявил, что «американский империализм убил Сакко и Ванцетти», а Горкин сказал, что этот акт «не суд, а классовая расправа»⁷⁷. Три месяца спустя Сталин вспоминал о том, что

«убийство двух рабочих... привело в движение рабочий класс всего мира»⁷⁸.

Функции, связанные с выражением протеста и преданием гласности событий, касающихся рабочего класса, продолжали доминировать в деятельности МОПР на протяжении всего 1928 г. 18 марта, в день Парижской коммуны, праздновалось как пятая годовщина МОПР. Ей был посвящен специальный выпуск «Интернационале Прессе-Корреспондент», а в Москве в этот день открылся II съезд ее советского отделения, на котором присутствовали два ветерана Парижской коммуны⁷⁹. Съезд закончился выборами Исполнительного Комитета, председателем которого стала Стасова⁸⁰.

По мере усиления международной напряженности Лозовский лучше чем кто-либо другой увидел в МОПР потенциального союзника и поддержку своей бескомпромиссной профсоюзной политики. Эта организация привлекла к себе неожиданно много внимания на IV конгрессе Профинтерна, состоявшемся в марте 1928 г. Докладчик, предложивший резолюцию о МОПР, заявил, что «только его русская секция действительно ведет большую работу для помощи жертвам белого террора... как самим заключенным, так и семьям тех, кто пал жертвой классовой борьбы», и ответил, что особенно важной была работа в Китае, Италии и Болгарии⁸¹. В резолюции, составленной в гиперболических выражениях, заявлялось, что МОПР завоевала «доверие широчайших миллионных масс пролетариата — без различия партийной принадлежности» и является «организацией единого фронта для борьбы против реакции, против буржуазной классовой юстиции, против белого террора и фашизма», а также против «подавления и преследования революционных профсоюзных организаций». Резолюция призывала членов профсоюзов вступать в МОПР, участвовать в проводимых этой организацией кампаниях и собирать деньги для ее поддержки⁸².

В 1928 г. традиционное первомайское воззвание МОПР представляло собой перечень индивидуальных и коллективных жертв империалистического угнетения и террора почти во всех странах мира⁸³. В другой первомайской прокламации 1928 г. осуждался польский и итальянский фашизм, а также зарождавшийся фашизм в Австрии. Наконец еще одна прокламация, выпущенная несколькими неделями позже, призывала к «акции протеста» против «кровавого фашистского террора» в Италии⁸⁴. На 30 июня — 1 июля 1928 г. было назначено проведение в Кельне⁸⁵ «международного дня» МОПР с демонстрациями рабочих.

VI конгресс Коминтерна создал комиссию для подготовки резолюции о МОПР, которая была принята без доклада и обсуждения на пленарном заседании⁸⁶. Единственным новшеством в этой резолюции, где МОПР характеризовался как «важнейшее орудие проведения тактики единого фронта», был тот акцент, который делался на борьбу с фашизмом (борьбу, с которой также

ассоциировался Межрабпом) и на вербовку «социал-демократических, организованных в профессиональные союзы рабочих и широких масс работниц»⁸⁷.

Так как МОПР был не столько постоянным институтом, сколько лишь такой организацией, в рамках которой проводились периодические кампании, и так как качественные характеристики ее национальных секций сильно отличались одна от другой, цифры, говорящие о количественном составе этой организации, были спекулятивны и частично не отражали реального положения вещей. В нее входили и индивидуальные члены и в большой мере — особенно это касается Советского Союза и Китая — целые коллективы. В 1928 г. общее число членов МОПР составляло, по подсчетам, 7 млн. 800 тыс. человек, в том числе 3 млн. 541 тыс. — в Советском Союзе. По заявлению МОПР, за шесть лет ее существования было собрано более 10 млн. рублей в виде пожертвований и более 9 млн. рублей было израсходовано на оказание помощи⁸⁸. В статье об организации МОПР в Советском Союзе Стасова писала, что в ней состоит 3,5 млн. человек, из которых 72,8% — беспартийные, организованные в 47 тыс. ячеек на промышленных предприятиях, в школах и других учреждениях, в Красной Армии и в деревнях, но большая часть этой сети, возможно, существовала лишь на бумаге. Издавался журнал «Путь МОПРа» и распространялось большое число памфлетов и плакатов⁸⁹.

Помимо Советского Союза, единственной страной, где МОПР представляла собой широко разветвленную организацию, была Германия. С мая 1926 г. там издавался журнал, который назывался «МОПР: журнал борьбы и труда международной красной помощи». Сообщалось, что в конце 1926 г. германская секция насчитывала 165 тыс. человек, причем значительно более половины из них составляли коммунисты и только две тысячи были социал-демократами. Враждебность социал-демократических вождей к МОПР относили за счет «нечистой совести»⁹⁰. Состоявшаяся 25 и 26 марта 1929 г. в Берлине конференция германского отделения подтвердила свой статус как организация «для поддержки рабочих в массовой экономической борьбе в периоды локауты и забастовок» и как «беспартийной массовой организации» для укрепления на практике пролетарской солидарности. Конференция позаботилась также отразить «атаки Социал-демократической партии Германии и фракции Брандлера», которых она обвинила в попытках «в некоторых местностях мобилизовать МОПР на выполнение не присущих ей задач и использовать против отдельных партий, особенно против КПП»⁹¹.

Понижение в статусе МОПР, как и других вспомогательных организаций, проистекавшее из концепции единого фронта, стало заметным на X пленуме ИККИ в июле 1929 г., хотя этой организации было уделено больше внимания, чем каким бы то ни было другим вспомогательным организациям. Представитель МОПР,

выступивший в прениях по вопросу о подготовке к проведению антивоенного дня 1 августа, так определил три основные задачи, стоящие перед МОПР: мобилизовывать «широкие массы» на проведение кампании против войны, «раскрывать перед массами рабочих и крестьян внутреннюю связь, существующую между фашизмом, белым террором и военной опасностью» и оказывать помощь в поддержку тем, кого преследуют за антивоенную деятельность. Он заявил, что МОПР издает 35 журналов в разных странах и планирует выпустить фильм. Однако закончил он жалобой на то, что коммунистические партии не отводят на страницах своих газет и журналов места МОПР и «абсолютно недооценивают» его возможности как «беспартийной классовой организации» налаживать контакты среди таких слоев населения, к которым не нашли подхода партии. Это было не слишком яркое выступление, и Пятницкий грубо отменил его. Он заявил, что пока еще не во всех массовых организациях имеются коммунистические фракции; там, где они есть, они плохо работают и «не» осуществляют «должного партийного руководства». В Германии МОПР представляет собой «отчасти... массовую организацию», в остальных местах нет даже этого⁹².

Подобно другим вспомогательным организациям МОПР существовала еще несколько лет. Однако ей не хватало такой динамичной личности, какой был Мюнценберг, чтобы замаскировать то забвение, которому она была предана.

г) Крестьянский Интернационал (Крестинтерн)

Начало конца Крестинтерна стало очевидным, когда весной 1926 г. прекратилась публикация его журнала «Крестьянский Интернационал»⁹³. Исполняющий обязанности генерального секретаря этой организации Домбаль в октябре 1926 г. написал статью, посвященную его годовщине, где объявлял лишь о создании Международного аграрного института и о проекте нового журнала «Интернационалер Бауэрн-Корреспондент», который должен будет издаваться в Берлине; больше ничего праздничного он сообщить не мог⁹⁴.

В ноябре-декабре 1926 г. Домбаль участвовал в работе VII расширенного пленума ИККИ в качестве делегата от польской партии, а Бошкович — в качестве югославского делегата⁹⁵. Оба выступали по крестьянскому вопросу. Домбаль с тревогой отметил «возникновение помещичье-кулацкого черно-зеленого Интернационала в этом году при Римском Аграрном Институте», который «тесно связан с Лигой наций», и «участие в его создании кулацкого зеленого Интернационала — Международного Аграрного Бюро Средней Европы» в Праге. Однако он надеялся на «крестьянский интернационализм» как на «революционный фактор»⁹⁶. Бошкович, насколько это было возможно, находил удовлетворение в деятельности коммунистов

среди крестьян во многих странах⁹⁷. Тем не менее ни они, ни председатель аграрной комиссии Денгель не упомянули о Крестинтерне.

В течение 1927 г. от имени Крестинтерна время от времени делались заявления. Но эта организация больше уже никогда не выступала в качестве инициатора или проводника какой бы то ни было политики. Летом 1927 г. пленум ИККИ провел прения по вопросу о работе среди крестьянской молодежи, а его Президиум выдвинул длинную и неясную резолюцию, в которой пропагандировались как работа в непартийных крестьянских организациях, так и поддержка «революционных крестьянских организаций, принадлежащих к Крестинтерну»⁹⁸. Однако эти призывы не имели практического значения. На одном из последующих пленумов ИККИ отмечалось, что только в Польше, Румынии и Болгарии (где работа велась в глубоком подполье и, должно быть, была мизерной) на деятельность молодежных организаций «на земле» смотрели серьезно⁹⁹, а в докладе, сделанном в следующем году, признавалось, что аграрная комиссии КИМа «не достигла больших результатов»¹⁰⁰.

Единственной сферой, в которой Крестинтерн теоретически мог бы играть важную роль, был колониальный и полуколониальный мир, где, как и в дореволюционной России, крестьянство составляло подавляющее большинство населения и где, учитывая слабость буржуазии и рабочего класса, дело национального освобождения было связано с крестьянским восстанием¹⁰¹. Однако, когда один из немногих русских работников Крестинтерна Мещеряков на V пленуме ИККИ в марте 1925 г. предложил, чтобы Крестинтерн возглавил всю работу среди крестьянства в колониальных странах¹⁰², это предложение не встретило поддержки.

Была сделана попытка вовлечь Крестинтерн в советские отношения с Гоминьданом. Однако назначение Ху Ханхина (во время его визита в Москву в 1926 г.) членом Международного крестьянского совета было жестом, который в конце концов был выставлен на посмешище тем, что это предложил, а манифесты о китайских делах, время от времени выпускавшиеся Крестинтерном в 1926 и 1927 гг., были пустыми словами. Настойчивость, с которой на VII пленуме ИККИ в ноябре 1926 г. утверждалась важная роль крестьянского вопроса в китайском революционном движении, ничем не была обязана Крестинтерну. Крестинтерн ни коем образом этому не содействовал¹⁰³.

Скорее одним из симптомов, чем одной из причин слабости Крестинтерна было отсутствие у него не только какой-либо особой крестьянской программы в какой бы то ни было стране (единая крестьянская политика едва ли была бы возможна), но и то, что за пределами Советского Союза у Крестинтерна не было никакой организации. Когда Домбаль составлял свой первоначальный план Крестьянского Интернационала, он, очевидно, представлял себе союз крестьянских партий под руководством коммунистов

по образцу Коминтерна¹⁰⁴. С этими честолюбивыми замыслами было покончено, когда в преддверии V конгресса Коминтерна в июне 1924 г. в коминтерновском журнале была опубликована статья, в которой твердо говорилось о недопустимости создания крестьянских партий: следует поощрять лишь создание крестьянских союзов и организаций, не связанных партийными программами или партийной дисциплиной¹⁰⁵. Та же нота прозвучала и в туманной резолюции V конгресса об отношениях между Коминтерном и Международным крестьянским советом¹⁰⁶.

В докладе Бухарина по аграрному вопросу на V пленуме ИККИ в марте 1925 г., в котором о Крестинтерне ничего не было сказано, еще раз утверждалось, что крестьянские организации должны иметь не «форму политической партии», а «форму крестьянского союза». Бухарин четко представлял себе нечто вроде профсоюза, в котором коммунисты либо займут руководящее положение, либо распространят свое влияние. Варга возражал, доказывая, что такая аналогия неправильна, что на деле крестьянский союз будет партией, хотя и не коммунистической партией. Домбаль также заявлял, что союз и партия различаются только по названию, и на примере Польши показывал, что «политические организации крестьянства не вредны»¹⁰⁷. Бухарин решительно возражал, говоря, что различие между партией и союзом заключается не в том, что одна является политической организацией, а другой — нет, а в том, что партия обязательно имеет «твердо установленную программу, связанную строгой дисциплиной и т. д.» И запрет на крестьянские партии был поддержан в принятой на пленуме развернутой резолюции¹⁰⁸. Такое положение сохранялось три года, в течение которых партийные и коминтерновские руководители прилежно игнорировали Крестинтерн.

Сумеречное существование Крестинтерна на периферии сети коминтерновских организаций было продемонстрировано на праздновании 10-й годовщины революции в ноябре 1927 г. В честь этой годовщины в Берлине наконец вышел в свет «Интернационалер Бауэрн-Корреспондент». В его втором специальном выпуске в октябре 1927 г. было помещено объявление о том, что организацией визитов зарубежных крестьянских делегаций занимается вновь образованный в СССР Союз сельскохозяйственной кооперации и что заявления о желании участвовать в торжествах должны быть адресованы его председателю Каминскому. Затем последовало открытое письмо от «Международного крестьянского совета» («Крестьянского Интернационала») за подписью Домбала, в котором крестьянский совет убеждал крестьянские организации всех стран откликнуться на это приглашение¹⁰⁹.

На торжества прибыли 46 крестьянских делегатов из 9 стран: Германии, Франции, Италии, Австрии, Чехословакии, Швеции, Норвегии, Финляндии и Мексики. Делегаты из стран Дальнего Востока, а также Югославии и Болгарии не получили разрешения на выезд¹¹⁰. Ряд делегатов выразили желание заслушать отчет

Президиума Крестинтерна о крестьянском движении, и 15 ноября 1927 г. была проведена однодневная конференция¹¹¹. По словам советского делегата Мещерякова, на повестке дня было четыре вопроса: конфискация крупных поместий и раздача земли крестьянам, право на национальное самоопределение вплоть до отделения, борьба против войны и создание рабоче-крестьянских правительств¹¹². Однако в официальном протоколе нет никаких следов политической дискуссии. Домбаль выступил с докладом, в котором поддержал «неизменный вывод», сделанный Крестинтерном на основании урока русской революции, о том, что союз между рабочими и крестьянами должен быть «осью повседневной работы среди крестьян всех стран». Мещеряков распространялся о благах, полученных крестьянами в результате революции, и возражал против создания отдельных крестьянских партий.

В резолюции конференции в традиционных выражениях перечислялись достижения СССР за истекшее десятилетие и задачи международного крестьянского движения. Крестинтерн в ней не упоминался вовсе¹¹³. По окончании конференции делегаты, прежде чем разъехаться по домам, совершили поездки в деревни, расположенные в разных частях Советского Союза¹¹⁴.

Одобренный этими достижениями, Домбаль, выступая на XV партийном съезде, назвал Крестинтерн «массовой беспартийной организацией, которая объединяет революционные и стоящие в оппозиции крестьянские организации разных стран». Он не претендовал на то, что «мы очень много сделали», однако в надежде на поддержку в будущем он приветствовал Крестинтерн как «все более укрепляющийся революционный союз рабочего класса с крестьянством»¹¹⁵.

В течение 1928 г. раз в месяц или раз в два месяца выходил журнал «Интернационалер Бауэрн-Корреспондент». В каждом его номере была статья Домбаля и статьи от крестьянских корреспондентов из самых разных мест, в том числе из Азии, Латинской Америки и Калифорнии. Тем не менее на страницах журнала почти никогда не упоминался Крестинтерн, и, казалось, эта организация погрузилась в привычное для нее состояние спячки. Состоявшийся в марте 1927 г. IV конгресс Профинтерна в длинной и неэффективной резолюции о работе с крестьянством инструктировал свое Исполнительное Бюро решать эти вопросы совместно с Крестинтерном, но больше ничего о последнем сказано не было¹¹⁶.

На состоявшемся летом 1928 г. VI конгрессе Коминтерна была сделана короткая и несколько нерешительная попытка воскресить безжизненные останки Крестинтерна. Отчасти это было сделано в ответ на возрастающее влияние Международного Аграрного Бюро, которое добилось определенного успеха в объединении самых разнородных аграрных организаций, разбросанных по всей Европе. В мае 1928 г. под председательством чехословацкого аграрного лидера Ходжи Бюро провело в Праге конференцию в

порядке подготовки к международному крестьянскому конгрессу, который действительно состоялся годом позже¹¹⁷. Это, по-видимому, потребовало от Москвы какой-то контрдемонстрации. Однако на возрождение Крестинтерна можно смотреть и как на логическое следствие поворота влево в политике Коминтерна и отказ от сотрудничества с другими левыми партиями в пользу прямых революционных действий.

На первый взгляд имело мало смысла сравнивать эту слабую и непригодную организацию с сильным и энергичным руководством Профинтерна. Тем не менее перед обеими этими организациями стояла одна и та же дилемма. Сотрудничество с массовыми коммунистическими организациями рабочих и крестьян подразумевало согласие на компромисс с капиталистическими режимами. Принятие такой политики, которая не всегда открыто признавалась, но которую проводили начиная с 1925 г., вела к тому, что Крестинтерн становился ненужной организацией, а иногда и помехой¹¹⁸. Отвергать сотрудничество и осуждать все подряд некоммунистические партии и группы и вместе с тем побуждать к революционной борьбе значило идти на риск того, что коммунисты окажутся изолированными от рабочих и крестьянских масс. Весной 1928 г. в отношении крестьянского движения в Восточной и Центральной Европе этот риск казался оправданным. Поддержка непартийных крестьянских организаций принесла какие-то плоды только в Польше, и произошло это потому, что недовольство крестьян подкреплялось обидами националистического характера¹¹⁹.

И все же, если бы на повестке дня снова стояла революция, Крестинтерн мог бы оказаться полезным инструментом. Даже Троцкий в отправленном из ссылки письме к конгрессу писал, что пора пересмотреть «давно затянувшийся эксперимент» с Крестьянским Интернационалом «с точки зрения пролетарского интернационализма», и жаловался, что в бухаринском проекте программы игнорируется само его существование¹²⁰.

На VI конгрессе Коминтерна Бухарин, который более трех лет не имел дела с Крестинтерном, в своем основном докладе нехотя говорил о том, что нужно «отдельно анализировать вопрос о крестьянском движении и о такой организации, например, как Крестинтерн», и считал, что партии придется «помочь Крестинтерну превратиться в подлинную живую организацию». Пока что, за четыре года своего существования, он мало чего достиг, помимо «издания различных материалов»¹²¹.

Коларов осудил деятельность Крестинтерна как неудовлетворительную и высказал пожелание, чтобы он «говорил с крестьянскими массами» как независимая организация «во имя лозунга рабоче-крестьянского союза под руководством пролетариата». Но он не указал, каким образом этого можно достичь¹²². После того как с критикой выступили венгерский и чехословацкий делегаты, итальянский делегат Гриeko откровенно заявил, что деятель-

ность Крестинтерна в прошлом тормозилась «отсутствием у Коминтерна аграрной политики», что «в Европе крестьянство не знает Крестинтерна» и что «крестьяне не придут к ним из вежливости к Крестинтерну»¹²³.

Домбаль выразил уверенность в будущем, однако в его словах звучала и тревога. Он смело заявил, что ликвидация Крестинтерна будет означать ликвидацию «революционного крестьянского движения» и что «Крестинтерн должен явиться массовой крестьянской внепартийной политической организацией, ставящей своей задачей на основе союза рабочего класса с крестьянством организовать крестьянские массы для революционной борьбы». По спорным вопросам организации он из тактичности высказался туманно. Партийные работники в Крестинтерне должны составлять ядро аграрной комиссии ИККИ, которая должна следить за «проведением аграрной политики различными секциями Коминтерна». Он также отверг предложение венгерского делегата, заключавшееся в том, чтобы отказаться от принятого V пленумом ИККИ решения не создавать крестьянских партий¹²⁴. Бухарин в своем заключительном слове также еще раз осудил это предложение. Там, где крестьянские партии уже существуют, необходимо завоевать их на свою сторону: создание новой партии означало бы «конкуренцию для коммунистической партии пролетариата»¹²⁵. Он ничего не сказал о Крестинтерне, и о нем было упомянуто только в резолюции конгресса, содержавшей традиционный призыв «принять срочные меры к оживлению» его деятельности¹²⁶.

Если кто-нибудь и лелеял надежду разжечь крестьянскую революцию под эгидой Коминтерна и Крестинтерна, то эта надежда быстро угасла. В марте 1928 г. А. П. Смирнов, который был перемещен с поста народного комиссара земледелия, перестал быть номинальным генеральным секретарем Крестинтерна, и это место занял его бывший заместитель по Наркомзему Теодорович, который был смещен со своего поста в Наркомземе одновременно со Смирновым¹²⁷. Однако назначение Теодоровича оказалось временным. Вскоре после VI конгресса Коминтерна Генеральным секретарем Крестинтерна стал верный слуга Коминтерна Коларов¹²⁸, а Домбаль, представитель и фактотум этой организации с момента ее образования, был смещен — тоже без официального объявления¹²⁹.

Увольнение Домбаля практически означало конец Крестинтерна. В статье, опубликованной в номере «Правды», посвященном празднованию десятой годовщины Коминтерна, Теодорович вспоминал скромные достижения Крестинтерна в прошлом, но ничего не сказал о его роли в будущем¹³⁰.

«Интернационале Бауэрн-Нахрихтен» продолжал выходить, уделяя все меньше внимания специфически крестьянским вопросам и все больше — текущим политическим вопросам, которыми занимался Коминтерн. В пропагандистских целях на его страницах еще изредка фигурировало название «Крестинтерн». В мар-

товском номере за 1929 г. были помещены приветствия антифашистскому конгрессу от анонимного «председателя Крестьянского Интернационала» и ответ президента конгресса, адресованный «Международному крестьянскому совету»¹³¹. Неоднократно подчеркивалась зловещая роль фашизма в крестьянских странах, особенно в Румынии и Польше. В статье, помещенной в июньском номере журнала Коминтерна за 1929 г., крестьянские партии и организации осуждались как «союзники фашистов», и заявлялось, что важная задача Коминтерна состоит в том, чтобы «усилить классовую борьбу в деревне» и мобилизовать крестьян на борьбу против угрозы войны. Крестьянтерн упомянут не был¹³².

В следующем месяце, выступая на X пленуме ИККИ, Варга предсказывал наступление аграрного кризиса в результате падения цен на сельскохозяйственные продукты. Говоря о странах, где угнетенные национальные меньшинства были представлены преимущественно крестьянами, Скрыпник призвал пролетариат всех стран «возглавить и развивать революционное крестьянское движение». Теодорович приветствовал «полевение крестьянских масс» и вспомнил знаменитое предсказание Энгельса о том, что пролетариат «дополнит пролетарскую революцию крестьянской войной». Итальянский делегат Ди Витторио считал, что отношение коммунистических партий к крестьянскому вопросу несколько улучшилось со времени VI конгресса Коминтерна, но все еще оставалось неудовлетворительным¹³³. И Теодорович, и Ди Витторио считались делегатами «коммунистической фракции Крестьянского Интернационала», но ни тот, ни другой не упомянули о деятельности или о задачах этой организации.

Самым странным во всем этом было то, что никто из выступавших никак не обнаружил, что им известно о той инициативе, которая в этот самый момент была проявлена в Берлине. В мае 1929 г. в Праге была проведена первая генеральная ассамблея Зеленого Интернационала, на которой было представлено 17 стран¹³⁴. Так же, как и в предыдущем году, требовался какой-то контрудар, и в первых числах июля в Берлине был создан комитет для подготовки Европейского крестьянского конгресса¹³⁵. Конгресс состоялся в ноябре 1929 г., а в декабре 1930 г. и в апреле 1932 г. прошли еще два конгресса¹³⁶. Однако это движение так и не набрало силу и не привлекло к себе широкого внимания общественности. Начиная с 1929 г. само название Крестьянского Интернационала практически исчезло из анналов истории.

д) Международный женский секретариат

VI международная конференция по работе среди женщин проходила в Москве с 29 мая по 10 июня 1926 г., и на ней лежала тень от принятого месяцем ранее решения о превращении автономного Международного женского секретариата в отдел

ИККИ¹³⁷. Само название этого собрания отражало произошедшую перемену: три предыдущие конференции назывались «Конференции коммунистических женщин».

Четвертая конференция не была также и такой массовой ассамблеей, как ее предшественницы: в ней участвовало только 18 делегатов с правом решающего голоса и 47 — с правом совещательного голоса. Они составляли «небольшой круг руководящих товарищей из самых важных партий Запада и Востока наряду с некоторыми опытными работницами из числа рядовых членов партий». Сюда входили представители ИККИ, КИМа, МОПР и Крестинтерна¹³⁸. Если судить по тому, что стало известно из протоколов, то создается впечатление, что, во-первых, работу конференции крепко держал в руках ИККИ (Тольятти и Гешке соответственно открыли и закрыли конференцию, а член Оргбюро ИККИ Фрид делал доклад по организационным вопросам) и, во-вторых, что главную роль играли делегатки из СССР: они преимущественно выступали в прениях и уверенно прокладывали курс, которым остальные должны были следовать. Было сделано все, чтобы показать, что женская секция должна быть целиком привязана к политике и организации Коминтерна.

Цеткин, хотя она и была в Москве, была слишком слаба, чтобы присутствовать на конференции, и на открытии от нее было зачитано красноречивое письмо. Как и на протяжении всего предыдущего периода, споры вращались вокруг двух вопросов: вопроса о системе проведения собраний делегатов и вопроса об участии в непартийных женских организациях.

Герда Штурм, выступившая с основным докладом о работе Женского секретариата, жаловалась, что во всех западных коммунистических партиях женщины составляют незначительное меньшинство и что партии уделяют мало внимания работе среди них. Следовал вывод — женская секция должна действовать более энергично, чтобы исправить свои недостатки. Штурм изменила свое прежнее скептическое отношение к институту собраний делегатов¹³⁹ и призывала к выработке «решительной и четкой позиции в отношении *подготовки и организации собраний делегатов*».

За общим докладом о работе среди женщин в Советском Союзе, сделанным Артюхиной, последовал ряд подробных докладов от представителей районов и предприятий. Едва ли требуется говорить о том, что советская модель была преподнесена как образец, которому должны подражать другие. Артюхина выступила с отдельным докладом о собраниях делегатов, и эта тема часто поднималась в ходе прений по другим докладам. Мало кто из зарубежных делегатов был убежден в том, что в их собственных странах могла быть полезна система, созданная для обучения и вовлечения в работу полуграмотных женщин Советского Союза, и ни одна советская представительница не верила, что система, которая хорошо работает в советских условиях, может оказаться неприемлемой в других местах.

Никто не рискнул возражать против принципа собраний делегатов. Однако в ходе продолжительной беспорядочной дискуссии представительница Германии сказала, что, хотя в Германии проводились собрания работниц, они не внесли ничего, что можно было бы назвать «действительной системой собраний делегатов». Представительница Франции говорила о «конференциях делегатов... на основе совершенно четких требований», например, по вопросу о войне в Марокко. Британская делегатка объяснила, что КПВ отказалась от своего возражения против идеи собраний делегатов только под давлением Женского секретариата, что проведенные собрания не были организованы «так, как они организуются в России», и на них присутствовали главным образом домохозяйки, так как домохозяйки и служащие составляют большинство женщин — членов партии¹⁴⁰. В заключении Тольятти привел довод, что это не просто вопрос организации, на который разные партии могут отвечать по-разному, а составная часть тактики единого фронта¹⁴¹.

В принятой на конференции резолюции разъяснялось, как эта система работает в Советском Союзе и как ее можно приспособить к западным странам, и превозносились (возможно, несколько лицемерно) попытки применения ее в Германии, Великобритании и Финляндии¹⁴².

Новые разногласия выявились и в вопросе об участии в беспартийных женских организациях, который уже беспокоил VI пленум ИККИ несколькими месяцами ранее¹⁴³. Штурм привела в пример немецкую организацию «Ротер фрауэн унд медхенбунд» («Союз красных женщин и девушек»), которая, хотя и была первоначально создана партийей, теперь на 70% состояла из беспартийных и противопоставляла себя женской секции КПГ¹⁴⁴. В подробной резолюции предусматривался партийный контроль за работой таких организаций и оговаривалось, что их ни в коем случае нельзя рассматривать в качестве замены собраний делегатов. В приложении к резолюции говорилось о создании новых непартийных женских организаций под эгидой коммунистических партий. Это провозглашалось законным с несколькими оговорками:

«В странах Западной Европы и в Америке создание новых общих организаций по инициативе коммунистической партии не рекомендуется. Однако вполне допустимо, в зависимости от экономических и политических условий в данный конкретный момент, создавать пролетарские женские организации *в целях проведения конкретных акций...* Решение о создании таких организаций принимается Центральным Комитетом партии»¹⁴⁵.

Представительница Великобритании превозносила роль женщин в британской всеобщей забастовке, и конференция обратилась с призывом к женщинам всего мира продолжать поддержку бастующих горняков¹⁴⁶.

В докладе по организационным вопросам, сделанном организационным отделом ИККИ, сильный акцент был поставлен на важность вовлечения женщин — членов партии в работу заводских партийных ячеек¹⁴⁷. По этому вопросу, как и по вопросу об образовании и печати, были приняты соответствующие резолюции¹⁴⁸. Резолюции получили официальное одобрение Оргбюро ИККИ 30 июля 1926 г.¹⁴⁹ Такой перерыв заставляет предположить, что окончательный текст, возможно, не был доработан в ходе самой конференции.

Задача конференции явно заключалась в установлении контроля со стороны ИККИ и Женского секретариата над организацией и деятельностью женщин — членов зарубежных партий. На организационном уровне это более не оспаривалось. Однако на состоявшемся в ноябре 1926 г. VII пленуме ИККИ Куусинен в своем докладе заметил, что, хотя по вопросу о работающих женщинах было принято много хороших резолюций, эти резолюции выполнялись слабо. Штурм, выступавшая от имени женского сектора, снова похвалила работу женщин — членов партии во время всеобщей забастовки в Великобритании, а также «выдающиеся успехи» КПГ в области организации собраний делегатов. Но она не нашла больше ничего, чтобы скрасило общую картину заброшенности¹⁵⁰.

За пределами Советского Союза мало что свидетельствовало о жизнеспособности женского коммунистического движения. 8 марта 1927 г. праздновался Международный женский день, в ознаменование которого было опубликовано воззвание Клары Цеткин¹⁵¹. В начале 1927 г. сообщалось, что в семи городах Германии были проведены первые собрания делегатов¹⁵², но неизвестно, чтобы они принесли какие-либо результаты¹⁵³. В мае 1927 г. женщины — члены КПВ присутствовали на женской конференции в Хаддерсфилде, организованной комитетом, в котором были представлены тред-юнионы, лейбористская партия и кооперативы. Заседания были бурными. Раздавались протесты против того, что не была приглашена русская делегация, и, несмотря на все усилия главной лейбористской делегатки Маргарет Бондфилд, предложенные с трибуны резолюции были отвергнуты¹⁵⁴. В Москве по случаю 10-й годовщины революции в качестве дополнения к Конгрессу друзей Советского Союза была проведена конференция, на которой председательствовала Клара Цеткин, а в числе выступавших были Крупская и Коллонтай¹⁵⁵. Однако женское движение привлекало к себе внимание лишь время от времени, по каким-то особым случаям.

На IV конгрессе Профинтерна в марте 1927 г. французская делегатка Алис Бриссо говорила о растущей роли женщин в промышленности и о необходимости их организовывать, а советская делегатка жаловалась на то, что ни одна партия, кроме российской, не уделяет внимания женскому движению¹⁵⁶. Британская делегатка указала, что в Великобритании лишь 20% работающих

женщин являются членами профсоюзов и в других местах этот процент также ничтожен¹⁵⁷. Бриссо предложила принять длинную резолюцию, в которой разбирались все аспекты работы женщин в профсоюзах, а также краткую резолюцию, в которой предлагалось создать женский комитет при Исполнительном Бюро Профинтерна¹⁵⁸.

На VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. непривычная нота прозвучала в выступлении делегатки из Южной Африки: она утверждала, что дети коммунистических лидеров редко вырастают хорошими коммунистами, и объясняла это тем, что мужья не делятся своими интересами с женами. Она считала, что этот вопрос заслуживает внимания ИККИ и его женского сектора. Немецкий представитель выступил с критикой эксплуатации женщин в промышленности и того, что беспартийные женщины не привлекаются к собраниям делегатов, которые носят исключительно коммунистический характер¹⁵⁹. Ни одно из этих выступлений не нарушило спокойного безразличия конгресса к этим проблемам.

Период безмятежного спокойствия был нарушен взрывом ажиотажа, с которым 7 марта 1929 г. праздновался Международный женский день. Заранее были распространены лозунги ИККИ и обращение Цеткин. В обоих особое внимание уделялось роли женщин в кампании против войны¹⁶⁰, а в самый день 8 марта ИККИ опубликовал еще одно воззвание. После почти полного отсутствия внимания к этой теме на трех подряд пленумах ИККИ и на VI конгрессе Коминтерна, на состоявшемся в июле 1929 г. X пленуме ИККИ внимание к ней вернуло длинное выступление члена женского сектора ИККИ. Выступавшая привлекла внимание к тому, что очень возросло число женщин, используемых в промышленности за низкую плату, и утверждала, что в Великобритании и Соединенных Штатах этот рост происходил параллельно с сокращением общей рабочей силы и являлся фактором, способствующим безработице. Она подчеркнула роль женщин в недавних забастовках и обвинила коммунистические партии в пренебрежении этим вопросом: *«Мы почти ничего не сделали, чтобы завоевать массы работающих женщин»*¹⁶¹. Никто не поддержал это обвинение, и только под конец работы пленума в прениях по вопросу об «экономической борьбе» член коммунистической фракции Профинтерна вспомнил о резолюции по вопросу о работающих женщинах, принятой IV конгрессом Профинтерна. Он признал, однако, что ни одна входящая в Профинтерн организация не выполнила этих рекомендаций¹⁶².

В резолюцию пленума по вопросу об экономической борьбе был включен параграф, в котором указывалось на разительное несоответствие «между размахом теперешнего участия работниц в экономических конфликтах и руководством работницами со стороны коммунистических партий и революционного профессио-

нального движения». В резолюции содержалось требование, чтобы это было исправлено¹⁶³.

Тем не менее эти спорадические заявления не изменяли того впечатления, что женский сектор не пользуется большим престижем в иерархии Коминтерна, и что женские движения за пределами Советского Союза ничего не выигрывали от решения подчинить их центральной и единой директиве из Москвы.

ГЛАВА 74

ОРГАНИЗАЦИЯ ЕДИНОГО ФРОНТА

а) Лига по борьбе с империализмом

Идея организованного протеста зависимых народов против империалистических держав родилась в Китае. В июне 1924 г. в Пекине была создана Лига по борьбе с империализмом, которая выпустила воззвание от имени угнетенных народов, а через два месяца в Москве было основано общество «Руки прочь от Китая», и соответствующие общества были созданы в Берлине, Лондоне и других местах¹. В июле 1926 г. в Кантоне прошла конференция Международной ассоциации угнетенных народов². Эта спонтанная деятельность, сконцентрированная на Китае, в начале 1926 г. была дополнена образованием в Берлине в феврале 1926 г. Лиги по борьбе с колониальной жестокостью и угнетением, задачей которой, очевидно, было противодействовать официальной пропаганде за возвращение Германии утерянных ею колоний³. Эта организация, одним из основателей которой был неутомимый Мюнценберг, также приняла участие в кампании протеста против империалистической политики в Китае⁴.

Идея эта была подхвачена новыми сторонниками. Лиги по борьбе с империализмом возникали повсюду, особенно в Латинской Америке. Немецкая лига первоначально планировала провести в Брюсселе в ноябре 1926 г. международный конгресс и получила благоприятные ответы из нескольких стран, в том числе от центрального комитета Гоминьдана⁵. Однако, по словам Мюнценберга, который, очевидно, был его вдохновителем, немецкая группа «не располагала ни международными связями, ни финансовыми средствами». Их предоставил Межрабпом, несомненно, при поддержке Коминтерна⁶. Неожиданно щедрые взносы в фонд конгресса сделал также президент Мексики Кальес, которому очень хотелось нанести удар по империализму Соединенных Штатов Америки⁷.

Конгресс собрался в Брюсселе 10 февраля 1927 г. Бельгийский министр иностранных дел, социалист Вандервельде, дал согласие на то, чтобы прогресс был там проведен при условии, что ему будет представлен список делегатов и что не будет упоминаться Бельгийское Конго⁸. Официально этот конгресс назывался учредительным конгрессом Лиги по борьбе с империализмом и за национальную независимость, и он был очень разнородным

собранием. Его 174 делегата, 100 из которых прибыли из колониальных и полуколониальных стран, представляли собой блестящую вереницу различных левых организаций. Никто официально не представлял ни одну коммунистическую партию⁹.

Ни один делегат из Советского Союза не присутствовал на конгрессе. Единственной организацией в Москве, официально проявившей свою осведомленность о ней, был Крестинтерн, который направил в его адрес приветственную телеграмму¹⁰. На конгрессе присутствовали Кодовилья, Кенен и Ломинадзе, несомненно, в качестве «эмиссаров Коминтерна»¹¹, но они не были делегатами и не принимали участие в его работе. Большая часть социал-демократических организаций бойкотировала конгресс как коммунистическую выдумку. Однако от себя лично¹² выступили британский секретарь Международной федерации профессиональных союзов (Амстердамский интернационал) Уильям Браун и секретарь Международной федерации транспортных рабочих Фиммен, который давно разошелся во взглядах с Международной федерацией профсоюзов.

Конгресс официально открыл Дейвис, заместитель Кука, стоящий во главе британской федерации горняков, а Ленсбери был избран его председателем. Другими известными заслуженными деятелями были Барбюс и Ледебур, а также выдающийся делегат Азии Неру¹³. В насчитывавшую 25 человек китайскую делегацию входили представители Гоминьдана, китайских профсоюзов и китайских студенческих организаций из разных стран мира, но представителей компартии Китая среди делегатов не было. Не считая состоявшую из 26 человек немецкую делегацию, это была самая многочисленная делегация на конгрессе. Единственным представителем Японии был Катаяма. В британскую делегацию, включавшую 15 человек, входили представители как лейбористской, так и Независимой рабочей партии, а также Поллит, зарегистрированный в качестве делегата Национального движения меньшинства. В составе небольшой группы делегатов Соединенных Штатов Америки был Роджер Болдуин, секретарь Американского союза борьбы за гражданские свободы¹⁴.

Антиимпериализм оказался самой эффективной платформой для объединения выдающихся личностей, симпатизирующих Советскому Союзу, но не желающих связывать себя с коммунистическим движением. Была предпринята попытка мобилизовать поддержку известных деятелей из числа французской и немецкой интеллигенции. Помимо Барбюса, который присутствовал на конгрессе и был избран в почетный президиум, приветствия конгрессу прислали Ромен Роллан и Маргерит¹⁵. Прислал приветствие и Эйнштейн, который был избран членом почетного президиума и чья подпись стояла под манифестом конгресса, а поэт Толлер был одним из выступавших делегатов¹⁶.

Конгресс продолжался с 10 по 15 февраля 1927 г., и было проведено 10 заседаний. Насколько можно судить, официальной

повестки дня не было, но на трибуну один за другим поднимались ораторы, чтобы осудить конкретные формы империализма, с которыми они сталкивались, и расторопный секретарь предложил ряд резолюций, которые были единодушно приняты. Когда был опубликован официальный отчет о конгрессе, выступления в нем были размещены не в том порядке, в каком они делались, а по отдельным разделам, относящимся к странам и регионам. Это привело в двух или трех случаях к непоследовательности: все выступления британских делегатов были сгруппированы в разделе о Китае, хотя некоторые из этих делегатов касались и других вопросов¹⁷.

Когда открылся конгресс, армии китайских националистов были на самом гребне успеха, и проблемы и трудности национальной революции еще почти не возникали. Освобождение Китая от империалистического ига было первой и главной темой конгресса. О Китае было принято две резолюции: одна — предложенная китайской делегацией, и вторая — предложенная совместно британской, китайской и индийской делегациями, в которую вошло требование вывода британских и индийских вооруженных сил из Китая. Кроме того, была еще принята китайско-индийская декларация о борьбе против британского империализма¹⁸. Неру передал приветствие от Индийского национального конгресса и предложил резолюцию, призывающую к «полному освобождению Индии» и к борьбе за предотвращение отправки новых войск в Китай (отдельная резолюция, по-видимому, требовала вывода индийских войск из Месопотамии)¹⁹.

Оккупация Никарагуа морской пехотой Соединенных Штатов в январе 1927 г., а также финансовая поддержка, оказанная конгрессу президентом Мексики, способствовали тому, что на конгрессе американский империализм оказался в центре всеобщего внимания, а тот факт, что коммунизму не удалось пустить корни в Латинской Америке, никоим образом не нарушал планов — которыми вдохновлялся весь конгресс — установления тесного союза между жертвами империализма и теми, кто формулировал политический курс Коминтерна. Самой выдающейся личностью в компании латиноамериканских делегатов (часть из них представляли вновь созданные Лиги по борьбе с империализмом в странах Латинской Америки и ни один открыто не признавал себя коммунистом) был бывший мексиканский министр Васконселос, участвующий в работе конгресса в качестве делегата пуэрто-риканской национальной партии. Яростно осуждая американский империализм, он в то же время постарался следующим образом определить свою позицию:

«Я — социалист, другие — либералы. Партия, которую я представляю, например, поручила мне ясно заявить, что члены этой партии не являются коммунистами, не потому, что они реакционеры, а потому, что мы, латиноамериканцы, считаем, что мы должны решать наши проблемы нашим собственным путем...

В Латинской Америке вопрос антиимпериализма не является проблемой какой-нибудь одной партии»²⁰.

От имени американской Лиги по борьбе с империализмом на конгрессе выступил коммунист из Соединенных Штатов Филиппс, который работал в Латинской Америке под именем Гомеса, и конгресс принял две декларации, подготовленные совместно латиноамериканскими делегатами, и еще одну, предложенную Американским союзом борьбы за гражданские свободы в Нью-Йорке²¹. На конгрессе выступили делегаты из Египта, Сирии и Палестины, из Южной, Северной и Центральной Америки, а также Индонезии, Индо-Китая и Кореи. Они внесли резолюции, которые были официально одобрены или включены в протоколы конгресса. Была также принята резолюция по негритянскому вопросу²².

Семнадцать присутствовавших на конгрессе профсоюзных делегатов возглавлял энергичный Фиммен. Излюбленной темой на конгрессе была также тема отсутствия внимания к движениям неевропейских рабочих со стороны Международной федерации профессиональных союзов и европейских социал-демократических партий, и были составлены обращения, призывающие к проведению «активной кампании для популяризации частичных забастовок и всеобщей забастовки в империалистических странах, участвующих в подавлении китайской революции и других национально-освободительных движений угнетенных народов», а также к международному единству профсоюзного движения²³. Делегат Международного антивоенного бюро в Гааге напомнил, что «антивоенное движение в Голландии на протяжении последних 20 лет борется за независимость Индонезии», и внес резолюцию, в которой осуждалось «колониальное угнетение и современные войны, ведущиеся империализмом»²⁴.

Всеобщее любопытство вызвало на конгрессе выступление немецкого профессора по имени Гольдшмидт, продемонстрировавшего трость, когда-то принадлежавшую Шопенгауэру, которую он, Шопенгауэр, получил от одного индийского философа. Оратор привел слова Шопенгауэра о превосходстве восточной культуры над христианством и рекомендовал проводить политику «колонизации наоборот», которая предоставила бы цветным расам неограниченный доступ в «белые» страны²⁵.

На последнем заседании, подводя итоги работы конгресса, Мюнценберг объявил, что предстоящий конгресс послужил прелюдией к «подлинному всемирному конгрессу», на котором будет создана «Всемирная лига по борьбе с империализмом и колониальным угнетением». Он добавил, однако, что «основная задача в настоящее время заключается в том, чтобы поддержать китайскую революцию»²⁶. Принятая на конгрессе общая резолюция о борьбе с империализмом заканчивалась призывом к проведению забастовок, особенно транспортных рабочих, с тем, чтобы мешать отправке войск и вооружений в страны, где шла такая борьба; очевидно было, что имелся в виду Китай²⁷. Наконец конгресс

выпустил манифест, подписанный председателем, почетным председателем и всеми делегатами, в котором давался анализ мирового империализма и который заканчивался призывом: «Угнетенные народы и угнетенные классы, объединяйтесь!»²⁸ По окончании работы конгресса некоторые делегаты совершили поездки по различным городам Европы, где Мюнценберг организовал их выступления²⁹.

Конгресс был задуман с целью стимулировать создание лиг по борьбе с империализмом в тех странах, где их еще не было. Однако эти усилия не увенчались успехом. Делегация компартии Великобритании по возвращении домой «выступила с инициативой создания британской секции лиги, как можно скорее», но, как говорят, натолкнулась на сопротивление со стороны Ленсбери и вообще лейбористской партии. В конце концов на собрании, состоявшемся 22 июля 1927 г., была создана секция и выбран временный комитет под председательством Феннера Брокуэя, в число членов которого вошли Поллит и Саклатвала³⁰.

Кампания против империализма по-прежнему оставалась важным оружием в арсенале советской пропаганды. Конгресс разработал подробное положение о групповом и индивидуальном членстве и партнерстве, а также о назначении Генерального совета, Исполнительного комитета и Международного секретариата³¹. Секретариат возглавил Чаттопадхая, проживавший в Берлине старый индийский националист, который бывал в Москве, но находился в тени в период господства Роя³². В работе пленумов Исполнительного комитета лиги, проходивших в Кёльне 20 и 21 августа 1927 г. и в Брюсселе 19 и 10 декабря 1927 г., которые в основном занимались Индией и Китаем, активное участие приняли Неру и Саклатвала. Декабрьский пленум выразил особое сожаление в связи с позицией лейбористской партии в отношении Индии и ее готовностью участвовать в деятельности комиссии Саймона. Помимо резолюции об Индии, были также приняты резолюции об Индонезии и Персии и об опасности войны³³. Несколько дней спустя был также опубликован манифест, в котором выражался протест против белого террора, развязанного в Китае после кантонской неудачи³⁴.

Зимой 1927/28 г. деятельность Лиги по борьбе с империализмом была временно затенена деятельностью вновь основанной организации друзей Советского Союза³⁵. Однако кампания борьбы против империализма получила новый импульс в связи с событиями в Китае и стала ключевым вопросом на VI конгрессе Коминтерна в июле-августе 1928 г.

В своем основном докладе Бухарин резко осудил мнение «некоторых товарищей» о том, что лига не является «особенно жизнеспособным институтом» и что брюссельский конгресс был не более, чем «большим парадом, большой политической демонстрацией». Однако он добавил, что «Мюнценбергу лучше других известна организационная слабость Лиги»³⁶. Один из руководя-

щих деятелей Межрабпома заявил, что брюссельский конгресс, «с одной стороны, вселил надежду и бодрость в миллионы колониального населения. . . а с другой стороны, привлек внимание буржуазии и социал-демократии». Но его заявление о том, что конгресс привел к расколу в рядах социал-демократов, покоилось на зыбком основании³⁷. Раздавались жалобы на равнодушие голландских членов лиги: даже Фиммен говорил, что лозунг независимости Индонезии неприемлем³⁸.

18—19 августа 1928 г., в то время когда проходил VI конгресс Коминтерна в Москве, в Берлине снова собрался Исполнительный комитет лиги. С основным докладом выступил Мюнценберг и среди выступавших были Ледебур, Макстон и Саклатвала. В резолюциях, принятых в соответствии с текущей кампанией Коминтерна, направленной против социал-демократии, главное внимание было уделено осуждению Второго Интернационала и отношению к колониальному вопросу со стороны его конгресса, состоявшегося незадолго до этого. Было решено провести второй конгресс Лиги по борьбе с империализмом в июле 1929 г. в Париже³⁹. Осенью 1929 г. Мюнценберг оптимистически оценил прогресс, достигнутый лигой в колониальных странах, и осветил прошедший в Лаймхаузе в Лондоне массовый митинг протеста против того, что лейбористский депутат от этого избирательного округа Эттли принял приглашение участвовать в комиссии Саймона в Индии⁴⁰.

В 1929 г. отмечался спад в деятельности лиги по борьбе с империализмом. Она потеряла свежесть новизны. Как основная в тот период кампания, направленная против войны⁴¹, так и второстепенная кампания, направленная против фашизма⁴², велись независимо от нее. Главное, рост недоверия в Коминтерне к тактике единого фронта и расширяющийся во всех странах разрыв между коммунистами и социал-демократами ни в коей мере не способствовали работе организации, деятельность которой зависела как от партий, так и от отдельных лиц, входящих в левое движение.

На пленуме Исполнительного Комитета, проходившем в Кёльне 15 и 16 января 1929 г., была предпринята энергичная попытка вовлечь в кампанию профсоюзы. Советские профсоюзы формально входили в лигу и послали в Кёльн сильную делегацию во главе с Мельничанским. В дополнение к традиционным членам британской делегации (Макстон, Саклатвала и Бриджман) для выступления с основным докладом на пленуме о «задачах профсоюзов в борьбе против империализма» прибыл президент Международной федерации горняков Кук. Его выступление не было вполне успешным. Кук охарактеризовал британских лейбористских лидеров как болванов, которые не понимают, что делают, но не как предателей. Он также утверждал, что вопрос о том, каким способом оказывать влияние на массы, следует решать в каждой стране в зависимости от конкретных условий, а не подчиняться вмешательству со стороны. Мельничанский отверг оба предложения, с презрением отозвавшись о «старой сказке о „невмешательстве во внутренние

дела другой страны"». Немецкий делегат Геккерт также напал на Кука, и Кук резко ответил, что он «не намерен допустить, чтобы Лига превратилась в Красный интернационал», и что «мы не можем применять немецкие и русские модели». Делегат от Унитарной Конфедерации Труда Эркле признал, что у лиги мало последователей во Франции и что она была скорее делом ФКП, чем профсоюзов⁴³. На пленуме была принята резолюция о роли профсоюзов и особая резолюция о Латинской Америке⁴⁴.

Однако единственной секцией лиги, которая проявляла какие-то признаки жизни и деятельности, оказалась британская секция: Великобритания была той страной, где тактика единого фронта еще не умерла. В опубликованном в марте 1929 г. манифесте содержался протест против полицейского террора в Индии и требование независимости для этой страны⁴⁵. Два месяца спустя по случаю предстоящих всеобщих выборов в Великобритании британская секция обратилась ко всем рабочим с призывом голосовать только за тех кандидатов, которые одобряли политику Лиги, состоявшую в том, чтобы отвергнуть предложения консерваторов о закрытой имперской тарифной системе, отозвать лейбористских членов комиссии Саймона и поддержать требование всех колониальных народов о предоставлении им независимости⁴⁶.

Еще одно усилие с целью возродить к жизни Лигу по борьбе с империализмом было предпринято на втором конгрессе, который состоялся во Франкфурте с 21 по 30 июля 1929 г. Он был численно более представительным, чем предыдущий конгресс: на нем присутствовало 257 делегатов из 33 стран, а также многочисленные представители сочувствующих организаций, включая 60 делегатов антиимпериалистического конгресса молодежи, который состоялся накануне второго конгресса лиги⁴⁷. Однако большинство выдающихся независимых деятелей, присутствовавших на первом конгрессе, отсутствовали, и на этот раз не была повторена попытка скрыть или приуменьшить советское и коммунистическое участие в нем.

Председательствовал на конгрессе Макстон. Активными членами британской делегации были Поллит, представлявший Национальное движение меньшинства, и Саклатвала. Говорят, что присутствовало не менее 80 немецких делегатов, но в весьма несовершенных протоколах конгресса не упоминается об их участии в его работе. Делегат от советских профсоюзов Мельничанский играл ведущую роль на протяжении всего конгресса.

Брюссельский конгресс состоялся в момент победоносного наступления армий китайских националистов. Сенсацией Франкфуртского конгресса была попытка сил Гоминьдана, победа которых праздновалась в Брюсселе, захватить Китайско-Восточную железную дорогу и перспектива советско-китайской войны⁴⁸. Макстон заявил, что в этом конфликте вся лига стоит на советской стороне. Мельничанский потребовал твердой поддержки Советского Союза как защитника угнетенных, и вслед за ним в том же

смысле высказался Поллит. Латиноамериканские делегаты живописно продемонстрировали флаг Соединенных Штатов Америки, захваченный в предыдущем году в Никарагуа национальным лидером Сандино⁴⁹. Китайский делегат заявил, что китайские рабочие выступают против войны в Маньчжурии и организуют вооруженное сопротивление Гоминьдану.

Единственным диссонансом в этом вопросе прозвучало выступление делегатов Международного антимилитаристского бюро, чьи взгляды с восторгом приветствовались в наэлектризованной атмосфере брюссельского конгресса более двух лет назад. Теперь они заявили, что, хотя они и готовы участвовать в отпоре при любом нападении на Советский Союз, они тем не менее не верят в свержение империализма с помощью военных действий и не поддерживают военной и дипломатической политики Советского Союза в Китае⁵⁰.

Возникли также трения по индийскому вопросу. Делегат Индийского национального конгресса Гупта выступил в защиту метода байкотов, отказа от сотрудничества и уплаты налогов. Поллит подверг этот метод критике, как недостаточное и бесполезное оружие в борьбе против британского империализма. Макстон требовал полной независимости для Индии, однако Мельничанский резко упрекнул его за то, что тот не осудил лейбористское правительство за соучастие в проведении политики репрессий, как это показали меерутские судебные процессы.

Несмотря на то что Мельничанский, казалось, не упускал случая атаковать некоммунистических ораторов, в скудных протоколах конгресса эти желчные обмены мнениями нашли очень слабое отражение. После заключительного выступления Мюнценберга конгресс, очевидно, без голосования и при шумном одобрении принял манифест, обращенный к «рабочим и крестьянам Китая и СССР и угнетенным народам всего мира». Были также приняты резолюции об опасности войны, о Китае и о роли профсоюзов в борьбе против империализма. Хотя Мюнценберг все же постарался продолжать брюссельскую традицию лиги, как организации, в которой коммунисты и некоммунисты независимо от их различной партийной принадлежности могут сотрудничать в борьбе против империализма, в Москве такое понимание единого фронта считалось устаревшим. Опираясь на всю полноту власти Коминтерна, Мельничанский старался довести раскол между коммунистами и некоммунистами до его логического завершения. Проверкой на решимость вести борьбу против империализма была безоговорочная поддержка Советского Союза.

Вот как обозреватель газеты «Правда» определял задачи и подводил итоги работы конгресса тогда, когда его работа еще не завершилась:

«В условиях обострения классовой борьбы... некоммунистическим элементам антиимпериалистической лиги скоро придется окончательно определить свою политическую физиономию, ибо массы,

поднимающиеся на борьбу с империализмом, потребуют ясного ответа на вопрос, кто их друг и кто враг»⁵¹.

Такой подход неизбежно привел к тем результатам, к которым, возможно стремились. Еще до конца текущего года и Макстон, и Неру, и Фиммен, и Хатта — все они вышли из состава Исполнительного комитета лиги⁵². После этого, выполнив свою ограниченную задачу, лига канула в Лету.

6) Дружба Советского Союза

Подготовка к празднованию 10-й годовщины Октябрьской революции велась загодя и включала приглашение многочисленных рабочих делегаций из зарубежных стран присутствовать на торжествах. В конце сентября 1927 г. «Правда» опубликовала сообщение из Лондона о том, что организационный комитет британской делегации предложил другим делегациям провести в Москве в период празднеств конференцию, в задачи которой входило бы обсуждение мер защиты от опасности войны, угрожавшей Советскому Союзу⁵³. Советские руководители прекрасно поняли заложенные в этом предложении потенциальные возможности, которые описывались как борьба за братское сближение рабочих капиталистических стран с победившим пролетариатом СССР⁵⁴. 5 ноября 1927 г. Сталин дал шестичасовое интервью 80 членам зарубежных делегаций, в том числе немецкой и французской⁵⁵ (британская делегация, добиравшаяся морским путем, тогда еще не прибыла).

Всемирный конгресс друзей Советского Союза (как теперь официально называлась эта конференция) проходил с 9 по 13 ноября 1927 г. Из 947 делегатов, представляющих 43 страны, 173 прибыли из Германии, 146 из Франции и 127 из Великобритании. Глава британской делегации Лодер открыл конгресс и во вступительном слове снова подчеркнул опасность войны, а Рыков выступил с длинным докладом о достижениях Советского Союза. Среди других ораторов были Бухарин, Ворошилов, Цеткин, Барбюс, Толлер и Томский. Конгресс принял резолюцию, в которой восхвалялось Советское правительство как строитель социализма и единственное правительство, представлявшее рабочих и угнетенных всех стран, и которая заканчивалась обязательством «готовиться в наших странах — причем всеми средствами — к защите первой республики рабочих и крестьян». Еще в одной резолюции осуждались военные приготовления империалистических держав⁵⁶.

В следующем месяце в своем выступлении на XV партийном съезде Бухарин говорил о значении состоявшегося конгресса. Он сказал, что делегации включали меньше коммунистов и больше социал-демократов, чем прежние рабочие делегации, и все же отношение социал-демократов было наилучшим. Он был уверен, что впереди предстоят «ожесточеннейшие бои с социал-демократами

за душу рабочего класса, за массовое влияние на рабочий класс»⁵⁷. Это был тщательно завуалированный призыв к тому, чтобы продолжать тактику единого фронта.

Основной задачей делегатов по возвращении домой было создавать общества и комитеты друзей Советского Союза в своих странах: это было достигнуто в течение зимы 1927/28 г. На конференции британского общества друзей Советского Союза, состоявшейся в апреле 1928 г., присутствовали 233 делегата⁵⁸. В начале мая 1928 г. было объявлено, что 26 и 27 мая снова по британской инициативе в Кёльне состоится конференция Европейских комитетов друзей СССР⁵⁹. Сопредседателями на конференции были Лодер и Каннон (представитель французской некоммунистической Всеобщей Конфедерации Труда) и Зиверт (главный организатор визитов делегаций немецких рабочих в Советский Союз в 1926 и 1927 гг.)⁶⁰, который год спустя был исключен из КПП за правый уклон. В предложенной Лодером декларации об опасности империалистической войны против Советского Союза рабочим предлагалось выйти на демонстрацию 4 и 5 августа, в годовщину начала войны 1914 г. (эта дата говорила о британском происхождении внесенной резолюции). В резолюции по вопросу о профсоюзах, предложенной Канноном, по-видимому (она не была опубликована), не удалось разрешить обычную дилемму, состоявшую в том, как примирить участие в некоммунистических профсоюзах с усилением революционных профсоюзов; бельгийская делегация воздержалась от голосования. Предложенная Таской декларация о фашизме была сосредоточена вокруг итальянского фашизма⁶¹.

Конференция также решила основать в Берлине бюро, которое выпускало бы еженедельный информационный листок, поддерживало бы связь между организациями друзей Советского Союза во всех странах и занималось подготовкой второго конгресса⁶². Мюнценберг заявил, что французское Общество насчитывало в то время свыше 20 тыс. членов и такое же число членов насчитывалось в британском Обществе⁶³.

На протяжении лета 1928 г. внимание было отвлечено продолжительным и напряженным VI конгрессом Коминтерна. Но уже 27 сентября 1928 г. Международный комитет провел в Берлине очередную встречу, а 4 ноября 1928 г. там состоялся конгресс немецких друзей Советского Союза, и, по словам, Мюнценберга, планировалось провести конгрессы в Праге, Брюсселе, Париже, Нью-Йорке, Буэнос-Айресе и Мехико⁶⁴. Однако в другом источнике хотя и утверждалось, что «организация войны против Советского Союза — это не выдумка паникеров», признавалось, что не все делегаты, присутствовавшие на кёльнской конференции в мае 1928 г., одинаково горячо откликнулись на это предложение⁶⁵.

Движение друзей Советского Союза было вызвано к жизни 10-й годовщиной Октябрьской революции и опасностью — действительной или воображаемой — войны против СССР. Это была

скорее пропагандистская кампания, чем организация, и по окончании 1928 г. она растворилась в более устойчивой Лиге по борьбе с империализмом и в конкретных антивоенных кампаниях.

в) Антифашистский конгресс

Вероятно, пример Лиги по борьбе с империализмом привел к тому, что 9 и 10 марта 1929 г. в Берлине состоялся антифашистский конгресс. Официально инициатива его проведения принадлежала антифашистскому комитету в Берлине, президентом которого был французский писатель Барбюс. Позднее Мюнценберг, который был большим мастером в деле организации беспартийных для оказания поддержки делу коммунизма, запротоколировал решение Исполнительного комитета Межрабпома участвовать в проведении конгресса ⁶⁶, и та роль, которую он играл на самом конгрессе, заставляет предположить, что эта идея родилась в его плодотворном мозгу. В декабре 1928 г. ИККИ создал небольшую комиссию под председательством Эмбер-Дро для подготовки конгресса, а Центральный Комитет российской партии направил для участия в нем в качестве своего представителя Стасову. Выбор обеих кандидатур говорит о нежелании слишком сильно подчеркивать советское участие в нем. В результате этого разделения власти возникла небольшая неувязка. Не поставив в известность комиссию, Стасова приехала в Берлин и провела необходимые переговоры с берлинским комитетом, после чего глубоко обиженный Эмбер-Дро попросил освободить его от возложенных на него функций ⁶⁷.

О созыве конгресса было объявлено в воззвании от 1 февраля 1929 г., в котором говорилось о том, что в Италии, Польше, Литве и в балканских странах люди живут «под игом фашизма». Заявлялось, что жестокие фашистские методы создают «постоянную угрозу миру», и целью конгресса было «объединить всех искренних противников войны для борьбы против постоянной военной опасности, создаваемой фашизмом». Для осуществления этой цели требовалась поддержка «бесчисленных рабочих организаций и антифашистски настроенных представителей интеллигенции», однако не назывались никакие политические партии ⁶⁸.

Отношение Москвы оставалось прохладным. Упомянутое заявление о созыве конгресса в советской печати прошло незамеченным. Первый отклик пришел из Вены, где 10 февраля 1929 г. состоялся антифашистский митинг, в котором приняли участие члены социал-демократической и коммунистической партий и беспартийные рабочие — пример тактики единого фронта, который вряд ли согласовывался с текущей политикой Коминтерна ⁶⁹. В списке организаций, поддержавших конгресс, были главным образом французские организации, а также международные и находившиеся в эмиграции организации, сконцентрированные в Париже ⁷⁰.

Мюнценберг приветствовал предстоящий конгресс в статье, в которой он избегал упоминать партии, называл фашизм «международной опасностью для международного рабочего класса» и говорил, что антифашистские демонстрации проходят во многих странах⁷¹. Итальянский коммунист Силоне выступил в более резком тоне. Он осудил социал-демократов, которые смотрят на фашизм, как на случайный эпизод, а также «свободомыслящих» и «сентиментальных» людей, которые протестуют против него из моральных и идеологических соображений. Фашизм в своей основе есть продукт капитализма:

«Борьба за свержение фашизма должна вестись вместе с борьбой за свержение капиталистического общества... Нельзя разделять антифашистскую борьбу и классовую борьбу. Немыслимо усиливать антифашистскую борьбу без усиления классовой борьбы пролетариата».

Тем не менее важно было с помощью международного конгресса завоевать поддержку «непролетарских слоев» для выполнения задач революционного пролетариата⁷².

9 и 10 марта 1929 г. конгресс провел три заседания и завершился массовой демонстрацией в цирке Буша в Берлине, во время которой хор исполнял революционные песни. Мюнценберг был председателем на конгрессе и его главным распорядителем. Всеми уважаемый Барбюс был красноречивым инициатором главной резолюции о «фашизме, империализме и опасности войны». Пик передал конгрессу приветствие от КПГ. Выдающуюся роль в работе конгресса играл Геккерт, который провозгласил, что «тот, кто борется против фашизма, должен в равной мере бороться и против социал-демократии». Однако участие коммунистов было сведено до минимума — отчасти, возможно, для того, чтобы избежать неприятностей с полицией. Стасова была единственным советским делегатом, названным в отчете; может быть, она и выступала на конгрессе, но об этом нигде не упоминалось. Трем делегациям советских профсоюзов было отказано во въездных визах в Германию, и они прислали свои приветствия телеграфом.

Для того чтобы внести свой вклад в осуждение фашизма на конгрессе, на нем появились две забытые фигуры из прошлого — Каройи, президент недолговечной Венгерской демократической республики в 1919 г., и Фан Ноли, который в 1924 г. в течение шести месяцев возглавлял албанское правительство. Неожиданно на последнее заседание явился Макс Хельц, беспокойный агитатор, который несколько раз вступал в КПГ и выходил из нее, провел многие годы в тюрьме и был награжден Советским правительством орденом Красного Знамени. Он рассказал эффективную, хотя и не совсем правдоподобную историю о том, как по дороге на конгресс он был задержан и избит полицией.

Миссией для нападок на конгрессе служили Муссолини и Пилсудский, организация «Стальной шлем» и социал-демократическая военизированная организация «Рейхсбаннер». На Гитлера

и национал-социалистов, по-видимому, не обратили внимания. Конгресс закончился тихо: шеф полиции запретил проводить какую бы то ни было уличную демонстрацию ⁷³.

В резолюции конгресса заявлялось, что «реформизм повсюду прокладывает путь фашизму» и что «социал-фашистская политика реформистов ведет прямо к победе фашистской реакции». В ней смело провозглашалось, что единственный путь к уничтожению фашизма заключается в «насильственном свержении и полном уничтожении общественного порядка, следствием и выражением которого является фашизм, то есть загнивающего капиталистического общества». Однако в заключение антифашистская борьба более осторожно характеризовалась как «составной компонент» не пролетарской революции, а «мирового фронта пролетариата против империализма» ⁷⁴.

В резолюции о профсоюзах говорилось о том, каким образом фашистские режимы в Италии и в других странах разгромили профсоюзы с помощью их продажных реформистских лидеров и о распространении этого процесса на Италию и Францию ⁷⁵. Была также принята резолюция об учреждении в Берлине «международного антифашистского бюро» ⁷⁶, однако никаких следов его не найдено. Знаменательным был и тот слабый энтузиазм, который был проявлен по отношению к конгрессу в Москве.

Состоявшийся в марте 1929 г. антифашистский конгресс был в этот период последним примером политики сотрудничества с радикальным левым движением, — политики, которая теперь все больше устаревала и отвергалась.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 57. Дипломатия, война и мир

1. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 57.
2. «Документы внешней политики СССР». В 15 томах. М., 1959—1971. Т. 1, с. 22, 488.
3. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 39, с. 197. Текст интервью датирован 23 сентября 1919 г., но он был впервые опубликован в газете «Крисчен сайенс монитор» 17 декабря 1919 г. В английском тексте стоит слово «co-existence», однако соответствующий достоверный источник русского и английского текстов трудно определить.
4. «Правда», 5 февраля 1920 г. О значении этого договора: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 24.
5. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 40, с. 145.
6. «Документы внешней политики СССР», т. II, с. 389, 639. В последнем случае Чичерин употребляет слово «сосуществование» вместо слова «сожительство», которое использовалось во всех других случаях ранее, в том числе Лениным и Сталиным. После 1927 г. слово «сожительство» обычно заменяется словом «сосуществование», но это не ведет к изменению смысла.
7. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, с. 22.
8. Там же, с. 313.
9. «КПСС в резолюциях». М., 1954 г., часть II, с. 260.
10. «Protokoll des III Kongresses der Kommunistischen Internationale (1921)», р. 800—803.
11. В январе 1922 г., приветствуя резолюции Каннской конференции, которая проложила путь к Генуэзской конференции, Ленин писал о «*равноправии* двух систем собственности» и необходимости соглашения между ними «как равной с равным» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 192—193).
12. «Одиннадцатый съезд РКП(б)». М., 1936 г., с. 144.
13. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 262. В опубликованном тексте эти слова в обеих выдержках закавычены. Слова «целый период мирного сожительства» также содержатся в резолюциях съезда.
14. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 1.
15. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 199—200.
16. Гл. 58 данного тома.
17. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 4 (78), с. 5.
18. См. гл. 61 данного тома.
19. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 12, с. 3—8. Эта статья была также напечатана в «Известиях» 28 января 1927 г.
20. «XV Конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет». М. — Л., 1927 г., с. 92.
21. «КПСС в резолюциях», часть II, с. 329.
22. «Пути мировой революции». М., 1927 г. Вып. I, с. 20.
23. Там же, с. 508.
24. *И. В. Сталин*. Соч., т. 8, с. 263—264.
25. Там же, с. 360.
26. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 564—566. Агрессивная статья Авгура в феврале 1926 г. уже вызвала обстоятельные комментарии в

- речах Троцкого и Рыкова и в статьях в «Правде» («Правда», 23 февраля, 5 и 10 марта 1926 г.).
27. «Известия», 27 января 1927 г. О перевороте в Литве см. гл. 61 в данном томе.
28. «Documents on British Foreign Policy», Series I A, iii, 1970, p. 23—25.
29. «Известия», 20 февраля 1927 г.
30. «Центральный Исполнительный Комитет 3-го созыва. 3 сессия. Стенографический отчет». М., 1927 г., с. 659—662.
31. *J. Humbert-Droz*. «Il Contrasto tra l'Internazionale e il PCI» (1969), p. 246 (Huhbert-Droz archives, 0081).
32. Осторожный британский поверенный в делах, сообщая в Лондон о «паническом страхе перед войной», делал заключение, что он, во всяком случае, по сути своей не «поддельный» и выражает чувства Коммунистической партии и Советского правительства, и что «это состояние нервозности с успехом передалось народу» («Documents on British Foreign Policy», Series I A, ii (1968) 716).
33. «СССР: IV съезд Советов». М., 1927 г., с. 6—7, 19.
34. «Съезды Советов в документах». М., 1960 г., т. III, с. 113.
35. «Правда», 1 июня 1927 г.
36. Гл. 61 данного тома.
37. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 63, June 17, 1927, p. 1319—1321.
38. В циркуляре, разосланном немецким дипломатам за рубежом по поводу англо-советского разрыва, Штреземан говорит, что военные последствия «маловероятны», но выражает сомнение в том, «станет ли, и если да, то в какой форме, Великобритания старается привлечь другие державы к экономической и моральной блокаде, которую она, по-видимому, готовит» («Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik», Series B, V (1972), 407).
39. «Auswärtiges Amt», 6698/105358—65.
40. *А. И. Рыков*. Англия и СССР. М., 1927 г., с. 5.
41. *И. В. Сталин*. Соч., т. 9, с. 322—330. Критически настроенные английские и американские авторы считают, что страх перед вооруженным нападением со стороны Великобритании, который летом 1927 г. испытывали в Советском Союзе, был не только беспочвенным (каким он и был), но и искусственно раздуваемым в интересах внутренней политики (что для того времени не соответствует действительности). Интересно сравнить нарисованную Л. Фишером как саму собой разумеющуюся картину «панического» настроения и «полного военного психоза», которую он наблюдал в Москве в июне 1927 г. (*L. Fischer. The Soviets in World Affairs*. 1930, p. ii, 741), с его же кислыми замечаниями, сделанными в книге «Люди и политика» (*L. Fischer. Men and Politics*. 1941), написанной в связи с разочарованием автора в Советском Союзе. Зоркий наблюдатель, Брокдорф-Ранцау, которого трудно было провести, по возвращении из отпуска в Москву в 1927 г. сообщал, что в неизбежность близкой войны верят «даже самые умеренные члены правительства». Он приводил слова одного из «руководящих работников» Наркоминдела о том, что «война неизбежна, ибо в противном случае проводимая Англией политика совершенно бессмысленна»; «только нападение на Россию обеспечит консерваторам победу на выборах» («Auswärtiges Amt», 6698/106012—3, 106018—9).
42. «КПСС в резолюциях», часть II, с. 359—367.
43. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 11.
44. *L. Trotsky*. *The Real Situation in Russia*. (n. d. 1928), p. 140.
45. См. гл. 60 данного тома.
46. Там же.
47. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 458.
48. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 266.
49. Там же, т. 8, с. 253.
50. «Коммунистический Интернационал в документах, 1919—1932». М., 1933 г., с. 627—628.
51. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 34.
52. *Trotsky archives*, T 1161.

53. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 13.
54. «The New Line: Documents of the Tenth Congress of the CPGB» (n. d.), p. 28—29.
55. «Communist Review», No. 5, May 1929 p. 267; No. 6, June 1929, p. 360—361. В программе партии, опубликованной к всеобщим выборам 1923 г., заявлялось, что «британский капитализм и американский капитализм находятся в послевоенном мире в тех же отношениях, в каких находились британский и германский империализм до войны 1914 года» («Class Against Class», 1929, p. 13).
56. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 701.
57. «Коммунистический Интернационал. VI конгресс. Стенографический отчет». М., 1929 г. Вып. 1, с. 38.
58. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 796. Несколько позднее Лозовский говорил о «создании целого ряда межгосударственных союзов для борьбы за мировую гегемонию, как, например, англо-французский и англо-японский союзы, направленные против Америки, Германии и Союза ССР» («Всесоюзный съезд профессиональных союзов. 8-й. Полный стенографический отчет». М., 1929 г., с. 209).
59. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 403.
60. Об отношении Коминтерна к советской внешней политике см. гл. 65.
61. И. В. Сталин. Соч., т. 10, с. 286—288.
62. Подробнее об этом см. гл. 70.
63. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, с. 5.
64. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 96, 146.
65. «Документы внешней политики СССР», т. II, с. 641.
66. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 63.
67. «Съезды Советов в документах». М., 1960, т. 3, с. 113—114.
68. Об этом эпизоде см. гл. 65 в данном томе.
69. «КПСС в резолюциях». М., 1954, часть II, с. 436.
70. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 543—544; «Известия», 6—7 ноября 1927 г.
71. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 249, 252—253, 256. О договоре с Турцией от 17 декабря 1925 г., явившемся прототипом этих пактов, см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 38.
72. Гл. 65.
73. Эта акция описана в одном из последующих разделов этого тома.

Глава 58. Отношения с Великобританией

1. «Documents on British Foreign Policy», Series I A, ii, 1968, p. 724—729.
2. «Документы внешней политики СССР». М., 1964, т. IX, с. 297—298.
3. Там же, с. 304. О советской финансовой помощи забастовщикам см. с. 318—320.
4. Там же, с. 323—324.
5. «House of Commons: 5th Series», CXCVI, 1680.
6. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 306. Советский поверенный в делах выбрал этот неподходящий момент для жалобы на то, что Советское представительство в Лондоне официально называется «миссией», а не «посольством», но ему сказали, что время для обсуждения любых аспектов этого вопроса выбрано «неудачно» («Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 303—304; «Documents on British Foreign Policy», Series I A, ii, 1968, p. 94—95).
7. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 310.
8. «Правда», 15, 18 и 20 июня 1926 г.
9. «Documents on British Foreign Policy», Series I A, ii, 1968, p. 622—627.
10. H. Nicolson. King George the Fifth. (1952), p. 421.
11. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 31.
12. «House of Commons: 5th Series», CXCVII, 770—778.

13. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 326—329. Заявление было опубликовано в газете «Известия» 27 июня 1926 г. Под ним была напечатана карикатура, изображавшая Джойнсон-Хикса, Черчилля и Биркенхеда, то есть всех ведущих членов правительства, в виде «святой твердолобой тройцы».

14. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 332—334.

15. В качестве приложения к журналу «Совет Юнион мансли» от 15 июля 1926 г. был опубликован длинный и подробный меморандум советской торговой делегации в Лондоне. Семь тысяч экземпляров было разослано членам парламента и другим общественным деятелям («Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 352—363). Майский, который был тогда членом советского полпредства в Лондоне, отмечал, что отношение промышленников, заинтересованных в торговле с Советским Союзом, было менее враждебным, чем отношение банков, представлявших кредиторов (*И. Тайгин [И. М. Майский]. Англия—СССР. М., 1926 г., с. 89—90*). Ходжсон выразил мнение, что «кампания, проводимая против красных, наносит несомненный и прямой вред, который можно подсчитать в фунтах стерлингов» («Documents on British Foreign Policy», Series I A, ii, 1968, p. 457—459).

16. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 461—470. О первых впечатлениях Красина см. там же, с. 492—494.

17. Там же, с. 499—506.

18. Там же, с. 512—522.

19. О некоторых сообщениях и откликах в печати того времени см.: *W. and Z. Coats. A History of Anglo-Soviet Relations. L., 1943, p. 245—246*.

20. Об этой статье и интервью Чичерина см. гл. 57.

21. «House of Commons: 5th Series», cc. 1165, 2082.

22. «Documents on British Foreign Policy», op. cit., p. 622—627.

23. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 576—577. О присутствии Кука на VII съезде советских профессиональных союзов в декабре 1926 г. см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75.

24. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 42—43.

25. Гл. 57 в данном томе.

26. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 638.

27. Эта нота была опубликована в виде «Белой книги» (Cmd. 2822 (1927)).

28. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 54—60. Нота британского правительства и ответ Советского правительства были опубликованы в газете «Известия» 25 и 27 февраля 1927 г.

29. *И. В. Сталин. Соч., т. 9, с. 170*.

30. Цит. по статье А. А. Громыко, опубликованной в газете «Известия» 4 декабря 1962 г., по-видимому, с целью реабилитации Чичерина. О критике Чичериним Бухарина см. гл. 66.

31. «House of Commons: 5th Series», cciii, p. 599—672.

32. *Ibid.*, p. 631, 634.

33. В статье, опубликованной в журнале «Коммунистический Интернационал» (№ 12 (86), 1927 г., с. 3—10), выдвигалась гипотеза о том, что Штресеману предложили вывести войска из Рейнской области и вернуть Германии Данциг в уплату за ее участие в антисоветском блоке.

34. Доказательства этому можно найти в германских архивах. см.: «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik», Series B, IV, 1970, p. 274—275, 361—364, 380—384.

35. «The Times», March 9, 1927; «Gustav Stresemann Vermächtnis», iii, 1933, p. 113.

36. *Ibid.*, iii, p. 118.

37. «Documents on British Foreign Policy», op. cit., p. 737.

38. Подробнее об этом событии см. в одном из последующих разделов этого тома.

39. «Аркос» (Всероссийское кооперативное общество) — официальная торговая фирма, которая размещалась в Мургеите. Торговая делегация была частью советской дипломатической миссии, и ее помещения, находившиеся в одном из предместий Лондона, пользовались дипломатической неприкосновен-

ностью в соответствии с англо-советским торговым соглашением, подписанным в марте 1921 г. Однако после назначения в феврале 1926 г. руководителем торговой делегации председателя Центросоюза Хинчука связи между нею и «Аркос» еще больше окрепли. Очевидно, Хинчук и некоторые члены торговой делегации имели свои конторы в помещении «Аркос». Во время налета Хинчук находился в Женеве на Международной экономической конференции (см. гл. 65 в данном томе), где он входил в состав советской делегации. В последовавших за «налетом» встречных обвинениях британское правительство заявило, что помещения «Аркос» — чисто коммерческие и что это положение не меняется от того, что там находились некоторые члены торговой делегации. Советское правительство настаивало на том, что дипломатическая неприкосновенность целиком или частично распространяется и на помещения «Аркос». Имеющиеся в британских архивах сведения говорят о том, что Чемберлен был заранее оповещен о налете Джойнсон-Хиксом, но не сумел предвидеть, к каким дипломатическим осложнениям это приведет. Министерство иностранных дел не было оповещено вовсе.

40. Эти подробности в ярких красках описывались в ноте протеста, в тот же день направленной в министерство иностранных дел Великобритании советским поверенным в делах («Документы внешней политики СССР», т. X, с. 198—200). 17 мая 1927 г. в Москве Литвинов вручил британскому поверенному в делах более обоснованный протест со ссылкой на принцип соблюдения как коммерческой тайны, так и дипломатической неприкосновенности (там же, т. X, с. 213—218).

41. «House of Commons», *op. cit.*, ccvi, p. 1842—1849. Документы, найденные в «советском доме», были опубликованы в виде «Белой книги» (Cmd. 2874 (1927)). Они свидетельствовали о контактах коммунистов с британскими тред-юнионистами и британскими моряками, но в них нет даже намека на военный шпионаж или какие бы то ни было украденные документы.

42. «House of Commons», *op. cit.*, ccvi, p. 2195, 2204—2218, 2242.

43. «The Fifty-ninth Annual Trades Union Congress», 1927 (n. d.), p. 213—215.

44. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 240—243.

45. Текст этой ноты см.: «Белая книга», Cmd. 2895 (1927), p. 69—70. На следующий день после опубликования ноты Розенгольц был приглашен межпартийным англо-русским парламентским комитетом на завтрак в палате общин. О его речи на завтраке см.: «Известия», 2 июля 1927 г.

46. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 245—247.

47. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 57, June 3, 1927, p. 1219—1221.

48. «Правда», 1 июня 1927 г.

49. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 280—288.

50. «Auswärtiges Art», 6698/105676—8.

51. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 231.

52. «Gustav Stresemann Vermächtnis», iii, 1933, p. 145, 150—152.

53. «Коммунистический Интернационал в документах», цит. соч., с. 701, 703.

54. «Известия», 2 июня 1927 г.

55. Там же, 17 июня 1927 г.

56. Перечень таких случаев см. в: «Survey of International Affairs», 1927 (1929), p. 276. В интервью газете «Морнинг пост» от 13 июня 1927 г. Ходжсон называет обвинения, предъявленные некоторым из этих лиц, беспочвенными и «фантастичными».

57. «Известия», 3, 9, 12 и 13 июля 1927 г. Согласно сделанному двумя годами ранее заявлению Чичерина, Дружеловский был арестован в Берлине в мае 1925 г. и у него нашли множество фальшивых документов и печатный станок («Документы внешней политики СССР», т. VIII, с. 440).

58. «Известия», 29 июля 1927 г.

59. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 191—193. Накануне разрыва Микоян с большим удовлетворением информировал германского поверенного в делах в Москве об этом кредите, рассчитанном максимум на 42 месяца («Akten zur Deutschen auswärtigen Politik», Series B, V, 1973, p. 382). Год

спустя было сказано, что кредит не был акцептирован, так как были достигнуты более выгодные условия непосредственно с британскими экспортерами («Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 283).

60. «Правда», 25 мая 1927 г.

61. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 220—221.

62. Там же, с. 259—260. В журнале «Soviet Review» (Вашингтон) за июль—август 1927 г. на стр. 121 было напечатано заявление Амторга в Нью-Йорке о том, что разрыв отношений с Великобританией «облегчит усилия, предпринимаемые советскими промышленниками к тому, чтобы торговать непосредственно с американскими фирмами... и наладить более тесные контакты с американским техническим миром».

63. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 308.

64. Там же, с. 334.

65. Там же, с. 375.

66. «House of Commons», op. cit., cсix, p. 1530.

67. Документы внешней политики СССР», т. X, с. 349—350.

68. «Правда», 25 ноября 1927 г.

69. «House of Commons», op. cit., cсxi, p. 264. В советском коммюнике («Известия», 2 декабря 1927 г.) опровергалось заявление Болдуина.

70. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 532—536, 657, примечание 113. Позднее Литвинов отметил, что Чемберлен «вместо разговоров о перспективах завтрашнего дня, предпочел говорить о вчерашнем дне», и что это делало разговор бесполезным. Он утешался, однако, той мыслью, что «Советское правительство переживет еще не одно британское правительство» («СССР: Центральный Исполнительный Комитет 4-го созыва. 4-я сессия. Стенографический отчет». М., 1928 г., № 19, с. 13—14).

71. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 26.

72. «House of Commons», op. cit., cсxv, p. 59—72.

73. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 189—193. О деле Шрека см.: «Известия», 31 января 1928 г. Позднее эта версия происхождения «письма Зиновьева» получила широкое свидетельское подтверждение.

74. Гл. 65 в данном томе.

75. В № 40 (146) «Социалистического вестника» (Берлин) за 26 февраля 1927 г. на стр. 14 можно прочитать о том, что говорилось в то время о сравнительном положении Чичерина и Литвинова. О якобы безразличном отношении Литвинова к Китаю см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40. Дирксен, сменивший Брокдорф-Ранцау на посту германского посла в Москве, отмечал, что, хотя Литвинов был корректен в отношении Германии, «его симпатии принадлежали Великобритании, где он провел годы ссылки и где познакомился со своей женой» (*H. von Dirksen. Moskau, Tokio, London, (n.d.), 1949, p. 94*).

76. Ниже приводятся официальные советские данные (в тыс. руб. по тогдашним ценам).

	Экспорт в Великобританию	% от общего экспорта	Импорт из Великобритании	% от общего импорта
1925/26	220 869*	31,4	129 549	17,1
1926/27	220 549	27,3	101 087	14,2
1927/28	155 833	19,7	47 521	5,0

* В указанном источнике дана цифра 220 689. — *Прим. ред.*

(«СССР: Социалистическое строительство». 1935, с. 587—588, 591—592. Британские данные см. в: «Statistical Abstract for Each of the Fifteen Years 1924—1938», Cmd. 6232, 1940, Tables 277, 279, 281, 282.

77. «Labour and the Nation». 1928, p. 47.
78. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 545—550.
79. «The Times», October 24, 1928. «Известия», 27 октября 1928 г.
80. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 512—514.
81. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 4-го созыва. 4-я сессия», № 19, с. 12—13.
82. В декабре 1928 г. Литвинов не предполагал, что число членов делегации превысит 12 человек («Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 632).
83. «The Times», February 6, 1929.
84. «Известия», 17 февраля 1929 г.
85. Там же, 8 и 27 марта 1929 г., «Документы внешней политики СССР», т. XII, с. 114—115, 117—120.
86. «Известия», 1 марта 1929 г.
87. Там же, 6 апреля 1929 г.
88. Там же, 25 апреля 1929 г.
89. «От съезда к съезду (апрель 1927 — май 1929)». М., 1929, с. 186—187.
90. «Известия», 24 мая 1929 г.
91. Там же, 5 июня 1929 г.

Глава 59. Отношения с Германией

1. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 32.
2. См. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 76.
3. Черновик этого доклада см. в: «Brockdorff-Rantzau Nachlass», 9101/224038—224046. Выдержка из ответа Гинденбурга от 14 июля 1926 г. приводится в: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 29. Хильгер в книге «Мы и Кремль» (*Hilger. Wir und der Kreml*. 1955, p. 152) высказывает мнение, что германо-советские отношения покоились, «по существу, не на взаимном расположении, а на наличии общих проблем и общих врагов».
4. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 29.
5. «Journal of Central European Affairs», xxi, No. 2, July 1961, p. 196—199; *K. Rosenbaum*. Community of Fate. Syracuse, 1965, p. 220—225. В обоих указанных источниках приводится много цитат из германских архивов.
6. «Известия», 13 октября и 8 декабря 1926 г.
7. «Социализм в одной стране...», т. 3, Примечания.
8. Там же, гл. 32.
9. Там же.
10. «Auswärtiges Amt», 4564/162703—8. О Шуберте см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 29.
11. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 32 и Примечания.
12. «Auswärtiges Amt», 4564/163632 ff.
13. Единственным имеющимся свидетельством этого разговора (*ibid.*, 4564/163383 ff.) является запись Шуберта о том, что сказал ему Брокдорф-Ранцау. Возможно, в ней отразились предубеждения Шуберта.
14. *F. Melville*. The Russian Face of Germany, 1932, p. 186—190. О памфлете, с которого сделан перевод, см. ниже в данной главе.
15. Источник этого сообщения неизвестен, но оно, несомненно, исходит от лиц, находившихся в прямом или непрямом контакте с корреспондентом газеты «Манчестер гардиан» в Берлине Воигтом. Имеющееся в германских архивах («Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik», Series B, iv, 1970, p. 154—155) секретное сообщение о том, что это было делом рук советского агента в Лондоне, можно спокойно не принимать во внимание. Дальнейшие подробности, относящиеся главным образом к делу, связанному с фирмой «Юнкерс», появились в «Манчестер гардиан» 6 декабря 1926 г.
16. Штреземан, который находился в Женеве и ожидал расспросов со стороны своих коллег, накануне по телеграфу сообщил, какой следует придерживаться линии. Она заключалась в том, чтобы отрицать существование каких бы то ни было тайных соглашений с Советским правительством; призна-

вать, что «определенные отделы рейхсвера» в прошлые кризисные периоды пользовались отношениями между Германией и советской промышленностью для получения поставок «вооружения и других средств обороны»; но добавить, что, как только германское правительство узнало об этих сделках, оно предприняло шаги к тому, чтобы они постепенно прекратились («Auswärtiges Amt», 6698/106234—5).

17. Об этом интервью уже говорилось выше.

18. «Auswärtiges Amt», 6698/111069—71. В докладе Наркоминделу Чичерин сделал вид, что этот разговор с Марксом ограничился вопросами кредитов и концессий («Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 572).

19. «Auswärtiges Amt», 6698/106248—9, 111067—8.

20. «Die Rote Fahne», December 7, 1926.

21. W. Pieck. Gesammelte Reden und Schriften, iii, 1961, p. 514.

22. «Verhandlungen des Reichstags», cccxci, 1927, p. 8577—8586.

23. Ibid., cccxci, p. 8566—8567.

24. Ibid., cccxci, p. 18593—18602.

25. Ibid., cccxci, p. 8636—8639. О выступлении Цеткин см.: Ibid., cccclxxxviii, 1926, p. 4637. О выступлении Бухарина см. в: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

26. Два дня спустя Брокдорф-Ранцау жаловался Литвинову, что, несмотря на его протесты, «бессмысленная кампания» против СДПГ в советской прессе не была прекращена («Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik», Series B, iv, 1970, 19—20).

27. «Правда», 13 января 1927 г. О других откликах на это выступление см. гл. 66 в данном томе.

28. «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik», Series B, iv, 1970, 20, note 5.

29. «Document on British Foreign Policy», Series I A, ii, 1968, p. 741—743.

30. «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik», Series B, iv, 1970, p. 139—

142. О школах в Липецке и Казани см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, Примечания А.

31. «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik», p. 256—258, 420.

32. Ibid. Series B, iv, p. 347, 365—366.

33. Отчет об этом заседании и текст заявления Гесслера см.: ibid. Series B, iv, p. 403—406. То, что в книге Андерле (A. Anderle. Die Deutsche Rapallo-Politik. 1962, p. 203) выдается за полный текст, представляет собой лишь краткое его изложение. О некоторых подробностях, связанных с этим заседанием, см.: G. Hilger. Wir und der Kreml. 1965, p. 198.

34. Это письмо было несколько недель спустя опубликовано Коммунистической рабочей партией Германии со вступительной статьей под горьким заголовком — «Русская трагедия». На обложке памфлета были изображены серп и молот и свастика, и он назывался «От революции к контрреволюции: Россия вооружает рейхсвер» («Von der Revolution zur Kontrevolution: Russland Bewaffnet die Reichswehr»). О КРПГ см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 23, 30.

35. Перевод памфлета см. в: G. F. Melville. The Russian Face of Germany. 1932, p. 178—204.

36. «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik», Series B, v, p. 223.

37. Ibid. Series B, v, p. 366—368.

38. G. Hilger. Wir und der Kreml. 1956, p. 198.

39. «House of Commons: 5th Series», ccviii, p. 383.

40. Гл. 57 в данном томе.

41. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 102—103, 116, 629, примечание 24. Подробный отчет об этом инциденте, приводимый в германских архивах, см.: K. Rosenbaum. Community of Fate. Syracuse, 1965, p. 243—246.

42. Цит. по статье А. Громыко, опубликованной в «Известиях» 4 декабря 1962 г. О критике Чичерина предыдущего выпада Бухарина см. гл. 66 в данном томе. Ни о какой особой нетактичности, проявленной после этого случая, о которой могло говориться в письме Чичерина, не известно.

43. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 300—308.

44. Гл. 59 в данном томе.

45. «Правда», 25 июня 1927 г.; «Известия», 25 июня 1927 г.

46. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 333. В частном письме к Брокдорф-Ранцау 18 октября 1927 г. Дирксен выражал мнение, что разрыв с Великобританией в какой-то мере подрывает кредит Советского Союза на Западе и заставит его искать «более выгодные условия» в Германии (цит. по данным из архивов, приводимым в книге: *A. Anderle. Die Deutsche Rapallo-Politik*, 1962, p. 208).

47. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 306, 329—330, 486—488,

48. *K. Rosenbaum*, op. cit., p. 250—253. Цитируются документы из «Brockdorff-Rantzau Nachlass».

49. Ниже приводятся официальные советские данные (в тыс. руб. по текущим ценам).

	Экспорт в Германию	% от общего экспорта	Импорт из Германии	% от общего импорта
1925/26	111 618	15,9	176 079	23,3
1926/27	175 514	21,8	161 616	22,6
1927/28	193 591	24,5	248 505	26,3
1929	215 126	23,3	194 648	22,1

(«Социалистическое строительство СССР». М., 1935, с. 587—588, 591—592.)

50. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 32.

51. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 324—325, 341—342.

52. Там же, с. 561—562.

53. «СССР: IV съезд Советов», с. 25.

54. «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik», Serie B, v, 1972, p. 584.

55. «Известия», 11 ноября 1927 г.

56. Единственной страной, которая предоставила в этот период кредиты, была Австрия. В октябре 1927 г. муниципалитетом Вены был гарантирован кредит на сумму 100 млн. шиллингов («Документы внешней политики СССР», т. X, с. 470, 563). В Великобритании и Соединенных Штатах Америки можно было получить лишь краткосрочные кредиты, покрывающие конкретные грузы.

57. «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik», Serie B, v, 1972, p. 71—74. Замечание Вальрота см.: *ibid.*, iv, 1970, p. 447.

58. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 35—38.

59. Там же, с. 59—66.

60. Отрывки из этих выступлений см. там же, с. 698—700, примечание 25.

61. «Основы плановой экономики...», т. 1, часть II.

62. Цит. по данным из архивов, приводимым в книге: *A. Anderle. Die Deutsche Rapallo-Politik*, p. 209.

63. Многие подробности этого дела, которые имеются в германских архивах, собраны в работе Розенбаума (*K. Rosenbaum*, op. cit., p. 253—276). По-видимому, не подлежит сомнению, что какой-то немец давал взятки советским чиновникам. Власть подозревали, что эти взятки предназначались для того, чтобы добиться принятия бракованной продукции.

64. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 161—162. Позднее Штреземан говорил Крестинскому, что Феликс Дейч, который возглавлял Всеобщую компанию электричества, где работали четыре из пяти обвиняемых инженеров, был главным вдохновителем этой кампании вопреки желанию большинства промышленников (там же, т. XI, с. 576).

65. «Известия», 18 марта 1928 г.

66. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 257—258.

67. Это выступление было напечатано в газете «Вечерняя Москва» 17 апреля 1928 г., а не в «Правде».

68. «Известия», 8 июня 1928 г.
69. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 386, 730, примечание 123.
70. Там же, с. 381, 390.
71. P. Scheffer. Seven Years in Soviet Russia (английский перевод с немецкого), 1931, p. 323.
72. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 741, примечание 176.
73. Там же, с. 483, 738, примечание 162.
74. Начало гл. 59 в данном томе.
75. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 542—543. Коммюнике было обнародовано агентством Вольф 20 октября 1928 г. и о нем сообщалось в «Известиях» на следующий день.
76. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 567—570, 576.
77. «Известия», 21 ноября 1928 г.
78. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 572—573. Статьи, в которых приветствуется возобновление переговоров, появились в «Правде» и в «Известиях» 25 ноября 1928 г.
79. «Собрание законов». М., 1928, № 63, ст. 587.
80. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 616, 619—623.
81. Там же, с. 623—626. Об объяснении Литвинова см.: там же, с. 751, примечание 213.
82. Там же, т. XII, с. 44—47.
83. Гл. 59 в данном томе.
84. «Социализм в одной стране...», т. 3, примечания.
85. Доклад Бломберга см.: «Auswärtiges Amt», 9480/276183—236.
86. «Auswärtiges Amt», 9480/276193—4, 276235.
87. Текст меморандума от 21 января 1929 г., где приводится число немецких офицеров, как состоящих на действительной службе, так и «отставников», которых в разных должностях предполагалось использовать в Советском Союзе, см. в: «Auswärtiges Amt», 9480/276155—8.
88. «Основы плановой экономики...», т. 3, примечания А.
89. Дирксен, который находился в то время на высоком посту в Восточном отделе министерства иностранных дел Германии, 16 декабря 1926 г. писал в письме Шлезингеру, германскому эксперту по экономическим вопросам в Москве: «Я энергично занимаюсь идеей более тесного культурного сотрудничества между Германией и Россией — главным образом по политическим мотивам. Ибо взаимное, тесное культурное сотрудничество — это один из двух столпов, гарантирующих продолжение взаимоотношений, когда политические отношения временно нарушаются из-за какого-либо инцидента или ссоры. Вторым постоянным столпом, по-видимому, являются экономические связи». Дирксен надеялся организовать визиты советских ученых в Берлин («Auswärtiges Amt», 4829/242427—433). Обзор обширных немецких источников по вопросу германо-советских культурных отношений в период Веймарской республики можно найти в журнале «Вопросы истории», 1963, № 10, с. 71—83; 1971, № 1, с. 176—180.
90. «Известия», 25 мая и 19 июля 1928 г. Научные результаты экспедиции впоследствии были опубликованы двумя ее немецкими руководителями, Фиккером и Рикмерсом (H. Ficker, W. Rickmers. «Wissenschaftliche Ergebnisse der Altai-Expedition», 1928, 6 vols, 1932).
91. «Известия», 7 и 18 июля 1928 г. Этот визит был описан двумя его участниками: Минцем — в журнале «Историк-марксист» (1928, № 9, с. 84—88) и Пашуканисом — в журнале «Вестник Коммунистической академии» (1928 г., т. XXX (6), с. 238—246).
92. «Известия», 6 и 20 января 1928 г., «Документы внешней политики СССР», т. XII, с. 12—15.
93. «Известия», 7 апреля 1929 г. Цитаты из доклада делегации см. в книге: A. Anderle. Die Deutsche Rapallo-Politik, p. 221, а также в выдержках из советского и германского архивов, приводимых в книге А. Е. Иоффе. «Внешняя политика Советского Союза, 1928—1932 гг.». М., 1968, с. 83.
94. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 76.

95. «Документы внешней политики СССР», т. XII, с. 368, 372, 744, 758, примечания 47 и 95. Об этом инциденте см. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 76. Дирксен возражал против «политики возмущения, проводимой по отношению к России» и указывал на то, что полиции не удалось доказать причастность официальных лиц к проведению демонстрации (цит. по архивам Дирксена, приводимым в книге: *A. Anderle*, *op. cit.*, p. 222).

96. «Auswärtiges Amt», 9480/276191.

97. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 393—394.

98. Выступление 25 января 1929 г. в комиссии рейхстага по иностранным делам цитируется по книге: *A. Anderle*, *op. cit.*, p. 219.

99. См. гл. 60 в данном томе.

100. «Документы внешней политики СССР», т. XII, с. 748, прим. 54.

101. Там же, с. 140—147. О визите британской делегации см. начало гл. 59 в данном томе.

102. «Документы внешней политики СССР», т. XII, с. 191—200.

103. Там же, с. 236—246.

104. Там же, с. 370, 464—465. О ретроспективном взгляде на провал переговоров о кредитах см. там же, с. 645—651.

105. «Известия», 28 июня 1929 г.

Глава 60. Отношения с Францией

1. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 76.

2. «Cahiers du Monde Russe et Soviétique», i, No. 4, July—December 1960, p. 593—594. Эти материалы частично основаны на неопубликованных бумагах де Монзи. О распорядке дня 7 июня 1926 г. см.: «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 301—303.

3. Советское правительство, оповещенное французским правительством об условиях договора, в ноте протеста от 2 октября 1926 г. заявило, что, «провозглашая общность интересов Франции и Румынии без всяких оговорок относительно Бессарабии, французское правительство поддерживает агрессивные и захватнические тенденции правящих кругов Румынии» («Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 431—432, 472—473). Когда договор был опубликован, Советское правительство также опубликовало свой протест («Известия», 22 января 1927 г.).

4. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 350. О военном флоте в Бизерте см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 2. В апреле 1927 г. на IV Всесоюзном съезде Советов Орджоникидзе продолжал жаловаться на существование в Париже штаб-квартиры «грузинской демократической республики» («СССР: IV съезд Советов», с. 59—60).

5. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 363—366.

6. Там же, с. 371—372. Проект, датированный 17 июля 1926 г., хранится в бумагах де Монзи («Cahiers du Monde Russe et Soviétique», i, No. 4, July—December 1960, p. 595—596). Довольно путанный отчет о событиях этих двух дней, несомненно, взят у Раковского, см. в: *L. Fischer. The Soviets in World Affairs*. 1930, ii, p. 620.

7. Об этом пленуме см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 40.

8. 29 июля 1926 г. «Известия» в мрачных тонах обрисовали его политическую карьеру.

9. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 32—34, 624—625, прим. 10.

10. «Известия», 8 октября 1926 г.

11. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 120—121, 133.

12. Там же, с. 122—124, 132—133.

13. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 77.

14. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1928, ч. III, вып. 1, с. 396—397.

15. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 224—235. Пуанкаре, которого Чичерин посетил 24 мая 1927 г., гораздо резче критиковал отношения Советского Союза (там же, с. 636, прим. 48).

16. Гл. 59 данного тома.
17. Об этом документе см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39.
18. «L'Europe Nouvelles», No. 504, October 8, 1927, p. 1254. Раковский в тех же выражениях сделал частное заявление от себя лично, которое и появилось в «Манчестер гардиан» 6 сентября 1927 г.
19. Тот факт, что о словах Фоша говорится, как о «выступлении», заставляет думать, что Москва располагала довольно поверхностной информацией.
20. На V конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. британский делегат, говоря о военной опасности, поздравил французских коммунистов с тем, что они «провели массовую кампанию в связи с пресловутым интервью генерала Фоша» («Коммунистический Интернационал. VI конгресс. Стенографический отчет». М., 1929, вып. II, с. 32).
21. Гл. 73 в данном томе.
22. «Известия», 1 сентября 1927 г.
23. L. Fischer, op. cit., ii p. 712—713. Фишер, несомненно, передавал точку зрения Раковского, приписывая инспирирование кампании частично Пуанкаре, частично Детердингу и британским нефтяным монополиям. Раковский в свое время был причастен к планам захвата французского рынка для сбыта советской нефти (см. выше, с. 75). В статье, опубликованной в «Юманите» 12 сентября 1927 г., М. К.[ашен] расценивал высылку Раковского как акт мести за отказ Советского Союза предоставить нефтяные концессии Великобритании и компании «Ройял датч».
24. «Le Temps», September 18, 1927. «Известия», 18 сентября 1927 г. Чиновники из министерства иностранных дел не старались скрыть возмущение Бриана («Auswärtiges Amt», 648/207260—2).
25. «Известия», 16 сентября 1927 г.
26. О письме Раковского к де Монзи от 21 сентября 1927 г. см.: «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 384—387. В сделанном на следующий день заявлении Литвинов утверждал, что, по его мнению, соглашение было достигнуто (там же, с. 392). Это вызвало резкое опровержение со стороны французского правительства, («L'Europe Nouvelles», No. 504, October 8, 1927, p. 1355). Парадоксальным эпизодом было то, что оппозиция бросила советским руководителям обвинение в готовности пойти на компромисс в вопросе о военных долгах; на заседании Президиума ИККИ 27 сентября 1927 г. Бухарин назвал это «ложью от начала до конца» («Коммунистический Интернационал». М., 1927, № 41 (115), с. 8—9. Об этом пленуме см.: т. 2, гл. 39). Об озабоченности оппозиции в тот период вопросом о долгах свидетельствует направленный в Политбюро меморандум от 12 октября 1927 г., подписанный Зиновьевым, Троцким, Смильгой и Евдокимовым (Trotsky archives, T. 1028).
27. Эта переписка была опубликована в газете «Тан» 9 октября 1927 г. и приводится в книге Ключникова и Сабанина (цит. соч., с. 405—406). Об интервью Чичерина корреспонденту «Суар» см.: «Известия», 6 октября 1927 г. Как позднее сказал Карахан, Чичерин «делал вид, что он не понимает», в чем дело, пока требование не было предъявлено в категорической форме («Известия», 26 ноября 1927 г.).
28. Ключников и Сабанин, цит. соч., с. 407—408. Этой переписки совсем нет в «Документах внешней политики СССР» (т. X). Атмосфера в Москве нашла отражение в телеграммах Брокдорф-Ранцау в Берлин, отправленных под впечатлением бесед с Литвиновым и Чичериным («Auswärtiges Amt», 287/099449—50, 099458—9). 15 октября 1927 г. газета «Тан», упиваясь унижением Советов, опубликовала советскую ноту, которая появилась также в «Известиях» 14 октября 1927 г.
29. L. Fischer, op. cit., ii, p. 708. Информация, должно быть, исходила от самого Раковского. О жалобах Раковского на то, что правительство недостаточно энергично его защищало см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39.
30. «Документы внешней политики СССР», т. VIII, с. 721. Об этом интервью см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 32.
31. Там же, гл. 38.

32. Гл. 63 данного тома.
33. О заявлении Чичерина см. начало гл. 60 в данном томе.
34. «Известия», 18 сентября 1927 г.
35. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 384. «Auswärtiges Amt», 287/099355—8, 099435—9.
36. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 13.
37. Там же, с. 49—50.
38. Там же, с. 79.
39. «Foreign Relations in the United States, 1928», iii (1943), p. 827—831.
40. «Известия», 16 и 29 марта 1928 г. Меморандум Шейнмана от 12 марта 1928 г. находится в архивах Гумберга.
41. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 230—231.
42. Там же, с. 271—274.
43. Прошло около года, прежде чем суд, наконец, отверг требование Франции («Известия», 24 марта 1929 г.).
44. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 262—264.
45. Там же, с. 392.
46. Там же, с. 627, 742, прим. 215. В этот период франко-советская торговля имела тенденцию к увеличению, но она так и не достигла значительных размеров. Ниже приводятся официальные советские данные (в тыс. руб. по текущим ценам):

	Советский экспорт во Францию	% от общего советского экспорта	Советский импорт из Франции	% от общего советского импорта
1925/26	39 752	5,7	19 323	2,6
1926/27	54 101	6,7	22 196	3,1
1927/28	40 568	5,1	35 850	3,8

(«Социалистическое строительство СССР». М., 1935, с. 587—588, 591—592.)

47. Гл. 65 в данном томе.
48. «Journal Officiel: Chambre des Députés», No. 85, December 4, 1928, p. 3220. В своем ответе (ibid., p. 3229—3236) Бриан вовсе не упомянул Советский Союз.
49. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 4-го созыва. 4-я сессия. Стенографический отчет». М., 1928, № 19, с. 8—10.
50. «Известия», 4 декабря 1928 г.
51. «Документы...», т. XII, с. 16—19.
52. Там же, с. 64. На V Всесоюзном съезде Советов в мае 1929 г. Рыков назвал его «идеологом образования антисоветского блока» («СССР: V съезд Советов. Стенографический отчет». М., 1929, № 1, с. 9). В бумагах де Монзи хранится письмо Троцкого, находившегося в изгнании, в котором он благодарит де Монзи за его «особую доброту, проявленную к Раковскому» («Cahiers du Monde Russe et Soviétique», i, No. 4, July—December 1960, p. 598, note 39).
53. «СССР: V съезд Советов», цит. соч., с. 27.

Глава 61. Отношения с Италией

1. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 29.
2. Текст итало-румынского договора от 16 сентября 1926 г. и обмен нотами относительно Бессарабии нашли свое отражение в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика» за 1926 г., № 9, с. 147—148. О договоре от 28 октября 1920 г. см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 29.
3. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 452—453, 734, прим. 86.

4. Там же, с. 480—483.
5. «Известия», 27 января 1927 г.
6. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 570. Об интервью Чичерина см. выше, с. 13. Некоторые энтузиасты в Коминтерне, очевидно, призывали к «бойкоту Италии», но Бухарин отверг это предложение в выступлении на Политическом секретариате 26 февраля 1927 г. на том основании, что разрыв с Италией приведет к еще большей изоляции Советского Союза (*J. Humbert-Droz. «Il Contrasto tra l'Internazionale e il PCI»* (1969), p. 239 (Humbert-Droz archives, 0077)).
7. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 75—76. Об итальянской ноте от 7 марта 1927 г. и советском ответе на нее см. там же, с. 109—111. В передовой статье «Известий» за 10 марта 1927 г. ратификация договора Италией связывается с визитами Чемберлена и Черчилля.
8. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 373, 432—483, 738, прим. 160 и т. XII, с. 100—102, 737, прим. 29.
9. Там же, т. XI, с. 612.

Глава 62. Отношения с Восточной Европой

1. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 274—275. 16 мая 1926 г. Чичерин заверил германского посла в том, что советская политика — это политика невмешательства и что никакие войска за границу не посылались («Auswärtiges Amt», 2945/572253—4).
2. «Известия», 1 июня 1926 г.
3. Об этих выступлениях см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 79.
4. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 32. 19 июля 1926 г. депутат коммунистической фракции Сохацкий выступил в сейме с яростной речью, направленной против ратификации договора. Он протестовал против «политики создания блока контрреволюционных государств, направленного против Союза Советских Социалистических Республик», и утверждал, что Польша превратилась в «марионетку в империалистических планах Англии, направленных против Советского Союза» («Документы и материалы по истории советско-польских отношений». М., 1967, т. V, с. 22—24).
5. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 32.
6. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 280—288. О предварительных обсуждениях «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 32.
7. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 315, 729, прим. 64. Эстонский посланник в Москве Бирк ушел со своего поста в знак протеста против позиции эстонского правительства, которое он обвинил (в письмах, опубликованных в «Известиях») в obstructии и в проведении «закулисных переговоров с другими государствами и с Польшей» («Известия», 13 июля и 4 августа 1926 г.).
8. «Известия», 18 июля 1926 г.; «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 343—346.
9. О провале переговоров относительно заключения соглашения, который по-разному объяснялся сторонами, но причина которого, по-видимому, заключается в возражениях со стороны Финляндии, см.: «Известия», 30 ноября и 1 декабря 1926 г.
10. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 296—297. Более полное изложение этого договора см.: «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», с. 14—17.
11. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 351—352.
12. Там же, с. 384, 389, 732, прим. 77.
13. Там же, с. 404, 405. Проект договора был опубликован в «Известиях» 28 августа 1926 г.
14. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 733, прим. 82.
15. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 32.
16. В разговоре с советским полпредом в Варшаве 2 июня 1926 г. Залесский, решительно опровергая слухи о готовящемся польском нападении на Литву,

- в порядке предупреждения заметил, что «друзья наших врагов — наши враги». Он выразил озабоченность по поводу советских переговоров с Литвой.
17. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 446—451. О советско-германском договоре см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 32.
18. «Известия», 29 сентября 1926 г. О договорах с Германией и Турцией см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 38. Советско-афганский договор будет рассмотрен в одном из последующих разделов следующего тома.
19. «Правда», 3 октября 1926 г.
20. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 454—461. Чичерин отрицал какую бы то ни было несовместимость этого пакта с Рижским договором и утверждал, что «Литва имеет свое место под солнцем» (там же, с. 566).
21. Там же, с. 528—532, 582.
22. Там же, с. 523—524.
23. Там же, с. 736, прим. 89, с. 584—586.
24. «Известия», 8 декабря 1926 г.
25. Там же, 19 декабря 1926 г.
26. «Правда» и «Известия», 29 декабря 1926 г.
27. «Правда», 13 января 1927 г. О протесте Германии против этого и других критических высказываниях Бухарина в указанном его выступлении см. гл. 66.
28. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 45. Миротворческая миссия Патека была подчеркнута Пилсудским в беседе в Войковом 14 декабря 1926 г. («Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. 5, с. 88—89).
29. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 632, прим. 34, с. 205—213.
30. См. частное письмо Патека к Залесскому от 4 марта 1927 г. о трудностях сочетания его миссии с враждебной шумихой в польской прессе и деятельностью польских дипломатов в других странах («Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V, с. 105—107). См. также разговор между Патеком и сотрудником Наркоминдела, состоявшийся 30 мая 1927 г. («Документы внешней политики СССР», т. X, с. 255—259).
31. Войков пошел на вокзал встречать Розенгольца, проезжавшего через Варшаву после его изгнания из Лондона, и был застрелен, когда стоял на платформе («Известия», 8 июня 1927 г.).
32. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 372, 380—383.
33. «Известия», 5 апреля 1927 г. В журнале, который издавался Коминтерном, приводятся слова из литовской социал-демократической газеты, где препятствия на пути пакта прослеживаются «через нашего соседа Эстонию в Англии» («Коммунистический Интернационал». М., 1927 г., № 4 (78), с. 41).
34. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 267—279.
35. «Известия», 23 октября 1927 г.
36. Там же, 17 ноября 1927 г.
37. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 229—230. Позднее Советское правительство получило информацию, которую оно считало достоверной, относительно планов Пилсудского занять Каунас и сформировать там пробританское литовское правительство (там же, с. 539—540).
38. Там же, с. 490—491. За несколько дней до этого Советское правительство конфиденциально информировало латвийское правительство о своем намерении предпринять этот демарш в надежде получить поддержку со стороны Латвии (там же, с. 485).
39. Там же, с. 491—493.
40. Там же, с. 651, прим. 14; «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V, с. 238—240. 5 декабря 1927 г. состоялся также безрезультатный разговор Литвинова с Чемберленом.
41. «Preparatory Commission for the Conference on the Reduction and Limitation of Armaments», Series V (Geneva, 1928), p. 12.
42. «International Presse-Korrespondenz», No. 3, February 10, 1928, p. 260—261.
43. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 16—17, 89—90.

44. Там же, с. 432—434.
45. Там же, с. 18—19.
46. Там же, с. 294—297, 299—302.
47. «Коммунистический Интернационал. VI конгресс. Стенографический отчет». М., 1929 г., вып. II, с. 91. В том виде, в каком это замечание вошло в официальный отчет, оно просто относилось к «рабочим, которые будут во время войны смело сражаться как солдаты революции» (там же, вып. I, с. 63), но это, возможно, подтасовка.
48. Там же, вып. I, с. 554; вып. II, с. 159.
49. Там же, вып. III, с. 38; вып. VI, с. 196—197.
50. «Auswärtiges Amt», 9480/276190—1, 276228. О визите Бломберга см. гл. 59 в данном томе.
51. Гл. 65 данного тома.
52. «Документы внешней политики СССР», т. XII, с. 284—299.
53. Там же, с. 318—325.
54. Там же, с. 390—392. По-видимому, польское правительство в течение некоторого времени помогало финансировать грузинский комитет в Стамбуле («Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V, с. 32—38).
55. По этому вопросу собран ряд документов. См.: «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V, с. 393—419. Центральный Комитет Коммунистической партии Польши был среди тех, кто протестовал против этого отказа.

Глава 63. СССР и США

1. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 34.
2. «Foreign Relations of the United States, 1926», ii (1941), p. 910—911.
3. Ibid., ii, p. 906—910.
4. «Foreign Relations of the United States, 1927», iii (1942), p. 653—654.
5. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 527—528.
6. Там же, т. XI, с. 19—20.
7. Там же, с. 256. Иногда протест вызывали появлявшиеся в печати высказывания самого Сквирского (см., например, там же, с. 338, 371).
8. 16 июня 1926 г. Смит сообщил Сквирскому о новой организации палаты («Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 312—314). Год спустя, по назначении Смита представителем палаты в Москве, последний был принят Чичериным (там же, т. X, с. 333—334, 642, прим. 69). О Шлее см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 34. Статьи о реорганизации палаты появились в «Известиях» за 14 ноября 1926 г. и в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика» за 1926 г., № 5—6, с. 67.
9. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 34.
10. Статистические данные о советско-американской торговле даны ниже в данной главе. О роли американских инженеров см.: «Основы плановой экономики», т. I, ч. 2.
11. «Пути мировой революции», цит. соч., вып. I, с. 30—31. О более ранних высказываниях этих взглядов см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 34. На VII пленуме ИККИ в ноябре 1926 г. любимый тезис Трента относительно англо-европейского союза, направленного против Соединенных Штатов, был в последний раз обсужден и в целом отвергнут (см. гл. 67 данного тома), однако надежды на англо-американский вооруженный конфликт продолжали время от времени вдохновлять коммунистических ораторов (см. гл. 58 данного тома). В декабре 1927 г. на XV партийном съезде Бухарин назвал Великобританию «государством-рантье, огромным паразитом» («Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет». М., 1961 г., т. I, с. 627). В начале 1928 г. в одной коммунистической публикации Соединенные Штаты характеризовались как «единственная страна, вышедшая из войны победительницей» (P. Braun. At the Parting of the Ways. CPGB, 1928, p. 17).
12. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 477.
13. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 34.

14. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 202. О конференции см. гл. 66 данного тома. Николсон (*H. Nicolson*. Dwight Morrow. 1935, p. 304), вспоминает обед, который Морроу дал в это время в Париже в честь Раковского и других советских представителей и который, подобно остальным таким шагам, ни к чему не привел.

15. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 642, прим. 71. Об этой концессии см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 34.

16. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 177—178, 256—257.

17. «Основы плановой экономики...», т. I, ч. 2.

18. С. Аралов и А. Шатхан (ред.). Промышленный импорт. М., 1930, с. 164.

19. «Известия» 12 февраля 1928 г. с восторгом писали, что эти выступления транслировались по радио повсюду в Соединенных Штатах.

20. Об этом эпизоде см. гл. 62 данного тома.

21. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 425—427, 446—447. Об этом инциденте см. гл. 61 в данном томе.

22. «Foreign Relations of the United States, 1928», iii (1943), p. 822—825.

23. Ниже приводятся официальные советские данные (в тыс. руб. по текущим ценам):

	Экспорт в США	% от общего экспорта	Импорт из США	% от общего импорта
1925/26	30 666	4,4	122 162	16,2
1926/27	23 429	2,9	145 867	20,4
1927/28	28 033	3,5	187 764	20,0

(«Социалистическое строительство...», цит. соч., с. 587—588, 591—592).

24. «Известия», 12 апреля 1929 г.

25. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 544, 544—557, 744, прим. 90.

26. Там же, с. 556, 745, прим. 192. Межлаук рассказал о своей поездке на страницах газеты «Известия» от 31 июля 1929 г.

27. Гл. 59 в данном томе.

28. «Документы внешней политики СССР», т. XII, с. 247, 305—307, 753, прим. 79.

Глава 64. Отношения с Японией

1. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 42.

2. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 414—415.

3. Там же, с. 480.

4. Там же, с. 591—593, т. X, с. 104—106.

5. Там же, т. IX, с. 163—164. Более подробное описание этих переговоров, почерпнутое главным образом из японских архивов, см. в: *G. Lensen*. Japanese Recognition of the USSR. Tokyo, 1970, p. 242—251. О договоре см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 42.

6. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 19—20.

7. *G. Lensen*, op. cit., p. 251—257.

8. Г. Беседовский. На путях к термидору. Париж, 1931 г., II, с. 23, 31. О непопулярности Коппа см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 42.

9. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 735, прим. 88. Дальнейшие подробности этого демарша, приводимые по данным архивов, см. Л. Кутиков. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962 г., с. 71—72.

10. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 20, 624, прим. 7.

11. Там же, с. 51.
12. Там же, с. 106—107, 164. О ратификации этого протокола Италией см. начало гл. 63 в данном томе.
13. «Известия», 28 января 1927 г.
14. *T'ang Leang'li. The Inner History of the Chinese Revolution. 1930, p. 275.* Роль Вана будет рассмотрена в одном из последующих разделов этого тома.
15. «Международная жизнь». 1928 г., № 3, с. 20.
16. Подборку этих бесед см.: «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 626, прим. 17. Туда не вошло замечание, которое, как говорят, было позднее сделано Танакой (и которое Довгалецкий немедленно отвел) о том, что, с его точки зрения, «прекрасной идеей» была бы политика открытых дверей и равные возможности в Сибири (там же, т. XI, с. 705, прим. 40).
17. О некоторых частных деталях этой миссии, главным образом по данным советских архивов, см.: *Л. Кутаков*, цит. соч., с. 81—83.
18. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 13—15, 22—29, 693, прим. 3; а также материалы из советских архивов, приводимые в книге: *Л. Кутаков*, цит. соч., с. 86—89. О Гото см. в книге: «Большевистская революция, 1917—1923», т. 3, с. 542—543.
19. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», т. I, с. 667. На этом же съезде Лозовский обвинил «буржуазию Японии» в стремлении «организовать Азию против Европы» (там же, с. 694).
20. «Известия», 11 октября 1927 г.; «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 465—466.
21. Там же, т. XI, с. 20—29, 41—47; *Lensen*, op. cit., p. 262—269 и цитируемые там источники. Английский текст конвенции с приложенными протоколами и декларациями см.: *ibid.*, p. 271—316.
22. «Документы внешней политики СССР», т. XII, с. 228—229.
23. О деятельности возрожденной партии см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 81.
24. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 137—147.
25. Там же, с. 163, 706, прим. 42. Возвратившись в Токио, Гото дал интервью ТАСС, в котором также отводил эти обвинения («Известия», 15 марта 1928 г.).
26. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 81.
27. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 240—242. Три месяца спустя группы «фашистов» явились в посольство, протестуя против деятельности посла и снова предупредили его, чтобы он покинул Японию (там же, с. 405).
28. *И. В. Сталин*. Соч., т. XI, с. 55.
29. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 324—325, 724, прим. 102. 19 мая 1928 г. японские солдаты заняли помещения на территории советского посольства в Пекине, но они были немедленно выведены. Были принесены извинения (там же, с. 326, 725, прим. 103). Японская декларация от 18 мая 1928 г. впоследствии характеризовалась как «равносыльная претензии на японский протекторат над Северным Китаем и Маньчжурией» («Проблемы Китая». М., 1931, т. VI—VII, с. 201).
30. «Правда», 16 июня 1928 г.; «Известия», 15, 16 и 19 июня 1928 г.
31. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 401.
32. «Коммунистический Интернационал. VI конгресс», цит. соч., вып. I, с. 449—450.
33. Там же, вып. II, с. 138. По словам американского делегата, вплоть до 1927 г. Рабочая партия Америки рассматривала американскую дипломатию в Китае, как «орудие Англии», но недавно она переменяла свою точку зрения и считает теперь, что Соединенные Штаты «идут в хвосте японского империализма» (там же, вып. IV, с. 172).
34. «Документы внешней политики СССР», цит. соч., т. XI, с. 536, 540.
35. «Protokoll: 10 Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 441.
36. Это будет описано в одном из последующих разделов данного тома.

Глава 65. Международная арена

1. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 33.
2. «Документы внешней политики СССР», т. IX, с. 567—568. Об этом интервью см. гл. 57 данного тома.
3. Там же, т. X, с. 161—162.
4. «Советское строительство», май-июнь 1927 г., № 5—6, с. 160.
5. «Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик». М., 1927 г., № 23, с. 253.
6. «Новый мир», июль 1927 г., № 7, с. 134. В связи с событиями в Китае 15 апреля 1927 г. был издан манифест ИККИ об империализме и опасности войны, в котором Лигу наций называли «самой лицемерной организацией всех времен» («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 41, April 16, 1927, p. 859—860).
7. «Известия», 6 мая 1927 г. Был заявлен протест против того, что полиция уделяет слишком много внимания делегатам.
8. «Report and Proceedings of the World Economic Conference». Geneva, 1927, i, p. 119—122, 125—129. Эти выступления были опубликованы в «Известиях» 8 и 10 мая 1927 г.
9. «Report and Proceedings...», ii, p. 18—19, 21—22.
10. Ibid., p. 145. О советской точке зрения см.: т. I, с. 342, прим. 2.
11. «Report and Proceedings...», i, p. 145, 148, 150.
12. Ibid., p. 165—166. Перечень резолюций конференции, главным образом носящих технический характер, с которыми советская делегация была согласна, и тех, с которыми она была согласна с оговорками, см.: Ibid., i, p. 56.
13. Ibid., p. 174.
14. Ibid., p. 56, 165. Советские делегаты говорили по-французски, а официальные протоколы велись на французском и английском языках. В опубликованных в советской печати отчетах о конференции слово «co-existence» иногда переводилось как «сожительство», а иногда — как «сосуществование» (относительно этих двух терминов см. гл. 57 в данном томе).
15. «Известия», 18 мая 1927 г.
16. В 1928 г. советские делегаты присутствовали на конференциях Лиги наций в Женеве по вопросам двойного налогообложения и экономической статистики, а в 1929 г. — по мерам борьбы с печатанием фальшивых денег. Отчет о конференции по статистике имеется в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 34, November 30, 1928, p. 2669. Перечень всех международных конференций, на которых присутствовали советские делегаты за этот период, см.: K. Davis. The Soviets at Geneva. Geneva, 1934, p. 297—301.
17. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 33.
18. «Документы внешней политики СССР», т. X, с. 469.
19. «Известия», 2 ноября 1927 г.
20. Об интервью с Литвиновым и фотографии делегации см.: там же, 22 ноября 1927 г.
21. «Documents of the Preparatory Commission for the Disarmament Conference», Series V, Geneva, 1928, p. 9—12.
22. Ibid., Series V, p. 19, 36—54.
23. «House of Commons: 5th Series», ccxi, p. 973.
24. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», цит. соч., т. II, с. 1060—1070.
25. «Документы внешней политики СССР», цит. соч., т. XI, с. 90—111: «Documents of the Preparatory Commission», Series VI, p. 324—339. Проект был полностью опубликован в «Известиях» 21 февраля 1928 г.
26. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 70. Дилемма была разъяснена делегатом Соединенных Штатов в телеграмме, направленной государственному департаменту, который ответил, что эти «предложения не представляют первостепенного интереса для нашего правительства, и нам не следует брать на себя ведущую роль в их обсуждении ни при каких условиях» («Foreng Relations of the United States, 1928», i (1942), p. 250—251).
27. «Documents of the Preparatory Commission...», Series, VI, p. 230—276. Турецкое правительство, очевидно, получило приглашение прислать своего

- представителя в эту комиссию по предложению Советского правительства («League of Nations: Official Journal», No. 4, April 1928, p. 583).
28. «Documents of the Preparatory Commission...», Series VI, p. 289, 295—296.
 29. Ibid., p. 312—313.
 30. «ЦИК Союза ССР 4-го созыва. 3-я сессия», цит. соч., с. 772—794.
 31. «СССР: год работы правительства (1927/28)». М., 1929, с. 3.
 32. «Известия», 7 января 1928 г.
 33. Об этом выступлении см. гл. 66 в данном томе.
 34. «ЦИК Союза ССР 4-го созыва. 3-я сессия», цит. соч., с. 790.
 35. «Известия», 29 июня 1928 г.
 36. Статью на эту тему см. в: «Communist International» (английское издание) November 15, 1926, p. 21—33; она появилась и в русском издании. Такая же неопределенность преобладала и тогда, когда в сентябре 1929 г. Бриан предложил Лиге наций свою схему объединенной Европы.
 37. *L. Fischer. The Soviets in World Affairs* (2nd ed. 1951), p. xiii.
 38. Гл. 58 в данном томе.
 39. Об этих тезисах см. гл. 70 в данном томе.
 40. «Коммунистический Интернационал в документах», цит. соч., с. 799.
 41. «Die Internationale», xi, No. 11, June 1, 1928, p. 324—331.
 42. «Коммунистический Интернационал. VI конгресс», цит. соч., вып. II, с. 47.
 43. Там же, с. 107, 140, 259. Белл также вылил поток презрения на Лигу наций с ее «красивыми словами» о разоружении и «объявлением войны вне закона» в качестве «ширмы для военных приготовлений» (там же, с. 23).
 44. «Humanité», August 17, 20, 24, 25, 26, 1928.
 45. Этот призыв был без комментариев перепечатан в «Известиях» 29 августа 1928 г.
 46. *L. Fischer. Men and Politics*. 1941, p. 141.
 47. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 408.
 48. Там же, с. 449, 454—455.
 49. Там же, с. 463—467.
 50. «Известия», 23 августа 1928 г.
 51. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 487—489.
 52. «Собрание законов», цит. соч., № 60, ст. 541.
 53. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 493—498.
 54. Там же, с. 503—506.
 55. Это предложение возникло, по-видимому, случайно. В ноябре 1928 г. во время свидания с Залесским в Кенигсберге Вольдемарас, от которого Советский Союз требовал предпринять конкретные шаги к ослаблению напряженности между Польшей и Литвой (см.: «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 551—552), предложил заключить пакт, подобный пакту Келлога, между всеми странами Восточной Европы (там же, с. 755, прим. 221). Оповещенное о его демарше, Советское правительство ухватило за эту мысль, несколько ее модифицировав.
 56. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 639—649. Учитывая существование советского договора с Литвой от 28 сентября 1926 г., направлять ноту было бы неуместно, и предложение литовскому правительству было сделано в устной форме.
 57. О литовском демарше известно из ответов Латвии и Эстонии, которые были опубликованы в «Известиях» 1 февраля 1929 г.
 58. «Известия», 6 января 1929 г.
 59. Относительно этих нот см.: «Документы внешней политики СССР», т. XII, с. 20—28. Возмущение в связи с этим германского правительства было выражено в телеграмме от 18 января 1929 г., отправленной Штресеманом германскому посланнику в Варшаве («Auswärtiges Amt», 2945/573824—5).
 60. «Документы внешней политики СССР», т. XII, с. 55—58.
 61. Там же, с. 68—70; «Известия», 10 февраля 1929 г.
 62. Там же, 16 февраля, 1929 г.
 63. «Документы внешней политики СССР», т. XII, с. 68—70, 95—96, 135. Советское правительство с самого начала выражало желание, чтобы наряду

с ним к пакту присоединились и страны Востока. 28 августа 1928 г. оно уведомило правительства Турции, Персии и Афганистана о своем намерении присоединиться к пакту 4 сентября (действительной датой присоединения было 6 сентября) и предложило им присоединиться в тот же самый день, чтобы продемонстрировать свою солидарность с Москвой (там же, т. XI, с. 491).

64. Там же, т. XI, с. 476—479.

65. «Известия», 28 сентября 1928 г.

66. «ЦИК Союза ССР 4-го созыва. 4-я сессия», № 19, с. 4—9.

67. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 599—602.

68. «Documents of the Preparatory Commission...», Series VIII, Geneva, 1929, p. 12—15).

69. Ibid., p. 19—37.

70. Ibid., p. 37—41, 208—210.

71. Ibid., p. 49—55, 62—82. Советское правительство примкнуло к протоколу 2 декабря 1927 г. во время четвертой сессии Подготовительной комиссии и ратифицировало его 9 марта 1928 г. («Документы внешней политики СССР», т. X, с. 524—526).

72. «Документы внешней политики СССР», т. XI, с. 563—564.

73. «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik», Series B, v (1972), 226, 367.

74. «Известия», 27 марта 1928 г.

75. В Москве было высказано предположение, что германской делегацией двигало чувство гнева против той поддержки, которую делегация Соединенных Штатов оказывала теперь французской стороне («Документы внешней политики СССР», т. XII, с. 251), однако такое объяснение едва ли необходимо.

76. «Documents of the Preparatory Commission...», op. cit., Series VIII, Geneva, 1929, p. 179—181. Ренегатство делегата Турции, который во время первого своего появления в 1928 г. проявил некоторое понимание и одобрение советских предложений, не осталось незамеченным в Москве («Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 490).

77. «Documents of the Preparatory Commission...», Series VIII, Geneva, 1929, p. 191—193.

78. «Известия», 9 мая 1929 г.

Глава 66. Коминтерн и советская внешняя политика

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 168.

2. Там же, т. 50, с. 73—74.

3. Там же, т. 35, с. 247.

4. Там же, т. 42, с. 21.

5. Там же, т. 45, с. 70.

6. Там же, т. 44, с. 407—408.

7. Там же, т. 45, с. 402.

8. Относительно этих эпизодов см.: «Большевистская революция», т. 3, гл. 27. На Галльском съезде Независимой социал-демократической партии Германии в октябре 1920 г. Мартов уже обвинял большевиков в том, что они используют народы Востока в качестве «шахматных фигур в дипломатической войне против Антанты» («USPD: Protokoll über die Verhandlungen des Auserordentlichen Parteitags zu Halle» (n. d.), p. 214).

9. Одна из немногих откровенных попыток оправдать советские военные поставки в Германию ссылкой на прецедент с Кемалем была сделана руководителем КПГ Эвертом в 1927 г.: «Военные материалы также поставлялись Советским Союзом турецкому правительству; это твердый и неоспоримый факт. Но это же самое турецкое правительство одновременно жесточайшим образом преследовало коммунистов в Турции; это тоже неоспоримый факт. Наша партия в Турции работала в чрезвычайно трудных условиях, и все же борьба турецкого правительства против наступления войск западного империализма была поддержана Советской Россией. Это надо разъяснить рабочим» («Hamburger Volkszeitung», March 1, 1927). Однако такая откровенность была редкостью. Относительно тайных соглашений см. гл. 59 в данном томе.

10. «IV конгресс Коминтерна. Стенографический отчет». М., 1922 г., Бюллетень 14—15, 18 ноября 1922 г., с. 18. Об этом выступлении см.: «Большевистская революция, 1917—1923», т. 3, гл. 31.
11. Там же.
12. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 27.
13. *И. В. Сталин*. Соч., т. 8, с. 263—264.
14. «Пути мировой революции», т. I, с. 16.
15. *И. В. Сталин*. Соч., т. 9, с. 28.
16. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 680. Об этой резолюции, направленной главным образом против оппозиции, см. гл. 68 в данном томе.
17. «Documents on British Foreign Policy», Series I A, ii (1968), p. 197—198, iii (1970) p. 24.
18. Об этом выступлении см. гл. 59, а относительно литовского инцидента см. гл. 64 в данном томе.
19. «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik», Series B, iv (1970), p. 65—67, 138—139.
20. «Documents on British Foreign Policy», Series I A, iii (1970), p. 23—25.
21. Гл. 59 в данном томе.
22. Гл. 57 в данном томе.
23. «Il Contrasto tra l'Internazionale e il PCI». 1969, p. 239, 246 (Humbert-Droz archives, 0077, 0081).
24. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 715—716. Об этой резолюции см. гл. 67 в данном томе.
25. *И. В. Сталин*. Соч., т. 10, с. 50—51.
26. Там же, с. 290—291.
27. Союз с Гоминьданом будет рассмотрен в одном из последующих разделов настоящего тома. Об Англо-русском комитете единства см. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 79.
28. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», цит. соч., ч. I, с. 210—211. Об этом выступлении см. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39.
29. *L. Trotsky*. The Third International After Lenin. N. Y., 1936, p. 70.
30. *L. Trotsky*. The Revolution Betrayed. (Eng. transl., 1937), p. 90, 97.
31. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 18, February 23, 1928, p. 373.
32. «Коммунистический Интернационал в документах», цит. соч., с. 17, 35, 45.
33. Документ, обнаруженный в германских архивах («Auswärtiges Amt», 284/098508), был, как полагают, доставлен германским агентом; его подлинность не установлена, но не невероятна.
34. «Пути мировой революции», цит. соч., ч. I, с. 117. Относительно предвещающего высказывания этой мысли см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 27.
35. «Report of the Forth Congress of the RILU», 1928, p. 3.
36. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 27.
37. «The Ninth Congress of the CPGB», 1927, p. 65—66.
38. *J. Humbert-Droz*. De Lénine à Staline. Neuchâtel, 1971, p. 321.
39. *P. Spriano*. Storia del Partito Comunista Italiano. 1969, ii, p. 229.
40. *И. В. Сталин*. О правых фракционерах в Американской компартии. М., 1930, с. 3. Об этом кризисе в Коммунистической партии Соединенных Штатов см. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 80.
41. *L. Trotsky*. The Third International After Lenin, op. cit., p. 156.
42. Эти слова цитируются Молотовым в сборнике: «Коммунистический Интернационал. Исполнительный комитет. X пленум. Протоколы». М., 1929, с. 284.

Глава 67. Нестабильная стабилизация

1. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 35.
2. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39. Приблизительно в это же время Зиновьев сделал свое неудачное предложение Рут Фишер (см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 75).
3. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39.

4. Там же. В ходе этого пленума Троцкий выступил с резкими нападениями на Англо-русский профсоюзный комитет, а Зиновьев, говорят, сравнил оппортунистическую тактику Коминтерна с тактикой Второго Интернационала. Тольятти и Реммеле выступили в защиту официальной линии («Вопросы истории КПСС», 1959 г., № 6, с. 34).

5. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39.

6. «Пути мировой революции», ч. I, с. 278.

7. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39. Была принята резолюция об упразднении поста председателя, но ее утверждение было отложено до следующего пленума, так как для этого необходимо было внести поправку в устав Коминтерна («Пути мировой революции», ч. II, с. 468). В пересмотренном уставе, принятом VI конгрессом (см. ниже, с. 220), было опущено то, что касалось назначения председателя.

8. «Пути мировой революции», ч. I, с. 7. Об оптимистической атмосфере этого периода см. «Основы плановой экономики...», т. I, гл. 40—41.

9. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 27.

10. Там же, гл. 30.

11. Там же, гл. 35.

12. «Большевик», 30 июня 1926 г., № 12, с. 4.

13. «XV Всесоюзная конференция ВКП(б)». М., 1927 г., с. 3—21, 41, 44. В резолюции конференции оппозиция обвинялась в «ультралевом» самообмане и «революционным» авантюризмом за ее отказ признать наличие частичной стабилизации капитализма («КПСС в резолюциях». М., 1954 г., ч. II, с. 214).

14. «Пути мировой революции», ч. I, с. 30—112.

15. Там же, с. 19—30.

16. Там же, с. 294.

17. Там же, с. 328. Он также уточнил оценку, которую дал американскому капитализму Бухарин, сказав, что он находится «в самом зените своего могущества» (там же, с. 328—329).

18. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 77.

19. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 35.

20. «Пути мировой революции», ч. I, с. 137—164. Протокол этого заседания на немецком языке («Protokoll: Erweiterte Exekutive der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 158—160) представляет собой лишь самый краткий конспект. На это выступление ответили два официальных представителя — Пеппер и Курелла («Пути мировой революции», ч. I, с. 164—170, 212—217), речи которых представлены в немецком варианте протокола в сокращенном виде. Этому посвящена почти половина выступления Бухарина в прениях (там же, с. 374—380). Переход Пеппера от Зиновьева к Бухарину накануне VII пленума ИККИ красочно описан Дрейпером (*T. Draper. American Communism and Soviet Russia*. 1960, pp. 238—239).

21. «Пути мировой революции», ч. I, с. 116, 124.

22. Там же, с. 270.

23. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 626—643. «Radicalization» — было традиционным на Западе переводом русского слова «полевение».

24. «Пути мировой революции», ч. I, с. 99, 120.

25. Об этих прениях см. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75 и 77.

26. Там же, гл. 78. Официальная запись выступлений Лозовского на VII пленуме ИККИ вызывает недоумение. Русский текст доклада по вопросу о профсоюзах (там же, с. 528—557) почти вдвое длиннее немецкого текста («Protokoll: Erweiterte Exekutive der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 646—679). Содержание одинаково, и некоторые фразы и цитаты встречаются в обоих текстах, однако сами тексты редко совпадают, так что создается впечатление, что это не две записки одного и того же выступления, а два выступления одного и того же лица на одну и ту же тему. Возможно, в записи на немецком языке произнесенное выступление представлено в сокращенном и сильно переработанном виде. Возможно, наоборот: немецкая запись точно воспроизводит устное выступление, а русская — это более тщательно отработанный Лозовским текст для публикации. Лозовский, вероятно, выступал на немецком языке, однако это не решающее соображение, так как независимо

от того, на каком языке выступали ораторы, официальные протоколы велись на русском языке. Немецкий текст записи другого выступления Лозовского на этом пленуме (см. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75) вдвое короче русского, но производит впечатление сокращенного подлинника: кроме больших выпущенных мест, текст точно совпадает с русским текстом и не содержит значительных отступлений, таких, как в докладе о профсоюзах. Относительно сильного сокращения записи на немецком языке выступления Трэнта см. выше, главу 67 данного тома. В связи с другими основными выступлениями на VII пленуме ИККИ такие проблемы не возникают.

27. Относительно этого доклада, выдержанного в строгом соответствии с линией, принятой в резолюции ИККИ по вопросу о профсоюзах, см.: «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР». М., 1927 г., с. 249—275. Взгляды, которых Лозовский придерживался в это время, более откровенно отражены в его статье, опубликованной в журнале «Красный Интернационал Профсоюзов», 1926, № 12, с. 535—549, где он называет наблюдавшуюся стабилизацию «непрочной, относительной и только временно устойчивой».

28. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 643—655.

29. Относительно резолюции по вопросу о забастовке в Великобритании см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75. Китайские события будут рассмотрены в одном из последующих разделов настоящего тома.

30. «Protokoll: Erweiterte Exekutive der Kommunistischen Internationale, November — December, 1926», (n. d.), p. 13. В русском издании нет записей ни о назначении, ни о составе комиссий.

31. «Пути мировой революции», ч. I, с. 178—188.

32. Там же, с. 192—202.

33. Там же, т. II, с. 348—352. Проект опубликован не был, и ничего больше не было слышно об этой резолюции.

34. Гл. 73 данного тома.

35. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39. Одним из главных пунктов обвинений, предъявленных оппозиции, было то, что они пытались «перенести борьбу в другие коммунистические партии, создавая платформу для всех оппозиционных элементов в Коммунистическом Интернационале» («Коммунистический Интернационал в документах», с. 681).

36. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.

37. И. В. Сталин. Соч., т. 8, с. 278—279. О замечаниях Радека, возможно, в протоколе несколько смягченных, см.: «Вестник Коммунистической Академии». М., 1926 г., вып. XVII, с. 245—249.

38. Об этих выступлениях см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39.

39. «Пути мировой революции», ч. II, с. 171—172, 288, 373. На Радека подчеркнуто не распространялась амнистия, дарованная на VII пленуме ИККИ Брандлеру и Тальгеймеру (см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 76).

40. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 35.

41. «Пути мировой революции», ч. I, с. 392, ч. II, с. 145.

42. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 34.

43. «Пути мировой революции», ч. II, с. 381—384. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 16, February 5, 1927, p. 342.

44. «Пути мировой революции», ч. II, с. 345—348. В опубликованной резолюции просто предусматривалось упразднение поста председателя ИККИ при условии подтверждения этого решения следующим конгрессом (см. начало данной главы, прим. 7), и ИККИ предлагалось провести необходимые организационные мероприятия для учреждения политического секретариата и осуществления других, вытекающих из этого решения изменений («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 16, February 5, 1927, p. 346).

45. Об этих секретариатах см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 43. Много лет спустя в одном из писем Эмбер-Дро описал их функции: «Вы, кажется, полагаете, что территориальные секретариаты были хорошо организованы и работали с постоянным штатом. Это было не так. Вообще во главе Политического секретариата или Президиума стоял один из его членов, рядом с которым стоял его заместитель или политический помощник... К ним надо добавить постоянных или временных представителей партии, в зависимости от

данного секретариата, если им случалось проездом быть в Москве... Таким образом, эта организация была очень гибкой. Задача состояла в том, чтобы собирать как можно больше информации и обсуждать возникавшие вопросы. Территориальные секретариаты не могли принимать решений» (*B. Goldenberg. Der Kommunismus in Lateinamerika. 1971, p. 550, note 32*).

46. «Survey», IV (1965), p. 122—123.

47. О более ранних стадиях этого процесса см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 35.

48. О них будет говориться в одном из последующих разделов настоящего тома.

49. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 78.

50. Эти изменения отражены в письме Эмбер-Дро (о его деятельности в комиссии по профсоюзам см. гл. 69 в данном томе) к Тольятти от 26 февраля 1927 г. (*J. Humbert-Droz. Il Contrasto tra l'Internationale e il PCI. 1969, p. 238—239, Humbert-Droz archives, 0077*).

51. «Die Internationale», x, No. 2—3, February 1, 1927, p. 45. В другой статье, опубликованной в том же самом журнале три месяца спустя, выражался протест против того, что «подготовка к империалистической войне идет во всех капиталистических странах рука об руку с гражданской войной против «внутреннего врага» (*ibid.*, x, No. 9, May 1, 1927, p. 257).

52. Эти события будут рассмотрены в одном из последующих разделов настоящего тома.

53. Гл. 58 в данном томе.

54. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39.

55. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 699. Начиная с этого времени пленумы ИККИ перестали называться «расширенными». В 1928 г. VI конгресс убрал из Устава Коминтерна положения о «расширенных» пленумах, которые походили на конгрессы в миниатюре, и их должен был заменить работающий постоянно ИККИ «как орган, который избран конгрессом» («VI конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М., 1929 г., вып. V, с. 110).

56. Частичный и с опозданием опубликованный стенографический отчет прений по вопросу о Китае будет рассмотрен в одном из последующих разделов настоящего тома.

57. Доклады, сделанные на этом заседании, см.: «Правда», 31 мая и 1 июня 1927 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 54, May 24, 1927, p. 1167; No. 57, June 3, 1927, p. 1225—1226.

58. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 699—717.

59. «Правда», 31 мая 1927 г.

60. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 27.

61. Эмбер-Дро и Силоне рассказали эту историю (*J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline. Neuchâtel, 1971, p. 283; I. Silone. Uscita di Sicurezza. 1965, p. 89—99*), по словам Эмбер-Дро, «в несколько беллетризованной форме», но «суть истории правильна». Первоначально этот рассказ был опубликован в журнале «Комунита» в 1949 г. Английский его вариант, появившийся в сборнике «Бог, у которого ничего не получилось». («The God that Failed», ed. R. Crossman, 1950, p. 83—119), но он был существенно переработан. Точный английский перевод появился в книге Силоне «Запасной выход» (*I. Silone. Emergency Exit. 1969, p. 41—99*). Если Силоне прав в том, что утаенный документ был опубликован в работе Троцкого «Проблемы китайской революции» (*L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution. 1932*). Это могли быть контрразведки Троцкого от 17 мая 1927 г. Но более вероятным представляется, что это было его письмо в Политбюро от 31 марта 1927 г. (эти документы будут рассмотрены в одном из последующих разделов настоящего тома).

62. Выступление Тольятти опубликовано в журнале «Коммунистический Интернационал», 1927 г., № 27 (101), с. 6—14). Этот пропуск, однако, Тольятти не простили: два года спустя, на X пленуме ИККИ, Куусинен напомнил ему о его мягкости по отношению к Троцкому («Protokoll: 10 Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 624).

63. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 741—745. Об этом см. т. 2, с. 24—25.
64. Об этом заявлении см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39.
65. «Правда», 18 июня 1927 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 65, June 24, 1927, p. 1361—1373.

Глава 68. Нажим слева

1. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 79.
2. Цит. по: *P. Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano*, ii, p. 36.
3. «Коммунистический Интернационал», 1927 г., № 32 (106), с. 21—24. Первоначально программа была опубликована в газете «Роте фане» 6 февраля 1927 г.
4. Описание этих событий членом Коммунистической партии Австрии см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 73, July 19, 1927, p. 1561—1562.
5. «Известия», 19 июля 1927 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 74, July 22, 1927, p. 1578—1579.
6. «Правда», 22 июля 1927 г.
7. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 76, July 29, 1927, p. 1629—1630.
8. *И. В. Сталин*. Соч., т. 10, с. 5.
9. «Коммунистический Интернационал», 1927, № 35 (109), с. 33—38.
10. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 100, October 14, 1927, p. 2155—2158. На VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г., где австрийскую партию много критиковали за неэффективность работы («Коммунистический Интернационал, VI конгресс...», цит. соч., вып. I, с. 92, 353, 609—610), она избежала официального порицания. Представители расколовшейся партии не много сделали для облегчения царившего в ней духа пессимизма в отношении ее будущего развития (там же, с. 134—136, 552—554, 566—568). В прениях по Программе Бухарин назвал венское восстание, наряду с германским поражением 1923 г. и всеобщей забастовкой в Великобритании, событием, в котором обнаружилась никчемность так называемого «левого» крыла реформизма (там же, вып. III, с. 30). Критика австрийской партии продолжалась и год спустя на X пленуме ИККИ («Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 69, p. 200—204).
11. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75.
12. См. гл. 73 данного тома.
13. *И. В. Сталин*. Соч., т. X, с. 215—216. Месяц спустя, на XV партийном съезде Сталин снова сказал об этом симптоме «революционного оживления» рабочего класса (там же, с. 284).
14. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39.
15. Там же.
16. Там же.
17. *И. В. Сталин*. Соч., т. 10, с. 271—276, 285—286, 344—346.
18. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», ч. I, с. 624, 653, 692. Это не помешало Угланову обвинить Бухарина в том, что он слишком много внимания уделяет положительной стороне капиталистического развития в Германии, и в том, что он не указал на «другую сторону» — обвинение, которое Бухарин решительно отвергал (там же, с. 798, 822—828).
19. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», ч. I, 653—658, 692. Об инструкциях по тактике проведения избирательной кампании, направленных Коминтерном британской и французской партиям в октябре 1927 г., см. ниже, с. 359, 498.
20. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 40.
21. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», ч. I, с. 742—759.
22. Там же, с. 839.
23. «КПСС в резолюциях». М., 1954 г., ч. II, с. 447.
24. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 9, January 27, 1928, p. 165—168.
25. «Основы плановой экономики...», т. I, гл. 35—37.
26. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 746.
27. «Правда», 7 февраля 1928 г.

28. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 5—6.
29. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 27.
30. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 651, 654.
31. См. гл. 67 данного тома.
32. «КПСС в резолюциях...», ч. II, с. 448.
33. «Bericht über den Grundungsparteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands» (п. д.), 1919, р. 24, 29.
34. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 217, 255; т. 40, с. 136.
35. Там же, т. 36, с. 460.
36. «Большевистская революция...», т. I, гл. 8.
37. Там же, т. 3, гл. 25—26.
38. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 145.
39. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 28.
40. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 399—401, 407.
41. Об этом памфлете см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 31.
42. «Коммунистический Интернационал. VI расширенный пленум ИККИ. Стенографический отчет». М., 1927 г., с. 174. О замечаниях Лозовского см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 76. Политика единого фронта больше привлекала коммунистов в Германии и Великобритании, где подавляющее большинство рабочего класса принадлежало к «реформистским» профсоюзам, чем во Франции и Италии, где профсоюзы были слабыми и в них царил раскол.
43. «КПСС в резолюциях», ч. II, с. 154—161. Об этой конференции см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39.
44. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 101, October 15, 1927, p. 2168—2169.
45. И. В. Сталин. Соч., т. 10, с. 208—209. Это положение было детально развито Бухариным в его выступлении по Программе на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. («Коммунистический Интернационал. VI конгресс...», вып. III, с. 122—129).
46. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 401.
47. «Пути мировой революции», т. I, с. 29.
48. Гл. 67 в данном томе.
49. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 731.
50. «КПСС в резолюциях», ч. II, с. 448.
51. Троцкий указывал на аномалию того, что крик о «полевении» был поднят (или, скорее, вновь поднят) в то время, когда, потерпев ряд поражений, рабочие вынуждены были отступать (L. Trotsky. The Third International After Lenin. N. Y., 1936, p. 258—259). Однако летом 1928 г. даже он, исходя из результатов недавних выборов в Германии и Франции, считал, что начался процесс полевения, хотя этот процесс и находился пока в своей «начальной стадии» (ibid., p. 165, 259—260).
52. «Бюллетень оппозиции», январь 1930 г., № 8, с. 2.
53. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75.
54. J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline, op. cit., p. 281.
55. Об этих дискуссиях см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 77.
56. «Коммунистический Интернационал. Исполнительный Комитет. 10-й пленум. Стенографический отчет». М., 1929 г., вып. 3, с. 14.
57. Доклад Бухарина и прения были достаточно полно отражены в: «Internationale Presse-Korrespondenz», February 23, 1928, No. 18 (специальный номер), p. 369—390. Ответ Бухарина со значительными сокращениями: Ibid., No. 26, March 10, 1928, p. 502. В «Правде» 17 и 18 февраля 1928 г. было опубликовано краткое изложение доклада и прений, но опущен ответ Бухарина.
58. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 746—749.
59. О дебатах, касающихся британской и французской партий, см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75 и 77. На пленуме также была принята резолюция о китайской партии (там же, гл. 80).
60. «Правда», 28 февраля 1928 г.
61. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 28, March 13, 1928, p. 547. Спустя несколько недель, на VI конгрессе Коминтерна, Пятницкий заметил

что «...руководить непосредственно из Москвы ИККИ абсолютно невозможно, и поэтому... было решено организовать Западноевропейское бюро за границей» («VI конгресс Коминтерна...», вып. V, с. 109). Эти слова были опущены в тексте выступления, помещенном в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 114, October 8, 1928, p. 2242.

62. «Коммунистический Интернационал. VI конгресс...», вып. I, с. 203, 207, 401.

63. Там же, с. 333, 491.

Глава 69. Профинтерн и профсоюзы

1. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 80.

2. Гл. 67 данного тома.

3. Основным источником сведений об этом диспуте является письмо Эмбер-Дро к Гольятти от 8 апреля 1927 г. (*J. Humbert-Droz. Il Contrasto tra l'Internazionale e il PCI, 1922—1928*», 1969, p. 246 (Humbert-Droz archives, 0081)). В своих воспоминаниях Эмбер-Дро пишет, что его функция состояла в том, чтобы «защитить профсоюзы от раскола, к которому вел дело Лозовский» (*J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline. Neuchatel, 1971, p. 277*).

4. Это будет рассмотрено в одном из последующих разделов настоящего тома.

5. Гл. 68 данного тома.

6. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», ч. I, с. 656. Единственным, кто поднял этот вопрос, был Мельничанский, который, отведя обвинение в том, что «у ВЦСПС с Профинтерном существуют неладные взаимоотношения, сумел в путанном выступлении вскрыть некоторые причины трений (там же, с. 787—789). В резолюции съезда по докладу Бухарина отмечалась необходимость «всемерно укрепить Профинтерн и движение меньшинств» и установить «более тесную и более активную связь между Профинтерном и ВЦСПС» («КПСС в резолюциях», ч. II, с. 328).

7. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», ч. I, с. 697—699.

8. А. Лозовский. На новом этапе. М., 1928 г., с. 3—16. Эта статья датирована 15 декабря 1927 г. Дату и место ее первой публикации выяснить не удалось.

9. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 80.

10. «Коммунистический Интернационал», 1929 г., № 23—24 (201—202), с. 111—112. Это выступление, сделанное год спустя, — единственный источник информации об упомянутых дискуссиях.

11. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 339; т. 30, с. 313. Эти высказывания цитировал Тельман в своем выступлении на X пленуме ИККИ в июле 1929 г. («Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale» (n. d.), p. 672—674).

12. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16. Об «экономистах» см. там же, т. 1, гл. 1.

13. «Protokoll uber den Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale» (n. d.), p. 223—230.

14. «Профинтерн в резолюциях». М., 1928 г., с. 172—175.

15. Об этой «программе действий» см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 36.

16. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75.

17. «Пути мировой революции», ч. I, с. 495.

18. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 648, 650—651. Об этой резолюции см.: гл. 67.

19. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 76.

20. «Красный Интернационал Профсоюзов», 1928 г. № 1, с. 3—16. Статья была перепечатана в книге Лозовского («На новом этапе». М., 1928 г., с. 17—32), а перевод был помещен в журнале: «Communist International» (Enlg. ed.), March 1, 1928, p. 111—118. Относительно кампании за мир в промышленности, проводившейся в Великобритании, см.: Основы плановой экономики..., т. 3, гл. 75.

21. «Die Internationale», xi, No. 4, February 15, 1928, p. 103—108.
22. «Профинтерн в резолюциях», цит. соч., с. 122.
23. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 652. Об этой резолюции см. гл. 67 данного тома.
24. Об американских аспектах этого вопроса см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 80.
25. A. Horner. Incorrigible Rebel. 1960, p. 107. Об этом эпизоде см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75.
26. А. Лозовский. На новом этапе. М., 1928, с. 37.
27. В Великобритании рост числа безработных шахтеров вызвал временное увеличение числа членов КПВ в 1926 г. О высоком проценте безработных рабочих в Германии, состоящих в КПГ, см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 76.
28. «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 7. Об их отношении к разнице в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда см. там же.
29. Деятельность китайских профсоюзов будет рассмотрена в одном из последующих разделов настоящего тома.
30. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», ч. I, с. 790. Об этом споре см. прим. 6 к этой же главе.
31. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 78.
32. Слова Таски цитируются по: «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale», p. 83.
33. «Коммунистический Интернационал», 1928 г., № 6—7 (132—133), с. 61—72. Эта статья, имевшая подзаголовок «К IV конгрессу Профинтерна», была перепечатана в книге Лозовского «На новом этапе» (с. 33—48). Там упоминается дата: «2 февраля 1928 г.».
34. Орывки из выступлений Тольятти и Эмбер-Дро были опубликованы по материалам архивов Таски в: «Annali, 1966», Milan, 1966, p. 440—444. Сохранены ли эти архивы полные протоколы заседаний, неясно.
35. Из всех выступлений в комиссии было опубликовано только выступление Тельмана («Internationale Presse-Korrespondenz», March 10, No. 26, 1928, p. 492—494. О той части его выступления, которая касается КПГ, см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 76).
36. «Internationale Presse-Korrespondenz», March 10, 1928, No. 26, p. 487—491.
37. «Коммунистический Интернационал в документах» с. 750—755. О разделе резолюции, касающемся Америки, см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 80. О резолюции по вопросу о профсоюзах, принятой на VII пленуме ИККИ, см. гл. 67 данного тома.
38. «Десять лет Профинтерна в резолюциях». М., 1930 г., с. 157—158.
39. «IV конгресс Профинтерна...». М., 1928 г., с. 8.
40. Там же, с. 8.
41. Там же, с. 6—16. По словам Лозовского, это выступление «в продолжении нескольких месяцев цитировалось всеми правыми в качестве образцовой речи» (X пленум Исполкома Коминтерна, вып. 3, с. 78). Относительно спора о рационализации см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75. Об отношении советских профсоюзов к Профинтерну см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 36.
42. «IV конгресс Профинтерна...», с. 24—79.
43. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 36.
44. Таковы были те впечатления, которые он старался рассеять в своем заключительном слове («IV конгресс Профинтерна», с. 287—300).
45. О выступлениях Хорнера и Геккерта см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75 и 76.
46. «IV конгресс Профинтерна...», с. 104—110.
47. «Protokoll uber den Vierten Kongress...», op. cit., p. 213, 232—233. В том же положении находились финские профсоюзы, и в феврале 1928 г. Лозовский надеялся, что будет образована советско-норвежско-финская профсоюзная федерация, которая будет более эффективной, чем отмиравший Англо-русский комитет («На новом этапе», с. 40—41). В своем докладе на VIII съезде

советских профсоюзов, состоявшемся в декабре 1928 г., Томский выражал сожаление по поводу того, что из этих усилий ничего не получилось («Всесоюзный съезд профессиональных союзов СССР». М., 1929, с. 52—53).

48. О выступлении Брандлера см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 76.

49. «IV конгресс Профинтерна...», с. 181—186. О Вальхере см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 76.

50. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 79. Позднее в ходе тех же прений Яглом упрекал Нина за то, что тот воспользовался этим инцидентом, чтобы оправдать свою оппозиционную точку зрения («Protokoll über den Vierten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale». 1928, p. 229).

51. «IV конгресс Профинтерна...», с. 186—193. Текст советской поправки достать не удалось.

52. Там же, с. 242—250. Примечательно, что единственным другим делегатом, который хотя бы упомянул имя Томского, был Хорнер.

53. Там же, с. 287—300. О предложении Яглома см.: «Protokoll über den Vierten Kongress...», *op. cit.*, p. 250. О письме от 14 января 1926 г. см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 36.

54. «IV конгресс Профинтерна...», с. 540.

55. Там же, с. 597—607. О резолюции, принятой на III конгрессе Профинтерна, см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 36.

56. «Protokoll über den Vierten Kongress...», *op. cit.*, p. 267.

57. *Ibid.*, p. 589—634.

58. «IV конгресс Профинтерна...», с. 47—48, 54—55.

59. Там же, с. 599—600.

60. Там же, с. 599—600.

61. Там же, с. 600.

62. Там же, с. 42. В журнале КППГ арбитраж назывался «ловушкой», которой реформисты пользуются для сведения на нет стачечной политики и для отказа от права на забастовки («Die Internationale», xi, N 9, May 1, 1928, p. 258). См. также статью Меркера: *Ibid.*, xi, N 14, July 15, 1928, p. 485—495.

63. «10 лет Профинтерна в резолюциях». М., 1930, с. 215.

64. «Красный Интернационал Профсоюзов», 1926 г., № 12, с. 543—544. Говорили, что в 1926 г. Интернационал горняков поступил особенно скверно, сначала проголосовав за объявление международной забастовки в поддержку британских шахтеров, а потом отказавшись действовать («Всесоюзный съезд профсоюзов. 7-й. Стенографический отчет». М., 1927 г., с. 268).

65. «Международное профдвижение за 1924—1927 гг.». М., 1928 г., с. 149—153. Об этих двух Интернационалах см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 36.

66. «Protokoll über den Vierten Kongress...», *op. cit.*, p. 194.

67. «Международное профдвижение...», *цит. соч.*, с. 82—148. Об этих Комитетах см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 36.

68. «Protokoll über den Vierten Kongress...», *op. cit.*, p. 354—357.

69. «IV конгресс Профинтерна...», *цит. соч.*, с. 605.

70. Там же, с. 622—632. Об этом параграфе в резолюции по основному вопросу — там же.

71. Подробное изложение неопубликованной резолюции см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 34, April 3, 1928, p. 630. Вот лишний пример того, как по случайному недосмотру тот пункт, который, совершенно очевидно, не был включен в опубликованный текст из соображений осторожности, появился в этом изложении на страницах многотиражки.

72. Об этих докладах см.: «IV конгресс Профинтерна...», *цит. соч.*, с. 301—312. О заключительном слове см. там же.

73. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 81, August 12, 1927, p. 1761—1764.

74. R. Schuller et al. Geschichte der Kommunistischen Jugendinternationale. 1930, iii, p. 221—226.

75. «IV конгресс Профинтерна...», *цит. соч.*, с. 321—343.

76. Там же, с. 632—634. О профсоюзной конференции стран бассейна Тихого океана говорится в одном из последующих разделов настоящего тома.

77. Три месяца спустя, на VI конгрессе Коминтерна, официальные делегаты КИМа потребовали «вовлечения молодых рабочих в экономическую борьбу». Однако, по-видимому, мнения в КИМе разделились. В статье, посвященной пленуму ИККИМ, состоявшемуся в декабре 1928 г., говорилось, что это был тот единственный вопрос, по которому правая оппозиция выступила против руководителей, предлагая рекомендовать молодым рабочим только не быть штрейкбрехерами («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 6, January 8, 1929, p. 113). Надо полагать, что оппозицию заставили замолчать или забаллотировали это предложение.

78. «IV конгресс Профинтерна...», с. 556—560.

79. Год спустя в одной статье говорилось, что директивы IV конгресса, относящиеся к сельскохозяйственным рабочим, «выполняются медленно» («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 37, April 30, 1929, p. 898).

80. «IV конгресс Профинтерна...», с. 405—436.

81. Там же, с. 412—424.

82. Там же, с. 576—577.

83. «IV конгресс Профинтерна...», с. 617—622.

84. Там же, с. 644—654, 669—673. Об этих резолюциях см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75, 76, 77.

85. «IV конгресс Профинтерна...», с. 437—461. О деколонизации см. гл. 70 данного тома.

86. «IV конгресс Профинтерна...», с. 607—617. О латиноамериканских делах будет говориться в одном из последующих разделов настоящего тома.

87. «IV конгресс Профинтерна...», с. 137. В опубликованных отчетах VII пленума ИККИ такое решение обнаружить не удалось. Если верить Стюарту, работавшему с Ларкином в Ирландии в 1924 г., последний не хотел участвовать в создании коммунистической партии (*R. Stewart. Breaking the Fetters*. 1967, p. 147—152). Он сказал на IX съезде КПВ в 1927 г., что Лига, «по существу, представляет революционные чаяния Коминтерна в Ирландии» («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 99, October 11, 1927, p. 2128).

88. «IV конгресс Профинтерна...», с. 171—175, 258—265.

89. Там же, с. 326.

90. Там же, с. 560—562. Окончательную редакцию резолюции см. там же, с. 658—660. Обсуждался ли этот пункт на конгрессе в дальнейшем, неясно.

91. «IV конгресс Профинтерна...», вып. I, с. 142, вып. IV, с. 135—136, 218—220.

92. «Коммунистический Интернационал», 1929, № 23—24 (201—202), с. 111.

93. См. письмо Троцкого своим сторонникам, написанное в Алма-Ате и основанное на информации из Москвы (Trotsky archives, T 1588).

94. «Protokoll: 10. Plenum...», op. cit., p. 727.

95. «IV конгресс Профинтерна...», с. 536—539. Положение в Латинской Америке, которое в это время особенно занимало Лозовского, будет рассмотрено в одном из последующих разделов настоящего тома.

Глава 70. VI конгресс Коминтерна

1. «VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет», вып. V, с. 159. На немецком языке стенографический отчет был запланирован в четырех выпусках («Protokoll: Sechster Kongress der Kommunistischen Internationale» (n. d.)), из которых второй, охватывающий прения по Программе (заседания с 24-го по 28-е), так и не вышел.

2. *J. Humbert-Droz. De Lénine à Staline*. Op. cit., p. 310.

3. На всех текстах выступлений Бухарина, которые опубликованы в «Интернационале Прессе-Корреспонденци» («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 72, July 25, 1928, p. 1297—1310; No. 81, August 8, 1928, p. 1469—1483; No. 91, August 28, 1928, p. 1707—1726), стоит пометка «перевод с русского».

4. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 48.

5. Гл. 71 данного тома.

6. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 67, July 17, 1928, p. 1209—1210.
7. «Правда», 17 июля 1928 г. В заявлении ИККИ, которое, возможно, написал Бухарин, не слишком настойчиво отмечалось, что «нашим врагом в мировом масштабе является сейчас социал-реформизм». Передовая статья в «Правде» должна была обеспечить, чтобы это положение было передано точно и на него было сделано должное ударение.
8. Среди них было по крайней мере три письма Троцкого, одно от Преображенского и совместный меморандум от Радека и Смильги. Копии писем Троцкого, содержавшие критику проекта Программы, были, по-видимому, розданы членам Программной комиссии со строгим наказом вернуть их по окончании работы комиссии (см. заявление, сделанное Кенноном, в книге: L. Trotsky. The Third International After Lenin. N. Y., 1936, p. 356).
9. J. Humbert-Droz. Il Contrasto tra l'Internazionale e il PCI. 1969, p. 253 (Humbert-Droz archives, 0084).
10. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 40. О том, к каким пунктам проекта были сделаны поправки, см. ниже.
11. О закулисных интригах против Бухарина см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 40. Они опровергают официальное отрицание существования разногласий в Политбюро (см. там же).
12. Анонимное сообщение об этом высказывании находится в архивах Троцкого (Trotsky archives, T. 2447).
13. См. выше, гл. 67 данного тома.
14. «Большевик», № 5, 15 марта 1928 г., с. 35.
15. И. В. Сталин. Соч., т. 11, с. 197—198.
16. «Коммунистический Интернационал», № 25—26 (151—152), 1928 г., с. 7—17. О выборах в Германии см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 76.
17. «Правда», 17 июля 1928 г.
18. См. выше. Ни оригинал, ни исправленный текст не были опубликованы. Об окончательном тексте см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 76.
19. И. В. Сталин. Соч., т. 12, с. 19—23. Что касается второго пункта, то Ленц жаловался в статье, помещенной в журнале КПГ в июне 1928 г. (см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, прим. Д) на то, что в проекте программы, составленном Бухариным, не делается достаточного акцента на то, что левые — это «самая вредная фракция в социал-демократических партиях». Это, должно быть, было написано до возражений Сталина и, возможно, прямо или косвенно явилось их причиной. Тельман заявил на конгрессе, что вопрос этот «имеет большое принципиальное значение» и что германская делегация внесет по этому пункту поправку к докладу Бухарина.
20. Гл. 68 данного тома.
21. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 26—40.
22. Там же, с. 51—58. Об обсуждении вопроса о едином фронте на V конгрессе см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 2.
23. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 137—138. О Мэрфи см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75.
24. Там же, гл. 80.
25. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 186—192.
26. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 15, February 15, 1928, p. 293. О мнении Варги, высказанном на V конгрессе Коминтерна в 1924 г., см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 2.
27. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 221—228. Варга вернулся к этой теме в прениях по программе (см. там же, вып. III, с. 52—63).
28. Там же, вып. I, с. 333—346. О разногласиях в КПГ см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 76. Высказанное позднее замечание Эмбер-Дро о том, что взгляды Бухарина и Тельмана на VI конгрессе, особенно по вопросу о стабилизации, являлись «прямо противоположными», было, хотя и ретроспективным, но не беспочвенным.
29. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 460, 470—472.
30. Там же, с. 510.
31. Там же, с. 123.

32. Там же, с. 101—102.
33. Там же, с. 52—53.
34. Там же, с. 401—418. Лозовский признавал, что германская и американская партии продолжали оставаться в оппозиции к этим решениям («Основы плановой экономики...», т. 3, ч. II, гл. 76 и 80).
35. «VI конгресс Коминтерна...», вып. III, с. 84.
36. Там же, вып. I, с. 22—23. Более чем за год до этого секретариат Коминтерна написал Мюнценбергу, предлагая провести кампанию против фашизма, и создал комитет по ее организации во главе с Марги (Humbert-Droz. *Il Contrasto...*, op. cit., p. 239, Humbert-Droz archives, 0077), но, насколько известно, из этого ничего не вышло.
37. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 42.
38. Там же, с. 336.
39. «Правда», 17 июля 1928 г. Этот анализ также появился в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 71, July 24, 1928, p. 1291; No. 73, July 27, 1928, p. 1324.
40. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 499—505. Об обсуждении вопроса о фашизме в Программной комиссии конгресса см. гл. 71 данного тома.
41. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 143.
42. Там же, с. 508—509. Две дословно приведенные выше цитаты в указанном тексте опущены, но они есть в оригинальном тексте («Annali, 1966», Milan, 1966, p. 505); исправления были внесены по согласованию с Таской, который был в то время представителем от итальянской партии в Коминтерне, и ответственным от Секретариата за подготовку стенографического отчета для публикации (ibid., p. 522). По словам Сприано (Spriano, *Storia del Partito...*, op. cit., ii, p. 178), опущенные цитаты появились в итальянском и французском текстах выступления Тольятти. Это выступление было опубликовано в: «Lo Stato Operaio» и «Correspondance Internationales». В стенографическом отчете ничем не подтверждается заявление Тольятти, напечатанное в газете «Ринашита» от 11 июля 1964 г. о том, что ему не удалось закончить свое выступление из-за недостатка времени.
43. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 76.
44. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 604—606, 615.
45. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 769—793. Несколько месяцев спустя Сталин напомнил руководителям КПП об этом заключительном высказывании, подчеркнув, что его автором является Бухарин (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 11, с. 303).
46. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 708.
47. Гл. 67 данного тома.
48. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», ч. I, с. 652.
49. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 11, с. 200.
50. «Classe contre Classe». 1929, p. 236. Об этом заседании см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 77.
51. «Известия», 4 августа 1928 г.
52. «VI конгресс Коминтерна...», вып. II, с. 8—35.
53. *А. Лозовский. На новом этапе*, с. 18. Статья была датирована 15 декабря 1927 г.
54. «Die Internationale», xi, No. 14, July 15, 1928, p. 493—494.
55. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 500.
56. Там же, вып. II, с. 132—134.
57. Там же, вып. II, с. 194—195.
58. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 34, с. 242—247.
59. Там же, т. 44, с. 379. Эта записка впервые была опубликована в «Правде» 20 января 1929 г., когда Коминтерн заинтересовался этим вопросом. Описание деятельности большевиков в русской армии в 1915—1917 гг. рабочим корреспондентом «Правды» появилось в журнале КПП в 1929 г. («Die Internationale», xii, No. 14, July 15, 1929, p. 443—449). Вероятно, оно представляло собой перевод, сделанный с русского источника, который остался неизвестным.
60. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 100—104. О «двадцати одним условием» приема в Коминтерн см. «Большевистская революция, 1917—1923», т. 3, гл. 25.

61. L. Trotsky. The Third International After Lenin. N. Y., 1936, p. 146.
62. «Международствие...», гл. 8 и 9; «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 30. В статье, опубликованной в русском партийном журнале, приводились примеры поражения как в Эстонии в 1924 г., так и в Китае в 1927 г. в качестве доказательства необходимости ведения работы в вооруженных силах как предпосылки успеха революции («Большевик», № 25—26, 31 декабря 1928 г., с. 75—76).
63. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 26.
64. «Workers' Weekly», March 12, 1926.
65. «The Eighth Congress of the CPGB», 1926, p. 70. Примечательно употребление выражения «рабочего», а не «коммунистического» движения. Национальное движение меньшинства создало в период забастовки горняков комитет «для поддержания дружественных отношений с силами», в обязанности которых входило «не допустить антагонизма между забастовщиками и горняками, с одной стороны, и рабочими, находящимися в рядах армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил с другой» («NMM: Report of the Third Annual Conference», 1926, p. 30).
66. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 13, February 1, 1927, p. 241—242.
67. Коммунистический Интернационал в документах», с. 717, 729. Об общей резолюции см. гл. 67 данного тома. Резолюция по китайскому вопросу будет рассматриваться в одном из последующих разделов настоящего тома.
68. Приводя выступление Цеткин, датированное 1922 г., журнал Коминтерна летом 1927 г. нарочито предпочел опустить «по причине „свободы слова“, как она понимается в условиях капиталистической диктатуры Великобритании», высказывания о пропаганде в вооруженных силах * («Коммунистический Интернационал», № 28 (102), 1927 г., с. 6). Этот намек относился к судебному преследованию Кемпбелла в 1924 г. (см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 26).
69. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 65, June 24, 1927, p. 1361.
70. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», ч. I, с. 729.
71. Об этой резолюции см. ниже, глава 73, прим. 23. Относительно заявлений об успешной работе ФКП и коммунистического союза молодежи во французской армии и военно-морском флоте см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 77.
72. «Восьмой Всесоюзный съезд ВЛКСМ». М., 1928 г., с. 284.
73. «Die Internationale», xi, No. 14, July 15, 1928, p. 496.
74. См. гл. 69 данного тома.
75. «VI конгресс Коминтерна...», вып. II, с. 104. Об этом протесте см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75. Это единственный источник сведений об оригинальном тексте проекта резолюции, который не был опубликован.
76. «VI конгресс Коминтерна...», вып. II, с. 191—194.
77. Там же, с. 196.
78. Там же, с. 199—200. Протоколы заседаний комиссии, как обычно, не публиковались, но ее работа нашла отражение в статье одного из содокладчиков — Шнеллера (см.: «Die Internationale», xii, No. 1—2, January 15, 1929, p. 21—26).
79. «VI конгресс Коминтерна...», вып. V, с. 113—119. Об этих тезисах см.: «Коммунистический Интернационал в документах», с. 793—831.
80. «VI конгресс Коминтерна...», вып. III, с. 105.
81. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 818. В резолюции конгресса по вопросу о колониальных странах было сказано яснее: «Добиваясь немедленного отзыва вооруженных сил империализма из угнетенных стран, коммунистические партии должны неустанно работать над организацией массовых действий для воспрепятствования переброски войск и снаряжения в колонии. Систематическая агитационная и организационная работа в войсках за братание с восставшими массами колоний должна подготовить переход оккупационных войск на сторону рабоче-крестьянской революции и ее вооруженных сил» (там же, с. 868).

* В выступлении Цеткин, приводимом в указанном источнике, предложение о ведении пропаганды в армии не опущено. — *Прим. ред.*

82. Там же, с. 818.
83. «VI конгресс Коминтерна...», вып. VI, с. 176; «Коммунистический Интернационал в документах», с. 831—832.
84. См. ниже.
85. «Социализм в одной стране...», т. 3, с. 87—90, 617—620.
86. Гл. 71 данного тома.
87. «VI конгресс Коминтерна...», вып. IV, с. 7. Вопросы о Китае и Индии будут рассматриваться в одном из последующих разделов настоящего тома.
88. Там же, вып. IV, с. 476.
89. Там же, с. 216, 374. Ни один из этих двух отрывков не вошел в окончательный текст.
90. Там же, с. 216—218, 447—450.
91. Там же, с. 368—379.
92. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 845—850.
93. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 147—148.
94. «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress». 1928, p. 529—530.
95. «VI конгресс Коминтерна...», вып. IV, с. 448.
96. Там же, с. 294—295.
97. Там же, с. 448—449.
98. Там же, с. 218, 252.
99. Там же, вып. V, с. 132—135. Окончательный текст содержится в сборнике «Коммунистический Интернационал в документах» (с. 832—870). Приводимые отрывки см. там же, с. 846—849, 852.
100. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 303.
101. Там же, вып. IV, с. 252—255.
102. Там же, вып. III, с. 119.
103. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 867—868.
104. О поправках к уставу см. ниже в данной главе.
105. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 40.
106. Гл. 73 данного тома.
107. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 76 и 77. Конгресс также вывел группу инакомыслящих из руководства голландской коммунистической партии и призвал к перестройке партии («Коммунистический Интернационал в документах», с. 874—875).
108. «VI конгресс Коминтерна...», вып. V, с. 136—138; вып. VI, с. 174—175.
109. Там же, вып. V, с. 107—112. Окончательный текст устава см. в: «Коммунистический Интернационал в документах», с. 46—51. Об уставе, принятом в 1924 г., см. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 27.
110. Гл. 71 в данном томе.
111. «VI конгресс Коминтерна...», вып. V, с. 140—145; вып. VI, с. 181—186.
112. «Правда», 12 сентября 1928 г. (Бухарин) и 13 сентября 1928 г. (Молотов). Оба выступления были опубликованы в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 108, September 28, 1928, p. 2059—2078.
113. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 125, November 9, 1928, p. 2489—2494. В примечании объяснялось, что публикация задержалась «по техническим причинам».

Глава 71. Программа Коминтерна

1. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 46.
2. Об этом проекте см. там же.
3. «VI конгресс Коминтерна...», вып. III, с. 6, 156. Протоколы заседаний комиссии не опубликованы, но можно предположить, что главным автором этого проекта был Бухарин. В объяснительной записке комиссии говорится, что проект был изменен в свете переменявшихся условий («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 53, June 2, 1928, p. 955).
4. Проект программы был опубликован в «Правде» 27 мая 1928 г. в журнале «Коммунистический Интернационал» (№ 22 (148), 1928 г., с. 48—79) и в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 53, 1928, June 2, p. 955—970; а также в стенографическом отчете VI конгресса Коминтерна (вып. III, с. 156—192).

5. «Правда», 14 и 17 июня 1928 г.
6. Там же, 24 июня 1928 г.
7. Там же, 3 июля 1928 г. Статья Цеткин была также опубликована в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 64, July 6, 1928, p. 1172—1173; No. 65, July 10, 1928, p. 1189—1190. Тальгеймер представил комиссии меморандум, в котором он критиковал отношение к «частичным требованиям» («VI конгресс Коминтерна...», вып. III, с. 48—49).
8. И. В. Сталин. Соч., т. 11, с. 141—146.
9. «Правда», 13 июля 1928 г. Об этом пленуме см. выше, гл. 70. Говорят, что в разговоре с Каменевым 11 июля 1928 г. (см. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 13) Бухарин жаловался, что Сталин «испортил» программу во многих местах и хотел сам быть докладчиком по ней на конгрессе. Этот рассказ ничем не подтверждается и, по-видимому, не согласуется с мягким отзывом Сталина о проекте программы (см. выше, прим. 8 к этой же главе). Либо Бухарин в ходе разговора, либо Каменев, когда он записывал этот разговор, возможно, нечаянно перенесли на программу критику Сталиным тезисов доклада Бухарина (см. выше, гл. 70).
10. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 99—100.
11. Там же, вып. III, с. 6. Никаких протоколов заседаний комиссии не было опубликовано, за исключением той части одного из выступлений Бухарина («Коммунистический Интернационал», № 31—32 (157—158), 1928 г., с. 32—40), где излагались отдельные пассажи, которые он позже повторил в своем выступлении на пленарном заседании конгресса 9 августа 1928 г. Первоначально предполагалось опубликовать протоколы заседаний комиссии в сокращенном виде во втором томе немецкого издания стенографического отчета конгресса («Die Internationale», xi, No. 19, October 1, 1928, p. 657; Humbert-Droz. De Lénine à Stalin, p. 314). Этот том так и не появился (см. выше, прим. 1 к главе 70). В русском издании говорилось, что протоколы заседаний комиссии будут опубликованы отдельно (этого сделано не было), и содержалась лишь несколько сокращенная стенограмма выступлений в прениях по программе на пленарном заседании («VI конгресс Коминтерна...», вып. III, с. 6).
12. Humbert-Droz. «De Lénine à Staline», p. 313.
13. «VI конгресс Коминтерна...», вып. V, с. 128—132.
14. Там же, вып. III, с. 29—30, 63—68, 150—152, 155. Окончательный текст см. в сборнике: «Коммунистический Интернационал в документах», с. 24—25. О статье Варги, опубликованной в «Правде» 15 июня 1928 г., упоминается в данной главе. Об истоках этого спора см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 18.
15. «VI конгресс Коминтерна...», вып. III, с. 154.
16. Гл. 70 данного тома.
17. «VI конгресс Коминтерна...», вып. III, с. 36, 72—73, 116—117.
18. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 22.
19. Там же, с. 135.
20. «VI конгресс Коминтерна...», вып. III, с. 175.
21. Там же, с. 181.
22. «Коммунистический Интернационал», № 25—26 (151—152), 1928 г., с. 52—57. О Карпинском см.: «Основы плановой экономики...», т. I, гл. 45. Подобные взгляды выражены одним немецким писателем в: «Die Internationale», xii, No. 13, July 11, 1928, p. 469—475.
23. «VI конгресс Коминтерна...», вып. III, с. 94—95.
24. Там же, с. 46.
25. Там же, с. 146—149.
26. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 20—21, 23.
27. «VI конгресс Коминтерна...», вып. III, с. 92, 97. Об отождествлении этих двух понятий в 1924 г. см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 25.
28. «VI конгресс Коминтерна...», вып. III, с. 110—111. Ссылка Скрыпника неверна, и цитата — если она подлинная — не обнаружена.
29. Там же, с. 165. (Об окончательной редакции этого положения говорится ниже, в данной главе.)
30. Там же, с. 30—31.

31. Там же, с. 44—45.
32. Там же, с. 34, 74, 98—100.
33. Там же, с. 93. Никто больше не расставлял точки над «i» с такой грубой прямотой, как это сделал несколькими месяцами ранее Лозовский в одной из своих статей: «Фашизм направляет насилие против рабочих, а большевизм против буржуазии» (А. Лозовский. «На новом этапе», с. 14).
34. «VI конгресс Коминтерна...», вып. III, с. 138—139, 143—145. О выступлении Тольятти см. выше, гл. 70. О «социал-фашизме» см. «Основы плановой экономики...», т. 3, ч. II, прим. С).
35. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 11—12. О первоначальной редакции этого положения см.: «VI конгресс Коминтерна...», вып. III, с. 165—166.
36. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 45—46. О настоячивости Ярославского в отношении организационной работы в войсках см. выше, гл. 70. Сепар, выступая в прениях по программе, также требовал включить это предложение («VI конгресс Коминтерна...», вып. III, с. 97).
37. Там же, вып. V, с. 132.
38. Это заявление, написанное для первого номера французского оппозиционного журнала «Верите» («Vérité», September 13, 1929), находится в архивах Троцкого (Trotsky archives, T. 3925).
39. «VI конгресс Коминтерна...», вып. III, с. 109.

Глава 72. Ужесточение новой линии

1. Гл. 58 данного тома.
2. «Съезды Советов в документах». М., 1960 г., т. III, с. 150—151.
3. Гл. 74 данного тома.
4. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 41.
5. J. Humbert-Droz. «Die Lénine à Staline», p. 340. Когда в январе 1929 г. американский коммунист Вулф приехал в Москву и хотел повидать Бухарина, ему «сказали, что Бухарина нельзя повидать, так как он слишком тяжело болен, что он уехал в отпуск, и придумывали прочие подобные предлоги». Позднее он встретился с Бухариным, и тот иронически его информировал, что «пятью голосами против четырех нашли, что я слишком тяжело болен, чтобы выполнять обязанности Председателя Коммунистического Интернационала» (T. Draper. «Soviet Russia and American Communism», 1960, p. 392—393).
6. «Основы плановой экономики...», т. I, гл. 34.
7. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 52—54. О Лиге по борьбе с империализмом и о друзьях Советского Союза см. гл. 74.
8. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 208—227.
9. Там же, с. 227—234.
10. Там же, с. 554—556.
11. Согласно отчету Лозовского об этой конференции, опубликованному в журнале «Красный Интернационал Профсоюзов» (№ 2, 1929 г., с. 93—95), краткокому резюме этого отчета, помещенному в английском издании этого журнала («Red International of Labour Unions», No. 5, February 1929, p. 229), и в записке, предпосланной тексту резолюции в сборнике «Десять лет Профинтерна в резолюциях» (с. 236—237), указанная конференция проходила в Страсбурге. В газете «Уоркер» от 5 апреля 1929 г. говорится, что она состоялась «недавно» в Берлине. В дневниковой записи британского делегата Таннера за 19 января 1929 г., хранящейся в библиотеке Наффилд колледжа, в Оксфорде, содержится одно слово — «Берлин». По-видимому, это решает вопрос.
12. Этот меморандум был опубликован в газете «Уоркер» 12 апреля 1929 г., однако под ним стояла дата — «январь 1929 г.».
13. В отчетах, помещенных в журнале «Красный Интернационал Профсоюзов», и сборнике «Десять лет Профинтерна в резолюциях» нет и намека на разногласия. Однако в английском издании журнала («Red International of Labour Unions», No. 5, February 1929, p. 229) осторожно отмечается, что «огромное большинство присутствующих пришли к твердому убеждению, что

политика IV конгресса Профинтерна совершенно правильная», и что «предложенные Исполнительным Бюро Профинтерна инструкции были приняты в качестве решений конференции». Отсутствие британской делегации в списке делегаций — участник конференции, помещенном в сборнике: «Десять лет Профинтерна в резолюциях», производит впечатление фрейдистской ошибки.

14. Об этой резолюции см.: «Десять лет Профинтерна...», с. 237—263. Позднее Лозовский заявил, что «мы выработали резолюцию для международной стачечной конференции» («Коммунистический Интернационал», № 23—24 (201—202), 1929 г., с. 126).

15. «Красный Интернационал Профсоюзов», № 2, февраль 1929 г., с. 96.

16. «Red International of Labour Unions», No. 5, February 1929, p. 200—202, 205.

17. «Коммунистический Интернационал», № 23—24 (201—202), 1929 г., с. 110—118.

18. «Communist Review», No. 6, 1929, p. 362—370. По-видимому, помимо выступления Лозовского, это было единственное выступление, которое было когда-либо опубликовано.

19. Выступление Лозовского было опубликовано в журнале «Коммунистический Интернационал» (№ 23—24 (202—202), с. 118—127). Это единственный доступный нам источник сведений о заседании комиссии, состоявшейся в мае 1929 г.

20. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 15, February 15, 1929, p. 443—452.

21. «Правда», 3 марта 1929 г. О резолюции, принятой на VI конгрессе, см. гл. 70 в данном томе.

22. «Правда», 28 февраля 1919 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 21, March 5, 1929, p. 443—452.

23. «Правда», 12 марта 1929 г.

24. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 31, April 9, 1929, p. 711—712; No. 32, April 12, 1929, p. 735—736; No. 33, April 16, 1929, p. 764—765; No. 34, April 19, 1929, p. 802—804.

25. «Правда», 8 мая 1919 г.

26. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 42, May 14, 1929, p. 1027.

27. Ibid. No. 44, May 22, 1929, p. 1062—1063.

28. «Основы плановой экономики...», т. 3, прим. С.

29. «Восьмой съезд профессиональных союзов СССР», с. 254—255.

30. «Internatioale Presse-Korrespondenz», No. 2, January 8, 1928, p. 36—38. 8 января 1929 г. в «Правде» появился более короткий отчет, согласно которому большинство участников конференции отказались от того, чтобы включить в ее резолюцию упоминание о советских предложениях.

31. Гл. 70 данного тома.

32. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 33, April 16, 1929, p. 767. Другой французский коммунист жаловался на «недопонимание и скептицизм в отношении острой военной опасности» (Ibid. No. 27, March 22, 1929, p. 606).

33. «Правда», 14 апреля 1919 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 33, April 16, 1929, p. 747—751. О резолюции VI конгресса см. гл. 70.

34. Гл. 70 данного тома.

35. Там же.

36. «Основы плановой экономики...», т. 2 гл. 42.

37. «Правда», 14, 15, 16 и 18 июня 1929 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 52, June 18, 1929, p. 1253—1256; No. 53, June 21, 1929, p. 1292—1295; No. 54, June 25, 1929, p. 1319—1321.

38. По словам Эмбер-Дро («De Lénine à Staline», p. 374—375), Молотов был еще слишком неопытен в делах Коминтерна, чтобы действовать эффективно, и подлинная власть в политических вопросах была сосредоточена в руках Мануйльского, а по организационным вопросам — в руках Пятницкого.

39. «X пленум Исполкома Коминтерна», с. 3—41.

40. Там же, с. 41—69.

41. См. гл. 70 в данном томе.

42. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 41, May 13, 1929, p. 984.

43. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale», p. 164—176.
44. Ibid., p. 188—192, 230.
45. Ibid., p. 332—344. Об этом инциденте см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 27.
46. «X пленум Исполкома Коминтерна», с. 230—240.
47. «Большевик», № 12, 30 июня 1929 г., с. 3—10.
48. «X пленум Исполкома Коминтерна», с. 268—296. Ни одно из этих выступлений не появилось, однако, в печати. О нападках на Бухарина и на его статью в «Правде» см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 42.
49. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale», p. 467—477, 544—561.
50. Ibid., p. 481—482. Прения на VI конгрессе будут рассмотрены в одном из последующих разделов настоящего тома.
51. Ibid., p. 572—633. О критике Мануильским КПВ см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75.
52. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 876—888.
53. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale», p. 634—680.
54. Ibid., p. 681—741.
55. Ibid., p. 756—761. (О положении в КПВ см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75.)
56. Ibid., p. 761—764. (О нападках Лозовского см.: Ibid., p. 701, а о его ответе — Ibid., p. 857—858. Статья Смолянского появилась в журнале «Большевик» (№ 11, 15 июня 1929 г., с. 71—84.) О резолюции IV конгресса Профинтерна см. гл. 69 данного тома.
57. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale», p. 777—788. Судя по сердитому возражению Лозовского, Толъятти сформулировал свои обвинения в более резких и более точных выражениях, чем это отражено в официальном протоколе его выступления.
58. Ibid., p. 875. Ни первоначальный проект, ни поправки опубликованы не были.
59. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 888—908.
60. В декабре 1929 г., на шестой сессии Центрального совета Профинтерна, Лозовский продолжал нападки на «реформистский атакизм» в зарубежных профсоюзах и «правые уклоны» в советских профсоюзах. Несколько ораторов, в том числе Лозовский, обнаружили «утерю темпа», подразумевая под этим, что организации отставали от масс («Protokoll der VI Session des Zentralrats der Roten Gewerkschaftsinternationale» (1930), p. 4—28, 79, 123, 217—218, 255—256, 273).
61. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale», p. 86—163. (О Международном дне борьбы против войны см. гл. 70 данного тома.)
62. Ibid., p. 459—461. Об этом пленуме Центрального Комитета Компартии Италии см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 78. Некоторые итальянские коммунисты возражали против антивоенных демонстраций на том основании, что война поможет им в их борьбе против фашистских властей — аргумент, который, по-видимому, не пришел в голову ни одной другой партии (*L. Secchia. «L'Azione Svolta dal Partito Comunista in Italia»* (1970), p. 248).
63. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale», p. 598—601; «Коммунистический Интернационал в документах», с. 908—911.
64. «Бюллетень оппозиции». Париж, № 1—2, июль 1929 г., с. 32—36.
65. «Resolutions of the 11th Congress of the CPGB» (n. d.), p. 13.
66. «Protokoll: 10. Plenum des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale», p. 876—877. Об этой резолюции и ее публикации см.: «Основы плановой экономики...», т. 2.
67. Humbert-Droz. «Die Lénine à Staline», p. 398—401.
68. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 27.
69. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.

Глава 73. Вспомогательные организации

1. По новым положениям, внесенным в Устав Коминтерна на VI конгрессе в июле 1928 г., образование таких фракций стало обязательным («Коммунистический Интернационал в документах», с. 47). Пятницкий говорил, что, когда устав пересматривался V конгрессом в 1924 г., таких фракций не существовало («VI конгресс Коминтерна...», вып. V, с. 108).
2. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 45. О конституционном отношении КИМа к Коминтерну см. там же. Однако каким бы ни был его официальный статус, к 1926 г. он лишился последних следов независимости и фактически стал вспомогательной организацией.
3. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 93, July 13, 1926, p. 1523.
4. О VII пленуме ИККИ см. гл. 67.
5. R. Schüller et al., «Geschichte der Kommunistischen Internationale», III, (1930), p. 208—221. Краткий отчет о работе пленума был помещен в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 141, November 19, 1926, p. 2451—2455; «The Young Communist International: Between the Fourth and Fifth Congresses» (1928) p. 129—130. Вуйович еще раньше был отстранен от работы в КИМе (см. т. 2, с. 12) и, по-видимому, не присутствовал на пленуме ИККИМ. О декларации от 16 октября 1926 г. см.: «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 39. О польской «майской ошибке» см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 79.
6. «Пути мировой революции», ч. I, с. 123, ч. II, с. 257—262.
7. «The Young Communist International: Between the Fourth and Fifth Congresses» (1928), p. 135.
8. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 64, June 21, 1927, p. 1655; No. 74, July 22, 1927, p. 159. О VIII пленуме ИККИ см. гл. 67.
9. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 65, June 24, 1927, p. 1381; No. 75, July 26, 1927, p. 1608—1611.
10. Ibid., No. 77, August 2, 1927, p. 1660—1662.
11. Ibid., No. 80, August 9, 1927, p. 1742—1745. О пропаганде фабрично-заводских школ российским комсомолом см.: «Основы плановой экономики...», т. I, гл. 31.
12. О статусе КИМ см. прим. 2 к этой же главе.
13. «The Young Communist International: Between the Fourth and the Fifth Congresses», p. 8—32.
14. Ibid., p. 43—48.
15. Ibid., p. 138—142.
16. Гл. 69 в данном томе.
17. На VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. делегат Союза молодежи Великобритании пространно рассуждал об отношениях между КИМом и Спортинтернатом (о чем см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 44, с. 965—967), но на его выступление никто не откликнулся («VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 398—399).
18. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», ч. I, с. 729.
19. «The Young Communist International...», p. 143—144. В 1929 г. численный состав различных союзов молодежи был следующим: Германия — 22 тыс. человек, Швеция — 14 тыс., Чехословакия — 10 тыс. («в действительности только 5 тыс. плативших членские взносы»), Франция — 8 тыс., Соединенные Штаты Америки — 3 тыс. 479 человек, Великобритания — 900 человек. Немецкий союз молодежи был самым крупным, самым активным и самым независимым из всех союзов. Он породил военизированную организацию «Ротер Юнгштурм», которая по отношению к нему занимала такое же положение, какое занимал «Ротер Фронткемпфербунд» (Союз красных фронтовиков) по отношению к партии, и, насчитывая 25 тыс. человек, численно превосходил сам Союз молодежи, вызывая определенное чувство соперничества и зависти («Jugendinternationale», No. 6, February 1927, p. 17).
20. Сведения почерпнуты из краткого рассказа о конференции, помещенного в: «The Young Communist International...», p. 134—137, а также из резолюций

VIII пленума ИККИМ, в которых месяц спустя были подтверждены достигнутые конференцией результаты (см. ниже).

21. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 34, April 3, 1928, p. 634—636; No. 35, April 5, 1928, p. 647—848. О IX пленуме ИККИ см. выше, гл. 68.

22. Китайские события будут рассмотрены в одном из последующих разделов настоящего тома.

23. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 39, April 20, 1928, p. 707—710.

24. «Восьмой Всесоюзный съезд ВЛКСМ», с. 297—298. Представитель КИМа на состоявшемся в июле 1929 г. X пленуме ИККИ сказал, что не помнит, чтобы хоть один представитель Коминтерна когда-либо побывал в помещении, где в течении четырех лет работает КИМ («Protokoll: 10. Plenum...», p. 277). Возможно, ревностью, существовавшей между комсомолом и советскими профсоюзами, объясняется отсутствие какого-либо упоминания о КИМе в дебатах, происходивших на IV конгрессе Профинтерна в марте 1928 г., на котором обсуждались вопросы о труде подростков (см. гл. 69).

25. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 64—94.

26. Там же, с. 125—127, 346.

27. Там же, с. 351—355.

28. Там же, с. 575—587.

29. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 783—784.

30. «Правда», 10 августа 1928 г.

31. Там же, 21 августа 1928 г.

32. Довольно подробный отчет о прениях см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 94, August 1928, p. 1751; No. 97, September 4, 1928, p. 1851; No. 98, September 7, 1928, p. 1867—1869; No. 101, September 11, 1928, p. 1915—1918; No. 103, September 14, 1928, p. 1981—1982; No. 105, September 18, 1928, p. 2025—2026; No. 106, September 21, 1928, p. 2039—2042. О некоторых основных выступлениях см.: *ibid.* No. 121, October 30, 1928, p. 2367—2402.

33. *Ibid.* No. 101, September 11, 1928, p. 1918.

34. *Ibid.* No. 120, October 26, 1928, p. 2362—2363; No. 122, October 30, 1928, p. 2417—2418; No. 123, November 2, 1928, p. 2449—2451; *R. Schüller et al. «Geschichte der Kommunistischen Jugendinternationale», III (1930), p. 227—238.*

35. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 121, October 30, 1928, p. 2400—2402. О тексте устава см.: «The Young Communist International», p. 233—238.

36. *R. Schüller*, *op. cit.*, p. 103—132.

37. «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75, 77.

38. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 35, April 23, 1929, p. 826.

39. «Основы плановой экономики...», т. 2, гл. 45.

40. «Protokoll: 10. Plenum...», p. 209—216. О том, что происходило в немецком союзе молодежи, см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 76. О «деполитизации» как об особом вопросе в комсомоле см. там же, т. 2, гл. 45.

41. «Protokoll: 10. Plenum...», p. 264—268, 356.

42. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 888.

43. «IX съезд ВЛКСМ». М., 1931 г., с. 224—226, 251. О цифрах за 1928 г. см. прим. 19 к этой же главе.

44. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 44.

45. О нескольких письмах, содержащих просьбы о деньгах и благодарности за полученные суммы, см.: *W. Münzenberg, «Solidaritet» (1931), p. 291—299.*

46. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 113, September 10, 1926, p. 1918—1919.

47. *W. Münzenberg, «Solidaritet» (1931), p. 396, 398.*

48. *Ibid.*, p. 354.

49. В письме, подписанном Коростелевым в качестве «председателя секции Межрабпома при Центральном совете российских профессиональных союзов», говорилось о посылке пожертвований в адрес британских тред-юнионов 5 мая 1926 г. (250 тыс. рублей) и 7 мая 1926 г. (2 млн. рублей), как о результате «наших сборов, проведенных совместно с русскими профсоюзами» (*ibid.*, p. 291). Об этих поступлениях см.: «Основы плановой экономики...», т. 3, гл. 75. В от-

чете партийной контрольной комиссии за 1925 г. отмечалось, что ответственность за «политическое представительство Межрабпома в СССР» лежит на Центральном совете российских профессиональных союзов (цит. по архивным материалам, приводимым в книге С. Выгодского «Внешняя политика СССР». М., 1963 г., с. 340).

50. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 113, September 10, 1926, p. 1918—1919; No. 137, November 12, 1926, p. 2391. О создании в 1925 г. китайской секции Межрабпома, о письме ее комитета Центральному комитету Межрабпома в Берлине и о грандиозной 200-тысячной рабочей демонстрации в Пекине см. W. Münzenberg, p. 458—462. На состоявшемся в июле 1926 г. пленуме Центрального Комитета Компартии Китая была принята резолюция о том, что деятельность Межрабпома должна по-прежнему направляться партией «в плане политики», но что высшие посты в ней должны занимать «беспартийные левые элементы». Работавшие в ней члены партии должны составлять не более трети ее численного состава и в делах пропаганды должны занимать «серую» — то есть не специфически партийную — позицию («Documents on Nationalism, Communism, and Soviet Advisers in China, ed. Wilbur and Howe» (1956), p. 313—317).

51. Об этом конгрессе см. гл. 74 в данном томе.

52. W. Münzenberg, op. cit., p. 337—340.

53. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 94, July 16, 1926, p. 1539. Еще в 1924 г. III конгресс Профинтерна отмечал, что реформисты «подняли сейчас бешеную травлю против международной рабочей помощи за то, что она помогает стачечникам» (III конгресс Профинтерна. Стенографический отчет. М., 1924 г., с. 337), а четыре года спустя реформистские профсоюзные вожди «боролись всеми средствами» против поддержки, которую Межрабпом оказывала бастующим немецким металлургам («Die Internationale», XI, No. 5, March 1, 1928, p. 139).

54. «Пути мировой революции», ч. I, с. 124.

55. W. Münzenberg, op. cit., p. 183—187.

56. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 9, January 27, 1928, p. 177—178.

57. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 55—56.

58. Там же, с. 101—106.

59. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 784. Относительно резолюции о МОПР см. ниже, в этой же главе.

60. По словам Гросса (B. Gross, «Willi Münzenberg» 1967, 1967, p. 189), этим отделением руководили Мизнано, латиноамериканский еврей — редактор отдела новостей Шалито, австриец-управляющий и русский бухгалтер. Мизнано был, по-видимому, верным последователем и учеником Мюнценберга. В книге Мюнценберга (W. Münzenberg, «Solidarität», p. 433) помещена фотография величественного здания Межрабпома в Москве (но, что знаменательно, не ее штаб-квартиры в Берлине). Надо полагать, что в том же помещении находилась и советская секция Межрабпома. Как Мизнано, так и Коростелев, возглавлявший советскую секцию Межрабпома, были избраны в Центральный комитет этой организации на берлинском конгрессе в декабре 1927 г. («Вопросы истории», № 11, 1968 г., с. 190). Тивель и Хеймо (см.: А. Тивель, М. Хеймо. Десять лет Коминтерна в цифрах. М., 1929 г., с. 370) в качестве органов Межрабпома называют Центральный комитет (место заседаний не указывается), а также Исполнительный комитет и Генеральный секретариат, находившиеся в Берлине.

61. Гл. 74 данного тома.

62. W. Münzenberg, op. cit., p. 342.

63. «Protokoll des 12 Parteitags KPD» (n. d.) 1929, p. 198.

64. О замечаниях Пятницкого см. ниже, в этой главе.

65. Описание этой организации см. в: W. Münzenberg, op. cit., p. 350—386.

66. Межрабпом издавала шесть газет и журналов в Германии (одно издание, иллюстрированное, тиражом в 400 тыс. экземпляров), а также по одному изданию во Франции, Бельгии, Чехословакии, Нидерландах и США (Тивель и Хеймо, цит. соч., с. 370).

67. «Коммунистический Интернационал», № 23—24 (201—202), 1929 г.,

- с. 113. О поддержке, оказанной Межрабпом забастовкам в Германии и Чехословакии, см.: *W. Münzenberg*, p. 371—375, 393.
68. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 33, March 25, 1927, p. 720; No. 37, April 8, 1927, p. 805; No. 45, April 26, p. 940—941.
69. *G. Lansbury*, «The ICWPA» (1928).
70. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 29, March 11, 1927, p. 626—627. События в Китае будут рассмотрены в одном из последующих разделов настоящего тома.
71. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 48, May 6, 1927, s. 1014.
72. Ibid. No. 77, August 2, 1927, p. 1662; December 28, 1927, p. 2937.
73. Ibid. No. 4, January 13, 1928, p. 83.
74. «Коммунистический Интернационал», № 37 (III), 1927 г., с. 12—117.
75. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 80, August 9, 1927, p. 1727, No. 83, August 16, 1927, p. 1800. Воззвания были также выпущены ИККИ (ibid. No. 80, August 9, 1927, p. 1726). Исполнительным Бюро Профинтерна (ibid. No. 81, August 12, 1927, p. 1756; No. 84, August 19, 1927, p. 1827) и в последний момент — Крестинтерном (ibid. No. 85, August 23, 1927, p. 1846).
76. Ibid. No. 85, August 23, 1927, p. 1846; No. 86, August 26, 1927, p. 1870. На VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. Мюнценберг отдал особую дань работе МОПР по проведению кампании в связи с процессом по делу Сакко и Ванцетти («VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 105).
77. «Известия», 27 и 28 августа 1927 г.
78. *И. В. Сталин*. Соч., т. 10, с. 215.
79. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 22, March 1, 1928, p. 431—446; No. 30, March 20, 1928, p. 581. О создании МОПРа и его связи с Парижской коммуной см. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 44., В 20-х гг. в Москве поселились четыре ветерана Парижской коммуны, где они жили под протекцией МОПР, и их можно было видеть на мероприятиях, посвященных годовщинам Коммуны и других торжественных мероприятиях. О них рассказывается в журнале «Вопросы истории» (№ 3, 1972 г., с. 118—123). Их фотографии были помещены в «Правде» 18 марта 1928 г.
80. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 32, March 27, 1928, p. 610.
81. «Protokoll über den Vierten Kongress der Roten Gewerkschaftinternationale», p. 484.
82. Ibid., p. 656—657.
83. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 42, May 1, 1928, p. 753—754.
84. Ibid., No. 51, May 29, 1928, p. 925; No. 56, June 12, 1928, p. 1014.
85. Ibid., No. 60, June 26, 1928, p. 1086.
86. «VI конгресс Коминтерна...», вып. V, с. 127.
87. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 872—873.
88. *Тивель и Хеймо*, цит. соч., с. 369.
89. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 22, March 1, 1928, p. 436—437. Говорили, что эта международная организация в 1927 г. распространила более трех миллионов экземпляров 135 печатных изданий на 13 языках (ibid., p. 439).
90. Ibid., No. 34, March 29, 1927, p. 743—744.
91. Ibid., No. 31, April 9, 1927, p. 710.
92. «Protokoll: 10. Plenum...», p. 105—107, 268.
93. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 44.
94. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 127, October 22, 1926, p. 2193. Первый номер журнала на немецком языке появился только осенью 1927 г., однако его издание на английском языке, называвшееся «Farmers' and Peasants' International Correspondent», которое также выходило в Берлине, появлялось регулярно в течение всего 1927 г. О Международном аграрном институте см. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 44.
95. «Правда», 26 и 27 ноября 1926 г. «Пути мировой революции», ч. I, с. 8.
96. Там же, с. 196.
97. Там же, с. 198—202.

98. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 85, August 23, 1927, p. 1860—1862.
99. Ibid. No. 35, April 5, 1928, p. 648.
100. «The Young Communist Internationale», p. 122—123.
101. О замечании Троцкого относительно того, что Лига по борьбе с империализмом была «перелицовкой Крестинтерна на колониальный язык», см. ниже, прим. 10 к главе 74.
102. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала». М., 1925 г., с. 342—343.
103. События в Китае будут рассмотрены в одном из последующих разделов настоящего тома.
104. «Правда», 19 июня 1923 г. См. также «Международствие...», гл. 7.
105. «Коммунистический Интернационал», № 3—4, май-июнь 1924 г., с. 178.
106. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 27.
107. «Расширенный пленум Исполкома...», с. 356—358, 327, 340—341, 353—354.
108. Там же, с. 356—358. О прениях и резолюции см. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 30, 44, с. 309—310, 953—954.
109. «Internationaler Bauern-Korrespondent», Special No. 2, October 1927, p. 24—26; «Коммунистический Интернационал», № 51 (125), 23 декабря 1927 г., с. 27—28. О Союзе сельскохозяйственной кооперации см. т. I, с. 148.
110. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 1, January 3, 1928, p. 13—14. В журнале «Internationaler Bauern-Korrespondent», Special No. (3), November 1927, p. 45. указывается большее число, возможно, с учетом тех делегаций, которые еще не прибыли.
111. «Internationale Bauernberatung: Stenogram und Beschlüsse» (1928), p. 8. Этот сокращенный протокол конференции с выступлением Домбала был опубликован Крестинтерном. На русском языке его разыскать не удалось. Отчет о конференции был также опубликован в: «Internationaler Bauern-Korrespondent», Special No. (4), December 1927, p. 53—57.
112. «Коммунистический Интернационал», № 51 (125), 23 декабря 1927 г., с. 27—28.
113. «Internationale Bauernberatung: Stenogram und Beschlüsse», 1928, p. 8—11, 25—27, 42—46.
114. Этим впечатлением был посвящен специальный номер: «Internationaler Bauern-Korrespondent», Special No. (4), December 1927.
115. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», ч. I, с. 793—798.
116. Крестинтерн послал приветствие конгрессу («Правда», 22 марта 1928 г.).
117. Об этом рассказывается в книге Джексона «Коминтерн и крестьянство в Восточной Европе» (G. Jackson, «Comintern and Peasant in East Europe», 1966, p. 138—150).
118. О неполучившей развития кампании, направленной против Профинтерна, которую пробовали вести с тех же позиций, см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 36.
119. Гл. 79 в данном томе.
120. L. Trotsky, «The Third International After Lenin» (N. Y., 1936). Троцкий считал, что «крестьянство можно привлечь к международной политике только в том случае, если пролетариат вырвет его из-под влияния буржуазии и если оно признает в пролетариате не только своего союзника, но и вождя», и что «попытки организовать крестьян различных стран в некую независимую международную организацию, действуя через голову пролетариата и независимо от коммунистических партий этих стран, обречены на провал» (ibid., p. 224).
121. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 55—56.
122. Там же, с. 164—165.
123. Там же, с. 242, 288, 314—315. На состоявшемся в марте 1925 г. V пленуме ИККИ Гриeko, не упоминая специально о Крестинтерне, высказывался в пользу активной радикальной крестьянской политики, направленной в первую очередь на беднейшее крестьянство («Расширенный пленум Исполкома...», с. 345—349).

124. Там же, с. 438—448.
125. Там же, с. 607.
126. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 784. В разделе резолюции, где говорится об антимилитаристской работе среди крестьян (там же, с. 802), Крестинтерн не упоминается.
127. «Малая Советская Энциклопедия». М., 1930 г., т. VIII, с. 89. О переменах в Наркомземе см. т. I, с. 58.
128. «Большая Советская Энциклопедия». М., 1953, т. 21, с. 580.
129. После конгресса название журнала «Internationaler Bauern-Korrespondent» было изменено на «Internationale Bauern-Nachrichten». В первом номере, вышедшем под новым названием, была опубликована статья Домбалья (р. 82—85) на смерть Радича. После этого имя Домбалья исчезло со страниц журнала.
130. Об этом номере «Правды» см. гл. 72 в данном томе. В статье подчеркивался статус Крестинтерна как беспартийной организации.
131. «Internationale Bauern-Nachrichten», No. 3, 1929, p. 38—39.
132. «Коммунистический Интернационал», № 23—24 (201—202), 1929 г., с. 33—36.
133. «Protokoll: 10. Plenum...» (п. д.), p. 168, 180, 200, 450.
134. Об источниках см.: G. Jackson, p. 148—150. Зеленый Интернационал вместе с другими международными сельскохозяйственными организациями был осужден в статье, опубликованной в журнале «Коммунистический Интернационал» (№ 23—24 (201—202), 1929 г., с. 34) как пособник «фашистской военной машины» буржуазии.
135. В журнале «Internationale Bauern-Nachrichten» (№ 6—8, 1929 г., p. 81—90) был опубликован пространный отчет о работе комитета, который также принял резолюцию, осуждающую подготовку империалистами второй мировой войны. Это последний номер журнала, который удалось обнаружить. В нем также содержался (ibid., p. 68—69) призыв, подписанный «президиумом Международного крестьянского совета» поддержать проведение антивоенного дня, назначенного на 1 августа 1929 г. (см. гл. 72 в данном томе).
136. «Шесть лет борьбы за крестьянство». Под ред. В. Коларова. М., 1935, с. 18—34.
137. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 45.
138. «Правда», 1 июня 1926 г.; «Tätigkeitsbericht der Exekutive der Kommunistischen Internationale, Februar bis November 1926» (1926), p. 32; «Internationale, Presse-Korrespondenz», No. 108, August 24, 1926, p. 1811. Полный отчет о заседаниях, включая список делегатов, был опубликован с опозданием (ibid., No. 22, February 25, 1927, p. 425—464; No. 28, March 11, 1927, p. 561—619). Резолюции к этому времени уже появились (ibid., No. 115, September 17, 1926, p. 1939—1966).
139. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 44.
140. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 22, February 25, 1927, p. 443—445, 458; No. 28, March 11, 1927, p. 568.
141. Ibid., No. 28, March 11, 1927, p. 577—578.
142. Ibid., No. 115, September 17, 1926, p. 1958—1959.
143. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 44.
144. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 28, March 11, p. 590—591.
145. Ibid., No. 115, September 17, 1926, p. 1960—1963. Согласно английскому изданию («International Press Correspondence», No. 69, October 26, 1929, p. 1206—1209), по предложению Куусинена, приложение было добавлено к резолюциям только после того, как оно было одобрено Оргбюро 30 июля 1926 г. (см. ниже, прим. 149 к этой же главе).
146. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 28, March 11, 1927, p. 579; No. 93, July 13, 1926, p. 1521—1522.
147. Ibid., No. 22, February 25, 1927, p. 458—461.
148. О тексте этих резолюций см.: ibid., No. 115, September 17, 1926.
149. Ibid., No. 108, August 24, 1926, p. 1811—1812.
150. «Пути мировой революции...», ч. I, с. 123, 318—325.

151. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 25, March 4, 1927, p. 501—503.
152. Ibid., No. 12, January 28, 1927, p. 238—239.
153. Вину за этот провал впоследствии возложили на «правых» («Protokoll: 10. Plenum...», p. 350).
154. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 65, July 24, 1927, p. 1381—1382.
155. Ibid., No. 122, December 13, 1927, p. 2792—2793.
156. «Protokoll über den Vierten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale» (n. d.), p. 173—174, 206—208.
157. Ibid., p. 218.
158. Ibid., p. 499—500. Текст основной резолюции см. в сборнике «Десять лет Профинтерна в резолюциях» (с. 218—222). После конгресса Центральный совет проголосовал за учреждение женского комитета, состоящего из представительниц основных европейских стран, а также Соединенных Штатов Америки, Мексики и Китая (там же, с. 234). Отчет о его работе был заслушан на шестом пленуме Центрального совета, состоявшемся в декабре 1929 г. (Protokoll der VI Session des Zentrarats der Roten Gewerkschaftsinternationale (1930), p. 93).
159. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 237—239, 366—368.
160. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 19, February 28, 1929, p. 385—386.
161. «Protokoll: 10. Plenum...», p. 344—355.
162. Ibid., p. 832.
163. «Коммунистический Интернационал в документах», с. 907.

Глава 74. Организация единого фронта

1. «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 40.
2. Там же. Как писал Фьюз, движение, первоначально возникшее в Пекине в июле 1924 г., после 30 мая 1925 г. заглохло как недостаточно радикальное (K. Fuse, «Soviet Policy in the Orient» (Peking, 1927), p. 274—282).
3. «Die Rote Fahne», February 16, 1926.
4. Ibid. March 14, 23, 1926; «Правда», 26 марта 1926 г. Общую информацию об этой организации см.: «Правда», 4 февраля 1927 г.
5. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969, с. 275; «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 100, August 3, 1927, p. 1629—1630.
6. Ibid. No. 15, February 4, 1927, p. 305—306. В этой связи Мюнценберг не упоминает Межрабпом. На этот раз намерение его, по-видимому, состояло в том, чтобы затушевать какую-либо связь с Коминтерном. Позднее («Solidarität», p. 333—334) он говорил об «активных помощниках Межрабпома» и не упоминал основанную годом ранее берлинскую Лигу.
7. Вмешательство Кальеса будет рассмотрено в одном из последующих разделов настоящего тома.
8. B. Gross, p. 200. Делегат Центральной Африки говорил о страданиях чернокожих, находящихся под угнетением Франции, но не упомянул Бельгию («Das Flammenzeihen vom Palais Egmont» (1927), p. 113—117). Ни один бельгийский делегат на конгрессе не выступал, но в протокол была включена «бельгийская резолюция», в которой бельгийский империализм осуждался в тех же выражениях, что и британский и французский, однако Бельгийское Конго не упоминалось (ibid., p. 26).
9. Несколько выступавших подчеркнули, что они не коммунисты. Ледебур заметил: «Как вы все знаете, я не коммунист, но когда коммунисты преследуют практическую революционную цель или акцию, я присоединяюсь к ним и думаю, что наши британские и американские друзья, которые также не являются коммунистами, придерживаются того же мнения (p. 183).
10. Ibid., p. 270. Троцкий заметил, что Лига была «перелицовкой Крестинтерна на колониальный язык» («Бюллетень оппозиции», № 15—16, сентябрь—октябрь 1930 г., с. 6).

11. М. Buber-Neumann, «Von Potsdam nach Moskau» (1957), p. 99. Автор указанной книги присутствовал на конгрессе и работал в секретариате Лиги (Ibid. P. 107—110). Утверждая, что Мельничанский представлял советские профсоюзы, Гросс (B. Gross, p. 205) спутал этот конгресс со вторым конгрессом Лиги, состоявшемся в 1929 г. Маловероятно также, что Ломинадзе представлял КИМ. Декларацию молодежных организаций к конгрессу подписали секретари британского и французского союзов молодежи, а не комсомола и не КИМ («Das Flammenzeichen vom Palais Egmont» (1927), p. 263—264).

12. Ibid., p. 42, 185. Фиммен имел мандат от официальной мексиканской профсоюзной организации (ibid., p. 236).

13. По словам Гросса (B. Gross. Willi Münzenberg, 1967, p. 200), во время обсуждений в Москве Рой и Кодовилья возражали против проведения конгресса. Решающим фактором стало согласие Неру присутствовать на нем.

14. Полный список делегатов и организаций, которые они представляли, см. в: «Das Flammenzeichen vom Palais Egmont» (1927), p. 229—241. В отчете о работе IX съезда компартии Великобритании (The Ninth Congress of the CPGB (1927), p. 58) говорилось, что КПВ послала на конгресс «сильную делегацию, в которую тогда вошел товарищ Мак-Манус», и «эта делегация приняла активное участие в работе конгресса». Такое участие, по-видимому, проявилось за кулисами. Следов его не осталось в протоколах конгресса, в которых среди делегатов не упоминается ни один английский коммунист, кроме Поллита. В материалах о конгрессе (Die Komintern vor dem 6. Weltkongress (1928), p. 138) просто отмечается, что Мак-Манус присутствовал на конгрессе «по указанию партии».

15. Ibid., p. 271.

16. Ibid., p. 163—165, 241, 264.

17. Это зафиксировано в: «Das Flammenzeichen vom Palais Egmont» (1927). О порядке выступлений см. в отчете о заседании, помещенном в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 19, February 15, 1927, p. 383—386; No. 20, February 18, 1927, p. 400—402. Другую информацию см. в: «Labour Monthly», No. 3, 1927, p. 179—185; J. Nehru, «An Autobiography» (1936), p. 161—164.

18. «Das Flammenzeichen vom Palais Egmont» (1927), p. 52—54.

19. Ibid., p. 55—62.

20. Ibid., p. 64. Васконселос, который в декабре 1926 г. в Берлине встретился с Чичериним, сказал ему, что он ушел с поста министра образования Мексики «из-за своих левых взглядов», что он живет во Франции и хотел бы побывать в Москве («Документы внешней политики СССР». М., 1964 г., т. IX, с. 573).

21. «Das Flammenzeichen vom Palais Egmont» (1927), p. 63—79, 256.

22. Некоторые из этих резолюций будут рассмотрены в одном из последующих разделов настоящего тома.

23. «Das Flammenzeichen vom Palais Egmont» (1927), p. 203—204.

24. Ibid., p. 200, 261. Оригинальный текст этого заявления, хранящийся в Международном институте социальной истории в Амстердаме, содержал заключительный параграф с призывом к «перманентной борьбе против всех правительств и идеи государственности для того, чтобы с помощью экономических способов борьбы сделать войну невозможной и чтобы осуществить социальную революцию». В официальном протоколе этот параграф был опущен.

25. Ibid., p. 205—214.

26. Ibid., p. 215—224.

27. Ibid., p. 174—176.

28. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 23, February 25, 1927, p. 472—474.

29. Об этом много лет спустя вспоминал Филип, который помнил также, что на конгрессе он встречался с Неру и Гея де ла Торре (Survey, IV (April 1965), p. 118).

30. «The Ninth Congress of the CPGB» (1927), p. 58—59.

31. Копия этого положения, выпущенная Международным секретариатом в Берлине, находится в Международном институте социальной истории в Амстердаме.

32. *J. Nehru*, «An Autobiography» (1936), p. 161.

33. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 87, August 30, 1927, p. 1895—1896; No. 122, December 13, 1927, p. 2789—2790. По словам Роя, отец Неру, Мотилал Неру, который присутствовал на декабрьском пленуме, объяснил, что он не выступает за полное отделение Индии от Великобритании (*ibid.*, No. 1, January 3, 1928, p. 3).

34. *Ibid.* No. 126, December 28, 1927, p. 2935—2937.

35. См. ниже, в этой же главе.

36. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 56, 604. После брюссельского конгресса в журнале КПГ появилась недовольная заметка, где резко осуждались разговоры о «политических стачках и других массовых выступлениях», к которым прибегают люди, подобно британской Независимой рабочей партии, не имеющие опыта такой борьбы, и где выражалось мнение, что конгресс слишком полагается на «пропагандистский эффект» и не придает достаточного значения подготовке выступлений (*Die Internationale*, x, No. 6, March 15, 1927, p. 186—187). Состоявшийся в мае 1927 г. VIII пленум ИККИ в своей резолюции о Китае обвинил коммунистов — членов Лиги по борьбе с империализмом в «недостаточной активности» («Коммунистический Интернационал в документах», с. 729).

37. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 305—306, вып. IV, с. 157—161.

38. Там же, вып. IV, с. 44, 405. На VII пленуме ИККИ в ноябре 1926 г. Лозовский сказал, что Фиммен «высказался против независимости Индонезии на том основании, что независимая Индонезия попадет в руки наиболее сильного империализма» («Пути мировой революции...», ч. I, с. 544). Других свидетелей якобы сделанного Фимменом заявления, которое противоречит его нормальной позиции, не было обнаружено. Лозовский сказал это сразу после неудачного восстания в Индонезии, о котором будет идти речь в одном из последующих разделов данного тома.

39. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 88, August 21, 1928, p. 1659—1660, 1662. Несколько дней ранее Второй Интернационал на своем конгрессе потратил некоторое время на осуждение Лиги по борьбе с империализмом (*Dritter Kongress der Sozialistischen Arbeiter-Internationale* (1928), II, p. VI, 107—108).

40. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 132, November 27, 1928, p. 2620—2621.

41. Гл. 72 в данном томе.

42. См. ниже, в данной главе.

43. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 6, January 18, 1929, p. 106—109. О тексте выступления Мельничанского говорится, что это «вольный перевод», так как достать стенографический отчет не удалось, а больше нигде это выступление, по-видимому, не было опубликовано. Мюнценберг сделал все возможное, чтобы в отчете, в котором мнение Кука о реформистских лидерах было названо «утопией» и в котором говорилось об «иллюзиях» других выступавших, сгладить резкости, допущенные в ходе дебатов (*ibid.* No. 7, January 22, 1929, p. 122—123).

44. *Ibid.* No. 7, January 22, 1929, p. 123—124. То влияние, которым Лига пользовалась в Латинской Америке, было подчеркнуто выступавшими на VI конгрессе Коминтерна в июле 1928 г. («VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 105, 235).

45. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 28, March 27, 1929, p. 620.

46. *Ibid.*, No. 46, May 28, 1929, p. 1106.

47. Об антиимпериалистическом конгрессе молодежи кратко сообщалось в бюллетенях второго конгресса Лиги (см. ниже, прим. 50 к этой же главе) и в «Правде» от 24 июля 1929 г.

48. Об этом будет говориться в одном из последующих разделов настоящего тома.

49. «Правда», 23 июля 1929 г.

50. Сообщения о работе конгресса см. в «Правде» от 23 июля 1929 г. Более подробно см. в бюллетенях, выпускавшихся пресс-службой конгресса и в коммюнике Международной антимилитаристской комиссии, которые хранятся

в Международном институте социальной истории в Амстердаме. В одном из этих коммюнике появилось выступление делегата Антимилитаристского бюро Ленинга, а выступление китайского делегата было опубликовано в: «Die Internationale», XII, No. 15, August 1, 1929, p. 477—480). Тексты других выступлений опубликованы не были. В числе полученных приветствий с выражением симпатий было приветствие от Де-Валера, к которому прилагался чек на 20 франков от Фиана Фейл, и приветствие от Кениата, генерального секретаря Центральной организации Кикуйю, в котором он выражал надежду, что сможет присутствовать на конгрессе.

51. «Правда», 23 июля 1929 г.

52. В. Gross, p. 209—210. В его рассказе о конгрессе есть неточности: Мануильский, по-видимому, не присутствовал.

53. «Правда», 28 сентября 1927 г.

54. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», с. 188.

55. И. В. Сталин. Соч., т. 10, с. 206—238.

56. Конгресс приветствовался в передовой статье «Правды» от 10 ноября 1927 г., и в дальнейшем ход его работы освещался в той же газете за 12, 13 и 15 ноября 1927 г., а также в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 112, November 15, 1927, p. 2477—2481; «Internationaler Bauern-Korrespondent» Special No. (4), December 1927, p. 50—53. В различных источниках слегка разнятся данные об общем числе участников. В «Цайтшрифт фюр гешихтсвиссеншафт» («Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», IV, No. 2, 1956, p. 357.) 927 делегатов расклассифицированы по странам, по профсоюзной принадлежности и по профессии.

57. «Пятнадцатый съезд ВКП(б)», ч. I, с. 652. По данным книги «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк» (М., 1969 г., с. 281), 22% делегатов были социал-демократами.

58. «The New Line: Documents of the Tenth Congress of the CPGB» (n. d.), p. 28.

59. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 46, May 15, 1928 p. 823.

60. О них см. ниже, с. 401, 430—431.

61. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 51, May 29, p. 934—935; Об этих декларациях см.: ibid., No. 52, June 1, 1928, p. 942—943; No. 55, June 8, 1928, p. 1001—1002.

62. Ibid., No. 54, June 5, 1928, p. 985. Тивель и Хеймо (цит. соч., с. 370—372), говоря об этой конференции, рассматривают эту организацию как ответвление Межрабпома.

63. «VI конгресс Коминтерна...», вып. I, с. 105.

64. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 113, October 5, 1928, p. 2190—2191; No. 123, November 2, 1928, p. 2434—2435; No. 124, November 6, 1928, p. 2465.

65. Ibid., No. 122, October 30, 1928, p. 2419.

66. W. Münzenberg, p. 341.

67. J. Humbert-Droz, «The Lénine à Staline», p. 368.

68. «International Presse-Korrespondenz», No. 10, February 1, 1929, p. 181.

69. Ibid., No. 15, February 15, 1929, p. 295.

70. Ibid., No. 20, March 1, 1929, p. 419.

71. Ibid., No. 16, February 19, 1929, p. 309—310. О дальнейших антифашистских демонстрациях см.: ibid., No. 22, March 5, 1929, p. 465—466.

72. Ibid., No. 23, March 8, 1929, p. 487—488.

73. Ibid., No. 24, March 12, 1929, p. 519—524. О Фан Ноли см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, гл. 26, прим. 5. В «Правде» от 10 и 12 марта 1929 г. были помещены краткие отчеты о конгрессе, в которых названы имена Барбюса, Мюнценберга и Геккерта, но не упоминается ни один советский представитель.

74. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 27, March 22, 1929, p. 598—599.

75. Ibid., No. 38, May 3, 1929, p. 918—919.

76. Ibid., No. 24, March 12, 1929, p. 523.

